

A close-up photograph of a person's face, focusing on the eye and nose. The face is partially obscured by a dense layer of water droplets, creating a textured, almost abstract effect. The lighting is soft, highlighting the contours of the face and the individual droplets.

ДЭВИД НИКОЛС

ОДИН ДЕНЬ

роман

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. ДВА ЧЕЛОВЕКА. ОДИН ДЕНЬ.
новая книга серии «Одиночество простых чисел»

РИПОЛ КЛАССИК

Annotation

Эмма и Декстер случайно познакомились на выпускном вечере. Они встретились совсем не для того, чтобы никогда не расставаться, а чтобы уже завтра разойтись и начать новую взрослую жизнь. Каждый — свою.

Что произойдет с ними через год? А через два? Через три, семь... двадцать?

Роман Дэвида Николса — одновременно грустная и смешная, трогательная и светлая история о любви, в которой каждый найдет для себя что-то очень важное.

«Великолепная книга о пропасти между теми, кем мы были, и теми, кем стали... Самая необычная любовная история со времен „Жены путешественника во времени“. Все читатели просто влюбятся в этот роман. А все писатели будут кусать локти, что не они его написали».

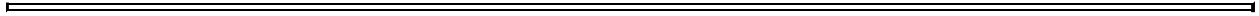
Тони Парсонс

- [Дэвид Николс](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
 - - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

Дэвид Николс

Один день

*Максу и Роми, прочтите, когда вырастете.
И, как всегда, Ханне*

*Зачем нужны дни?
Дни — это место, где мы живем.
Они приходят и будят нас
Снова и снова.
Каждый день мы должны быть счастливы,
Ведь где еще нам жить, как не здесь?
О, ответ на этот вопрос
Приносят священник и врач.
В длинных пальто
Они спешат к вам по полям.*

Филип Ларкин, Дни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1988–1992

20–25

«Для меня это был памятный день, потому что он многое во мне переменил. Но так может быть в жизни каждого. Представьте, как изменился бы ход вашей жизни, если вычеркнуть из нее всего один день. Задержитесь на минутку, читающие эти строки, и поразмышляйте о длинной цепи из железа или золота, терниев или бутонов, которая никогда бы не сковала вас, если бы в тот памятный день не сформировалось ее первое звено».

Чарлз Диккенс, «Большие надежды»

Глава 1

Будущее

Пятница, 15 июля 1988 года

Рэнкеллор-стрит, Эдинбург

— Мне кажется, самое важное — оставить след, — рассуждала она. — То есть, понимаешь, действительно что-то изменить.

— Изменить мир?

— Не весь мир, нет. Тот маленький кусочек мира, что вокруг нас.

Минуту они лежат молча, прижавшись друг к другу на односпальной кровати, потом одновременно смеются хриплыми предрассветными голосами.

— Невероятно, что я несу. — Она качает головой. — Такая банальность, верно?

— Есть немного.

— Но я пытаюсь тебя воодушевить! Вдохнуть немного возвышенного в твою приземленную душу, прежде чем ты начнешь свое великое путешествие. — Она обращает к нему лицо: — Только вот нужно ли это тебе? Наверняка твое будущее уже аккуратно расписано по пунктикам. Возможно, у тебя даже где-нибудь календарик завалился с пометками.

— Едва ли.

— Тогда чем ты собираешься заниматься? Каков твой грандиозный план?

— Ну, мои родители заедут за моим барахлом, отвезут к себе, и я пару дней поживу у них в лондонской квартире, повидаюсь с друзьями. Потом во Францию...

— Очень мило...

— Потом, может быть, в Китай, поглядеть, откуда столько шума, после чего, наверное, Индия, попутешествую там немного...

— Увидеть мир, — проговорила она со вздохом. — Это так предсказуемо.

— А что ты имеешь против?

— По мне, так это бегство от реальной жизни.

— По мне, так все только и думают о реальной жизни, — сказал он в надежде, что это прозвучит пессимистично и загадочно.

Она фыркнула:

— Ничего плохого в путешествиях нет, наверное, если тебе это по карману. Но почему просто не сказать: «Я еду отдыхать на два года»? Это же одно и то же.

— Потому что путешествия расширяют горизонты, — ответил он, поднявшись на одном локте и целуя ее.

— На мой взгляд, твои горизонты и так чересчур широки, — заметила она и отвернулась, хотя всего на секунду. Они снова откинулись на подушку. — Вообще-то, я имела в виду не то, что ты делаешь через месяц, а будущее, совсем далекое будущее, когда тебе будет, не знаю... — Она задумалась, точно в голову ей пришла непостижимая мысль, вроде идеи существования пятого измерения. — Сорок или около того. Чем ты хочешь заниматься в сорок лет?

— В сорок лет? — Казалось, сама мысль об этом представлялась ему невозможной. — Понятия не имею. Ничего, если я отвечу, что буду богатым?

— Как несерьезно.

— Ну, хорошо, тогда знаменитым. — Он поцеловал ее в шею. — Звучит ужасно, правда?

— Не ужасно... интересно.

— Интересно! — повторил он, передразнивая ее мягкий йоркширский говор. Пытается выставить ее дурачком. Ей не впервой такое слышать: богатенькие мальчики, говорящие смешными голосами, будто акцент — это что-то чудное и старомодное. И не впервые она испытала знакомую дрожь неприязни к нему. Высвободившись из его объятий, она прислонилась спиной к холодной спинке кровати.

— Да, интересно. Нам же должно быть любопытно. Столько возможностей. Помнишь, что сказал проректор? «Тысячи возможностей распахнули свои двери перед вами...»

— «Это ваши имена мы увидим в завтрашних газетах...»

— Сомневаюсь.

— Так, значит, тебе любопытно?

— Мне? Боже, нет, конечно, я боюсь подумать о том, что будет в сорок лет.

— Я тоже. С ума сойти... — Он вдруг повернулся и потянулся за сигаретами, лежащими на полу возле кровати, будто ему срочно понадобилось успокоить нервы. — Сорок лет. Сорок. Уму непостижимо.

Улыбнувшись при виде его смятения, она решила подлить масла в огонь:

— Так все-таки, чем ты будешь заниматься в сорок лет?

Он задумчиво закуривает.

— Понимаешь ли, Эм...

— Эм? Что еще за Эм?

— Тебя так называют. Сам слышал.

— Меня друзья так называют.

— Так, значит, и мне можно звать тебя Эм?

— Валяй, Декс.

— Итак, поразмыслив над идеей взросления, я пришел к выводу, что хочу остаться таким же, как сейчас.

Декстер Мэйхью. Она смотрела на него сквозь упавшую на лицо прядь волос, опираясь на обтянутую стеганым винилом спинку дешевой кровати, и даже без очков видела, почему он хочет остаться таким же, как и сейчас. У него была одна особенность: он всегда выглядел так, будто позирует для фото. Вот хоть сейчас: глаза закрыты, сигарета приклеена к нижней губе, утренний свет, проходящий сквозь красный фильтр занавесок, окрашивает в теплый тон одну сторону лица. «Красавец». Глупое слово из девятнадцатого века, по мнению Эммы Морли, но иначе было и не сказать, разве что просто: «Красивый». У него было такое лицо, глядя на которое легко представить форму костей; казалось, даже его голый череп выглядел бы мило. Тонкий, немного лоснящийся нос; темные круги под глазами, почти синяки, — знак отличия, память о выкуренных сигаретах и бессонных ночах, проведенных за игрой в поддавки в стрип-покер с девочками из привилегированной английской частной школы. Было в нем что-то кошачье: тонкие брови, самодовольно выпяченные губы, полные и, пожалуй, слишком темные, но сухие и потрескавшиеся, фиолетовые от болгарского красного вина. К счастью, хотя бы его прическа была хуже некуда: коротко стриженные волосы сзади и по бокам и нелепый хохолок спереди. Если даже Декстер использовал гель, то он давно выветрился, и теперь хохолок распушился и торчал, похожий на дурацкую маленькую шляпку.

По-прежнему не открывая глаз, он выпустил дым через нос. Видимо, он знал, что она на него смотрит, потому что сунул одну руку под мышку и напряг грудные мышцы и бицепсы. И откуда у него мышцы? Не от занятий спортом уж точно, если купание голышом и бильярд спортом не считать. Наверное, просто хорошая наследственность, что передается из поколения в поколение вместе с акциями и антикварной мебелью. Ну, значит, и

вправду красавец, или просто красивый парень в трусах с «огуречным» узором, спущенных до бедер, каким-то образом оказавшийся в ее узкой кровати в крошечной съемной комнатухе после четырех лет учебы в колледже. «Красавец»? Да кем она себя возомнила — Джейн Эйр? Не будь ребенком. Будь разумной. Не увлекайся.

Она взяла сигарету у него из пальцев.

— А я могу представить тебя в сорок, — произнесла она с нотой злорадства. — Так и вижу, прямо сейчас.

Он улыбнулся, не открывая глаз:

— Так расскажи.

— О'кей... — Она поерзала на кровати, натягивая одеяло до подмышек. — Ты едешь в спортивной машине с опущенным верхом где-нибудь в Кенсингтоне или Челси или в подобном районе, и что самое удивительное в этой тачке, так это то, что она совершенно бесшумна. Потому что в... каком там году? две тысячи шестом?.. все тачки станут абсолютно бесшумными.

Он нахмурил лоб, подсчитывая в уме:

— В две тысячи пятом.

— Она летит по Кингз-роуд в шести дюймах над землей, и под обтянутым кожей рулем у тебя маленькое брюшко — оно как маленькая подушка, — а на руках перчатки без пальцев. Волосы твои редют, у тебя двойной подбородок. Большой человек в маленькой машине, загорелый, как жареная индейка...

— Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— ...а рядом с тобой женщина — твоя вторая, нет, третья жена. Очень красивая, модель... хотя нет, бывшая модель, с которой ты познакомился на автосалоне в Ницце, где она возлежала на капоте автомобиля. Она красивая и тупая как пробка...

— Мило. А дети у меня есть?

— Нет, только три бывших жены. Пятница, июль, и ты направляешься в свой загородный дом. В крошечном багажнике летающей машины — теннисные ракетки, деревянные молотки для игры в крокет и корзина для пикника, наполненная дорогим вином, южноафриканским виноградом, бедными маленькими перепелками и спаржей. Ветерок развеивает твой редющий хохолок, и ты чувствуешь себя очень, очень довольным собой. Номер три или четыре улыбается, ослепляя тебя блеском белоснежных виниров, и ты улыбаешься в ответ, стараясь не думать о том, что вам не о чем, абсолютно не о чем поговорить.

Она резко замолчала. Вот ненормальная, сказала она про себя. Разве

можно нести такой бред?

— Хотя, если тебя это утешит, задолго до этого мы все умрем в ядерной войне! — беззаботно добавила она, но он по-прежнему смотрел на нее хмуро.

— Может, я тогда пойду? Раз я такой пустой и аморальный...

— Нет, не уходи, — слишком поспешно отреагировала она. — Четыре утра на дворе.

Он съехал вниз по спинке кровати, пока его лицо не оказалось совсем близко от ее лица.

— Не знаю, откуда у тебя такое мнение обо мне, ведь ты меня почти не знаешь.

— Но знаю твой тип.

— Тип?

— Видала я таких, как вы, — ошиваетесь на факультете современного языкознания и рисуетесь друг перед другом, устраиваете приемы во фраках...

— У меня даже фрака нет. И ни перед кем я не рисуюсь...

— Ходите на яхтах по Средиземному морю и тому подобное...

Он положил руку ей на бедро:

— Если я так ужасен...

— Так оно и есть.

— ...почему ты тогда со мной спишь? — Он погладил теплую мягкую плоть ее бедра.

— Вообще-то, я с тобой не спала, тебе не кажется?

— Зависит от того, что понимать под этим словом. — Он наклонился и поцеловал ее. — Дай свое определение. — Его ладонь скользнула между ее ног.

— Кстати, — прошептала она, прижавшись губами к его губам. Ее нога обвила его ногу, придвигая его ближе.

— Что?

— Тебе бы зубы почистить не мешало.

— Я же разрешаю тебе не чистить.

— От тебя ужасно воняет, — сказала она сквозь смех. — Вином и сигаретами.

— Ах, так? От тебя тоже.

Она отстранилась, прервав поцелуй:

— Правда?

— Я не против. Люблю вино и сигареты.

— Я сейчас. — Она, откинув одеяло, перелезла через него.

— Куда это ты? — Он коснулся ее голой спины.

— В тупз. — Она взяла очки, лежавшие на стопке книг у кровати: стандартная модель, в большой черной оправе.

— Тупз... тупз... прости, я не знаком с местным жаргоном...

Она встала, прикрыв рукой грудь, осторожно, чтобы он видел только ее спину.

— Не уходи, — произнесла она, выходя из комнаты и поддев резинки трусов двумя пальцами, чтобы расправить ткань на ягодицах. — И не безобразничай тут без меня.

Выпустив дым через ноздри, он сел на кровати, оглядывая бедную съемную комнату и зная с абсолютной уверенностью, что где-то там, среди открыток из музеев и копий афиш остросоциальных пьес, наверняка найдется фотография Нельсона Манделы, который представляется ей кем-то вроде идеального бойфренда мечты. За последние четыре года, проведенные в этом городе, он повидал немало таких спален, разбросанных по городу, как места преступлений. В этих комнатах альбом Нины Симон^[1] всегда находился от тебя не больше чем в шести футах, и хотя он, Декстер, редко бывал в каждой из спален дважды, все они были похожи одна на другую. Догоревшие свечи и засохшие цветы в горшках, запах стирального порошка от дешевых простыней не по размеру кровати. У хозяйки этой комнаты тоже была страсть к фотомонтажу, как и у всех девчонок, считавших себя ценителями искусства: пересвеченные снимки подружек по колледжу и родных соседствовали здесь с репродукциями картин Шагала, Вермеера и Кандинского, портретами Че Гевары, Вуди Аллена и Сэмюэля Беккета. Здесь ничего не было нейтральным, все свидетельствовало о предпочтениях и социальной позиции. Эта спальня была манифестом, и Декстер со вздохом понял, что ее хозяйка — одна из тех, для кого слово «буржуазный» является ругательством. И хотя он мог понять, почему слово «фашист» имеет негативный смысл, ему нравилось понятие «буржуазный» и все, что оно за собой влечет. Уверенность в завтрашнем дне, путешествия, вкусная еда, хорошие манеры, амбиции — в самом деле, за что ему извиняться?

Он залюбовался колечками дыма, которые выпускал изо рта. Нащупывая пепельницу на краю кровати, наткнулся на книгу. «Невыносимая легкость бытия»; в «эротических» местах корешок погнулся. Вот в чем проблема этих девчонок, считающих себя яркими индивидуальностями: все они на одно лицо. Еще одна книга — «Человек, который принял жену за шляпу». Идиот, подумал Декстер, уверенный, что сам никогда не сделает такую ошибку.

Двадцатитрехлетний Декстер Мэйхью знал о своем будущем не больше, чем Эмма Морли. Хотя он и надеялся добиться успеха, стать гордостью своих родителей и спать одновременно более чем с одной женщиной, было не совсем понятно, как всё это совместить. Он мечтал, что о нем напишут в журналах и однажды кто-нибудь где-нибудь проведет ретроспективный анализ его работ, хотя не имел ни малейшего понятия о том, что это будут за работы. Он жаждал экстремальных ощущений, но без осложнений и неприятностей. Ему хотелось жить так, чтобы даже случайно сделанная фотография оказывалась удачной. Его жизнь должна выглядеть удачной, веселой; точно, в ней должно быть много веселья и не больше печали, чем совершенно необходимо.

Эти представления были не слишком похожи на план, и он уже успел наделать ошибок. Вот, к примеру, сегодняшняя ночь наверняка будет иметь последствия: слезы, тягостные телефонные звонки и обвинения. Пожалуй, надо бы сматываться отсюда как можно скорее; приготовившись бежать, он оглядел комнату в поисках своей разбросанной одежды. Но из ванной донесся предупреждающий рокот допотопного бачка, и он торопливо вернул книгу на место, нащупав под кроватью желтую баночку из-под горчицы. Открыв ее, он обнаружил внутри презервативы и жалкие серые остатки косячка, похожие на мышинные какашки. Увидев, что маленькая желтая баночка сулит заманчивые перспективы — не только заняться сексом, но и дунуть, — Декстер снова преисполнился надежды и решил: пожалуй, можно и задержаться.

* * *

Тем временем в ванной Эмма Морли вытерла остатки зубной пасты с губ и подумала, не было ли всё случившееся ужасной ошибкой. После четырех лет пребывания в колледже, совершенно бесплодных в романтическом отношении, наконец оказаться в постели с парнем, который ей действительно нравился, причем с тех пор, как она впервые увидела его на вечеринке в 1984 году, — и через пару часов он уезжает! Возможно, навсегда. Ведь вряд ли он попросит ее отправиться с ним в Китай, да и в любом случае, она бойкотирует Китай. И ведь он ничего, да? Декстер Мэйхью. По правде сказать, она подозревала, что он не так уж умен и, пожалуй, излишне самодоволен, но зато он популярный, смешной и, что уж говорить, настоящий красавчик. Так откуда взялся этот сарказм и ворчливость? Почему она не может вести себя уверенно и смеяться, как те

глянцевые попрыгушки, с которыми он вечно зависает? Рассветное солнце просочилось в крошечное окошко ванной. Отрезвило ее. Расправив ужасно спутанные пряди кончиками пальцев, она поморщилась и, дернув за цепочку устарелого сливного бачка, пошла в комнату.

* * *

С кровати Декстер наблюдал, как она появилась в дверях. На ней была накидка и квадратная шляпа с кисточкой: выпускников заставили взять их напрокат для церемонии вручения дипломов. Подражая обольстительным красоткам, она обняла ногой дверной косяк. Глядя на Декстера поверх очков, надвинула шляпу на один глаз:

— Ну как?

— Тебе идет. И мне нравится шляпа набекрень. А теперь снимай ее и иди в кровать.

— Еще чего. Этот наряд стоил мне тридцати монет. Надо же получить хоть что-то за свои деньги. — Она приблизилась к нему и взмахнула полами накидки, как вампирским плащом. Декстер ухватился за край, но она швырнула в него свернутым дипломом и села на край кровати, сняв очки и сбросив церемониальное облачение. Он лишь мельком увидел ее голую спину и округлости груди, прежде чем те исчезли под черной футболкой с надписью о необходимости немедленного всеобщего ядерного разоружения. Вот и всё, подумал он. Нет ничего менее сексуального, чем длинная черная футболка с политическим лозунгом — разве что альбом Трейси Чэпмен.^[2]

В расстроенных чувствах он поднял с пола ее диплом, снял тонкую резинку, скреплявшую сверток.

— Английский язык и история, лучшая выпускница.

— Читай и рыдай, троечник. — Она выхватила у него диплом. — Эй, осторожнее.

— Вставишь в рамку?

— Да мои предки его размножат и оклеят все стены как обоями. — Она туго свернула диплом в трубку, постучав по концам. — Заламинируют и будут использовать как подставки под тарелки. А мама сделает себе такую татуировку на спине. — Она сунула диплом под кровать. — Ну-ка, подвинься, — добавила она, подтолкнув его на край матраса.

Он освободил ей место, с некоторой неловкостью обняв ее за плечи и неуверенно поцеловав в шею. Она повернулась и посмотрела на него,

натянув одеяло до подбородка:

— Декс?

— Угу?

— Давай просто пообнимаемся, ладно?

— Конечно. Если ты этого хочешь, — ответил он, как и полагается истинному джентльмену, хотя, по правде говоря, никогда не понимал, какой смысл лежать и просто обниматься. Обниматься надо со старыми тетушками и плюшевыми мишками. Его лично тошнило от этих нежностей. Пожалуй, пора признать свое поражение и как можно скорее убраться отсюда... но она уже по-собственнически устроилась на его плече, и какое-то время они так и лежали — неподвижно, смущаясь. Наконец она произнесла:

— Не могу поверить, что я предложила пообниматься. Черт, пообниматься! Извини.

Он улыбнулся:

— Ничего. Хорошо хоть не *пообжиматься*.

— Пообжиматься — куда уж хуже.

— Или потискаться.

— Какой кошмар. Давай пообещаем друг другу, что никогда не будем тискаться, — сказала она и тут же об этом пожалела. Чтобы она и он тискались? Вряд ли это когда-нибудь случится. Они снова на некоторое время замолчали. Восемь последних часов они болтали и целовались, и теперь оба испытывали непреодолимую усталость во всем теле, что приходит на рассвете. В заросшем саду запели дрозды.

— Люблю этот звук, — проговорил он, уткнувшись в ее волосы. — Дрозды на рассвете.

— А я ненавижу. Когда слышу его, мне почему-то кажется, что я сделала что-то, о чем пожалею.

— Поэтому этот звук мне и нравится, — сказал он, снова пытаюсь поразить ее своей мрачной харизмой. А через минуту добавил: — А ты сделала?

— Что?

— То, о чем жалеешь?

— Ты имеешь в виду это? — Она сжала его руку. — Наверное. Пока не знаю, правда. Спроси меня утром. А ты жалеешь?

Он прижался губами к ее затылку.

— Нет, конечно, — ответил он, а сам подумал: это никогда, никогда не должно повториться.

Довольная его ответом, она придвинулась ближе, сказав:

— Надо поспать.

— Зачем? Днем нет никаких дел. Ни заданий, ни работы...

— Перед нами только вся жизнь, такая длинная, — сонно пробормотала она, вдыхая чудесный теплый запах его немытого тела и в то же время ощущая тревожную дрожь, пробравшую ее при мысли о самостоятельной взрослой жизни. Она вовсе не чувствовала себя взрослой. Не была готова. У нее было такое чувство, будто посреди ночи вдруг сработала пожарная тревога и она выбежала на улицу, схватив в охапку одежду. Если учиться больше не нужно, что же делать? Чем заполнить дни? Она не знала.

Весь секрет в том, успокаивала она себя, чтобы быть смелой и храброй и делать что-нибудь значимое. Нет, не изменить мир, но хотя бы изменить кусочек мира вокруг себя. Начать самостоятельную жизнь, вооружившись дипломом с отличием, вдохновением и новой электрической печатной машинкой, и с усердием взяться... за что-нибудь. Менять жизни людей посредством искусства. Писать красивые книги. Любить своих друзей, быть верной принципам, жить вдохновенно, на полную катушку, жить хорошо. Делать новые открытия. Любить и быть любимой, если такое возможно. Правильно питаться. И все такое.

Не слишком похоже на жизненную философию, тем более ту, которой можно поделиться, особенно с таким парнем, как Декстер, — но она в это верила. И первые часы независимой взрослой жизни ей пока нравились. Возможно, утром, выпив чаю и аспирина, она даже наберется смелости и пригласит его вернуться в постель. К тому времени они оба протрезвеют, отчего, конечно, не станет легче, но, по крайней мере, происходящее может ей даже понравиться. Те несколько раз, когда она была в постели с парнем, всё всегда кончалось смехом или слезами, а было бы неплохо хоть раз попробовать обойтись без этих крайностей. Интересно, остались ли в банке из-под горчицы презервативы? Хотя куда им деться, ведь в последний раз, когда она туда заглядывала, их было еще полно, а было это в феврале 1987-го, с Винсом с инженерно-химического. У него была волосатая спина, и он высморкался в ее наволочку. Счастливые дни...

На улице совсем посветлело. Сквозь плотные зимние шторы, прилагавшиеся к съемной квартире, Декстер увидел розовый свет нового дня. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он протянул руку, затушил окурочек в кружке с вином и устремил взор в потолок. Уснуть уже не получится. Вместо этого он решил разглядывать узоры на сером постельном белье, пока она крепко не заснет, а потом тихонько ускользнуть, не потревожив ее сон.

Если он сейчас уйдет, это конечно же будет означать, что они никогда больше не увидятся. Интересно, захочет ли она увидеть его снова; наверное, да, ведь все девчонки обычно этого хотели. Но захочет ли он видеть ее? Последние четыре года он прекрасно без нее обходился. До прошлой ночи вовсе думал, что зовут ее Анна, — и всё же на вечеринке не мог отвести глаз. Почему он раньше ее не замечал? Она спала, а он разглядывал ее лицо.

Она была красавицей, но, казалось, ее это раздражало. Рыжие крашенные волосы были словно нарочно плохо пострижены — наверняка сама постриглась перед зеркалом или эта работа Тилли, или как ее там, горластой толстухи, с которой она вместе снимала квартиру. Кожа бледная, лицо припухло — потому что слишком много времени сидит в библиотеке и пьет слишком много пива в пабах. Очки делали ее похожей на недовольную сову. Подбородок мягкий и слегка оплывший, хотя, наверное, это детский жирок. (Или на словосочетание «детский жирок» тоже принято обижаться? И не стоит говорить, что у нее потрясающая грудь, даже если это правда, — обидится.)

Хватит про грудь, вернемся к лицу. Кончик ее маленького аккуратного носа слегка лоснился, а на лбу виднелась россыпь мелких красных прыщей, однако, не считая этого, никто не стал бы отрицать, что лицо это... лицо это было просто замечательным. Глаза ее были закрыты, и он понял, что не может вспомнить их цвет — помнит только, что они большие, ясные, смешливые, как и две морщинки в уголках ее широких губ, как две скобки, которые углублялись, когда она улыбалась, а случалось это довольно часто. Гладкие розовые щеки в веснушках, похожие на подушечки и на ощупь наверняка теплые. Ненакрашенные, но красные сами по себе мягкие губы. Она держала их крепко сжатыми, когда улыбалась, словно не хотела обнажать крупноватые для ее рта зубы; к тому же один из резцов был слегка надколот. При этом возникало впечатление, что она что-то утаивает: смех, умное замечание или невероятно смешную шутку.

Если он сейчас уйдет, то наверняка никогда больше не увидит это лицо — разве что во время кошмарной встречи выпускников через десять лет. Она придет на встречу располневшей, разочаровавшейся в жизни и начнет ворчать, что он тогда улизнул, даже не попрощавшись. Поэтому лучше уйти тихо и не ходить на эти встречи. Надо двигаться дальше, думать о будущем. Там, в будущем, будет еще много разных лиц.

Но когда он уже решил вставать, губы ее вдруг дрогнули и растянулись в широкую улыбку, и, не открывая глаз, она сказала:

— Так что ты думаешь, Декс?

— О чем, Эм?

— О нас. По-твоему, это настоящая любовь? — спросила она и тихо рассмеялась, крепко сжав губы.

— Ты не можешь просто уснуть, да?

— Нет, когда ты пялишься на мой нос. — Она открыла глаза: зелено-голубые, ясные и умные. — Что у нас завтра? — пробормотала она.

— Ты имеешь в виду сегодня?

— Да, сегодня. Что за чудесный новый день нас ждет?

— Суббота. Выходной. День святого Свитина, между прочим.

— И что это за день?

— Есть примета такая. Если сегодня пойдет дождь, то он будет длиться следующие сорок дней — или все лето, точно не помню.

Она нахмурилась:

— Не понимаю.

— И не надо. Это просто поверье.

— Где будет дождь? Где-нибудь он всегда идет.

— На могиле святого Свитина. Он похоронен в Винчестерском соборе.

— Откуда ты столько о нем знаешь? — проговорила она, уткнувшись в подушку.

— Ходил в школу имени святого Свитина.

— Ах да.

— «Как на Свитина дожди, что-то там... та-та... не жди».

— Красивый стишок.

— Ну, я его до конца не помню.

Она снова засмеялась и сонно оторвала голову от подушки:

— Но Декс...

— Да?

— Если сегодня все-таки не пойдет дождь...

— Угу...

— Что ты будешь делать потом?

Скажи, что занят.

— Да ничего особенного, — ответил он.

— Тогда, может, что-нибудь придумаем? Вместе, я имею в виду.

Подожди, пока она уснет, и потихоньку смойся отсюда.

— Да, конечно, — сказал он, кивая. — Давай что-нибудь придумаем.

Она снова опустила голову на подушку.

— Новый день, — пробормотала она.

— Новый день.

Глава 2

Реальная жизнь

Суббота, 15 июля 1989 года

Вулвергемптон и Рим

Женская раздевалка Школа Стоук-Парк Вулвергемптон 15 июля 1989 года

Чао белла!

Как жизнь? И как Рим? Вечный город — это, конечно, здорово, но я торчу в Вулвергемптоне уже целых два дня, и для меня это как целая вечность (хотя открою секрет: здешняя пицца «Хат» просто, просто обалденная).

После нашей последней встречи я все-таки решила согласиться на ту работу, о которой тебе рассказывала, — в театральном кооперативе «Кувалда». Последние четыре месяца мы занимались тем, что придумали и отрепетировали пьесу «Жестокий груз» при поддержке художественного совета, и теперь ездим с выступлениями. Это спектакль о работорговле, включающий повествование, фольклорные песни и довольно шокирующую пантомиму. Прилагаю дешевую фотокопию буклета, чтобы ты своими глазами увидел, какая это высокохудожественная постановка.

«Жестокий груз» — это пьеса из серии ОТ (обучающий театр), предназначенная для детей 7–13 лет и несущая послание, что рабство — это плохо. Она преследует священную цель — чтобы ни один ребенок, посмотревший спектакль, никогда не стал работорговцем и не заимел рабов. Я играю Лидию, и это... хм... да, между прочим, это главная роль. Лидия — избалованная и тщеславная дочь злого сэра Обада Гримма (уже по его имени понятно, что он не очень хороший человек). В кульминационный момент пьесы я наконец понимаю, что все мои красивые вещички, все платья (при этом я показываю на платья) и украшения (показываю на украшения) оплачены кровью других людей (плачу), и я чувствую себя грязной (тут следует посмотреть на ладони, точно те

запачканы кровью), грязной в душе. Пьеса на самом деле очень мощная, правда, вчера момент был испорчен тем, что дети начали кидаться ирисками.

Ну а если серьезно, все не так уж плохо, если подумать — даже не знаю, к чему этот цинизм, видимо, у меня уже защитный механизм выработался. Дети прекрасно нас встречают (те, что не бросают ириски), и мы проводим занятия в школах — работа интересная и благодарная. Но я просто в шоке от того, как плохо дети осведомлены о своем культурном наследии, даже дети из индийских семей и те ничего не знают о своей истории. Понравилось мне также писать сценарий — появилось столько идей для следующих пьес и всякого разного. Поэтому мне кажется, что я занимаюсь стоящим делом, даже если ты думаешь, что я трачу время понапрасну. Я уверена, Декстер, просто уверена, что в наших силах изменить мир. Вспомни, как популярен был радикальный театр в Германии в 1930-е годы, — и к чему это привело! Мы избавим Западную Англию от расовых предрассудков, даже если придется вбивать это в голову каждому ребенку по отдельности!

В труппе нас четверо. Кваме играет Благородного Раба, и хотя по пьесе я его хозяйка, мы хорошо ладим (хотя на днях я попросила его сбегать за чипсами в кафе, и он так на меня посмотрел, как будто я его угнетаю!). Но он милый и серьезно относится к работе, хоть и постоянно рыдал на репетициях, а это уже, по-моему, слишком. Но такой уж он, немножко размазня, если понимаешь, о чем я. По сценарию между нами должно быть мощное сексуальное притяжение, но, боюсь, это как раз тот случай, когда жизнь отказывается подчиняться требованиям искусства.

Сид играет моего злобного папашу Обадаю. Поскольку ты провел все детство, играя во французский крикет на тошнотворно идеальной ромашковой лужайке, и никогда не опускался до столь плебейского времяпровождения, как просмотр телевизора, тебе наверняка ничего не скажет тот факт, что Сид некогда был настоящей звездой телевизионного полицейского сериала «Городские джунгли». Но это так, и он даже не скрывает отвращения от того, что приходится участвовать в нашем спектакле. Пантомиму он делать просто отказывается, точно это ниже его достоинства — делать вид, что предмета, который якобы рядом, на самом деле рядом нет. Каждая вторая его фраза начинается со слов «когда я снимался в сериале»; для него это равносильно фразе «когда я был счастлив». Сид мочится в раковины, носит ужасные штаны из полиэстера, которые не стирают, а вытирают, питается исключительно

мясными пирожками с бензоколонки и, по нашему с Кваме тайному подозрению, в душе является расистом, но, не считая всего вышеперечисленного, он очень мил, очень, очень мил.

Наша четвертая участница — Кэнди. Ох, Кэнди. Тебе бы понравилась Кэнди: она полностью соответствует своему имени. Играет несколько ролей — Хитрую Служанку, Плантатора и сэра Уильяма Уилберфорса. Она очень красивая, высокодуховная и — скажу, хотя не люблю это слово, — стервозная. Постоянно спрашивает, сколько мне на самом деле лет, или говорит, что я выгляжу усталой, что если бы я носила контактные линзы, то могла бы быть симпатичной. Меня все это умиляет, разумеется. Она ни капли не скрывает, что участвует в нашей пьесе лишь для того, чтобы пробиться в актерскую ассоциацию, и коротает время, пока ее не заметят голливудские продюсеры, которые, видимо, будут случайно проезжать мимо Дадли в дождливый вечер вторника в поисках талантов из любительского театра. Актерская профессия ужасна, правда? Когда мы основали ТКК (Театральный Кооператив «Кувалда»), нам очень хотелось, чтобы это была прогрессивная труппа безо всякого там дерьма в стиле «я мечтаю прославиться и попасть в телик», — мы просто хотели ставить хорошие, интересные и оригинальные спектакли на политические темы. Пусть это покажется тебе тупым, но такая была идея. Однако проблема демократичных коллективов, все участники которых пользуются равными правами, состоит в том, что приходится прислушиваться к придуркам вроде Сиды и Кэнди. Ладно бы она играть умела, но ее северный акцент просто невыносим — такое впечатление, что она умственно отсталая и у нее проблемы с речью. И потом еще эта ее привычка делать йоговские упражнения в нижнем белье (ага, удалось мне привлечь твое внимание?). Впервые вижу, чтобы человек делал «солнечное приветствие» в поясе для чулок и корсаже. Как-то это неправильно. Бедняга Сид, когда это видит, даже жевать пирожок не может, все время проносит его мимо рта. Когда она наконец одевается и выходит на сцену, кто-нибудь из ребят непременно присвистывает, а в микроавтобусе на обратном пути она все время притворяется, что ее это оскорбило, изображая из себя феминистку. «Не выношу, когда обо мне судят по внешности — всю жизнь люди замечают лишь мое прекрасное лицо и стройную юную фигуру!» — говорит она, поправляя пояс для чулок, точно речь о величайшей политической несправедливости и все мы должны выйти на улицы с агитационным спектаклем об угнетении женщин с большими сиськами. Я слишком много болтаю? Ты уже на нее запал? Может, я вас и познакомлю,

когда ты вернешься. Так и вижу, как ты смотришь на нее, сжав челюсти и закусив губу, и спрашиваешь о ее «карьере»... Хотя, может, и не стоит вас знакомить...

* * *

Эмма Морли перевернула блокнот написанным текстом вниз — в комнату вошел Гари Наткин, худощавый и взволнованный молодой человек, директор и один из основателей театрального кооператива «Кувалда». Настало время воодушевляющей беседы перед спектаклем. Общая гримерная была вовсе не гримерной, а всего лишь раздевалкой для девочек в городской школе, где даже в выходные не выветривался школьный запах, который Эмма хорошо помнила, — запах гормонов, розового жидкого мыла и сырых полотенец.

Стоя в дверях, Гари Наткин откашлялся; у него была бледная кожа со следами раздражения от бритья, на нем — застегнутая на все пуговицы черная рубашка; его иконой стиля был Джордж Оруэлл.

— Отличные зрители собрались сегодня, ребята! Почти ползала, что не так уж плохо, учитывая... — Что *учитывая*, Гари так и не договорил, видимо, потому, что отвлекся на Кэнди — та выгибалась по-кошачьи в комбинашке в горошек. — Покажем им, на что способны, ребята, — прибавил он. — Поразим их насмерть!

— Я бы их поразил насмерть, блин, — пробурчал Сид, глядя на Кэнди и жуя пирожок. — Крикетной битой с гвоздями, маленькие поганцы.

— Побольше позитива, Сид, — взмолилась Кэнди, одновременно производя то, что в йоге называется «долгое размеренное дыхание».

Гари продолжал:

— Помните: больше задора, больше взаимодействия, больше жизни. Произносите роль как в первый раз и главное — не поддавайтесь на провокации и не бойтесь зрителя! Со зрителями нужно взаимодействовать, но не реагировать на них! Не позволяйте им вывести вас из себя. Не дайте им такого удовольствия... Пятнадцать минут! — добавил Гари и захлопнул дверь раздевалки, как тюремщик камеру.

Сид начал шепотом произносить мантру «ненавижу-эту-работу-ненавижу-эту-работу» — это был его ежевечерний ритуал. За ним сидел Кваме, без рубашки, одинокий, в рваных штанах, обхватив себя руками и откинув назад голову. Он медитировал или, возможно, просто пытался не заплакать. Слева от Эммы Кэнди пела арии из «Отверженных» фальшивым

сопрано, разглядывая свои приплюснутые пальцы: после восемнадцати лет занятий балетом те стали похожи на молоточки. Эмма снова повернулась к своему отражению в потрескавшемся зеркале, взбила пышные рукава своего платья с высокой талией, сняла очки и, подражая героиням Джейн Остин, глубоко вздохнула.

Весь прошлый год был отмечен сплошными поворотами не туда, неудачными решениями, незаконченными проектами. Была девчачья группа, в которой она играла на басу, сменившая три названия: «Глотка», «Бойня номер шесть» и «Печенье пропало». Но в конце концов с названием они так и не определились, как и с музыкальной направленностью. Был вечер клуба любителей альтернативы, куда никто не пришел, незаконченный первый роман, незаконченный второй роман, пара неудачных летних подработок (торговля кашемировыми свитерами и клетчатыми пледами для туристов). В минуту мрачного отчаяния она даже пошла на курсы циркового мастерства и посещала их, пока не выяснилось, что никаким мастерством она не владеет. Так она узнала, что воздушные трюки — не выход.

Пресловутое «второе лето взрослой жизни» оказалось полным меланхолии периодом потерянных возможностей. Даже родной Эдинбург начал казаться унылым и депрессивным. Жизнь в университетском городке стала похожа на вечеринку, с которой ушли все гости, и вот в октябре она съехала со старой квартиры на Рэнкеллор-стрит и вернулась к родителям. Это была долгая, нервная, дождливая зима, полная упреков, хлопанья дверьми и дневных телепрограмм в доме, который казался невыносимо тесным. «Но ты же закончила с отличием! Как же твой диплом?!» — ежедневно сокрушалась мать, будто диплом был сверхъестественной способностью, которую Эмма упрямо отказывалась применять. Ее младшая сестра Марианна, медсестра и молодая мамочка, специально приходила по вечерам, чтобы позлорадствовать над унижением папочкиной «золотой девочки».

Но время от времени в ее жизни возникал Декстер Мэйхью. Последние теплые деньки летом после выпускного она провела в прекрасном доме его родителей в графстве Оксфордшир; в ее глазах то был даже не дом, а особняк. Огромный дом 1920-х годов словно сошел со страниц детективов Агаты Кристи: выцветшие от времени ковры, большие абстрактные полотна, напитки со льдом. Она и Декстер проводили дни в наполненном ароматами трав большом саду, перемещаясь между бассейном и теннисным кортом — первым в ее жизни кортом, построенным не на деньги городской администрации. Джин-тоник в плетеных креслах, любование видами — все

это напоминало ей «Великого Гэтсби». И разумеется, она все испортила, когда за ужином выпила лишнего, разнервничалась и напустилась на папу Декстера — тихого, скромного, совершенно адекватного человека. Она кричала что-то про Никарагуа, а Декстер смотрел на нее со снисходительно-разочарованным видом, как смотрят на щенка, замочившего ковер. Неужели она и вправду назвала его отца фашистом, сидя за их столом, будучи их гостьей за ужином? В ту ночь она лежала в комнате для гостей с путаной головой, терзаясь угрызениями совести и надеясь услышать стук в дверь, который так и не раздался. Так и пожертвовала свои романтические мечты борцам за свободу Никарагуа, хотя у тех вряд ли когда-нибудь появилась бы возможность ее отблагодарить.

Она снова встретила с Декстером в Лондоне в апреле, на двадцать третьем дне рождения общего друга Кэллума, и они провели весь день в Кенсингтон-Гарденз вдвоем — пили вино прямо из бутылки и болтали. Судя по всему, он простил ей ее поведение, но вместе с тем отношения, установившиеся между ними, были до боли знакомы, по крайней мере. Теперь он и она были всего лишь друзьями: лежали на свежей весенней травке, и, хотя их руки почти соприкасались, он рассказывал ей о Лоле, потрясной девчонке из Испании, с которой он познакомился на лыжном курорте в Пиренеях.

А потом он снова уехал путешествовать и расширять горизонты. Почитав немного о Китае, Декстер пришел к выводу, что там слишком уж непривычно и слишком много политических заморочек, и решил отправиться в ненапряжное годовое путешествие по городам, которые в путеводителях называли «тусовочными». Так они стали друзьями по переписке: она писала длинные содержательные письма, наспигованные шутками и скрытым смыслом, притворной веселостью и почти не скрываемой тоской, — любовь, воплощенная в двух тысячах слов на почтовой бумаге. Как и сборники любимых песен, записанные на кассету, эти письма были свидетельством ее скрытых эмоций, и она явно тратила на них слишком много усилий и времени. В ответ Декстер слал ей скупой подписанные открытки: «В Амстердаме круто»; «Барселона — отпад!»; «Дублин рулит. Знала бы ты, как плохо мне с утра». Автор путевых заметок из него был никудышный, но всё же она прятала его открытки в карман теплого пальто и шла на долгую прогулку по Элкли-Мур, пытаясь отыскать скрытый смысл во фразе «Похоже, в Венеции было наводнение!!!».

— Что за Декстер? — спросила как-то ее мать, взглянув на оборотную сторону открытки. — Твой парень, да? — И с озабоченным видом

добавила: — А ты не думала устроиться в газовую комиссию?

Но Эмма устроилась официанткой в местный паб. Время шло, и ей казалось, что ее мозг начинает размягчаться, как забытая в глубине холодильника еда.

А потом позвонил Гари Наткин, худощавый троцкист и режиссер жесткого и бескомпромиссного спектакля по мотивам брехтовской пьесы «Страх и отчаяние в Третьей империи» с Эммой в главной роли. Это было в 1986-м, и тогда она жестко и бескомпромиссно процеловалась с ним целых три часа на вечеринке в честь последнего выступления. Вскоре после этого он пригласил ее в кино на сдвоенный ночной сеанс — показывали фильмы Питера Гринуэя — и ждал до четырех утра, прежде чем потянуться и как бы невзначай положить ладонь на ее левую грудь, словно на регулятор громкости. Той ночью они занимались любовью по-брехтовски, на узкой кровати с давно не стиранным бельем, под плакатом кинофильма «Битва за Алжир», и на протяжении всего процесса Гари прилагал все усилия к тому, чтобы она не чувствовала себя исключительно сексуальным объектом. А потом он пропал, и от него не было слышно ни слова, пока как-то в мае он не позвонил ей поздно вечером и еле слышно, неуверенно не произнес: «Хочешь участвовать в моем театральном кооперативе?»

У Эммы не было актерских амбиций, не слишком она любила и театр, воспринимая его всего лишь как средство передачи слов и идей. Но «Кувалда» должна была стать новым видом прогрессивного театрального кооператива, объединенного общей целью, рвением, письменным манифестом и решимостью изменить юные умы посредством искусства. Может, ей даже удастся затащить кого-нибудь в постель и перепадет немного романтики. Эмма собрала рюкзак, попрощалась со скептически настроенными родителями и села в микроавтобус с таким видом, будто намеревается участвовать в великом деле, чем-то вроде театрального эквивалента Гражданской войны в Испании при поддержке художественного совета.

Но прошло три месяца — и куда делась теплая, дружеская обстановка, ощущение социальной значимости, высоких идеалов, которые они защищают, причем себе в удовольствие? Ведь «кооператив» означает, что они должны держаться вместе. Это было написано сбоку фургончика, она сама вывела там это слово. «Ненавижу эту работу, ненавижу эту работу», — продолжал бубнить Сид. Эмма заткнула руки ушами и задала себе несколько фундаментальных вопросов.

Что я здесь делаю?

Неужели это что-то изменит?

Почему я в нижнем белье?

Что это за вонь?

Где бы я хотела сейчас оказаться?

Она хотела быть в Риме, с Декстером Мэйхью. В постели.

* * *

— Шеф-тес-бе-ри-авеню.

— Нет. Шефтс-бери. Три слога.

— Ле-се-стер-сквер.

— Ле-стер. Два слога.

— Но почему не Лесестер?

— Без понятия.

— Но ты же учитель, ты должен знать.

— Прости, — пожал плечами Декстер.

— Дурашный язык, вот что я скажу, — заявила Туве Ангстром и толкнула его в плечо.

— *Дурацкий*, а не дурашный. Впрочем, я с тобой согласен. Поэтому не надо меня бить.

— Прости, — промурлыкала Туве, целуя его в плечо, затем в шею и в губы. И в который раз Декстер подумал: как же приятно быть учителем.

Они лежали на куче подушек на полу его крошечной комнаты, выложенном терракотовой плиткой. Узкая кровать оказалась слишком мала для их забав. В проспекте международной школы по изучению английского языка имени Перси Шелли учительские комнаты описывались как помещения «не сильно удобные, с множеством малых достоинств», и, по сути, эта фраза в точности характеризовала его жилье. Его комната в историческом квартале была унылой и безликой, но из нее был выход на балкон, откуда открывался вид на живописную площадь, которая, как и все римские площади, служила одновременно и стоянкой. По утрам его будили сигнальные гудки автомобилей офисных служащих, подрезающих друг друга на выезде со своего места.

Но в середине влажного июльского дня единственным звуком, доносившимся с улицы, был шум колесиков туристических чемоданчиков, катящихся по вымощенному тротуару, и Декстер и Туве лежали с открытыми окнами, лениво целуясь. Ее густые темные волосы прилипли к его лицу; они пахли хвойным шампунем, наверное датским, и сигаретным дымом. Потянувшись через него за лежавшей на полу пачкой, она зажгла

две сигареты и протянула одну ему; он устроился на подушках, приклеив сигарету к губе, как Бельмондо или герой фильмов Феллини. Правда, сам он никогда не видел фильмов с участием Бельмондо или фильмов Феллини, лишь стильные черно-белые открытки с кадрами из кино. Декстер не любил признаваться в собственном тщеславии и ограниченности, но порой ему хотелось, чтобы кто-нибудь оказался рядом и потревожил его самолюбие.

Они снова поцеловались, и он рассеянно подумал о том, не является ли, случайно, его поведение аморальным или неэтичным. Разумеется, волноваться о плюсах и минусах секса со студенткой надо было после вечеринки в колледже, когда Туве, шатаясь, присела на край его кровати и принялась расстегивать сапоги до колен. Но даже тогда, с затуманенной вином и страстью головой, он невольно поймал себя на мысли о том, что сказала бы Эмма Морли. И даже когда Туве запустила язык ему в ухо, он подыскивал оправдания: ей уже девятнадцать, она взрослая, и потом, я ненастоящий учитель. Кроме того, Эмма сейчас далеко, борется за мир во всем мире, сидя в микроавтобусе, который катит по кольцевой дороге маленького провинциального городка, — да и при чем тут она, в самом деле? А теперь сапоги Туве валялись в углу его комнаты в общежитии, куда ночных гостей водить строго запрещалось.

Он переместился на более прохладный участок терракотового пола, глядя в окно и пытаясь угадать, сколько времени, по маленькому квадратику ярко-голубого неба. По мере того как Туве засыпала, ее дыхание становилось более ритмичным, но у него была важная встреча. Бросив двухдюймовый окурок в бокал с вином, он потянулся за наручными часами, лежавшими поверх автобиографического романа Примо Леви «Человек ли это?», ^[3] который он даже ни разу не открыл.

— Туве, мне пора.

Она недовольно застонала.

— У меня встреча с родителями, мне надо идти.

— А можно мне с тобой?

Он рассмеялся:

— Вряд ли, Туве. К тому же у тебя в понедельник контрольная по грамматике. Так что иди занимайся.

— Позанимайся со мной. Позанимайся со мной сейчас!

— Ладно. Глаголы. Настоящее продолженное. ^[4]

Она положила на него ногу и, используя ее как рычаг, залезла на него верхом, говоря:

— Я целую, ты целуешь, он целует, она целует...

Он приподнялся на локтях:

— Серьезно, Туве...

— Еще десять минут, — прошептала она ему в ухо, и он опустился на пол. И в самом деле, что в этом такого? — подумал он. Он в Риме; прекрасный день. Ему двадцать четыре года, с деньгами и здоровьем проблем нет. Он полон желаний и делает то, что не должен, но ему очень, очень повезло. Жизнь, посвященная чувственным наслаждениям, удовольствию и самому себе, когда-нибудь уже не будет казаться такой привлекательной, но время еще есть.

* * *

А как тебе Рим? Как la dolce vita (в словаре посмотри)! Так и вижу тебя за столиком в кафе: ты пьешь это капучино, о котором все так много говорят, и присвистываешь вслед всем, кто проходит мимо. На тебе темные очки — даже сейчас, когда ты читаешь эти строки. Сними их, ты похож на идиота! Получил книги, которые я тебе прислала? Примо Леви — потрясающий итальянский писатель. Пусть эта книга напомнит тебе, что в жизни есть кое-что кроме джелато и эспадрилий. Жизнь не может быть всегда похожа на романтическое кино. Как твоя работа? Пожалуйста, пообещай, что не будешь спать со студентками. Это меня так... разочарует.

Пора идти. Страница подходит к концу, а в соседнем помещении — «взволнованный гул зрительного зала»: кажется, они кидаются стульями. Я заканчиваю эту работу через две недели (аллилуйя!), и Гари Наткин, наш режиссер, хочет, чтобы после этого я придумала спектакль об апартеиде для начальных классов. Кукольный спектакль, можешь представить?! Полгода скитаний по трассе М6 с куклой Десмонда Туту.^[5] Пожалуй, я откажусь, тем более что написала пьесу для двух актрис про Вирджинию Вулф и Эмили Дикинсон: «Две жизни» (или «Две лесбиянки в депрессии»? Еще не решила). Может, поставлю ее в каком-нибудь захолустном театришке. Как только я рассказала Кэнди, кто такая Вирджиния Вулф, та заявила, что очень, очень хочет ее сыграть, но только если можно будет снять на сцене блузку, — так что мне даже не надо подыскивать вторую актрису. Эмили Дикинсон сыграю я, и блузку снимать не буду. Оставляю тебе пару билетиков.

А пока я должна выбрать, где буду жить — в Лидсе или Лондоне. Ох

уж эта проблема выбора. Пыталась побороть желание переехать в Лондон — это так неоригинально, — но у моей старой соседки Тилли Киллик (помнишь ее? Большие красные очки, радикальные взгляды, бакенбарды?) освободилась комната в Клэптоне. Правда, она называет ее гардеробной, что не слишком обнадеживает. А что это за район — Клэптон? Ты скоро в Лондон вернешься? Эй, может, вместе снимем квартиру?

* * *

«Вместе снимем квартиру»? Эмма ужаснулась, покачала головой и застонала, потом добавила: «Шучу, конечно!» И снова недовольно хмыкнула. Люди всегда так говорят, если на самом деле не шутят, ни капельки. Но зачеркивать поздно. Как же закончить? «Всего хорошего» — это слишком официально; «tous mon amour» — слишком фамильярно; «с любовью» — глупо... В дверях возник Гари Наткин.

— Все по местам!

Он с кислым видом распахнул дверь, словно провожая их на казнь, и, прежде чем передумать, она написала:

Я так скучаю по тебе, Декс.

Добавила подпись и поцелуй, глубоко отпечатавшийся на тонкой голубой почтовой бумаге.^[6]

* * *

Мать Декстера сидела за столиком кафе на Пьяцца Ротунда, небрежно держа в ладонях книгу; глаза ее были закрыты, голова откинута назад и чуть в сторону, как у птицы, — она ловила последние лучи заходящего солнца. Декстер подошел не сразу, а присел сначала рядом с другими туристами на ступени Пантеона, глядя, как к матери подошел официант, чтобы забрать пустой бокал, — он ее напугал. Потом они оба рассмеялись, и, судя по выразительным движениям ее губ и жестикуляции, она заговорила на своем ужасном итальянском, коснувшись ладонью рукава официанта и кокетливо похлопывая его по руке. Официант явно не понял ни слова из того, что было произнесено, но все равно улыбнулся и

вымолвил что-то не менее кокетливое в ответ, а затем ушел, оглядываясь на красивую англичанку, что коснулась его руки и сказала что-то непонятное.

При виде этого Декстер улыбнулся. Старая фрейдистская идея, о которой ему впервые сообщили шепотом еще в школе — что все мальчики втайне влюблены в своих матерей и испытывают ненависть к отцам, — казалась ему вполне объяснимой. В его мать влюблялись все, кого он знал, и, к счастью, он не испытывал ненависти к отцу; как и в остальном, ему повезло.

Нередко за ужином в оксфордширском доме, в их большом зеленом саду, или на каникулах во Франции, когда мать засыпала на солнце, он замечал, как на нее смотрит отец — глазами преданной собаки, с тупым обожанием. Высокий, замкнутый, с вытянутым лицом, Стивен Мэйхью был старше нее на пятнадцать лет и, казалось, не мог поверить своему счастью. Мать часто устраивала вечеринки, и Декстер — если он вел себя хорошо, ему разрешали не ложиться спать — наблюдал за тем, как вокруг нее формировался кружок из послушных, преданных мужчин. Это были умные мужчины, сделавшие удачную карьеру: врачи, адвокаты и люди, выступавшие по радио, — но рядом с ней все они превращались в мечтательных мальчишек. Он смотрел, как она танцует под музыку ранних *Roxy Music* с коктейлем в руке, слегка покачиваясь с таким видом, будто ей никто на свете не нужен, — другие жены лишь уныло смотрели на нее и выглядели на ее фоне тупыми и бесцветными. Его школьные друзья, даже те, что в школе казались крутыми, рядом с Элизабет Мэйхью превращались в карикатуру на самих себя — кокетничали в ответ, когда она с ними флиртowała, брызгались водой, говорили комплименты по поводу ее ужасной готовки — подгорелого омлета, присыпанного сигаретным пеплом вместо черного перца.

Когда-то она изучала моду в Лондоне, но теперь у нее был свой антикварный магазинчик в деревне: дорогие ковры и канделябры пользовались большим успехом у благородных семей из Оксфорда. Вокруг нее по-прежнему витала аура 1960-х — Декстер видел ее старые фото, вырезки из поблекших цветных журналов, — но она не испытывала ни грусти, не сожаления, что отказалась от той жизни ради респектабельной, безопасной, удобной роли матери семейства. Как было ей свойственно, она точно чувствовала момент, когда нужно уйти с вечеринки. Декстер подозревал, что у нее были мимолетные романы с врачами, адвокатами, людьми, выступавшими по радио, но сердиться на нее было невозможно. И все их знакомые говорили одно и то же — что «это» у него от матери. Правда, никто не уточнял что именно, но все как будто знали: внешность,

разумеется, и жизненная сила, и здоровье, но также и небрежная уверенность в себе, точно он чувствовал, что имеет полное право всегда находиться в центре внимания, на стороне победителей.

Даже сейчас, когда она сидела в своем бледно-голубом летнем платье и искала спички в большой сумке, казалось, что вся жизнь на площади вращается вокруг нее. Внимательные карие глаза на лице в форме сердечка, обрамленном копной черных волос в нарочитом беспорядке, поддерживать который стоило немалых денег, на платье расстегнута лишняя пуговица — безупречная небрежность. Она увидела его, и лицо ее озарила широкая улыбка.

— Вы на сорок пять минут опоздали, молодой человек. Где гулял?

— Сидел там и смотрел, как ты заигрываешь с официантом.

— Отцу не говори. — Встав, чтобы обнять его, она сдвинула столик. — Где ты был?

— Готовился к занятиям. — Его волосы были еще влажные после душа с Туве Ангстром, и когда мать смахнула прядь с его лба, нежно коснувшись его лица ладонью, он понял, что она уже слегка пьяна.

— Какой ты взъерошенный. И кто тебя взъерошил? Что у тебя за проделки опять?

— Я же сказал — составлял план уроков.

Она скептически усмехнулась:

— А вчера куда пропал? Мы ждали в ресторане.

— Извини, не смог. Дискотека в колледже.

— Дискотека. Прямо как в семьдесят седьмом. И как это было?

— Двести пьяных скандинавок танцевали, как Мадонна.

— *Танцевали, как Мадонна.* Рада, что не имею ни малейшего понятия, как это делается. Было весело?

— Кошмар.

Она похлопала его по колену:

— Бедняжечка.

— А папа где?

— Ему пришлось пойти прилечь в гостиницу. Жара доконала, и сандалии натерли. Ну ты знаешь своего папу — он из Уэльса, и этим все сказано.

— И чем вы занимались?

— Гуляли по Форуму. По мне так он прекрасен, но Стивену было скучно. Такой беспорядок, колонны валяются... Кажется, он считает, что лучше снести все бульдозером и возвести на этом месте зимний сад или что-то в этом роде.

— Сходите на Палатин. ^[7] Это вон тот холм...

— Я знаю, где Палатин, Декс, я ездила в Рим, когда тебя еще на свете не было...

— Да, и кто тогда был императором?

— Ха. Помоги-ка мне с вином, а то выпью всю бутылку. — Она и так осушила бутылку почти до дна, но он вылил остатки вина в стакан для воды и потянулся за ее сигаретами. Элизабет щелкнула языком. — Знаешь, иногда я думаю, не слишком ли мы переборщили с твоим либеральным воспитанием.

— Согласен. Вы меня испортили. Дай спички.

— Это не умно, кстати. Я знаю, что тебе кажется, будто с сигаретой ты похож на кинозвезду, но это не так, ты выглядишь ужасно.

— Почему тогда ты куришь?

— Потому что я с сигаретой выгляжу феноменально. — Она воткнула сигарету между губ, и он зажег ее спичкой. — Но я буду бросать. Это последняя. А теперь быстро, пока отец не пришел... — она с заговорщическим видом подвинулась ближе, — расскажи о своей личной жизни.

— Нет!

— Брось, Декс! Ты же знаешь, у меня одна радость — услышать пару сальных историй от детишек, а твоя сестрица такая святоша...

— Вы пьяны, старая леди?

— И откуда у нее двое детей, ума не приложу...

— Ты пьяна, мама.

— Я не пью, забыл? — Когда Декстеру было двенадцать, как-то вечером она торжественно отвела его в кухню и полушепотом объяснила, как делать сухой мартини, точно речь шла о религиозном ритуале. — Ну давай. Рассказывай, и не жалея смачных подробностей.

— Мне нечего тебе сказать.

— Неужели у тебя в Риме никого не было? Ни одной милой католички?

— Нет.

— Надеюсь, ты не связался с одной из своих студенток?

— Конечно, нет, мам.

— А дома? Кто пишет эти длинные, закапанные слезами письма, которые мы все время тебе пересылаем?

— Не твое дело.

— А то я их опять под паром распечатаю! Ну-ка признавайся!

— Да нечего тут говорить.

Она откинулась на спинку стула:

— Что ж, ты меня разочаровал. А как же та милая девочка, что приезжала к нам в гости?

— Какая девочка?

— Красивая, серьезная шотландка. Которая напилась и стала кричать на отца, поминая Никарагуа.

— Эмма Морли.

— Да, Эмма Морли. Она мне понравилась, между прочим. И отцу тоже, хоть она и назвала его буржуазным фашистом. — При упоминании об этом Декстер поморщился. — Я люблю, когда в людях есть огонь, искра. Не то что твои глупые лупоглазки, которых ты обычно приводишь по ночам. «Да, миссис Мэйхью, нет, миссис Мэйхью». Я слышу, как вы крадетесь на цыпочках в комнату для гостей...

— Ты действительно напилась, да?

— Так что эта Эмма?

— Мы просто друзья.

— Уже просто друзья? А я бы не была так уверена. Думаю, она в тебя влюблена.

— Все в меня влюблены. Судьба такая.

В его голове эти слова прозвучали красиво, — слова прожигателя жизни, не чуждого самоиронии, — но теперь, когда он и мать сидели в молчании, он снова почувствовал себя глупо, как на тех вечеринках, когда она разрешала ему сидеть со взрослыми, а он начинал рисоваться, и ей было стыдно. Она снисходительно улыбнулась и сжала его руку:

— Будь хорошим мальчиком, ладно?

— Я и есть хороший, я всегда хороший.

— Но не слишком. Не делай культ из своего стремления всем нравиться.

— Не буду. — Он начал смотреть по сторонам, чувствуя себя неловко.

Она толкнула его под локоть:

— Так ты будешь еще вина или пойдем в отель и проведем твоего отца?

Они зашагали в северном направлении по переулкам, идущим параллельно Виа дель Корсо к Пьяцца дель Пополо; Декстер сворачивал на самые живописные улочки, и постепенно он почувствовал себя лучше, довольный, что так хорошо знает город. Мать, нетвердо державшаяся на ногах, опиралась на его руку.

— И долго ты намерен здесь пробыть?

— Не знаю. Возможно, до октября.

— Но потом ты вернешься домой уже насовсем, верно?

— Конечно.

— Я не имею в виду у нас. Не хочу тебя мучить. Но мы готовы оплатить депозит за квартиру, ты же знаешь.

— Но куда спешить?

— Декстер, уже год прошел. Не хватит ли отдыхать? Ты и в университете не слишком утруждался...

— Я не отдыхаю, я работаю!

— А как же журналистика? Ты разве не хотел стать журналистом?

Он как-то вскользь упомянул об этом, но лишь для того, чтобы ее успокоить, обеспечить себе алиби. Похоже, что с приближением двадцатипятилетия возможностей становилось все меньше. Некоторые профессии, которые казались крутыми — кардиохирург, например, или архитектор, — теперь уже были для него закрыты, и все шло к тому, что журналистика окажется в той же категории. Писательского таланта у него не было, он не разбирался в политике, плохо говорил по-французски, у него не было ни образования, ни навыков, лишь загранпаспорт и воображаемая картина перед глазами: он лежит и курит под потолочным вентилятором в какой-нибудь тропической стране, а рядом с кроватью — его верный старенький «Никон» и бутылка виски.

Конечно, больше всего ему хотелось стать фотографом. В шестнадцать лет он сделал фотопроект «Текстуры» — черно-белые снимки коры и ракушек крупным планом. Тогда его преподаватель в художественной школе пришел в полный восторг от его работ. Но с тех пор ничто не принесло ему того же удовлетворения, как те контрастные снимки инея на стеклах и гравия на подъездной дорожке. Если он станет журналистом, ему придется иметь дело со сложными понятиями, словами, идеями. Декстеру казалось, что из него получится хороший фотограф лишь потому, что он ясно видел, когда получится хороший кадр. Но на нынешней стадии его развития для него было основным критерием выбора профессии то, прозвучит ли ее название круто в баре, если прокричать его на ухо девушке, — и стоит ли отрицать, что фраза «я профессиональный фотограф» звучала красиво, почти также красиво, как «я военный репортер» или «вообще-то, я режиссер-документалист».

— Журналистика — одна из возможностей.

— Или, может, бизнес? Ты же с Кэллумом вроде собирался начать какое-то дело?

— Мы еще думаем.

— Только ничего конкретного ты так и не сказал — просто «бизнес».

— Я же сказал — мы еще думаем. — По правде говоря, его бывший сосед Кэллум уже начал бизнес без него — что-то связанное с компьютерными программами, у него даже сил не хватило вникнуть что именно. Кэл утверждал, что к двадцати пяти годам они станут миллионерами, — но как это будет звучать в баре? «Я занимаюсь компьютерными программами». Нет, профессиональная фотосъемка — его лучший шанс. Он решил сказать это вслух:

— Вообще-то, я подумываю стать фотографом.

— Фотографом? — Элизабет расхохоталась так, что ее сын окаменел.

— Эй, я хорошо снимаю!

— О да, когда не забываешь убрать палец с объектива!

— Ты разве не должна меня поддержать?

— И каким фотографом ты хочешь стать? *Модным!* — Она снова засмеялась. — Или, может, продолжишь работу над «Текстурами»? — Им пришлось остановиться, потому что от смеха она согнулась пополам, ухватившись за его руку, чтобы не упасть. — *Камушки* в разных ракурсах! — Наконец она успокоилась, выпрямилась и сделала серьезное лицо. — Декстер, мне очень, очень жаль...

— Вообще-то, мне стало лучше.

— Я знаю, прости. Извини меня. — Они продолжили путь. — Если ты действительно этого хочешь, Декстер, то так и сделай. — Она сжала его руку, и Декстер почувствовал, как к горлу подступает обида. — Мы всегда твердили, что ты можешь стать кем угодно, если постарайся.

— Это всего лишь одна из возможностей, — огорченным голосом произнес он. — Я обдумываю варианты, только и всего.

— Что ж, я на это надеюсь. Да, преподавание, конечно, хорошая профессия, но неужели ты и впрямь хочешь этим заниматься? Разучивать песенки «Битлз» с лупоглазыми скандинавскими девицами?

— Это не так уж просто, мам. И в случае чего у меня будет запасной вариант.

— Знаешь, иногда мне кажется, что в твоей жизни слишком много запасных вариантов. — Произнося это, она смотрела себе под ноги, и Декстеру казалось, будто слова матери отскакивают от вымощенного тротуара. Они прошли еще немного, прежде чем он спросил:

— И что это значит?

— Я просто хотела сказать... — Элизабет вздохнула и склонила голову сыну на плечо. — Просто настанет такой момент, когда тебе придется начать воспринимать жизнь всерьез, понимаешь? Да, ты молод и здоров и довольно красив при нужном свете. Ты нравишься людям, ты умен или, по

крайней мере, соображаешь — не в ученом смысле, а соображаешь что к чему. И в жизни тебе везло, так везло, Декстер... тебя оберегали от многого, от ответственности, необходимости зарабатывать деньги. Но ты уже взрослый, и в один прекрасный день все может оказаться не таким... — Она обвела взглядом живописную маленькую улочку, куда он ее привел. — Не таким идеальным. И было бы хорошо, если бы ты был к этому готов. Тебе нужно быть лучше подготовленным к жизни.

Декстер нахмурился:

— И для этого нужна постоянная работа?

— И она в том числе.

— Ты говоришь, как отец.

— О боже, почему?

— *Нормальная работа, тылы, чтобы было ради чего вставать по утрам...*

— Не только работа, Декстер, не только работа. Тебе нужно направление. Цель. Какая-то движущая сила, амбиции. В твоём возрасте я мечтала сделать мир лучше.

— И поэтому открыла антикварный магазин, — тихо проговорил он, и мать ткнула его локтем под ребра.

— Это сейчас, а тогда все было иначе. И не нахальничай. — Она снова взяла его под руку, и они медленно зашагали дальше. — Я просто хочу гордиться тобой, только и всего. Я уже тобой горжусь, и твоей сестрой, но... ты понимаешь, о чем я. Я немного выпила. Давай сменим тему. Нам надо еще кое-что обсудить.

— Что?

— О... слишком поздно. — Они подошли к отелю: три звезды, элегантный, но не крикливо-шикарный. Сквозь дымчатое стекло Декстер увидел отца — тот сидел в кресле, сгорбившись, согнув одну длинную тонкую ногу, и, скомкав в руке носок, изучал свою подошву.

— О нет, он любит свои мозоли в холле отеля! Немного английской глубинки на Виа дель Корсо. Очаровательно, просто очаровательно. — Элизабет обратила к сыну лицо. — Пообедаешь со мной завтра, пока твой отец будет сидеть в темной комнате и ковырять мозоли? Пойдем куда-нибудь вместе, только ты и я, в какое-нибудь уличное кафе на маленькой площади. С белыми скатертями. В какое-нибудь шикарное место — я угощаю. Можешь принести свои фотографии красивых ракушек.

— Хорошо, — произнес он обиженно. Его мать улыбалась, но лоб ее был нахмурен, и она как-то слишком сильно сжимала его руку. Вдруг он почувствовал тревожный звоночек и спросил: — А почему вдвоем?

— Потому что я хочу поговорить со своим прекрасным сыном, а сегодня, кажется, слишком пьяна.

— Что-то случилось? Скажи мне сейчас!

— Ничего, ничего...

— Ты с отцом разводишься?

Она тихо рассмеялась:

— Не говори глупости, нет, конечно. — Отец увидел их, встал и начал жать на кнопку открытия дверей. — Разве я могу бросить мужчину, который заправляет рубашку в трусы?

— Так в чем тогда дело?

— Ни в чем, дорогой, ни в чем. — Стоя на улице, она улыбнулась, желая его успокоить, подняла руку и, потрепав короткие волосы на его затылке, пригнула его голову так, чтобы он своим лбом коснулся ее лба. — Ни о чем не волнуйся. Завтра. Завтра как следует поговорим.

Глава 3

Тадж-Махал

Воскресенье, 15 июля 1990 года

Бомбей и Кэмден-Таун

— Пожалуйста, внимание! Вы можете послушать? Немного внимания, если не трудно! Послушайте меня, пожалуйста! Не швыряйтесь, слушайте! Прощу! ВНИМАНИЕ! Спасибо.

Скотт Маккензи сел на барный табурет и окинул взглядом свою команду. Восемь человек, всем меньше двадцати пяти; все одеты в белые джинсы и корпоративные бейсболки, и все мечтают оказаться где угодно, лишь бы не здесь, лишь бы не работать в воскресную обеденную смену в «Локо Кальенте», техасско-мексиканском ресторане на Кентиш-таун-роуд, где и еда, и атмосфера горячее некуда.

— Итак, прежде чем мы откроем двери для гостей, пожелавших пообедать, я бы хотел еще раз повторить список сегодняшних *блюد дня*. На первое, как в прошлый раз, суп-пюре из сладкой кукурузы, а основное блюдо — вкуснейшее и сочное буррито с рыбой!

Скотт издал громкое «у-уфф» и подождал, пока сотрудники перестанут стонать и делать вид, что их тошнит. Скотт был маленьким и бледным человечком с розовыми глазками и дипломом Лафборо^[8] в области делового администрирования, когда-то мечтавшим стать процветающим промышленником. В своих мечтах он играл в гольф в конференц-центрах и поднимался по трапу частного самолета. В реальности он не далее как сегодня утром вытащил из трубы под раковиной кусок желтого свиного жира размером с человеческую голову. Голыми руками. Он все еще чувствовал жир между пальцами. Ему было тридцать девять лет, и судьба его должна была сложиться совсем иначе.

— По сути, это то же буррито с говядиной, свининой или курицей, но, цитирую, *с аппетитнейшими сочными кусочками трески и лосося*. Как знать, если повезет, может, даже пара креветок попадетс...

— Это просто кошмар какой-то, — со смехом произнес Пэдди из-за стойки бара, где он сидел и нарезал лаймы на ломтики, чтобы затем

украсить ими горлышки пивных бутылок.

— Привнесем легкий североатлантический колорит в латиноамериканскую кухню! — сказала Эмма Морли, примеряя фартук официантки. За спиной Скотта она заметила новичка — крупного, коренастого парня со светлыми курчавыми волосами на большой голове цилиндрической формы. Значит, новенький. Другие сотрудники смотрели на него настороженно, изучая его так, словно он был новопривывшим в Белом доме.

— А теперь хорошая новость, — продолжил Скотт. — Хочу представить Иэна Уайтхеда, нового члена нашей дружной команды высококвалифицированных профессионалов!

Иэн задрал козырек форменной бейсболки так, что тот оказался почти у него на затылке, и, подняв руку, поприветствовал присутствующих поднятым кверху большим пальцем.

— Йоу, ребята! — изрек он. Акцент у него был вроде бы американский.

— Йоу, ребята! И где только Скотт их находит, — хохотнул Пэдди из-за стойки бара, достаточно громко, чтобы новичок услышал.

Скотт так крепко хлопнул Иэна по плечу, что тот испугался.

— Итак, вручаю тебя Эмме, которая работает у нас дольше всех!

Услышав это, Эмма поморщилась, затем виновато улыбнулась новичку, и тот улыбнулся в ответ, крепко сжав губы, что делало его похожим на Стэна Лорела.^[9]

— Она покажет тебе что к чему, — добавил Скотт. — На этом всё. Не забудьте! Буррито с рыбой! А теперь — музыка!

Пэдди нажал клавишу на панели забрызганного жиром магнитофона, стоявшего на стойке бара, дав начало сорокапятиминутному сборнику латиноамериканской музыки, который давно уже сидел у всех работников ресторана в печенках. Первой шла, как и следовало ожидать, «Кукарача» — песня о таракане, которую им предстояло услышать двенадцать раз за восьмичасовую смену. Эмма опустила голову, разглядывая бейсболку в своих руках. Логотип заведения — мультипликационный ослик — выпучил на нее свои глаза из-под сомбреро. Вид у ослика был такой, словно он выпил или, скорее даже, сошел с ума. Эмма нахлобучила бейсболку и медленно соскользнула с барного табурета, словно ступая в ледяную воду. Улыбаясь и смущенно засунув пальцы в карманы белоснежных джинсов, ее ждал новенький, и, глядя на него, Эмма в который раз подумала: «Куда же катится моя жизнь?»

Эмма, Эмма, Эмма. Как ты там, Эмма? Что делаешь в эту секунду? В Бомбее мы на шесть часов вперед, поэтому, наверное, ты еще лежишь в кровати, испытывая похмелье, как обычно в воскресенье утром. Если так, то просыпайся! Это Декстер!

Я пишу это письмо из дешевой ночлежки в центре Бомбея. На здешние матрасы страшно взглянуть, а еще здесь полно бешеных австралийских бэкпекеров.^[10] В путеводителе написано, что это отель с «особой атмосферой» (читай: мышами), но в моей комнате, кроме матраса, есть еще маленький пластиковый столик у окна, а на улице настоящий потоп, льет сильнее, чем в Эдинбурге. Дождь барабанит по крыше так громко, Эм, что я едва слышу кассету, которую ты мне записала и которая, кстати, мне очень нравится, если не считать тех женских рок-групп — в конце концов, я все-таки не девчонка! Пытаюсь я читать и книги, которые ты прислала мне на Пасху, хотя должен признать, «Говардс-Энд»^[11] идет тяжело, как будто кто-то двести страниц пьет одну чашку чая. Я все жду, когда кто-нибудь из героев выхватит нож или инопланетяне захватят землю, — но ничего такого не будет, верно? Когда ты решишь прекратить попытки сделать меня более начитанным? Надеюсь, никогда.

Кстати, ты уже догадалась по нехарактерному для меня многословию и количеству восклицательных знаков, что я пишу эти строки пьяным? Пиво за обедом. Видишь, чернила размазались (туда указывает стрелочка)? Это индийский дождь из незакрытого окна, а это (другая стрелочка) — мой пот!

Как бы то ни было, как ты уже знаешь, я не очень силен в письмописании, в отличие от тебя (твое последнее письмо было просто уморительным), поэтому скажу лишь, что Индия феноменальна. Когда меня выгнали из английского колледжа, я никак не мог предположить, что это будет буквально лучшее, что произойдет со мной в жизни. (Хотя я до сих пор считаю, что они это зря. «Не соответствует моральным стандартам». Это я, что ли? Туве, между прочим, двадцать один год.) Не стану утомлять тебя «рассветами над Гиндукушем» и прочей сентиментальной ерундистикой, а скажу лишь, что все стереотипы об Индии — чистая правда (нищета, кишечные отравления и т. д.). Мало того что это страна с богатой и древней культурой, но ты не поверишь, что тут можно купить в аптеке без рецепта!

Итак, я повидал немало интересных вещей, и, хотя не всегда хороших, это все же опыт. Еще я наснимал кучу фотографий, которыми буду пытаться тебя очень ме-е-е-едленно, когда вернусь. Сделай вид, что тебе интересно, ладно? Я же притворялся, что слушаю, когда ты разглагольствовала что-то там о протестах по поводу введения избирательного налога. Я показал свои фотографии продюсерше с телевидения, с которой на днях познакомился в поезде, — этой даме уже за тридцать, не подумай ничего такого, — и она сказала, что из меня вполне мог бы получиться профессионал. Сама она снимает молодежную программу о путешествиях. Вручила мне свою визитку и сказала, чтобы позвонил в августе, когда у них опять будут съемки, — как знать, может, возьмет меня на работу помощником или даже режиссером!

А что у тебя с работой? Играешь в очередной пьесе? Мне правда, правда понравилась твоя пьеса про Вирджинию Вулф и эту... Эмили, как ее там?... тогда в Лондоне, и, как я уже сказал, пьеса многообещающая (хоть и кажется, что я вру, на самом деле это не так). Но я думаю, ты правильно сделала, что решила бросить актерскую карьеру — не потому, что актриса из тебя никакая, нет, а потому, что совершенно очевидно, что тебя эта работа достала. Кэнди, между прочим, оказалась милой, куда симпатичнее, чем ты ее рисовала. Так ты продолжаешь играть на сцене? По-прежнему живешь в «гардеробной»? В квартире, где вечно пахнет жареным луком? А Тилли Киллик замачивает безразмерные серые лифчики в раковине? Ты все еще работаешь в «Мучо Локо» или как там его? После твоего последнего письма я хохотал как ненормальный, но тебе правда надо сваливать оттуда, Эм, потому что то, над чем хорошо смеяться, обычно оказывается плохим для душевного здоровья. Нельзя выбрасывать лучшие годы своей жизни лишь ради того, чтобы потом было над чем посмеяться.

Что возвращает меня к причине того, почему я пишу это письмо? Готова ее услышать? Ты лучше сядь, пожалуйста...

* * *

— Итак, Иэн, добро пожаловать на кладбище амбиций!

Эмма распахнула дверь комнаты для персонала, опрокинув на пол пивной бокал, в котором плавали вчерашние окурки. Официальная экскурсия по ресторану началась с тесной комнаты со спертым воздухом и видом на Кентиш-таун-роуд, кишевшую студентами и туристами,

направлявшимися в Кэмден-Маркет за высокими меховыми шапками и майками с улыбающимися рожицами.

— «Локо Кальенте» означает «Безумно жаркий». «Жаркий» — потому что кондиционер не работает, «безумно» — потому что лишь безумцы решаются попробовать местную стряпню. Или здесь работать, раз уж на то пошло. Мучо-мучо локо. Давай покажу, куда сложить вещи. — Они миновали горы газет недельной давности и оказались перед древним, выдавшим виды шкафчиком. — Вот твой шкафчик. Он не запирается. Не вздумай оставлять здесь на ночь форму, потому что кто-нибудь непременно ее умыкнет, хотя одному Богу известно, кому она нужна. Начальство также очень рассердится, если ты потеряешь кепку. В таких случаях принято топить сотрудников в чане с пряным соусом для барбекю...

Иэн рассмеялся слегка принужденным, хоть и почти искренним смехом, и Эмма, вздохнув, повернулась к обеденному столу для персонала, все еще уставленному вчерашней грязной посудой.

— На обед у нас двадцать минут. Можно выбрать любое блюдо из меню, кроме королевских креветок, что на самом деле хорошо. Если тебе дорога жизнь, никогда не ешь королевские креветки в нашем ресторане. Они как русская рулетка: одна из шести тебя убьет.

Она принялась убирать со стола.

— Давай я...

Иэн робко подобрал измазанную мясной подливой тарелку, держа ее кончиками пальцев. Новенький — ты все еще брезгливый, подумала, глядя на него, Эмма. У него было приятное, широкое, дружелюбное лицо под шапкой соломенных кудряшек, гладкие покрасневшие щеки и рот, который он обычно держал открытым. Не красавец, конечно, но у него лицо человека, которому можно доверять. Почему-то это лицо заставило ее подумать о тракторах, хоть эта ассоциация и не слишком льстила ее новому знакомому.

Вдруг она поняла, что он смотрит на нее, и спросила:

— Так скажи, Иэн, что привело тебя к нам в Мексику?

— О, все как обычно. Надо как-то платить за квартиру.

— И это единственный выход? Как насчет устроиться временным секретарем или пожить с родителями, например?

— Ну, мне надо быть в Лондоне и нужен гибкий график...

— Зачем, кем ты являешься по совместительству?

— Что ты имеешь в виду?

— По совместительству. Тут у нас все еще кто-то, помимо основной работы. Официант — по совместительству художник, официант-актер.

Бармен Пэдди мечтает стать моделью, но, если честно, у меня на этот счет некоторые сомнения.

— Ну-уууу... — протянул Иэн, как ей показалось, с шотландским акцентом, — тогда я, наверное, комик. — Он сделал веселую мину и, подставив ладони к ушам, помахал ими, как крыльями.

— Ясно, ясно. Комик, значит. Что ж, все мы любим посмеяться. Ты играешь в скетчах... или?..

— В основном да. А ты?

— Что я?

— Ты кто по совместительству? Чем еще занимаешься?

Она хотела было ответить: «Драматург», — но даже спустя три месяца было слишком свежо в памяти унижение, испытанное при виде пустого зала, перед которым она разыгрывала Эмили Дикинсон. С таким же успехом можно было бы назваться космонавтом — это соответствовало бы действительности не меньше, чем «драматург».

— О, я занимаюсь вот этим. — Она отодрала от тарелки вчерашнее буррито с коркой застывшего сыра. — Вот что я делаю.

— И как, нравится?

— Нравится? Да я только этим и живу! Ну а если серьезно, я тоже живой человек. — Она вытерла вчерашний кетчуп скомканной салфеткой и направилась к двери. — Пойдем, покажу тебе туалеты. Крепись...

* * *

С тех пор как я начал писать это письмо, мною было употреблено (или «были употреблены»?) еще два пива, поэтому я готов сказать вот что. Эм, мы знакомы уже пять или шесть лет, но два года являемся, как это говорится, «друзьями», что не так уж долго, но мне кажется, я кое-что знаю о тебе и понимаю, в чем твоя проблема. И учти, что в колледже по антропологии у меня было 2.2, то есть хуже некуда, поэтому я знаю, о чем говорю. И если не хочешь ознакомиться с моей теорией, прекрати читать прямо сейчас.

Ну вот. Отлично. По-моему, ты боишься стать счастливой, Эмма. Ты думаешь, что естественный порядок вещей — это когда твоя жизнь уныла, бесцветна и скучна, ты ненавидишь свою работу, свой город, не способна добиться успеха, заработать денег или, упаси боже, завести парня (кстати, замечу, что твои самоуничижительные реплики по поводу собственной непривлекательности мне уже надоели). Более того, я пойду

далее и осмелюсь предположить, что тебе даже нравится чувствовать себя постоянно разочарованной и никчемной, потому что так ведь проще, верно? Быть унылой неудачницей проще, потому что всегда можно обратить это в шутку. Тебя бесят мои наблюдения? Еще бы. А ведь я только начал.

Эм, мне невыносима даже мысль о том, что ты сейчас сидишь в своей ужасной квартире, с непонятными запахами и звуками и голой лампочкой над головой, или в прачечной-автомате (кстати, в наш прогрессивный век не вижу ни одной причины пользоваться прачечной-автоматом; это не модно и не актуально, а просто уныло, вот). Даже не знаю, Эм: ты молода, почти гениальна, и при всем при этом считаешь, что хорошо провести время — значит сходить в прачечную-автомат! Что ж, по-моему, ты заслуживаешь большего. У тебя есть мозги и чувство юмора, ты добрая (даже слишком, если начистоту) и из всех моих знакомых лучше всего соображаешь. И (глоток пива, глубокий вдох...) ты к тому же Очень Красивая Женщина. И (еще глоток) говоря Очень Красивая, я имею в виду и то, что ты сексуальна, хоть мне и немножко неловко, когда я пишу эти строки. Но я не буду ничего зачеркивать из-за того лишь, что называть женщину сексуальной неполиткорректно. Потому что ты сексуальна, и это факт. Ты красотка, Эм, и если бы я мог сделать тебе хоть один подарок в этой жизни, им были бы эти слова. Которые призваны вселить в тебя уверенность. Я бы подарил тебе уверенность в себе. Или ароматическую свечку.

По твоим письмам и нашему разговору после пьесы я также понял, что ты сейчас чувствуешь себя растерянной и не знаешь, как дальше строить свою жизнь; как говорится, «без руля, без весел, без цели». Но это нормально, это ничего, потому что все мы так себя чувствуем в двадцать четыре. Все наше поколение чувствует себя именно так. Я где-то читал об этом: всё потому, что мы никогда не были на войне и слишком много смотрели телик. Но как бы то ни было, те люди, кто знает, где весла и руль, и те, у кого есть цель, все равно страшные зануды, прямоугольные карьеристы вроде долбаной Тилли Киллик или Кэллума О'Нила с его компьютерными технологиями. Лично у меня нет никакого плана. И хотя я знаю, что, по-твоему, моя жизнь устроена, на самом деле это не так; я тоже растерян, просто мне не надо волноваться о пособии по безработице, жилищных льготах, будущем лейбористской партии, о том, где я буду через двадцать лет, и о том, как чувствует себя на свободе Нельсон Мандела.

Пора мне передохнуть перед следующим абзацем, потому что я еще

даже не начал. Тебе еще предстоит прочесть о том, что изменит твою жизнь раз и навсегда. Интересно, готова ли ты к такому повороту?

* * *

Где-то между туалетами для персонала и кухней Иэн Уайтхед продемонстрировал ей свой комический номер.

— Приходилось ли тебе стоять в супермаркете в очереди к кассе, предназначенной для покупателей, у которых меньше шести покупок? И вот перед тобой стоит бабулька, а у нее в корзинке семь покупок? И ты стоишь, пересчитываешь их и ненавидишь весь мир...

— Ай, карамба, — произнесла Эмма себе под нос, толкая ногой дверь в кухню, где их тут же накрыла волна горячего воздуха, жалящего глаза, едкого и пропитанного острым перцем и теплой хлоркой. Из выдавшего виды кассетника разносилась оглушительная музыка в стиле эйсид-хаус, а повара — сомалиец, алжирец и бразилец — снимали крышки с белых пластиковых ведер с полуфабрикатами.

— С добрым утром Бенуа, Кемаль, ола, Хесус, — бодро проговорила Эмма, и повара улыбнулись и дружелюбно кивнули в ответ. Эмма с Иэном переместились к доске для заметок, где висела ламинированная инструкция, в которой указывалось, что делать, если кто-то подавился едой («а на то есть причины»). Рядом висел большой лист бумаги с обтрепавшимися краями — пергаментная карта техасско-мексиканской границы. Эмма постучала по нему пальцем:

— Похоже на карту сокровищ? Что ж, не обольщайся — это всего лишь меню. Никаких сокровищ в нем нет, компадре — всего лишь сорок восемь блюд, и все без исключения являются вариациями на тему основных пяти техасско-мексиканских продуктов. Говяжий фарш с фасолью, сыр, курица и гуакамоле.^[12] — Она провела по карте пальцем. — Итак, если двигаться с востока на запад, мы имеем курицу с фасолью под сырной корочкой, курицу с тертым сыром под соусом гуакамоле, гуакамоле с говяжим фаршем, курицей и сыром...

— Понятно, понятно...

— Иногда ради разнообразия добавляется рис или сырой лук, но самое интересное, куда потом кладется вся эта начинка. А тут главное не перепутать, где пшеница, а где кукуруза.

— Пшеница и кукуруза, ясно...

— Кукурузные лепешки — это тако, пшеничные — буррито. Есть и

более простой способ отличить одно от другого: если что-то крошится у тебя в руках и жжется, это тако, если хлюпает, разбрызгивая по рукавам красный жир, — значит, перед тобой буррито. Вот, собственно... — она отделила мягкую лепешку от стопки из пятидесяти штук и помахала ей у Иэна перед носом, как мокрой тряпкой, — это буррито. Кладем начинку, обжариваем во фритюре, посыпаем сыром и кладем в гриль, чтобы сыр расплавился: получается энчилада. Тортилья — это тако с начинкой, а если у тебя буррито, куда начинку принято класть самим, мы имеем дело с фахитас.

— А тостада?

— Тостада еще впереди. Не пытайся бежать, прежде чем не научился ходить. Фахитас разносят на вот этих раскаленных сковородках... — Она взяла в руку увесистую чугунную сковороду с рифленным дном, которая словно только что была выкована. — С ними надо поосторожнее — даже не представляешь, сколько раз нам приходилось отдирать эти горячие штуки от посетителей. А те потом еще и чаевые отказываются давать...

Иэн уставился на Эмму, глупо улыбаясь. Она тем временем привлекла его внимание к ведерку у своих ног:

— Вот это белое нечто — сметана, ну, только, конечно, не сметана в нашем привычном понимании, а какой-то гидрогенизированный сметанозаменитель. Остатки нефтяного производства. Отличная штука, чтобы приклеивать сломанные каблуки, но вот в остальном...

— Можно вопрос?

— Валяй.

— Что ты делаешь после работы?

Бенуа, Хесус и Кемаль разом прекратили все свои дела, а Эмма придала лицу подходящее случаю выражение и рассмеялась:

— А я смотрю, ты не ходишь вокруг да около, да, Иэн?

Он снял свою бейсболку и стал вертеть ее в руках, точь-в-точь как жених, пришедший свататься.

— Это не свидание, ничего такого — наверняка у тебя кто-нибудь есть! — Он замолк в ожидании ответа, но на лице Эммы не дрогнул ни один мускул. — Я просто подумал, может, тебя интересуют мои... — он заговорил в нос, — *уникальные комические скетчи*, только и всего. У меня сегодня выступление. — Произнося слово «выступление», он изобразил пальцами кавычки. — В клубе «Лягушка и попугай» в Кокфостерс.

— «Лягушка и попугай»?

— В Кокфостерс. Это у черта на куличках, а добираться туда в воскресенье вечером — все равно что лететь на Марс, но... пусть даже

комик из меня дерьмовый, другие ребята там что надо. Ронни Бутчер, Стив Шелдон, близнецы Камикадзе... — Он продолжал говорить, и Эмма уловила его настоящий акцент — приятную легкую гнусавость деревенского жителя с Запада, еще не изжитую в большом городе. Ей на ум снова пришли тракторы. — Сегодня у меня новый скетч про различия между мужчиной и женщиной...

Сомнений быть не могло — он звал ее на свидание. И ей бы пойти. Ведь не так уж часто это случается, да и что плохого может выйти, в конце концов?

— И кормят там вкусно. Все, как обычно, конечно: бургеры, весенние блинчики, жареная картошка...

— Звучит заманчиво, Иэн, особенно жареная картошка, но я сегодня не могу, прости.

— Правда?

— В семь церковная служба.

— А если серьезно?

— Предложение хорошее, но после смены я еле стою на ногах. Силы остаются лишь на то, чтобы пойти домой, набить брюхо, поплакать. Поэтому, боюсь, придется отказаться.

— Так, может, в другой раз? В пятницу я выступаю в «Чеширском коте» в Кингстоне-на-Темзе...

Эмма заметила, что повара заинтересованно на них поглядывают. Бенуа хихикал, прикрыв рукой рот.

— Может, в другой раз, — ответила она дружелюбно, но решительно и торопливо сменила тему. — А это, — проговорила она, постучав ногой по второму ведру, — это у нас сальса. Постарайся не испачкаться. Жжется, зараза.

* * *

Понимаешь, в чем дело, Эм (только что вернулся в свою ночлежку, бежал под дождем — дождь тут такой теплый, порой даже горячий, совсем не как в Лондоне), как я уже говорил, я напился и поймал себя на том, что думаю о тебе и о том, как жаль, что тебя нет рядом, чтобы увидеть все это, почувствовать. На меня снизошло озарение, и вот, собственно, оно.

Ты должна быть здесь, со мной. В Индии.

И вот мой грандиозный план, который конечно же покажется тебе

безумным, но я все-таки отправлю это письмо, пока не успел передумать. Ты должна выполнить мои простые указания.

1. Бросай сейчас же свою дерьмовую работу. Пусть кто-нибудь другой посыпает сыром тортильи за 2.20 в час. Сейчас же положи в сумку бутылку текилы и мотай оттуда. Только представь, Эм, как это будет здорово. Уйди сейчас. Просто сделай это, и всё.

2. Я также считаю, что тебе нужно свалить с той квартиры. Тилли обдирает тебя как липку — как можно платить столько за комнату без окон? Это не «гардеробная комната», а самый что ни на есть шкаф, и тебе надо сваливать оттуда — пусть кто-нибудь другой развешивает Тилли ее серые лифчики! Когда я вернусь в так называемый реальный мир, я куплю квартиру, потому что именно так поступают мерзкие зажравшиеся капиталисты вроде меня, и ты всегда сможешь жить у меня временно или постоянно, если захочешь, потому что мне кажется, у нас все получится, как по-твоему? Мы вполне можем стать соседями. Конечно, если тебе удастся противостоять моей сексуальной неотразимости, ха-ха. Если же нет, буду по ночам запираю тебя в твоей комнате. Короче, так мы дошли до самого главного, а именно:

3. Как только ты это прочтешь, вставай и иди в студенческое турагентство на Тоттенхэм-Корт-роуд и возьми себе билет с открытой датой до Дели, желательно с вылетом до 1 августа (а это уже через две недели). Если ты забыла, это мой день рождения. За ночь до знаменательной даты садись на поезд до Агры и там остановись в дешевой гостинице. Наутро встань пораньше и иди в Тадж-Махал. Может, слышала о таком месте — это такое белое здание, в честь которого назвали индийский ресторан на Лотиан-роуд? Оглянись вокруг, и ровно в полдень, если встанешь под самым куполом с красной розой в одной руке и экземпляром «Николаса Никлби»^[13] в другой, я приду и отыщу тебя, Эм. Я буду держать в одной руке белую розу, а в другой — экземпляр «Говардс-Энда», и когда увижу тебя, швырну в тебя эту тягомотину!

Не правда ли, это самый грандиозный план, о котором ты слышала?

Уверен, ты скажешь: ах этот Декстер, опять он в своем духе, а о самом главном забыл. Где взять деньги? Ведь авиабилеты не растут на деревьях, и как же мой соцпакет и рабочая этика и т. д. и т. п. Что ж, не волнуйся — за всё плачу я. Да, ты не ослышалась: за всё плачу я! Я переводом вышлю тебе денег на авиабилет (всегда хотел перевести кому-нибудь денег из-за границы) и буду оплачивать все твои расходы, пока ты будешь в Индии, что конечно же звучит круто, но на самом деле не так, потому что тут всё стоит копейки. Мы можем прожить здесь несколько

месяцев, Эм, ты и я, потом поехать в Кералу или в Таиланд. Пойдем на вечеринку в полнолуние — представь, не спать всю ночь не потому, что беспокоишься о будущем, а потому, что это весело. (Помнишь, как мы всю ночь не спали тогда, в Эдинбурге, Эм? Ладно. Рассказываю дальше.)

Всего за триста фунтов чужих денег ты могла бы изменить всю свою жизнь, и не надо из-за этого переживать, потому что, сама посуди, у меня есть деньги, хоть я никогда и не работал, а ты там вкалываешь и все равно сидишь без гроша — это ли не социализм в действии? К тому же, если тебе очень-очень захочется, ты конечно же сможешь вернуть мне долг, когда станешь знаменитым драматургом или поэзия вырастет в цене и т. д. К тому же это всего на три месяца. Мне осенью все равно возвращаться. Сама знаешь, у мамы проблемы со здоровьем. По ее словам, операция прошла успешно, но, может, она говорит так, лишь чтобы меня успокоить? Как бы то ни было, рано или поздно мне все равно придется вернуться. (Кстати, у моей мамы есть теория насчет тебя и меня, и если ты приедешь на встречу в Тадж-Махал, я все тебе расскажу, но только если приедешь.)

На стене передо мной сидит нечто вроде гигантской хищной саранчи, и она так на меня смотрит, будто приказывает мне заткнуться, что я и сделаю. Дождь кончился, сейчас я пойду в бар на встречу с новыми друзьями. Говоря «новые друзья», я имею в виду трех студенток амстердамского мединститута, и этим все сказано. Но по пути я непременно отыщу почтовый ящик и отправлю это письмо, пока не передумал. Не потому, что считаю, что твой приезд сюда — плохая идея (вовсе нет, идея замечательная, ты обязательно должна приехать), но потому, что думаю, что слишком много наговорил. Извини, если тем самым досадил тебе. Суть всего сказанного в том, что я думаю о тебе, причем постоянно. Декс и Эм, Эм и Декс. Можешь считать меня сентиментальным, но в этом мире нет ни одного человека, кроме тебя, вместе с которым я с большей охотой подцепил бы дизентерию.

Тадж-Махал, 1 августа, полдень.

Я тебя найду!

С любовью,

Д.

* * *

...и поставив точку, он потянулся, почесал затылок, допил последний

глоток пива, взял письмо, аккуратно сложил листки и торжественно положил перед собой получившуюся стопку. Тряхнул затекшей рукой — одиннадцать страниц, да еще и быстро написанных; он так много не писал с выпускных экзаменов. Удовлетворенно вытянув руки вверх над головой и потянувшись, он подумал: нет, это не письмо — это подарок.

Надев сандалии, он встал, слегка шатаясь, и с дрожью приготовился к походу в общие душевые. Его тело стало темным от загара — он целых два года работал над этим, и теперь цвет бронзы проник глубоко в кожу, как креозотовая пропитка — в древесину забора. Волосы были пострижены почти под ноль — над прической потрудился местный брадобрей. Декстер также немного похудел, но втайне ему нравился новый образ: героически впалые щеки, словно он заблудился в джунглях и его только что спасли. В довершение он сделал ни к чему не обязывающую татуировку на щиколотке — нейтральный символ инь-ян. Возможно, в Лондоне он об этом еще пожалеет, но ничего — всегда можно надеть носки.

Слегка протрезвев после холодного душа, он вернулся в свою крошечную комнату и произвел ревизию рюкзака в поисках подходящей одежды для свидания с голландскими студентками. Он перенюхал все свои футболки и штаны, откладывая их в сторону, пока те не образовали большую кучу на дырявой циновке. Выбрав наименее влажную майку с винтажной американской символикой и короткими рукавами, он натянул какие-то джинсы, обрезанные чуть ниже колен, которые следовало носить без нижнего белья, чтобы чувствовать себя отважным бунтарем. Путешественником и первооткрывателем.

А потом он увидел письмо. Шесть голубых листков, исписанных мелким почерком с обеих сторон. Он уставился на письмо, словно то была вещь, ненароком забытая непрошеным гостем, уже трезвым взглядом, и его взяло сомнение. Он осторожно поднял стопку листков, выловил взглядом случайную строку и тут же отвернулся, скривив рот. Восклицательные знаки, целые слова, написанные прописными буквами, нелепые шутки... Он назвал ее сексуальной... «письмописание»... такого слова даже не существует. В этом письме его голос звучал, как у начитавшегося стишков шестиклассника, а не путешественника и бунтаря с короткой стрижкой, татуировкой и в брюках, надетых на голое тело. Я тебя найду, я думаю о тебе, Декс и Эм, Эм и Декс — о чем он только думал? То, что казалось трогательным и важным всего час назад, теперь выглядело слащавой банальностью, а местами и откровенным враньем; не было на его стене никакой хищной саранчи, и он не слушал ее кассету, как написал — посеял кассетник где-то в Гоа. Это письмо все изменит между ними — но разве

ему не нравится нынешнее положение дел? Действительно ли он хочет, чтобы Эмма приехала к нему в Индию, смеялась над его татуировкой, остроумно комментировала все вокруг? Придется ли ему поцеловать ее в аэропорту? Будут ли они спать в одной кровати? Он попытался представить, как все будет. А может, не так уж ему и хочется ее видеть?

Нет, решил он наконец, хочется. Потому что, несмотря на очевидную глупость, в его словах сквозила искренняя симпатия и даже больше чем симпатия, и он непременно должен отправить это письмо сегодня же вечером. Если же она будет смеяться, всегда можно отшутиться: мол, был пьян. К тому же это правда.

Не сомневаясь больше, он положил письмо в авиапочтовый конверт и сунул его меж страниц «Говардс-Энда», подписанного рукой Эммы. А затем пошел на встречу с новыми голландскими знакомыми.

* * *

В тот вечер чуть, позже девяти, Декстер ушел из бара с Рене ван Хутен, которая училась на фармацевта в Роттердаме. Ладони ее были расписаны поблекшей хной, в кармане лежала упаковка темазепама, [\[14\]](#) а на копчике красовалась неумело сделанная татуировка с изображением дятла Вуди. Когда Декстер пропустил ее в дверях, ему показалось, что птица похотливо на него скалится.

Спеша к выходу, Декстер и его новая подруга случайно толкнули Хайди Шиндлер, студентку факультета химического машиностроения из Кёльна, двадцати трех лет от роду. Хайди выругалась, но по-немецки и достаточно тихо, так что Декстер ничего не слышал. Проталкиваясь сквозь толпу в баре, она сняла свой огромный рюкзак и оглядела зал в поисках свободных мест. У нее было румяное круглое лицо, напоминавшее несколько кругов, наложенных один на другой; этот эффект усиливали ее круглые очки, запотевшие в жарком и влажном воздухе. Хайди была не в настроении; во-первых, ее раздуло от антидиарейных препаратов, во-вторых, она злилась, что друзья все время ее бросают и без нее убегают. Рухнув на ветхий ротанговый диван, она без стеснения предалась жалости к себе. Сняла запотевшие очки, вытерла краем футболки, поерзала, устраиваясь удобнее, и... почувствовала, как что-то впилося ей в зад. Хайди снова тихо выругалась.

Меж засаленных поролоновых подушек лежала книга под названием «Говардс-Энд», а в книге — письмо. И хотя письмо предназначалось кому-

то другому, при виде красно-белой каймы авиаконверта Хайди невольно испытала волнение. Она взяла письмо, прочла его, а потом перечитала еще раз.

Английский Хайди был далек от совершенства, и некоторые слова показались ей незнакомыми — «письмописание», к примеру. Но она поняла достаточно, чтобы осознать важность этого письма. Это было такое письмо, которое ей очень хотелось бы когда-нибудь получить. Не любовное, но почти. Она представила, как эта Эм читает его и перечитывает, слегка раздосадованная, но и довольная, и вообразила, как она следует его указаниям: бросает свою ужасную квартиру и дерьмовую работу и меняет жизнь к лучшему. Хайди представила Эмму Морли, которая в ее воображении была почему-то очень похожа на нее саму, в назначенный день у Тадж-Махала. Вот к ней подходит красивый блондин, и они целуются. Представив это, Хайди почувствовала себя немного счастливее. И решила: что бы ни случилось, Эмма Морли должна получить это письмо.

Но на конверте не было ни адреса Эммы, ни адреса этого *Декстера*. Хайди пробежала письмо глазами в поисках хоть какой-то подсказки, например названия ресторана, где работала Эмма, но ничего такого не нашла. Тогда она решила навести справки в отеле напротив. В конце концов, что еще она могла сделать?..

Теперь Хайди Шиндлер зовут Хайди Клаус. Ей сорок один год, она живет в пригороде Франкфурта с мужем и четырьмя детьми и, в принципе, счастлива — уж, по крайней мере, счастливее, чем могла предположить в двадцать три. А книга «Говардс-Энд» в бумажном переплете так и стоит на полке в спальне для гостей, забытая и непрочитанная, а между обложкой и первой страницей вложено письмо. И на той самой первой странице мелким аккуратным почерком сделана надпись:

Милому Декстеру. Великая книга для твоего великого путешествия. Попутного тебе ветра, возвращайся в целостности и сохранности и без татуировок. Будь хорошим мальчиком, хотя бы настолько, насколько способен. Черт, как же я буду по тебе скучать. С любовью, твоя лучшая подруга Эмма Морли. Клэптон, Лондон, апрель 1990.

Глава 4

Шансы

Понедельник, 15 июля 1991 года

Кэмден-Таун и Примроуз-Хилл

— Внимание! Пожалуйста, послушайте! Эй, люди! Хватит разговаривать, замолчите, замолчите, пожалуйста. Прошу. Спасибо. Итак, с вашего позволения, повторим сегодняшнее меню. Для начала так называемые *блюда дня*. Сегодня у нас суп-пюре из сладкой кукурузы и чимичанга из индейки.

— Индейка? В июле? — проговорил Иэн Уайтхед из-за стойки бара, где он нарезал лаймы на ломтики, чтобы затем украсить ими горлышки пивных бутылок.

— Поскольку сегодня понедельник, — продолжил Скотт, — должно быть тихо и мирно, и я не хочу видеть ни одного пятнышка! Я посмотрел график... Иэн, сегодня твоя очередь мыть туалеты.

Остальные работники усмехнулись.

— Почему вечно я? — простонал Иэн.

— Потому что у тебя это получается так здорово, — ответила его хорошая подруга Эмма Морли, и Иэн воспользовался шансом и обнял ее за сутулые плечи, делая вид, что закалывает ее ножом.

— И еще, Эмма, когда вы закончите свою клоунаду, не могла бы ты зайти ко мне в кабинет? — добавил Скотт.

Под многозначительными взглядами усмехающихся сотрудников Эмма высвободилась из тисков Иэна. Бармен Рашид нажал клавишу на панели забрызганного жиром магнитофона, стоявшего на стойке бара, и «Кукарача», песня о таракане, заиграла, чтобы повториться еще тысячу раз, и даже шутки на эту тему уже не казались смешными.

* * *

— Перейду сразу к делу. Садись.

Скотт закурил, а Эмма тем временем взгромоздилась на барный табурет, стоявший напротив его большого стола, на котором царил вечный беспорядок. Июльское солнце едва пробивалось сквозь стену коробок с водкой, текилой, сигаретами, большинство из которых оказывались в карманах персонала. В комнате стоял запах пепельниц и разочарования.

Скотт положил ноги на стол:

— Дело в том, что я ухожу.

— Да что ты?

— В головном офисе мне предложили возглавить новую сеть «Хайль Цезарь» в Илинге...

— Что за «Хайль Цезарь»?

— Новая крупная сеть современных итальянских ресторанов...

— И они ее назвали «Хайль Цезарь»?

— Да.

— Почему не «Хайль Муссолини»?

— Они хотят сделать итальянский ресторан по тому же принципу, что этот мексиканский.

— В смысле, такой же дерьмовый?

Скотт, кажется, обиделся:

— Перестань, Эмма, ладно?

— Извини, Скотт, честно. Поздравляю тебя, ты молодец, правда... — Она осеклась, поняв, что за этим сообщением последует.

— Понимаешь, в чем дело... — Он переплел пальцы, наклонился вперед, точно повторяя действия какого-то бизнесмена, увиденного по телевизору, и преисполнился удовольствия от внезапно обретенной власти. — Меня попросили назначить себе замену на пост менеджера, и об этом я и хотел с тобой поговорить. Мне нужен человек, который никуда не денется. Надежный человек, который не сбежит в Индию без предупреждения и не бросит всё ради более интересной работы. Кто-то, кто точно останется тут еще на пару лет и посвятит всю себя... Эмма... ты что, плачешь?

Эмма опустила голову и закрыла глаза обеими руками:

— Извини, Скотт, просто день сегодня такой.

Он нахмурился: его раздражали ее слезы, но одновременно ему было ее жалко.

— Вот, возьми... — Скотт выудил один рулон бумажных кухонных полотенец из большой фабричной. — Успокойся. — Он бросил ей рулон, и тот отскочил от ее груди. — Я что-то не то сказал?

— Нет, нет, нет, это личное... так, иногда всплывает. Мне так

стыдно. — Она промокнула глаза двумя кусочками грубой голубой бумаги. — Извини, извини, и еще раз извини... так что ты говорил?

— Я даже не знаю, стоит ли продолжать после того, как ты так расплакалась.

— Кажется, речь шла о том, что моя жизнь безнадежна. — После этих слов она начала смеяться и плакать одновременно. Оторвав третий кусок бумаги, она прижала его ко рту.

Скотт подождал, пока ее плечи перестанут вздыматься от всхлипов.

— Так тебе нужна работа или нет?

— Ты хочешь сказать... — она накрыла ладонью крышку двадцатилитровой банки соуса «Тысяча островов», — что все это когда-нибудь будет моим?

— Эмма, если тебе не нужна работа, так и скажи. Я проработал здесь четыре года...

— И у тебя очень хорошо получается, Скотт.

— Зарплата нормальная, тебе никогда больше не придется мыть туалеты...

— Я ценю твое предложение, Скотт.

— Так почему слезы?

— Просто в последнее время я... немного в депрессии.

— В депрессии? — Скотт нахмурился, точно слышал это слово впервые.

— Ну, в смысле... грустно мне.

— А... Понятно. — Он хотел было по-отечески ее обнять, но для этого пришлось бы перелезть через десятигаллоновую бочку майонеза, поэтому он лишь подался вперед. — Эээ... проблемы в личной жизни?

Эмма рассмеялась:

— Это вряд ли. Скотт, со мной все в порядке, просто настроение неважное, только и всего. — Она бодро тряхнула головой. — Видите? Теперь все хорошо, я снова в норме. Давайте об этом забудем.

— Так что скажешь? По поводу моего предложения?

— Можно подумать? До завтра?

Скотт добродушно улыбнулся и кивнул:

— Конечно! Не спеши. — Он указал рукой на дверь и добавил с глубоким сочувствием: — Иди, съешь начос.

В пустой служебной комнате Эмма сверлила взглядом тарелку горячих кукурузных чипсов с расплавленным сыром, будто то был ее смертельный враг, подлежащий уничтожению.

Внезапно выпрямившись, она подошла к шкафчику Иэна, покопалась в плотной куче джинсовой одежды и вынула из кармана пачку сигарет. Достала одну, закурила, затем сняла очки и осмотрела свои глаза в потрескавшемся зеркале, облизывая пальцы и стирая черные разводы. Ее волосы отросли; она не укладывала их и не красила, так что они приобрели цвет, который она сама называла «дохлая мышь». Вытянув из-под резинки, стягивавшей волосы, собранные в хвост, одну прядь, она провела по ней указательным и большим пальцами. Когда она мыла голову, шампунь становился серым. Городские волосы. Кожа ее была бледной — слишком много ночных смен; а еще она поправилась и последние пару месяцев надевала юбки через голову. Это все фасоль, жареная и пережаренная. Толстуха, подумала она. Глупая толстуха. Эта мысль теперь постоянно вертелась у нее в голове, а еще фразы «треть жизни позади» и «в чем смысл всего этого?».

В двадцать пять лет у Эммы наступил второй подростковый возраст, и на этот раз самокопания и пессимизма было куда больше, чем в первый. «Приезжай домой, дочка», — сказала мама вчера по телефону своим дрожащим, полным тревоги голосом, точно ее дочь находилась в плену у инопланетян. «У тебя тут есть своя комната. В универмаге требуются продавцы...» И впервые за все время Эмме захотелось домой. Ей казалось, что она сможет завоевать Лондон, но город поглотил ее, как все и предсказывали. Она-то думала, что попадет в вихрь литературных чтений, политических дискуссий, веселых вечеринок, горько-сладких любовных историй с прогулками по набережной Темзы. Намеревалась создать свою группу, снимать короткометражные фильмы, писать романы... Но прошло два года, и тоненький сборник стихов не стал толще, да и, по правде сказать, не случилось вообще ничего хорошего, если не считать того, что, когда она вместе с единомышленниками выступила против подушного налога, их разогнали полицейские с дубинками.

А ведь она так старалась. У нее была мысль устроиться на работу в издательство. Ее подруга Стефани Шоу нашла такую работу после окончания колледжа, и теперь ее было не узнать. Куда девалась Стефани Шоу, которая хлестала пиво литрами и одевалась во все черное? Теперь она пила белое вино, носила стильные дизайнерские костюмчики и подавала закуски из органических продуктов на званых ужинах. По ее совету Эмма разослала письма издателям, агентам, владельцам книжных магазинов, но

безуспешно. В стране царил экономический кризис, люди с мрачной решимостью держались за свои места. Она уже начала подумывать о том, чтобы продолжить образование, но студенческие гранты отменили, а плата за обучение была ей не по карману. Правда, всегда можно было устроиться куда-нибудь добровольцем, например в «Международную амнистию», но расходы на квартиру и транспорт съедали весь ее доход, а работа в «Локо Кальенте» — время и силы. У нее даже возникла благородная идея читать романы вслух слепым, но есть ли вообще такая работа — или это она видела в кино? Когда будут силы, она обязательно узнает... А пока она способна только на то, чтобы сидеть за столом и уничтожать взглядом свой обед.

Химический сыр застыл и стал похож на пластик. Во внезапном приступе отвращения она оттолкнула тарелку, порылась в сумке и достала дорогой новый блокнот в кожаной обложке с пришпиленной к ней толстой перьевой ручкой. Открыв блокнот и посмотрев на чистый лист кремово-белой бумаги, она быстро начала писать.

Начос

*Во всем виноваты начос.
Дымящаяся масса, вязкая, как болото,
Болото ее жизни,
Воплощение всего, что не так
В
Ее
Жизни.*

*«Время перемен», — кричит голос в окне.
Там, на Кентиш-таун-роуд,
Кто-то смеется,
Но здесь, на прокуренном чердаке
Есть только начос.
Сыр, как ее жизнь,
Затвердел,
Стал холодным,
Как пластик,
И смех не доносится так высоко.*

Эмма отложила ручку, отвернулась и устремила взор в потолок, словно давая кому-то шанс спрятаться. Потом снова взглянула на лист в надежде, что ее поразит гениальность написанного.

Но она лишь поежилась, раздосадованно застонала и, качая головой, принялась зачеркивать строчку за строчкой перекрестными черточками, пока стало не разглядеть ни единого слова. Вскоре чернила так пропитали бумагу, что она размякла. Эмма перевернула страницу, теперь запачканную кляксами, и прочла, что на ней написано.

Утро в Эдинбурге, 4 часа

*Мы лежим на узкой кровати и
Говорим о будущем, гадаем.
Он говорит, а я смотрю и думаю:
«Красивый. — Какое глупое слово. —
Может быть, это то самое? То неуловимое чувство?»*

*Дрозды поют за окном,
Солнце греет шторы...*

Она снова поежилась, точно заглянув под бинты, и захлопнула блокнот. Боже мой, «неуловимое чувство». В ее жизни наступил поворотный момент. Она перестала верить, что можно улучшить ситуацию, сочинив о ней стихотворение.

Отложив блокнот, она взяла вчерашнюю газету и принялась за начос, неуловимые начос, удивившись в очередной раз, каким успокаивающим эффектом обладает вредная еда.

В дверях возник Иэн:

— Тот парень опять здесь.

— Какой парень?

— Приятель твой, красавчик. И с ним девчонка.

Эмма сразу поняла, о каком парне речь.

Прижавшись носом к жирному стеклу круглого окошка, она наблюдала из кухни, как они нагло развалились за центральным столиком, потягивая через соломинки цветные коктейли и смеясь над меню. Девушка была высокая, худая, с бледной кожей, подведенными черным глазами и черными-черными волосами, короткой и наверняка дорогой асимметричной стрижкой. Ее длинные ноги в сапогах выше колен

обтягивали прозрачные черные леггинсы. Оба были слегка пьяны и вели себя как герои попсового видеоклипа, с нарочитой развязностью, свойственной людям, когда те понимают, что на них смотрят, — и Эмма представила, с каким удовольствием вышла бы в зал и плюхнула им на голову по здоровенному *буррито* дня.

Две большие ладони легли ей на плечи.

— Ничего себе. — Иэн присвистнул и примостил подбородок у нее на голове. — Что за штука?

— Понятия не имею. — Эмма стерла отметину от своего носа на стекле. — За всеми не уследить.

— Значит, новенькая?

— Декстер ни на чем не способен сосредоточиться надолго. Он как младенец. Или обезьянка. Чтобы привлечь его внимание, надо помахать чем-нибудь блестящим у него перед носом. А эта девчонка, она, собственно, и есть *что-то блестящее*.

— Значит, по-твоему, правду говорят? Что девчонки западают на мерзавцев?

— Он не мерзавец. Он идиот.

— Значит, девчонки западают на идиотов?

Декстер заложил себе за ухо коктейльный зонтик, и этот гениальный трюк вызвал у его спутницы восторженный смех.

— Похоже на то, — ответила Эмма. И подумала: что с ним такое? Откуда эта потребность демонстрировать у нее под носом свой шикарный новый имидж городского жителя? В ту самую минуту, как она увидела его среди пассажиров, прибывших рейсом из Таиланда — похудевшего, загоревшего, с дурацкой маленькой татуировкой, — она сразу поняла, что между ними не может быть отношений. Он слишком много повидал, а она — слишком мало. И все же за последние девять месяцев это была уже третья его подружка, или девушка, или неизвестно кто. Декстер приводил их к ней, как собака приносит хозяину мертвого жирного голубя в зубах. Это какая-то извращенная форма мести или что? Потому что она лучше училась в колледже? Неужели он не понимает, каково ей смотреть на них, усевшихся за девятым столиком и развязно раскинувших ноги?

— Иэн, можешь их обслужить? Это твой столик.

— Он хотел тебя видеть.

Она вздохнула, вытерла руки об фартук, сняла бейсболку, чтобы выглядеть хоть чуточку менее идиотски, и толкнула дверь:

— Хотите узнать про наши блюда дня?

Декстер вскочил, высвободившись из длинноруких объятий новой

девушки, и обнял старинную подругу:

— Здорово, Эм, как жизнь? Ну, обнимемся! — С тех пор, как он начал работать на телевидении, у него появилась эта мания со всеми обниматься, прямо-таки душить в объятиях. Общение с другими телеведущими не прошло даром, и теперь он говорил с ней не как со старым другом, а, скорее, как с очередной «специальной приглашенной звездой». — Эмма, это... — он положил руку на обнаженное костлявое плечо новой знакомой, так что получилось, будто они обнимаются втроем, — это Наоми. Произносится как Ной-ми...

— Привет, Ной-ми, — с улыбкой сказала Эмма. Наоми улыбнулась в ответ, крепко зажав белоснежными зубами коктейльную соломинку.

— Посиди с нами, выпьем по «Маргарите»! — Декстер впал в пьяную сентиментальность и потянул Эмму за руку.

— Не могу, Декс. Я на работе.

— Да ладно тебе, всего на пять минут. Я хочу угостить тебя выпитым. В смысле, выпивкой. Да, выпивкой.

К ним подошел Иэн с блокнотом наготове.

— Готовы сделать заказ? — дружелюбно спросил он.

Наоми наморщила носик:

— Не думаю, что мы будем что-то здесь есть!

— Декстер, ты знаком с Иэном? — поспешно произнесла Эмма.

— Нет, не знаком, — проговорил Декстер.

— Вообще-то, нас познакомили уже несколько раз, — заметил Иэн, и на секунду повисла тишина. Они стояли перед ними — официанты перед клиентами.

— Так, Иэн, принеси-ка нам две... нет, три «Маргариты из Аламо», — наконец сказал Декстер и посмотрел на Эмму. — Две или три? Эм, ты с нами выпьешь?

— Декстер, я же говорю. На работе я.

— Ладно, тогда знаешь что... Тогда и мы больше не будем. Принесите счет и... ээ... — Иэн ушел, а Декстер поманил Эмму пальцем и шепотом произнес: — Слушай, а можно как-нибудь... ну, ты понимаешь...

— Что?

— Заплатить тебе за напитки.

Эмма непонимающе на него посмотрела:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, то есть... можно оставить чаевые, ну, лично тебе?

— Чаевые? Мне?

— Ну да. Лично тебе.

— Зачем?

— Не знаю, Эм, — ответил Декс. — Просто мне правда очень, очень хочется оставить тебе денег.

Когда Эмма услышала эти слова, ей показалось, будто маленькая частичка ее души умерла.

* * *

Декстер дремал под вечерним солнцем на Примроуз-Хилл, подложив руки под голову. Его рубашка была расстегнута, а рядом грелась бутылка дешевого белого вина, при помощи которого он превращал дневное похмелье в вечернее опьянение. На сухой желтой траве холма сидели люди, «молодые профессионалы»; некоторые пришли сюда прямо из офисов. Они болтали и смеялись под звуки трех соревнующихся стереомагнитофонов, и посреди всего этого лежал Декстер и мечтал о телевидении.

Он без особых сожалений отказался от мысли стать профессиональным фотографом. Он был неплохим любителем, и знал это, как и понимал, что, возможно, всегда им будет, но чтобы стать единственным в своем роде мастером, как Картье-Брессон, Капа или Брандт, необходимо было приложить усилия, бороться, быть отвергнутым много раз, а Декстер сомневался, что к этому готов. С другой стороны, телевидение было готово принять его прямо сейчас. И почему это раньше не пришло ему в голову? С детства в доме всегда был телевизор, но Декстеру почему-то казалось, что смотреть его вредно. Однако за последние девять месяцев телевидение вдруг стало центром его вселенной. Его словно посвятили в новую религию, и он теперь относился к телевидению стрепетом новообращенного, точно наконец обрел духовное пристанище.

И пусть он не мог похвастаться глянцевою профессией фотографа или уважением, которое вызывала профессия военного репортера, фраза «я работаю на телевидении» все равно звучала круто: за телевидением было будущее. Телевидение было демократией в действии, непосредственно затрагивало жизни людей, формировало мнения, провоцировало, развлекало и интересовало всех намного больше, чем все эти книги, которые никто не читал, или пьесы, которые никто не смотрел. Пусть Эмма ругает тори (Декстер и сам не был их фанатом, хотя больше из соображений стиля, чем принципа), но именно благодаря им телевидение задышало по-новому. До недавнего времени передачи были какие-то

бесцветные, унылые, непременно посвященные важным делам: сплошные рассуждения о профсоюзах, бюрократическая скукотища, бородатые пэры, святоши и старушки одуванчики, толкающие перед собой тележки, накрытые к чаю — не телевидение, а филиал соцслужбы. Компания «Редлайт продакшнз», напротив, была одной из новых молодых частных независимых телекомпаний, которые так расплодились в последнее время и стремились отгородиться от дряхлых динозавров Би-би-си. Телевидение было прибыльным делом, и об этом свидетельствовали просторные офисы телекомпаний — яркие цвета, новейшее компьютерное оборудование, набитые под завязку офисные холодильники.

Карьера Декстера в мире ТВ была поистине головокружительной. Женщина с блестящими короткими волосами и в круглых очках, с которой он познакомился в индийском поезде, взяла его сначала мальчиком на побегушках, потом сделала ассистентом. А теперь он был уже помощником продюсера в UP4IT — воскресной программе, включающей выступления в прямом эфире, возмутительные комические скетчи и репортажи о том, что «действительно заботит молодежь»: венерические заболевания, наркотики, танцевальная музыка, наркотики, жестокость полицейских, наркотики. Декстер снимал гипердинамичные короткие ролики о мрачной жизни многоквартирных домов «рыбьим глазом», наклонив камеру под безумным углом, затем при монтаже ускорял бег облаков по небу под эйсид-хаус. Ходили слухи, что в следующей серии программ его собираются сделать ведущим. Он был мастером своего дела, летал как на крыльях; у него были все шансы наконец-то стать гордостью родителей.

«Я работаю на телевидении» — даже произносить эту фразу было приятно. Ему нравилось идти по Бервик-стрит в монтажную с большой сумкой, нагруженной видеопленками, и кивать людям, которые были точно как он. Нравились суши и премьерные вечеринки, нравилось пить из кулеров, гонять курьеров и произносить фразы вроде «надо урезать шесть секунд». В глубине души ему нравилось и то, что на телевидении работали одни лишь красивые люди: здесь ценилась молодость. В этом прекрасном новом мире в конференц-залах за мозговыми штурмами не восседали шестидесятидвулетние старперы. Что случалось с работниками телеиндустрии, когда те достигали определенного возраста? Куда они девались? Его это не беспокоило, его все устраивало — например, обилие молодых женщин вроде Наоми, жестких, амбициозных девушек из большого города. Прежде в редкие минуты сомнений Декстера охватывало беспокойство, что недостаток интеллектуальных способностей будет тормозить его в жизни, но в нынешней его профессии ценились

уверенность в себе, энергичность, пожалуй, даже снобизм, а этих качеств у него было хоть отбавляй. Да, и на телевидении надо было быть умным, но не таким умным, как подразумевала Эмма. А «умным» в смысле соображать, что к чему, обладать интуицией и амбициями.

Он любил свою новую квартиру в соседнем районе Белсайз-Парк (темное дерево, полированный металл), любил Лондон, раскинувшийся перед ним в дымке в этот День святого Свитина. И ему хотелось поделиться всей этой радостью с Эммой, открыть ей новые возможности, новые горизонты, представить ее новым знакомым из совсем других социальных кругов — одним словом, сделать ее жизнь более похожей на его жизнь. Как знать, может Наоми и Эмма даже подружатся!

Убаюканный этими мыслями, он почти заснул, когда на него упала чья-то тень. Открыв один глаз, он прищурился:

— Привет, красотка.

Эмма больно пнула его в бедро.

— Ай!

— Никогда, никогда не делай так больше!

— Как *так*?

— Ты знаешь как! Как будто я зверь в зоопарке, а ты тычешь в меня палкой и смеешься...

— Я над тобой не смеялся!

— А я тебя видела, как ты висел на своей подружке, и вы там хихикали...

— Она не моя подружка, и мы смеялись над меню...

— Вы смеялись над моей работой.

— И что такого? Ты и сама над этим всегда прикалываешься.

— Да, потому что я там работаю. Я смеюсь из чувства противоречия, а ты просто смеялся мне в лицо!

— Эм, я бы никогда, никогда...

— Вот такое впечатление ты на меня производишь.

— Прости.

— Хорошо. — Она села рядом, скрестив ноги. — Застегни рубашку и дай мне бутылку.

— И она мне не подружка. — Он застегнул три нижние пуговицы, надеясь, что Эмма заглотит приманку. Но она ничего не сказала, поэтому он пошел дальше: — Мы просто спим вместе время от времени, только и всего.

Когда стало ясно, что с романтической точки зрения ничего им не светит, Эмма начала стараться не обращать внимания на безразличие

Декстера, и теперь фразы вроде той, что он только что произнес, уже были неспособны причинить ей боль — по крайней мере, не больше, чем теннисный мячик, попавший в затылок. В последнее время она только морщилась, услышав подобное замечание.

— Тем лучше для вас обоих. — Она налила вино в пластиковый стаканчик. — Но если она тебе не подружка, как мне ее называть?

— Не знаю. Любовница?

— Это разве не подразумевает наличие чувств?

— Как насчет *мое очередное достижение*! — Декстер просиял. — Или это в наше время неpolitкорректно?

— Лучше *жертва*. Мне это больше нравится. — Эмма отклонилась назад и сунула руку в карман джинсов, чувствуя неловкость. — Можешь взять обратно. — Она швырнула в него скомканной десятифунтовой купюрой.

— Еще чего!

— Да, чего.

— Это твое!

— Декстер, послушай меня внимательно. Другьям чаевые не дают.

— Это не чаевые, а подарок.

— Деньги — не подарок. Хочешь купить мне что-нибудь — пожалуйста, но только не дари деньги! Это просто позор.

Он вздохнул и спрятал деньги в карман:

— Извини. Еще раз.

— Ладно, — сказала она и легла рядом с ним. — Валяй. Рассказывай об этой своей Наоми.

Он просиял и приподнялся на локтях:

— В выходные мы устраивали after-пати...

After-пати, сказала она про себя. Он стал одним из тех, кто ходит на after-пати.

— ...я и раньше видел ее в офисе, а тут решил подойти и сказать привет и все такое, добро пожаловать в команду. Потом официально так протягиваю ей руку, а она улыбается, подмигивает, а потом кладет руку мне на затылок, притягивает к себе и... — Он выдержал паузу и закончил восторженным шепотом: — Целует, прикинь?

— Целует, прикинь? — повторила Эмма, снова получив по затылку теннисным мячиком.

— И при этом сует мне что-то в рот языком. Что это, спрашиваю я. А она подмигивает и говорит: узнаешь.

Помолчав, Эмма спросила:

- Это был орешек?
- Нет...
- Маленький орешек в шоколаде?
- Нет, это была таблетка...
- Типа «тик-така»? Потому что у тебя воняло изо рта?
- У меня не воня...
- И разве ты мне уже эту историю не рассказывал?
- Да, но то было с другой девчонкой.

Теннисные мячики теперь ударяли в голову один за другим, и, кажется, к ним присоединился футбольный. Эмма потянулась и, глядя на небо, сказала:

— Нельзя разрешать кому попало совать наркоту тебе в рот, Декстер, это негигиенично. И опасно. Однажды на месте этой таблетки может оказаться капсула с цианидом.

Декстер прыснул:

— Так ты хочешь узнать, что было дальше?

Она приложила палец к подбородку:

— Хочу ли я? Пожалуй, нет. Нет, не хочу.

Но он все равно ей рассказал, и все это она уже слышала — и про темные VIP-залы в клубах, и про ночные звонки и предрассветные такси через весь город; бесконечный шведский стол, «съешь, сколько сможешь», — вот на что была похожа его сексуальная жизнь, и Эмма сделала над собой усилие и постаралась не слушать, а всего лишь смотреть, как двигаются его губы. Они по-прежнему были такими же замечательными, как она помнила, и будь она бесстрашной, дерзкой и асимметричной, как эта Наоми, то наверняка наклонилась бы и поцеловала его... Тут ей пришло в голову, что она никогда никого не целовала, в смысле, первой. Ее, конечно, целовали, внезапно и слишком крепко, пьяные мальчишки на вечеринках, и эти поцелуи обрушивались на нее из ниоткуда, словно удар в лоб. Иэн тоже попытался поцеловать ее три недели назад, когда она подметала мясной холодильник: он так резко двинулся к ней, что ей показалось, будто он собирается боднуть ее лбом. Даже Декстер однажды ее поцеловал — много, много лет назад. Если она его поцелует, будет ли это выглядеть странным? Что, если она сделает это прямо сейчас? Возьмет инициативу в свои руки, снимет очки, положит руку ему на затылок, пока он говорит, и поцелует, поцелует его...

— ...и вот Наоми звонит мне в три утра и говорит: «Садись в такси. Немедленно».

Она живо представила, как он вытирает рот тыльной частью руки,

стирая поцелуй, как крем от пирога. Повернула голову и стала наблюдать за другими людьми на холме. Вечерний свет начал меркнуть, поблизости двести процветающих и привлекательных молодых профессионалов кидали фрисби, разжигали угли в переносных грилях и строили планы на вечер. И все же ей казалось, что эти люди с их захватывающими карьерами, сиди-плеерами и горными велосипедами были далеко-далеко, точно все происходящее вокруг — рекламный ролик, который она смотрела по телевизору: реклама водки или маленьких спортивных машин. «Приезжай домой, дочка, — сказала ей мама вчера, — у тебя тут есть своя комната...»

Она снова повернула голову и посмотрела на Декстера, который по-прежнему рассказывал о своих похождениях, потом на молодую пару за его спиной: женщина оседлала мужчину, агрессивно целуя его, а тот покорно раскинул руки. Их пальцы были переплетены.

— ...мы не выходили из отеля три дня, прикинь?

— Извини, я давно тебя не слушаю.

— Я как раз рассказывал...

— Что, по-твоему, она в тебе нашла?

Декстер пожал плечами, точно не понял вопрос:

— Она говорит, у меня сложная натура.

— Сложная натура. Твоя натура такая же сложная, как мозаика из двух фрагментов. — Эмма села и отряхнула джинсы. — Для детей от одного до трех. — Она подняла кверху штанины. — Ты только посмотри на мои ноги. — Она поддела волосок пальцами. — У меня ноги, как у пятидесятивосьмилетней старухи, заведующей благотворительным обществом.

— Так сделай эпиляцию, хиппи.

— Декстер!

— К тому же, ножки у тебя что надо. — Он потянулся и ущипнул ее за щиколотку. — Ты же у нас красotka.

Она оттолкнула его, и он повалился на траву.

— Не могу поверить, что ты назвал меня хиппи. — Парочка за их спинами по-прежнему целовалась. — Только посмотри на тех двоих... не пялься! — Декстер обернулся. — Я их даже слышу. С такого-то расстояния. Слышишь эти чавкающие звуки? Как будто затычку из раковины вытаскивают. Говорю тебе, не пялься!

— Почему? Мы же в публичном месте.

— Зачем приходить в публичное место и вести себя так? У меня такое чувство, будто я смотрю программу о животных.

— Может, они любят друг друга.

— Так вот что такое любовь — слюнявые рты и задранная юбка?

— Иногда да.

— Она как будто пытается залезть к нему в рот головой. Еще чуть-чуть, и челюсть вывихнет.

— А она ничего.

— Декстер!

— Ну правда же.

— Знаешь, некоторым это может показаться странным, вот эта твоя одержимость сексом, точно ничем другим людям и не положено заниматься. В глазах некоторых это выглядит жалко и убого...

— Странно, а я вовсе не чувствую себя жалким. Или убогим.

Эмма, которая чувствовала себя и жалкой, и убогой, промолчала. Декстер слегка толкнул ее локтем:

— Знаешь, что тебе и мне надо сделать?

— Что?

Он заулыбался:

— Вместе употребить Э.

— Э? Что за Э? — Она искренне недоумевала. — Ах, ты имеешь в виду экстази? Кажется, я читала об этом в журнале. Нет, расширение сознания с помощью химии — это не мое. Я как-то крышку на банке с замазкой забыла закрыть, так мне начало казаться, что мои туфли хотят меня съесть. — К ее удовольствию, он рассмеялся над ее шуткой, и она скрыла улыбку в пластиковом стаканчике. — Короче, я предпочитаю чистый, естественный продукт, то есть алкоголь.

— Экстази избавляет от комплексов.

— Поэтому ты в последнее время со всеми обнимаешься?

— Я просто считаю, что тебе не мешает повеселиться, вот и все.

— А мне и так весело. Ты даже не представляешь, какая веселая у меня жизнь. — Лежа на спине и глядя в небо, она почувствовала, что он смотрит на нее.

— Ну и?.. Теперь твоя очередь, — произнес он тоном, который она называла психотерапевтическим. — Какие у тебя новости? Что в жизни происходит? Имею в виду, в личной.

— Ох, ты же меня знаешь. Я человек без эмоций. То есть робот. Или монахиня. Робот-монахиня.

— Неправда. Ты притворяешься такой, но не такая.

— Да я не против. Мне даже нравится идея состариться в одиночестве...

— Тебе двадцать пять, Эм...

— ...стать синим чулком.

Декстер не был уверен, что знает значение этого выражения, но при слове «чулок» возбудился, как собака Павлова. Эмма продолжала говорить, а он тем временем представил ее в синих чулках, но потом решил, что синие чулки ей не пойдут (впрочем, они не пойдут никому) и что чулки должны быть черными или красными, как те, что надела как-то Наоми... после чего решил, что смысл выражения «синий чулок» от него ускользает. Эти эротические грезы отняли у него довольно много мысленной энергии, и он задумался, а не права ли Эмма и не слишком ли он отвлекается на сексуальные темы. Не реже раза в час он превращался в идиота, взглянув на рекламу, обложку журнала или заметив выглядывающую из-под одежды пурпурную бретельку лифчика, а летом дела обстояли еще хуже. Нормально ли это — постоянно чувствовать себя так, будто только что вышел из тюрьмы? Надо сосредоточиться. Человек, который ему отнюдь небезразличен, явно переживает что-то вроде нервного срыва, и он должен сосредоточиться на этом, а не на трех девчонках, которые брызгаются в пруду...

Сосредоточься! Сосредоточься. Он попытался не думать о сексе, но мысли двигались со скоростью улитки.

— А как же тот парень? — спросил он.

— Какой парень?

— Официант с работы. Похож на ботана из компьютерного клуба.

— Иэн? А что с ним такое?

— Почему бы тебе не начать встречаться с ним?

— Заткнись, Декстер. Я и Иэн, мы просто друзья. Дай лучше бутылку. — Она сделала глоток вина, которое нагрелось и стало похожим на сироп. Он следил за ней взглядом. Хотя Декстеру не была свойственна сентиментальность, временами он мог просто тихо сидеть и смотреть, как Эмма Морли смеется или рассказывает что-нибудь, и в такие минуты он был абсолютно уверен, что она — самый прекрасный человек, которого он когда-либо знал. Иногда ему хотелось сказать это вслух, перебить ее и просто сказать об этом. Но не сегодня — сегодня он смотрел на нее и думал, что она выглядит усталой, бледной, грустной и что, когда она смотрит вниз, у нее появляется второй подбородок. И почему она не хочет носить линзы вместо этих больших ужасных очков? Ведь она уже не студентка. И эти бархатные резинки — они ее совершенно не красят. Что ей действительно нужно, подумал он, преисполнившись сочувствия, так это чтобы кто-нибудь взялся за нее и помог ей раскрыть собственный потенциал. Перед его глазами возникла вереница кадров: вот он по-

отечески одобряюще смотрит, как Эмма примеряет кучу потрясных новых нарядов. Да, ему следовало бы уделять Эмме побольше внимания, и он так и сделал бы, если бы в его жизни столько всего не происходило.

Но есть ли что-нибудь, что он может сделать прямо сейчас, чтобы вселить в нее уверенность, поднять ей настроение, чтобы она так не убивалась? У него возникла идея, и, потянувшись, он взял ее за руку и торжественно произнес:

— Знаешь, Эм, если к сорока годам ты не выйдешь замуж, я сам на тебе женюсь.

Она взглянула на него с нескрываемым отвращением:

— Это что, Декс, такое предложение руки и сердца?

— Я не про сейчас говорю, а про некий момент в будущем, когда мы оба уже будем на грани отчаяния.

Эмма горько усмехнулась:

— И почему ты решил, что я захочу за тебя замуж?

— Ну, это вроде как само собой разумеется.

Она медленно покачала головой:

— Тогда тебе придется встать в очередь. Вот мой друг Иэн предложил мне то же самое, когда мы на днях обрабатывали морозильник антисептиком. Только не в сорок, а в тридцать пять.

— Без обид, но мне кажется, лишних пять лет свободы тебе не помешают.

— Да не собираюсь я замуж ни за него, ни за тебя. Я вообще никогда не выйду замуж.

— Откуда ты знаешь?

Она пожала плечами:

— Цыганка нагадала.

— Наверное, тебе не позволяют политические убеждения или что-то вроде этого.

— Просто... это не для меня, только и всего. — Она поняла, что со стороны выглядит жалкой пессимисткой.

— Представляю тебя невестой. Пышное белое платье, подружки, нарядные мальчишки, несущие шлейф, голубая подвязка... — *Подвязка*. Его мозг клюнул на это слово, как рыба на наживку. — Вообще-то, мне кажется, что в жизни есть кое-что важнее отношений...

— Ага. Карьера, например. — Она бросила на него уничтожающий взгляд. — Извини.

Они снова повернулись к небу, которое уже совсем потемнело, и через минуту она проговорила:

— Между прочим, в моей карьере сегодня вроде как произошел скачок.

— Тебя уволили?

— Повысили. — Она улыбнулась. — Предложили работу менеджера.

Декстер резко выпрямился:

— В этой дыре? Ты должна отказаться.

— И с какой стати? Что плохого в ресторанном бизнесе?

— Эм, да работай ты хоть на добыче урана, лишь бы тебе это нравилось! Но ты же ненавидишь это место, каждую минуту, проведенную там!

— Ну и?.. Большинство людей ненавидят свою работу. Поэтому это так и называется: «работа».

— Послушай, а что, если мне удастся найти тебе место?

Она рассмеялась:

— Какое место?

— У нас, в «Редлайт продакшнз»! — Ему понравилась собственная идея. — Будешь ассистентом. Поначалу придется побегать за кофе бесплатно, но я знаю, у тебя получится...

— Декстер, спасибо, конечно, но я не хочу работать в СМИ. Я знаю, что всем сегодня положено мечтать о работе в СМИ, будто это лучшая работа в мире... — *Говоришь, как истеричка*, подумала она, *истеричка, которая на самом деле ему завидует*. — Я даже не понимаю, что такое эти СМИ... — *Замолчи, успокойся*. — Вы же там ничем не занимаетесь, только целыми днями пьете минералку из бутылочек, кайфуете и копируете свою задницу на ксероксе...

— Эй, не такая уж это легкая работа, Эм...

— Если бы люди относились к профессии медсестры, или, не знаю, соцработника, или учителя с таким же уважением, как к работе на *чертовом телевидении*...

— Так стань учителем! Из тебя выйдет отличный учитель...

— Я хочу, чтобы ты пообещал никогда больше не давать своим друзьям советы насчет карьеры! — Она говорила слишком громко, почти кричала, и за ее словами последовала тишина. Почему она ведет себя так? Он же просто хочет помочь. Какая ему польза от их дружбы? Ему бы сейчас встать и уйти, она так и сделала бы на его месте. Они повернулись и одновременно взглянули друг на друга.

— Прости, — сказал он.

— Нет, это ты меня прости.

— А тебе-то за что извиняться?

— Наорала на тебя, как... сумасшедшая старая корова. Извини, я устала, у меня был неудачный день, и мне жаль, что я такая... скучная.

— Не такая уж ты и скучная.

— Нет, Декс, серьезно. Я порой сама на себя нагоняю уныние.

— Но мне с тобой не скучно. — Он взял ее руку. — И никогда не будет.

Ты одна на миллион, Эм.

— Брось, я даже не одна на три.

Он слегка толкнул ее ногой:

— Эм?

— Да?

— Просто согласись со мной хоть раз, ладно? Промолчи и согласись.

Минуту они молча смотрели друг на друга. Потом он снова лег на траву; Эмма легла вслед за ним и слегка вздрогнула, обнаружив под плечами его руку. На секунду они оба почувствовали стеснение, а потом она перевернулась на бок и свернулась клубком рядом с ним. Он обнял ее крепче и заговорил где-то у нее над головой:

— Знаешь, чего я не могу понять? Столько людей вокруг постоянно твердят тебе, какая ты классная, умная, веселая, талантливая и прочее, твердят бесконечно — уж я, по крайней мере, повторяю это уже несколько лет. Так почему ты им не веришь? Почему, по-твоему, они продолжают это твердить, Эм? Или это заговор и все втайне сговорились и делают вид, что хорошо к тебе относятся?

Она прижалась лицом к плечу Декстера и поняла, что надо его остановить, иначе она расплачется.

— Ты очень славный. Но мне пора.

— Нет, побудь еще. Возьмем еще бутылку.

— Разве Наоми тебя не ждет? Наверняка у нее весь рот набит веселыми таблетками, как у маленького хомячка-торчка. — Она раздула щеки, Декстер засмеялся, и ей стало немного лучше.

Они задержались еще ненадолго, потом сходили в винный и вновь поднялись на холм, чтобы наблюдать закат над городом, пить вино и есть дорогие чипсы из большого пакета. Из зоопарка доносились странные звериные крики, и в конце концов, кроме них, на холме не осталось никого.

— Мне пора домой, — сказала она, вставая на нетвердых ногах.

— Можешь переночевать у меня.

Она представила дорогу домой: северная ветка метро, второй этаж тридцать восьмого автобуса и долгий путь пешком по опасным улицам, где всегда почему-то пахло жареным луком. Когда она зайдет в комнату, батареи будут разогреты на полную катушку и Тилли Киллик будет сидеть,

прилипнув к радиатору, как геккон, в распахнутом халате, и есть песто прямо из банки. В холодильнике ее ждал сыр с отметинами от зубов, по телевизору — тупой сериал, и меньше всего на свете ей хотелось возвращаться домой.

— Возьмешь мою зубную щетку, — добавил Декстер, словно читая ее мысли. — Поспишь на диване.

Представив себя на его новеньком дизайнерском диване, обтянутом поскрипывающей черной кожей, с кружащейся от выпитого вина и растерянности головой, она решила, что в жизни ее и без того довольно сложностей. И твердо пообещала себе — в последнее время она давала себе твердые обещания почти каждый день, — что не будет больше ночевок у Декстера, не будет стихов и зря потраченного времени. Пора навести в жизни порядок. Пора начать всё заново.

Глава 5

Просто друзья

15 июля 1992 года

Острова Додеканес, Греция

А бывает, проснешься, и все идеально.

Это славное ясное утро Дня святого Свитина застало их под бескрайними голубыми небесами без малейшей угрозы дождя на палубе парома, медленно бороздящего воды Эгейского моря. В новых солнцезащитных очках и летней одежде, они лежали рядом под утренним солнцем, отсыпаясь после вчерашней попойки в таверне. На второй день десятидневного отпуска на островах установленные правила были по-прежнему в действии.

Это было что-то вроде женевской конвенции для «просто друзей» — свод основных запретов, составленный до отъезда с той целью, чтобы отпуск прошел без осложнений. Эмма снова была в свободном плавании: короткий и непримечательный роман со Спайком, специалистом по ремонту велосипедов, чьи пальцы постоянно пахли водоотталкивающим спреем, закончился без особых сожалений для обеих сторон, но благодаря ему у нее хотя бы повысилась самооценка. Да и велосипед ее теперь был в отличной форме.

Декстер, в свою очередь, перестал встречаться с Наоми, потому что отношения, по его словам, стали «слишком напряженными», что бы это ни значило. После Наоми была Аврил, затем Мэри, Сара, другая Сара, Сандра и Иоланда, и вот теперь настал черед неистовой Ингрид, ныне модного стилиста, а прежде модели, которая была вынуждена покинуть подиум, потому что — об этом она сообщила Эмме с полной серьезностью — у нее «слишком большая для манекенщицы грудь». Декстер при этом выглядел так, будто он вот-вот лопнет от гордости.

Ингрид была из тех не стесняющихся своей сексуальности девушек, у которых лифчик выглядывает из-под одежды. И хотя Эмма ни в коем случае не составляла для нее конкуренции (впрочем, как и остальные женщины на этой Земле), было решено, что для всех сторон будет лучше,

если некоторые вещи прояснятся до того, как Эмма с Декстером наденут одежду для плавания и нагрузятся коктейлями. Было маловероятно, что между ними что-то произойдет — окошко вероятности закрылось много лет назад, и у них давно выработался друг на друга иммунитет. Они были просто друзьями, и ничего больше. И тем не менее однажды в пятницу июньским вечером Декстер и Эмма сели на террасе паба в Хэмпстед-Хит и составили правила.

Правило номер один: разные комнаты. Что бы ни случилось, не должно быть никаких общих кроватей, двуспальных или односпальных, никаких объятий и телячьих нежностей по пьяной лавочке — они уже не дети.

— Я вообще не вижу смысла в телячьих нежностях, — заявил Декстер.

— У меня от телячьих нежностей живот болит, — заметила Эмма. И добавила: — Не флиртовать. Правило номер два.

— Я никогда не флиртую, так что... — Декстер потерся ногой о ее щиколотку.

— Я серьезно — никакого баловства после пары коктейлей.

— Баловства?

— Ты знаешь, о чем я. Никаких штучек.

— Штучек... с тобой?

— Со мной, не со мной — неважно. Пусть это будет правило номер три. Не хочу сидеть кислая, как лимон, пока ты там натираешь Лотте из Штуттгарта маслом для загара.

— Эм, этого не случится.

— Не случится. Потому что теперь это правило.

Правилом номер четыре, по настоянию Эммы, запрещалась всякая обнаженка. Никаких купаний голышом — неизменно скромный и прикрытый внешний вид. Она вовсе не собирается глазеть на Декстера в трусах, в душе или, не дай бог, в туалете. В отместку Декстер предложил правило номер пять: никаких настольных игр. Все больше и больше его друзей в последнее время увлеклись «Скрэбблом», причем играли в него с видом саркастичных умников, зарабатывая тройные очки. Однако Декстеру казалось, что эта игра придумана с одной лишь целью: заставить его мучиться от скуки, при этом чувствуя себя идиотом. Так что никакого «Скрэббла», и уж тем более пазлов, пока он жив.

И вот во второй день отпуска, не нарушив пока ни единого правила, они лежали на палубе допотопного ржавого парома, который, пыхтя, тащился с Родоса к островам Додеканес. Первый вечер они провели в старом городе, пили сладкие коктейли, которые подавали в выскобленных

ананасах, и всё не могли перестать улыбаться от новизны происходящего. Паром ушел с Родоса затемно, и теперь, в девять утра, он и она тихо лежали с похмельной головой; вибрация мотора отдавалась в их вспученных булькающих животах, и они ели апельсины, молча читали, молча сгорали, абсолютно счастливые в молчаливой компании друг друга.

Декстер сломался первым, вздохнул и положил книгу на грудь — «Лолиту» Набокова, подарок от Эммы, которая самоназначилась ответственной за пляжное чтение, в результате чего целая куча книг, настоящая мобильная библиотека, заняла почти весь чемодан.

Прошла минута. Он снова многозначительно вздохнул.

— Что с тобой? — спросила Эмма, не отрываясь от «Идиота» Достоевского.

— Не могу это читать.

— Это шедевр литературы.

— У меня от него голова болит.

— Надо было взять какую-нибудь книжку с картинками.

— О, в целом мне нравится...

— «Очень голодная гусеница»^[15] тебе бы подошла.

— ...просто она однообразная какая-то. Какой-то чувак все время рассуждает о том, какой он озабоченный.

— А мне казалось, ты найдешь в этом что-то созвучное для себя. — Она приподняла очки. — Это очень эротичная книга, Декс.

— Разве что для любителей маленьких девочек.

— Напомни-ка, за что тебя уволили из английской школы в Риме?

— Эм, ей было двадцать, сколько раз можно повторять!

— Тогда спи. — Она взяла свой русский роман. — Фарисей.

Он снова откинулся на рюкзак, но рядом присели двое, закрыв ему солнце. Девушка была симпатичной, хоть и дерганой, а парень был крупным, светлокожим, почти снежно-белым на утреннем солнце.

— Простите... — произнесла девчонка с деревенским акцентом.

Декстер прикрыл глаза рукой и широко улыбнулся:

— Привет.

— Вы не тот парень с телевидения?

— Возможно, — ответил Декстер, снял солнцезащитные очки и, рисуясь, потрянул головой. Эмма простонала.

— Как это шоу называется? «зашибись!» — Название его шоу всегда писалось с маленькой буквы: заглавные временно вышли из моды.

Декстер поднял руку:

— Виновен!

Эмма приснула, и Декстер одарил ее уничтожающим взглядом.

— Книжка смешная, — пояснила она, помахав томиком Достоевского.

— А я так и знала, что видела вас по телевизору! — Девушка толкнула локтем своего спутника. — Ну, что я тебе говорила?

Розовощекий смущенно поежился и что-то пробормотал. Повисла тишина. Декстер услышал пыхтение моторов и понял, что раскрытая «Лолита» по-прежнему лежит у него на груди. Он тихонько сунул книгу в сумку.

— Так вы отдыхать приехали? — спросил он. Вопрос был риторический, зато это позволило ему вжиться в свой телевизионный имидж классного простого парня, которого ты только что встретил в баре.

— Да, — вяло сказал розовощекий.

Снова тишина.

— Моя подруга Эмма.

Эмма взглянула на них поверх очков:

— Привет.

Девушка прищурилась:

— Вы тоже работаете на телевидении?

— Я? О боже, нет. Хотя мечтаю об этом.

— Эмма работает в «Международной амнистии», — с гордостью объявил Декстер, опустив руку ей на плечо.

— По совместительству. А так я в ресторанном бизнесе.

— Она менеджер в ресторане. Но собирается уйти. С сентября Эмма будет учиться на педагога, верно, Эм?

Эмма пронзила его взглядом:

— Почему ты так странно разговариваешь?

— Как странно? — Декстер рассмеялся, делая вид, что не понимает. Но парень с девушкой смущенно переминались с ноги на ногу, при этом заглядывая за борт — будто раздумывали, а не прыгнуть ли им часом. Декстер понял, что пора заканчивать интервью. — Значит, увидимся на пляже? Может, выпьем вместе пивка. — Ребята улыбнулись и вернулись на свои места.

Декстер никогда не стремился быть знаменитым, но ему всегда хотелось добиться успеха, а какой смысл это делать, если никто не узнает? Люди должны об этом знать. Теперь, когда к нему пришла слава, все встало на свои места, словно известность была естественным продолжением школьной популярности. Не хотел он становиться и телеведущим, — впрочем, если спросить любого телеведущего, то окажется, что никто из них этого не хотел, — но обрадовался, когда ему сказали, что у него талант.

Его первое появление перед камерой было похоже на то, как если бы он впервые в жизни сел за фортепьяно, и вдруг обнаружилось, что он виртуоз. Сама программа была не столь серьезной, как другие, над которыми он работал, и состояла всего лишь из нескольких живых выступлений, премьер видеоклипов и интервью со звездами. Признаться, эта работа не была сложной — от него требовалось лишь смотреть в камеру да время от времени покрикивать «Оторвемся!». Но это получалось у него так хорошо, так красиво, так впечатляюще.

Однако публичное признание было ему в новинку. Зная себя, он понимал, что обладает склонностью к тому, что Эмма называла «идиотской самовлюбленностью», и потому наедине с собой тренировался принимать правильное выражение лица. Декстеру не хотелось казаться неестественным или напыщенным, поэтому он научился делать лицо, словно говорившее собеседнику: подумаешь, телевидение — ничего такого. Именно такое выражение было у него сейчас, когда он надел очки и снова взялся за книгу.

Эмма с любопытством наблюдала за его представлением: как он старается казаться беззаботным, но при этом слегка раздувает ноздри и улыбается краешками губ. Она сдвинула очки на лоб:

- Ты же не изменишься, верно?
 - Отчего?
 - Оттого, что ты теперь знаменитость, хоть и малюсенькая...
 - Ненавижу это слово — *знаменитость*.
 - О, а как ты предпочитаешь именоваться? *Звездой*?
 - Как насчет *легендарного Декстера*?
 - Предпочитаю *Декстера, который меня достал*. Точно, как насчет *Декстера, который меня достал*?
 - Завязывай, а, сестренка?
 - Не мог бы ты прекратить?
 - Что?
 - Уличный жаргон, вот что. Ты же ходил в частную школу для богатеньких мальчиков, забыл?
 - А я вовсе не говорю на жаргоне.
 - Говоришь, когда превращаешься в мистера Телезвезду. Как будто ты продавец с рыбного рынка, который на минутку оставил свой прилавок, чтобы снять это модное телешоу!
 - А ты говоришь с йоркширским акцентом, между прочим!
 - Потому что я из Йоркшира!
- Декстер пожал плечами:

— Я должен использовать всякие словечки, чтобы завоевать симпатии публики.

— А как насчет моей симпатии?

— Я все понимаю, но лишь ты одна из двух миллионов человек не смотришь мое шоу.

— Ах, теперь это *твое* шоу?

— Шоу, которое я веду.

Она рассмеялась и снова уткнулась в книгу. Спустя некоторое время Декстер снова заговорил:

— А ты правда не смотришь?

— Что?

— Меня по телевизору? «зашибись!»?

— Ну, может, пару раз видела. Включала как фон, когда разбирала счета.

— И как тебе?

Она вздохнула:

— Не в моем вкусе, Декс.

— Но скажи честно...

— Я в телевидении ничего не понимаю...

— Просто скажи, что думаешь.

— Хорошо. По-моему, посмотреть твоё шоу — это все равно что час простоять под прожектором, слушая крики местного алкаша, но как я уже говорила...

— Можешь не продолжать. — Он посмотрел в книгу, потом опять на Эмму: — А я?

— Что ты?

— Я, по-твоему, хоть чего-то стою? Как ведущий?

Она сняла очки:

— Декстер, поверь, ты лучший ведущий молодежного телевидения в нашей стране, и учти, я такими словами не бросаюсь.

Он гордо приподнялся на локте:

— Вообще-то, мне больше нравится называть себя журналистом.

Эмма улыбнулась и перевернула страницу со словами:

— Уверена в этом.

— Ведь сама посуди, это же и есть журналистика. Я готовлю программу, пишу сценарий интервью, задаю все нужные вопросы...

Она задумчиво подперла подбородок:

— О да, кажется, я видела твоё аналитическое интервью с Эм-Си Хаммером. Очень остросоциальный, провокационный репортаж...

— Заткнись, Эм...

— Нет, серьезно, то, как тебе удалось расспросить Эм-Си Хаммера о самом сокровенном — его музыкальном творчестве и о том, где он берет такие штаны... Это было... неподражаемо.

Он замахнулся на нее книжкой:

— Заткнись и читай дальше! — Откинувшись на спину, он закрыл глаза, Эмма взглянула на него и, увидев, что он улыбается, тоже улыбнулась.

Близился полдень, Декстер спал, а Эмма тем временем увидела издали их остров — серо-голубую гранитную массу, возникающую из самого чистого моря, какое ей когда-либо приходилось видеть. Ей всегда казалось, что такой воды не бывает, что это все обманка, существующая лишь в туристических проспектах и созданная при помощи фильтров и линз, однако сейчас перед ней было именно такое море, сверкающее на солнце и изумрудно-зеленое. На первый взгляд остров казался необитаемым, не считая десятка домиков цвета кокосового мороженого, ползущих вверх по холму от гавани. При виде всего этого сна поймала себя на том, что тихо смеется. До сих пор все ее путешествия были неудачными: до шестнадцати лет каждый год она и ее сестра дрались в фургончике в Файли,^[16] пока их родители накачивались спиртным, глядя на дождь из окна. Это продолжалось две недели — своего рода жестокий эксперимент с целью выяснить, что будет, если поселить много человек на ограниченном пространстве. Во время учебы в университете она с Тилли Киллик ходила в походы в Кернгормские горы^[17] — шесть дней в палатке, пропахшей супами из пакетика. Она отправлялась в каждый такой поход в веселом настроении, предвкушая, что отпуск окажется настолько ужасным, что будет даже смешно, — однако он оказывался просто ужасным и ничуть несмешным.

Теперь же, стоя у ограждения и глядя на уже четко вырисовывающиеся очертания города, она начала понимать, в чем смысл путешествий: никогда она еще не чувствовала себя так далеко от прачечных-автоматов, двухэтажного автобуса, везущего ее в направлении дома, и тесной комнатухи в квартире Тилли. Тут даже воздух казался другим, причем не только на запах и на вкус — это словно была другая природная стихия. В Лондоне воздух был мутным, как запущенный аквариум, в который нужно вглядываться, чтобы что-то рассмотреть. Здесь же все было ярким, отчетливым, чистым и прозрачным.

Она услышала щелчок затвора фотоаппарата и, обернувшись, увидела,

что Декстер опять ее снимает.

— Я ужасно выгляжу, — машинально сказала она, хотя, возможно, это было не так. Декстер встал у нее за спиной, взявшись за перила по обеим сторонам от ее талии:

— Красиво, правда?

— Ничего, — ответила она и не смогла вспомнить, когда чувствовала себя счастливее.

Они сошли на берег — впервые в жизни она действительно сошла на берег — и тут же окунулись в водоворот причальной суеты. Обычные путешественники и бэкпекеры пытались выторговать лучшую цену на жилье.

— А теперь что?

— Найду нам какое-нибудь жилье. Ты подожди в том кафе, а я за тобой приду.

— Только чтобы там был балкон...

— Да, мэм.

— ...и вид на море. И письменный стол.

— Постараюсь. — Шлепая сандалиями, он зашагал к толпящимся на пристани туземцам.

— И не забудь! — крикнула она ему вслед.

Он обернулся и посмотрел на нее. Эмма стояла у начала волнореза, придерживая широкополую шляпу; легкий ветер дул прямо на нее, отчего четко обозначились линии ее тела под летним голубым платьем. Она больше не носила очки, а на груди у нее были веснушки, которых он раньше никогда не замечал, и розовая кожа, исчезающая под воротом платья, стала золотистой.

— Не забудь про правила, — сказала она.

— А что с ними?

— Нам нужны две комнаты. Понял?

— Конечно. Две комнаты.

Улыбнувшись, он продолжил путь. Эмма посмотрела ему вслед, затем оттащила два рюкзака вдоль волнореза к маленькому открытому кафе, где гулял ветер. Порывшись в сумке, она достала ручку и блокнот — дорогой, в тканевом переплете. Ее путевой журнал.

Открыв блокнот на первой чистой странице, она задумалась, какую бы умную мысль или наблюдение записать. Но ничего не приходило в голову, кроме слов «все хорошо». Все было хорошо, и ее переполняло новое и незнакомое чувство, что именно здесь ей положено быть.

* * *

Декстер и хозяйка стояли в центре полупустой комнаты: белые оштукатуренные стены, прохладный каменный пол и больше ничего, кроме огромной двуспальной железной кровати, маленького письменного стола со стулом и засохших цветов в горшке. Он прошел сквозь двойные двери со ставнями и очутился на большом балконе, окрашенном в цвет неба, с которого открывался вид на залив. Это было похоже на какую-то потрясающую сцену.

— Вы сколько человек? — спросила хозяйка, довольно привлекательная женщина примерно тридцати пяти лет.

— Двое.

— И сколько день?

— Точно не знаю, пять ночей, может, больше.

— Красивый комната, я думать.

Декстер сел на двуспальную кровать, задумчиво попрыгал на матрасе.

— Но мы с подругой просто... ну, просто хорошие друзья. Нам нужны две комнаты.

— О!.. О'кей. Есть два комната.

Как это он раньше не замечал эти веснушки на груди у Эммы, чуть ниже выреза на платье?

— Так есть у вас вторая комната?

— Да, конечно. Два комната.

* * *

— Есть хорошая новость и плохая.

— Валяй. — Эмма захлопнула блокнот.

— Я нашел потрясающее место — с видом на море, с балконом, чуть повыше на холме. Там тихо, если тебе захочется посочинять, есть даже маленький стол, и на следующие пять дней комната свободна, даже дольше, если захотим.

— А плохая новость?

— Там только одна кровать.

— А...

— А?..

— Ясно.

— Извини.

— Правда одна? — недоверчиво спросила она. — Одна кровать на всем острове?

— Разгар сезона, Эм! Я всё обошел! — Успокойся, не визжи, сказал он себе. Может, попробовать надавить на жалость? — Но если ты так хочешь, я пойду еще поищу... — С усталым видом он поднялся со стула.

Она взяла его за руку:

— Кровать большая или маленькая?

Кажется, она поверила. Он снова сел:

— Двухспальная. Большая.

— Что ж, надеюсь, она действительно огромна. Чтобы все было в соответствии с нашими правилами.

— Ну, — Декстер пожал плечами, — мне больше нравится воспринимать их как *рекомендации*.

Эмма нахмурилась.

— Я хотел сказать, Эм, что если ты не против, то и я тоже.

— Нет, то, что ты не против, это понятно...

— Но ты уверена, что сможешь удержаться и не приставать ко мне...

— О, я-то смогу, вот насчет тебя не знаю...

— Потому что клянусь, если ты меня хоть пальцем тронешь...

Эмма сразу влюбилась в комнату. Стоя на балконе, слушала цикад, стрекот которых был знаком ей только по фильмам; если честно, она даже думала, что цикады — не более чем экзотическая выдумка. А какой восторг у нее вызвали лимоны в саду — настоящие лимоны, на деревьях! Их как будто приклеили к веткам. Не желая показаться деревенской дурочкой, она ничего из этого вслух не произнесла и лишь сказала: «Отлично. Берем». И пока Декстер договаривался с хозяйкой, проскользнула в ванную, где продолжила свою битву с контактными линзами.

В университете у Эммы было твердое собственное убеждение по поводу нарциссизма носящих контактные линзы людей: линзы, по ее мнению, способствовали укреплению идеализированных представлений о женской красоте. Массивные, недорогие и практичные очки, полученные бесплатно по медицинскому полису, свидетельствовали о том, что ее не интересуют всякие глупости вроде внешней привлекательности, так как ее голова занята более возвышенными материями. Но спустя годы после окончания колледжа эта цепь рассуждений стала казаться ей столь оторванной от реальности и лицемерной, что она в конце концов поддалась на уговоры Декстера и купила себе линзы, наконец осознав, что все эти годы избегала лишь одного — того момента из кино, когда библиотечка

снимает очки и встряхивает волосами: «Мисс Морли, да вы красавица!»

Теперь лицо в зеркале казалось ей чужим, *голым*, открытым, точно она только что сняла очки, которые носила непрерывно в течение девяти месяцев. Ее беспокоило, что от линз у нее начался тик, нервное моргание, которое возникало произвольно. Кроме того, они липли к пальцам и лицу, как рыба чешуя, или, как сейчас, заползали за глазное яблоко, исчезая где-то в глубине глазных впадин. После долгого кривляния и манипуляций, по ощущениям похожих на хирургические, она наконец извлекла линзы и вышла из ванной с красными слезящимися глазами и часто моргая.

Декстер сидел на кровати; рубашка его была расстегнута.

— Эм? Ты что, плачешь?

— Нет. Но погоди, еще буду.

Они вышли в душный полуденный зной, отыскивая путь к длинному полумесяцу белого песка, протянувшемуся в миле от поселка. Настала пора продемонстрировать, в чем они будут купаться. Эмма долго (пожалуй, даже слишком долго) раздумывала над тем, какой купальник выбрать, и в итоге купила простой цельный черный купальник, которому вполне бы подошло определение «викторианский». Снимая платье через голову, она подумала: а не покажется ли Декстеру, что она струсилась, не надев бикини, ведь цельный купальник — вещь из той же категории, что очки, удобная обувь и велосипедные шлемы — что-то практичное, невызывающее и совсем не женственное. Не то чтобы его мнение ее сильно беспокоило, хотя ей и стало любопытно, когда она стягивала платье, не смотрит ли он в ее сторону. Как бы то ни было, Эмма не без удовольствия заметила, что сам он надел длинные плавки-шорты. А то ей точно было бы не вынести целую неделю в компании Декстера и его обтягивающих плавков из лайкры.

— Извините, вы случаем не девушка с Ипанемы?^[18]

— Нет, я ее тетушка. — Она села и стала намазывать ноги солнцезащитным кремом, стараясь, чтобы жирок на бедрах при этом не трясся.

— Это еще что? — спросил он.

— Крем с фактором тридцать.

— Могла бы просто накрыться одеялом.

— Не хочу сгореть во второй день.

— Похоже на краску для забора.

— Я к солнцу не привыкла. Не то что ты, путешественничек. Поделиться?

— У меня аллергия на солнцезащитный крем.

— Какой же ты противный, Декстер.

Он улыбнулся и продолжил наблюдать за ней через темные очки. Когда она поднимала руку, ее грудь под черной тканью купальника тоже приподнималась, и над эластичной полоской выреза появлялся валик бледной мягкой плоти. Было в ее жесте, в том, как она наклоняла голову и убирала волосы, намазывала шею кремом, что-то, из-за чего он почувствовал приятное головокружение — верный спутник сексуального влечения. Боже, подумал он, еще восемь дней рядом с ней. Купальник был с открытой до поясницы спиной.

— Давай помажу спинку, — предложил он. — Ты же не хочешь обгореть.

Такой старый и банальный заход, как «давай помажу спинку», был ниже его достоинства, поэтому он решил преподнести это как заботу об ее здоровье.

— Давай. — Эмма подвинулась и села между его ног, поджав свои ноги и склонив голову на колени. Декстер начал наносить крем; лицо его было так близко, что она чувствовала его дыхание на шее, а он ощущал исходящее от Эммы тепло. При этом оба очень старались делать вид, что ничего сверхъестественного не происходит и всё это никак не является вопиющим нарушением правил номер два и номер четыре, предписывающих не флиртовать и не оголяться.

— Глубокий вырез, — проговорил он, проводя кончиками пальцев по ее пояснице.

— Хорошо, что я не надела его задом наперед! — отшутилась она. Последовала минута тишины, в течение которой оба думали об одном: боже, что же я делаю, боже, что же я делаю.

Желая разрядить обстановку, она положила руку на его щиколотку и подвинула его ногу к себе:

— Что это?

— Татуировка. Из Индии.

Она потеряла рисунок большим пальцем, будто пытаясь стереть.

— Побледнела немного, — прибавил он. — Это инь и ян...

— А похоже на дорожный знак.

— Это идеальный союз противоположностей.

— А по-моему, запрет на превышение скорости. Носи лучше носки.

Он рассмеялся и положил ладони ей на спину, поместив большие пальцы в ямочки под лопатками. Секунду они сидели неподвижно.

— Ну вот, — бодро произнес он, — защитный костюм готов. Ну что? Купаться?

Так прошел долгий жаркий день. Они плавали, дремали и читали, а когда спала жара и на пляже появилось больше людей, вдруг заметили, что что-то не так. Декстер был первым.

— Это мне кажется или...

— Что?

— Все на пляже голые!

Эмма огляделась:

— О да. — И снова уткнулась в книгу. — Будешь так таращиться, глаза выпадут, Декстер.

— Я не таращусь, а наблюдаю. Я, между прочим, по образованию антрополог, забыла?

— И по антропологии у тебя была тройка с минусом, верно?

— Двойка с плюсом. Смотри, вон наши друзья.

— Какие друзья?

— С парома. Вон там. Они устроили барбекю. — В двадцати метрах от них над дымящимся алюминиевым противнем сидел голый бледный мужчина, точно хотел согреться, а девушка стояла на цыпочках и махала им рукой: два белых треугольничка, один черный. Декстер радостно замахал в ответ. — А вы голые!

Эмма отвернулась:

— Я так не могу.

— Что?

— Жарить мясо голышом.

— Эм, ты такая консервативная.

— Дело не в консервативности. Я забочусь о своем здоровье, пищевой безопасности и гигиене питания.

— А я бы устроил голое барбекю...

— В этом и разница между нами: Декс, ты такая порочная, сложная натура.

— Может, подойдем поздороваться?

— Только не это!

— Просто поболтать...

— Держа в одной руке куриную ножку, а в другой — его сардельку? Нет уж, спасибо. К тому же, разве это не нарушение нудистского этикета?

— Что?

— Разговаривать с голыми, когда сам в одежде.

— Не знаю, а есть такое правило?

— Читай книжку, ладно?

Она повернулась лицом к деревьям, но за годы знакомства с Декстером так хорошо его изучила, что буквально слышала, как в его голове возникают мысли, будто то были камушки, плюхающиеся в грязь. Вот и сейчас...

— И что ты думаешь?

— По поводу чего?

— Стоит ли нам это сделать?

— Что?

— Раздеться?

— Нет, Декстер, нам не стоит раздеваться!

— Но вокруг одни голые!

— Это не причина! А потом, как же правило номер четыре?

— Не правило, а рекомендация.

— Нет, правило!

— Ну и что? Можно его как-нибудь обойти.

— Если его обойти, это будет уже не правило.

Он надулся и грузно сел на песок:

— Просто мне кажется, это невежливо...

— Ладно, ты иди, а я постараюсь на вас не пялиться.

— Какой смысл идти одному, — обиженно пробурчал он.

Она легла на спину:

— Декстер, с какой стати тебе так не терпится увидеть меня голой?

— Я просто подумал, что без одежды мы сможем лучше расслабиться.

— Не-ве-ро-ят-но, просто невероятно...

— То есть ты не будешь чувствовать себе более комфортно?

— Нет!

— Но почему?

— Какая разница почему? И тебе не кажется, что твоей подруге это не очень понравится?

— Ингрид плевать. У нее очень свободные взгляды. Один раз она позировала без лифчика для рекламы в аэропорту...

— Боюсь тебя разочаровать, Декстер...

— Ты меня не разочаруешь...

— Но есть большая разница...

— И в чем же она?

— Во-первых, Ингрид была моделью...

— Ну и что? Ты тоже смогла бы так.

Эмма громко рассмеялась:

— Ты в самом деле так считаешь, Декстер?

— Ну, для каталогов, по крайней мере. Фигурка у тебя симпатичная.

— *Фигурка симпатичная...* Боже, помоги мне...

— Я совершенно объективно говорю — ты очень привлекательная женщина...

— ...которая не станет раздеваться! Если тебе так не терпится загореть без полосок, вперед, валяй. А теперь, может, сменим тему?

Он отвернулся и лег на живот рядом с ней, опустив голову на руки. Их локти соприкасались, и она снова слышала его мысли. Он слегка толкнул ее локтем:

— Можно подумать, я там чего-то не видел.

Она медленно отложила книгу в сторону, сдвинула очки на лоб и склонила голову набок, став его зеркальным отражением:

— Пардон?

— Я сказал, можно подумать, мы там чего-то не видели. Мы же видели друг друга голыми.

Она округлила глаза.

— В ту ночь, помнишь? После выпускного? Наша единственная ночь любви?

— Декстер!

— Я просто хочу сказать, что никто уже не удивится размерам...

— Декстер, меня сейчас стошнит.

— Ну, ты понимаешь, о чем я...

— Это было так давно!

— Не так уж давно. Если я сейчас закрою глаза, то живо смогу представить...

— Не надо.

— Да, вот ты... у меня перед глазами.

— Прекрати!

— Ага, вижу тебя как наяву...

— Было темно.

— Не так уж и темно.

— Я была пьяна...

— А, все вы так говорите.

— Все мы? Кто это все мы?

— И не такая уж и пьяная ты была.

— Ну, я была достаточно пьяна, чтобы опуститься до такого. Кроме того, насколько я помню, ничего не было.

— Ну, я бы не сказал, что совсем ничего, если я правильно припоминаю...

— Я была молодой, глупой... и вообще, ничего не помню. Моя память отключилась, как после травмы.

— А моя не отключилась. И если я закрою глаза, то смогу прямо сейчас тебя увидеть — твой силуэт в утреннем свете, твои теплые рейтузы, соблазнительно брошенные поверх покрывала из «Икеи»...

Она больно ударила его книжкой по носу:

— Эй!

— Послушай, я не буду раздеваться, понял? И не было на мне никаких рейтуз, я в жизни рейтузы не носила. — Она снова раскрыла книгу и тихо захихикала себе под нос.

— Что смешного? — спросил он.

— *Соблазнительно брошенные рейтузы.* — Она рассмеялась и с нежностью на него посмотрела. — Ты иногда так меня смешишь.

— Правда?

— Бывает. Тебе бы на телевидении выступать.

Он довольно улыбнулся и закрыл глаза. Образ Эммы той ночью действительно стоял у него перед глазами: вот она лежит на узкой кровати, голая, не считая юбки; руки подняты над головой, и он с ней целуется. С такими мыслями он и уснул.

К вечеру они вернулись в комнату — уставшие, липкие от пота, с обожженной солнцем кожей — и, войдя, сразу посмотрели на кровать. Обошли ее и вышли на балкон, откуда открывался вид на море, которое подергивалось дымкой по мере того, как голубое небо приобретало сумеречную розовую окраску.

— Ну, кто первый в душ?

— Иди ты. А я посижу и почитаю.

Она опустила в старый шезлонг в вечерней тени, слушая звуки льющейся воды и пытаясь сосредоточиться на крошечном шрифте русского романа; с каждой новой страницей ей казалось, что буквы становятся все мельче. Внезапно она встала и подошла к маленькому холодильнику, который они наполнили бутылками с водой и пивом; достала банку и в этот момент заметила, что дверь ванной распахнута настежь.

В душе не было занавески, и Эмма увидела Декстера. Он стоял боком под струей холодной воды, закрыв глаза от бившей в лицо воды, откинув назад голову и поднимая руки. Она видела впадины под его лопатками, длинную загорелую спину, две ямочки у основания позвоночника над маленькими белыми ягодицами. Но боже, он поворачивается... банка

выскользнула у нее из пальцев, ударилась об пол и с шипением полетела в сторону, как реактивный снаряд. Она накрыла ее полотенцем, точно хотела поймать мышь, затем подняла глаза и увидела Декстера, своего «просто друга». Он был голый, не считая свертка из одежды, которым небрежно прикрылся спереди.

— Банка ускользнула! — поспешно сказала она вслух, вытирая пивную пену полотенцем, и подумала: еще восемь дней такой жизни, и я сама взорвусь.

Потом настал ее черед идти в душ. Она закрыла дверь, вымыла пивные руки и, испытывая неудобство, принялась раздеваться в тесной запотевшей ванной, где все еще пахло его лосьоном. Правило номер четыре гласило, что Декстер должен выйти на балкон и стоять там, пока она вытирается и одевается. Но, проведя небольшой эксперимент, он выяснил, что если не снимать очки и чуть повернуть голову, то можно увидеть ее отражение в стеклянной двери и наблюдать, как она натирает лосьоном подрумянившуюся шею. Он видел, как Эмма наклонилась, надевая трусики, смотрел на плавный изгиб ее спины и арку меж лопаток, когда она застегивала лифчик, на поднятые руки и голубое летнее платье, закрывшее ее тело, как занавес.

Она вышла на балкон.

— Может, останемся здесь? — предложил он. — Чем ездить по островам, зависнем здесь на неделю, потом вернемся на Родос и оттуда полетим домой.

Она улыбнулась:

— Хорошо. Можно и так.

— Тебе не надоест?

— Не думаю.

— Ты довольна?

— Ну, щеки у меня, как жареные помидоры, но в остальном...

— Дай посмотреть.

Она закрыла глаза, повернулась к нему и вскинула голову; волосы ее все еще были влажными, она зачесала их назад, открыв блестящее чистое лицо. Это была Эмма, но какая-то другая. Она вся сияла, и ему на ум пришло выражение «поцелованная солнцем», а потом он подумал: поцелуй ее, возьми ее лицо в ладони и поцелуй.

Вдруг она открыла глаза:

— И что будем делать?

— Что хочешь.

— Сыграем в «Скрэббл»?

— Не забывай про правила.

— Ладно, тогда давай поужинаем. Должен же у них быть греческий салат.

Рестораны в маленьком поселке были примечательны лишь своей одинаковостью. В воздухе висел дым от жареной баранины, и они сели в тихом месте в конце набережной, где начинался полумесяц пляжа, и стали пить вино с хвойным вкусом.

— Новогодняя елка, — сказал Декстер.

— Хм... Скорее, освежитель воздуха, — заметила Эмма.

Из акустических колонок, замаскированных пластиковой виноградной лозой, доносилась музыка — «Get Into The Groove» Мадонны, сыгранная на цитре. Они ели черствый хлеб и подгоревшую баранину, салат, приправленный едким уксусом, но все это казалось вкусным. Спустя некоторое время даже вино показалось сносным, похожим на жидкость для полоскания рта с любопытным вкусом, и вскоре Эмма почувствовала себя готовой нарушить правило номер два. Обязывающее не флиртовать.

Признаться, флиртовать она никогда не умела. Ее потуги изобразить сексуальную кошечку выглядели неуместно и неуклюже, словно она пыталась вести обычный разговор на роликах. Но солнце с добавлением рецины^[19] вскружило ей голову и сделало сентиментальной. Эмма встала на ролики:

— У меня идея.

— Выкладывай.

— Если мы пробудем здесь восемь дней, у нас совсем не останется тем для разговора, верно?

— Необязательно.

— Но чтобы уж точно этого избежать, — она наклонилась и положила ладонь ему на запястье, — мне кажется, каждый должен рассказать другому то, что тот, другой, о нем не знает.

— Секрет?

— Именно секрет — что-нибудь необычное. И мы будем делать это каждый вечер весь отпуск.

— Вроде игры в бутылочку, что ли? — Декстер оживился. Он считал себя игроком в бутылочку мирового класса. — О'кей. Ты первая.

— Нет, ты.

— Почему я?

— У тебя больше секретов.

И верно, его запас таких историй был безграничен. Например, он мог бы признаться, что наблюдал за ней, когда она одевалась вечером, или что

открыл дверь ванной нарочно, когда принимал душ. Что курил крэк с Наоми, что перед Рождеством торопливо и безрадостно перепихнулся с соседкой Эммы Тилли Киллик — все началось с массажа ног, который, к его ужасу, перерос в нечто большее, пока Эмма ходила в магазин за елочной гирляндой. Хотя, пожалуй, лучше выбрать историю, рассказывая которую он не будет выглядеть ограниченным и озабоченным самовлюбленным вруном.

Декстер задумался.

— Ладно, — сказал он, откашлявшись. — Пару недель назад в клубе я познакомился с парнем.

Эмма раскрыла рот.

— С парнем? — Она рассмеялась. — Снимаю шляпу, Декс, ты воистину полон сюрпризов.

— Ничего не было, мы просто поцеловались, да и я был пьян...

— Все вы так говорите. Так расскажи, что случилось?

— Ну, дело было на гей-вечеринке под названием «Противные» в клубе «Язычок»...

— «Противные» в клубе «Язычок»? И куда делись дискотеки с названиями «Рокси» или «Манхэттен»?

— Это не дискотека, а гей-клуб.

— Но что ты делал в гей-клубе?

— Мы всегда туда ходим. Там музыка лучше. Более тяжелая, а не этот дерьмовый веселенький хаус..

— Ты просто чокнутый...

— Так вот, я был там с Ингрид и ее приятелями, я танцевал, а этот парень просто подошел ко мне и начал целовать, а я... я просто взял и ответил.

— И тебе...

— Что?

— Понравилось?

— Ну так, ничего. Обычный поцелуй. Губы как губы, понимаешь?

Эмма громко рассмеялась:

— Декстер, в тебе живет поэт. *Губы как губы*. Какая прелесть. Это разве не из Синатры?

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Губы как губы, — повторила она. — Самая подходящая надпись для твоего надгробия... И как отреагировала Ингрид?

— Просто рассмеялась, и все. Да она не против, ей даже понравилось. — Он безразлично пожал плечами. — Все равно она

бисексуалка и...

Эмма закатила глаза:

— Разумеется, она бисексуалка, иначе и быть не может.

Декстер улыбнулся, точно бисексуальность Ингрид была его идеей:

— Эй, да что в этом такого? В нашем возрасте принято экспериментировать с сексуальностью.

— Правда? А мне никто ничего такого не говорил.

— Ты отстала от времени.

— Ну, как-то раз я связалась с современным парнем вроде тебя, и смотри, куда меня это привело.

— Тебе надо раскрепоститься, Эм. Избавиться от комплексов.

— Ох, Декс, ты у нас прямо секс-эксперт. А во что был одет твой друг в «Шаловливом язычке»?

— Не *шаловливом*, а просто «Язычке». На нем были португеза и кожаные гетры. Оказалось, его зовут Стюарт, и он работает инженером в «Бритиш телеком».

— И как думаешь, ты со Стюартом еще увидишься?

— Только если телефон сломается. Он не в моем вкусе.

— А я думала, все в твоём вкусе.

— Это всего лишь интересный случай. Что смешного?

— Просто у тебя такой довольный вид...

— Ничего подобного! Гомоненавистница! — Он устремил взор поверх ее плеча.

— Эй, ты что, заигрываешь с официантом?

— Хотел заказать еще выпивку. Теперь твоя очередь. Рассказывай секрет.

— Я сдаюсь. Мне ни за что тебя не переплюнуть.

— Что, ни разу не ныряла в пилотку?

Она безнадежно покачала головой:

— Знаешь, Декс, однажды с такими разговорчиками ты наткнешься на настоящую лесбиянку, и она сломает тебе челюсть.

— Так тебя никогда не привлекали...

— Не будь идиотом, Декс. Так ты хочешь узнать мой секрет или нет?

Официант принес греческого бренди — за счет заведения, потому что за такую бормотуху никто никогда не стал бы платить. Эмма сделала глоток и поморщилась, затем подперла рукой щеку, как свойственно всем, кто пьяно откровенничает.

— Секрет... Дай-ка подумать. — Она постучала пальцем по подбородку. Она могла бы признаться, что подглядывала за ним в душе и

что знала всё, что он устроил вместе с Тилли Киллик на Рождество, про тот массаж ног, который, к его ужасу, перерос в нечто большее. Могла бы даже признаться, что в 1983 году поцеловала Полли Доусон в своей спальне, но понимала, что он будет припоминать ей это до конца жизни. Кроме того, она с самого начала знала, что он скажет. Зазвучала мелодия очередной песни Мадонны, «Like a Prayer», исполненная на цитре, а Эмма облизнула губы, сделала взгляд томным и предприняла еще несколько незаметных усилий, в результате чего лицо ее приняло, как ей казалось, самое удачное выражение — такое, как она делала во время фотосъемки.

— Когда мы только познакомились в университете, еще до того, как стали... ну, знаешь, друзьями, я вроде как была в тебя влюблена. И это был не просто интерес, а настоящая любовь, между прочим. Это длилось очень долго. Я даже писала тебе глупые стихи и все такое.

— Стихи? Серьезно?

— Самой стыдно.

— Ясно. Ясно. — Он скрестил руки на груди, облокотился на край стола и опустил глаза. — Извини, Эм, но этот твой рассказ не засчитывается.

— Почему?

— Потому что ты сама сказала: каждый должен рассказать о себе то, чего другой не знает. — Он улыбался, и она в который раз убедилась в том, что его способность выводить ее из себя поистине уникальна.

— Ты ужасен! — Она слегка шлепнула его по щеке в том месте, где кожа сильнее всего обгорела.

— Ай!

— Как ты узнал?

— Я... мне Тилли рассказала.

— Спасибо Тилли.

— Так что было потом?

Она опустила глаза, смотря на дно стакана:

— Наверное, само прошло. Как лишай.

— Нет, правда, что случилось?

— Я узнала тебя поближе. Ты вылечил меня от себя.

— Хотел бы я почитать те стихи. Какая рифма к слову «Декстер»?

— «Кретин». Я пишу белым стихом.

— Нет, правда, где те стихи?

— Уничтожены. Я сожгла их много лет назад. — Чувствуя себя обманутой дурочкой, она осушила стакан. — Слишком много бренди. Пора идти.

Она начала оглядываться в поисках официанта, и Декстер тоже почувствовал себя дураком. Он так много мог ей сказать, но почему же снова поступил как самодовольный клоун, не способный говорить от чистого сердца? Стремясь загладить свою вину, он коснулся ее руки:

— Может, пойдем прогуляемся?

Она не была уверена, что хочет этого, но, помолчав, сказала:

— Хорошо. Пойдем.

Они вышли и двинулись вдоль залива, мимо недостроенных домов маленького городка, раскинувшегося на побережье, нового туристического комплекса, который они, разумеется, отругали, как и следовало, и, пока они разговаривали, Эмма дала себе обещание в будущем быть более сдержанной. Бесшабашность и спонтанность ей не шли, и у нее плохо получалось быть такой, а результат всегда оказывался отличным от того, на который она рассчитывала. Признавшись во всем Декстеру, она словно со всей силы ударила по мячу, после чего ей только и осталось, что смотреть, как он летит по воздуху, чтобы несколько секунд спустя услышать звук разбившегося стекла. Она решила, что остаток отпуска будет вести себя взвешенно, не напиваться и помнить о правилах. Помнить об Ингрид, красивой, незакомплексованной, бисексуальной Ингрид, которая ждет Декстера в Лондоне. Никаких больше компрометирующих признаний. Но память о дурацком разговоре не давала ей покоя, волочилась следом, как кусок туалетной бумаги, налипший на каблук.

Город остался позади, и Декстер взял ее за руку; пошатываясь, они спотыкались о сухие дюны, все еще теплые от дневного солнца. Они пошли к морю, где песок был мокрым и спрессованным, и Эмма заметила, что он все еще держит ее за руку.

— Куда мы идем? — спросила она, заметив, что язык заплетается от выпитого.

— Я лично иду купаться. Хочешь?

— Ты с ума сошел.

— Пойдем!

— Я утону.

— Не утонешь. Смотри, какая красота.

Море было очень спокойным и прозрачным, как чудо-аквариум с нефритовой водой, вспыхивающей флуоресцентными бликами; стоило зачерпнуть воду рукой, и она сияла в ладони. Декстер уже стянул рубашку через голову:

— Пойдем. Мы сразу протрезвеем.

— Но я не взяла купаль... — И тут она догадалась. — О, я поняла, —

рассмеялась она, — теперь я вижу, что происходит...

— Что?

— Я сама напросилась, правда?

— О чем ты говоришь?

— Старая как мир уловка с купанием голышом. Надо напоить девушку, а потом пойти к ближайшему водоему...

— Эмма, ты такая святоша. Как можно быть такой святошей?

— Купайся, я здесь подожду.

— Ладно, но ты еще пожалеешь. — Он повернулся к ней спиной и снял брюки, затем трусы.

— Трусы можешь не снимать! — крикнула она ему вслед, глядя, как его длинная загорелая спина и белые ягодицы удаляются в сторону моря. — Тут тебе не клуб «Язычок», знаешь ли!

Он нырнул в волны лицом вниз, а она встала, пьяно качаясь и чувствуя себя брошенной и глупой. Ведь ей в глубине души как раз хотелось испытать нечто подобное. Почему она не может быть более раскованной, более беспечной? Если она боится даже плавать без купальника, как тогда ей набраться храбрости и сказать мужчине, что она хочет его поцеловать? Не додумав мысль, Эмма наклонилась, взялась за подол и одним движением стянула платье через голову. Сняла трусики, отбросила их ногой, оставив лежать там, где упали, и, смеясь и чертыхаясь про себя, побежала к кромке воды.

Стоя на цыпочках так далеко, насколько позволял рост, Декстер протер глаза, посмотрел в сторону берега и подумал, что будет дальше. Угрызения совести — он чувствовал, как они подступают. Кажется, назревает *ситуация*, а разве он не пообещал себе избегать на время ситуаций и стать менее беспечным, менее спонтанным? Как-никак, это же Эмма Морли, его драгоценная Эмма, вероятно, его лучший во всем мире друг. И как же Ингрид, которую он с приятелями тайком называл Ингрид ужасной? Вдруг он услышал восторженный возглас, повернул голову на звук и мельком увидел голую Эмму, которая нырнула в воду так, будто ее толкнули сзади. Честность и искренность — вот чем он должен руководствоваться. Эмма поплыла к нему, неуклюже орудуя руками и ногами, и он решил для разнообразия хоть раз быть честным и откровенным и посмотреть, к чему это приведет.

Запыхавшаяся Эмма приблизилась к нему. Заметив в этот момент, что море абсолютно прозрачно, она попыталась плыть, прикрывая грудь одной рукой.

— Так вот как это, оказывается!

— Что?

— Купаться голышом!

— Ага. Ну и как тебе?

— Вроде ничего. Очень весело. И что теперь делать — дурачиться и брызгаться, или как? — Она сложила ладони домиком и слегка обрызгала его. — Я все делаю правильно? — Прежде чем он успел брызнуть в ответ, течение подхватило ее и толкнуло ему навстречу. Упершись ногами в морское дно, он поймал ее, и их ноги сплелись, как пальцы в замке, а тела соприкоснулись и снова отстранились, как в танце.

— Какое у тебя сосредоточенное лицо, — сказала она, чтобы нарушить тишину. — Эй, ты же не писаешь в воду?

— Нет.

— Так в чем же дело?

— Я просто хотел... извиниться. За то, что сказал тогда...

— Когда?

— Там, в ресторане, за то, что вел себя как дурак.

— Ничего. Я уже привыкла.

— И еще я хотел сказать, что чувствовал то же самое. Тогда, в университете. Ты тоже мне нравилась, в романтическом плане, я имею в виду. Нет, я, конечно, не писал стишков, ничего такого, но думал о тебе, и сейчас думаю... о тебе и себе. Ты мне нравишься.

— Правда? О!.. Правда? Хм... М-да... Хм... — Значит, все-таки это случится, подумала она, прямо здесь, сейчас, в Эгейском море, где они оба стоят голыми.

— Проблема в том, — он вздохнул и улыбнулся уголками губ, — понимаешь ли, что мне нравятся почти все!

— Понятно, — только и могла она сказать.

— Все, даже когда я иду по улице, как ты и сказала, все в моем вкусе. Это просто кошмар!

— Бедняжка, — безжизненным голосом проговорила она.

— Я просто хочу сказать, что тогда был не готов — да и сейчас не готов — ко всей этой канители: ты моя девушка, я твой парень... Мне кажется, мы хотим разного. От отношений.

— Потому что... ты голубой?

— Эм, я, между прочим, серьезно с тобой разговариваю.

— Неужели? Я уже и не пойму.

— Ты злишься?

— Нет! Мне все равно! Я же сказала, это было давно.

— И все же, — его ладони под водой легли на ее талию, — если ты

хотела развлечься...

— Развлечься?

— Нарушить правила...

— Ты имеешь в виду игру в «Скрэббл»?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Небольшое развлечение, пока мы здесь, — без обязательств, без последствий, и ни слова Ингрид. Это будет нашим маленьким секретом. Я не против. Вот, пожалуй, и все.

У нее из горла вырвался звук — что-то среднее между смехом и стоном. «Я не против». Декстер заискивающе улыбался, как продавец пластиковых окон, предлагающий выгодную скидку. «Это будет нашим маленьким секретом». Да таких *секретов* у него небось сотни. «Губы как губы», — снова вспомнила Эмма. В этой ситуации она могла сделать лишь одно. Забыв о собственной наготе, она подпрыгнула и, надавив всем своим весом, потопила его голову, удерживая ее под водой. Начала медленно считать. Раз, два, три...

Высокомерный, самодовольный ублюдок...

Четыре, пять, шесть...

Дура, какая же я дура, что любила его и думала, что ему не все равно...

Семь, восемь, девять...

Он начал барахтаться, наверное, лучше его отпустить и обратить все в шутку, притвориться, что пошутила...

Десять... Она убрала руки и позволила ему всплыть. Он смеялся, тряс головой, протирал глаза, и она засмеялась тоже: неестественное ха-ха-ха.

— Полагаю, это твой способ сказать «нет», — наконец проговорил он, высморкавшись соленой водой.

— Пожалуй. Тебе не кажется, что у нас был шанс, но мы его давно упустили?

— Да. Пожалуй. Ты уверена? А то мне кажется, нам обоим станет намного лучше, если мы раз и навсегда уберем это препятствие с пути.

— Препятствие?

— По-моему, это еще больше нас сблизит. Как друзей.

— Ты волнуешься, что если мы *не* переспим, это испортит нашу дружбу?

— Наверное, я не так выразился.

— Декстер, я прекрасно тебя поняла, в этом и проблема.

— Если тебя пугает Ингрид...

— Она меня вовсе не пугает, я просто не собираюсь делать это лишь для того, чтобы потом была возможность сказать: мы это сделали! А также

для того, чтобы услышать от тебя фразу «пожалуйста, не говори никому» или «давай забудем о том, что произошло». Чем хранить *маленькие секреты*, не лучше ли вообще без них обойтись?

Но он смотрел мимо нее, прищурив глаза. Смотрел в сторону пляжа, и когда она повернулась, то увидела маленькую и тощую фигурку, несущуюся по песку во всю прыть. Воришка держал рубашку и брюки над головой, и те развевались, как победный флаг.

— О нет!!!

Декстер поплыл к берегу, крича и хлебая воду; потом побежал, комично вскидывая колени, пытаясь догнать мальчишку, укравшего всю его одежду.

Когда он наконец вернулся к Эмме, запыхавшийся и злой, та сидела на пляже одетая и абсолютно трезвая.

— Не догнал?

— Нет! Все пропало! — сказал он с досадой. — Пропало к чертям! — Легкий ветерок напомнил Декстеру о том, что он все еще голый, и он раздосадованно прикрыл причинное место рукой.

— А твой бумажник тоже там был? — спросила она с искренним участием на лице.

— Нет, только немного денег — не знаю, десять, может, пятнадцать фунтов... маленький поганец.

— Что ж, полагаю, это одна из опасностей купания голышом, — пробормотала она, слегка улыбаясь.

— Больше всего штаны жалко. От Хельмута Ланга, между прочим! А трусы марки «Прада»! Мне эти трусы в тридцать фунтов обошлись! Да что с тобой такое? — Но Эмма не ответила: она давилась от смеха. — Ничего смешного, Эм! Меня ограбили!

— Знаю, прости...

— Это были штаны от Хельмута Ланга!

— Знаю! Просто... ты так злишься, и при этом голый. — Опустившись на колени, она низко наклонилась, ударяя кулаком по песку, потом повалилась на бок.

— Прекрати, Эм. Не смешно! Эмма! Эмма! Прекрати!

Когда она наконец смогла встать, они некоторое время бродили по пляжу молча. Декстер вдруг притих и засмутился. Эмма скромно шла впереди, глядя под ноги и пытаясь сдержать смех.

— Каким же надо быть козлом, чтобы украсть трусы! — сокрушался Декстер. — Знаешь, как я отыщу этого поганца? Найду единственную стильно одетую деревенщину на этом острове, и это наверняка будет он!

Эмма снова рухнула на песок, согнувшись пополам от хохота.

Не найдя плавки Декстера, они принялись прочесывать пляж в поисках хоть какой-нибудь одежды. Эмма нашла большой синий пластиковый мешок. Декстер облачился в него, смущенно придерживая у талии, как мини-юбку, а Эмма предложила разорвать мешок и сделать что-то наподобие фартука, после чего снова зашлась смехом.

Путь домой лежал вдоль главной набережной.

— Здесь намного больше народу, чем я предполагала, — заметила Эмма.

Декстер прошагал мимо уличной таверны, притворившись, что ему самому смешно, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на раздавшийся вслед ему свист. Они углубились в город и, свернув в узкий переулок, вдруг столкнулись лицом к лицу с парочкой, устроившей голышом барбекю на пляже. Те покраснелись от спиртного и солнца и пьяно цеплялись друг за друга, спускаясь по лестнице к гавани. Увидев Декстера в мини-юбке из мешка, они округлили глаза.

— Одежду украли, — коротко пояснил Декстер.

Парень с девушкой понимающе закивали и прошли мимо, а девушка обернулась и крикнула им вслед:

— Классная юбка!

— Она от Хельмута Ланга, — объявила Эмма, и Декстер злобно сощурился в ответ на ее предательский комментарий.

Он дулся всю дорогу до дома, и, когда они оказались в комнате, обоим было уже все равно, что кровать только одна. Эмма пошла в ванную и переоделась в старую серую футболку. Вернувшись в комнату, Эмма увидела синий мешок на полу у кровати.

— Ты бы повесил его, — сказала она, толкнув мешок ногой, — а то помнется.

— Ха... — произнес Декстер, который лежал на кровати в новых трусах.

— Так вот они какие.

— Кто *они*?

— Те самые трусы за тридцать фунтов. У них подкладка из меха горностая, что ли?

— Давай просто ляжем спать, ладно? Какая сторона твоя?

— Эта.

Они вытянулись параллельно друг другу. Прикосновение прохладных простыней к обожженной коже было просто чудесным.

— Хороший день, — заметила она.

— Не считая последнего происшествия, — пробурчал он.

Она повернулась и взглянула на него. Он лежал, глядя в потолок.

— Это всего лишь брюки и трусы. Я куплю тебе новые. Хлопчатобумажные, три штуки в упаковке.

Декстер фыркнул. Она взяла его руку под простыней и сильно ее сжала. Он повернул голову и посмотрел на нее.

— Я серьезно, Декс. — Она улыбнулась. — Я так рада, что мы здесь. Мне очень хорошо.

— Да. Мне тоже.

— Еще целых восемь дней, — проговорила она.

— Восемь дней. — Он нежно улыбнулся ей, и между ними все снова стало, как раньше. — Сколько правил мы сегодня нарушили?

Она задумалась.

— Номер один, два и четыре.

— Что ж, по крайней мере, не играли в настольные игры.

— Еще успеем. — Она потянулась к выключателю за головой и выключила лампу, а потом повернулась на бок, спиной к Декстеру. Все вновь стало, как раньше, но она не могла понять, нравится ей это или нет. Она боялась, что не сможет уснуть на новом месте, однако, к ее счастью, навалилась усталость, и сон сам растекся по венам, как обезболивающее после укола.

— Спокойной ночи, Декс, — пробормотала она перед тем, как уснуть окончательно.

— Спокойной ночи, Эм, — отозвался он, но Эмма уже спала.

А он еще немного полежал, разглядывая потолок в голубом свете и думая о том, что сегодня был не на высоте. Глядя на Эмму, на ее затылок, волосы, ниспадающие на подушку, слегка загорелую кожу, которая казалась совсем темной на фоне белых простыней, он чуть было не протянул руку и не коснулся ее плеча, но стыд от случившегося на пляже убил всякое желание. Больше всего на свете он ненавидел те ситуации, когда выглядел идиотом.

Еще целых восемь дней, подумал он. За восемь дней может произойти что угодно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1993–1995

25–30

«Мы тратили как можно больше, а взамен получали ничтожно мало — ровно столько нам решались дать. Мы чувствовали себя несчастными почти всегда, как и большинство наших знакомых. Все мы усердно делали вид, что нам постоянно весело, в глубине души понимая, что это не так. И насколько я знаю, этим мы не отличались от многих».

Чарлз Диккенс, «Большие надежды»

Глава 6

Таблетки

Четверг, 15 июля 1993 года, часть 1 — история Декстера

Брикстон, Эрлз-Корт и Оксфордшир

В последнее время граница между ночью и утром размылась. Традиционное понятие о ночных и дневных часах устарело, и, словно фермер, Декстер встречал куда больше рассветов, чем привык.

15 июля 1993 года солнце встает ровно в 5.01. Декстер наблюдает за этим из окна старенького такси, возвращаясь домой из брикстонской квартиры, принадлежащей незнакомцу. Точнее, не совсем незнакомцу, скорее, новому знакомому, одному из многих, что завелись у него в последнее время. Этот работает графическим дизайнером, и зовут его Гиббс или Гиббси... а может, Биггси? Еще там была его подруга, ненормальная девчонка по имени Тара, маленькая, как птичка, с сонными тяжелыми веками и большим алым ртом, которая не слишком любит разговаривать, предпочитая болтовне телесный контакт.

Сначала он знакомится с Тарой — после двух часов ночи в клубе, открывшемся в здании бывшего железнодорожного депо. Весь вечер он смотрел на нее на танцполе: она подкрадывалась к незнакомцам с широкой улыбкой на маленьком личике и внезапно принималась массировать им плечи или спину. И вот очередь дошла до него; он кивает и ждет, пока она узнает его. И верно, она хмурит лобик, подносит палец к кончику его носа и говорит то же, что они все говорят:

— Я тебя знаю!

— А ты кто? — Он пытается перекричать музыку, взяв в свои ладони ее маленькие худые ручки и разведя их в стороны, точно встретил старинного друга.

— Тара!

— Тара! Тара! Привет, Тара!

— Я тебя знаю? Откуда я тебя знаю? Скажи!

— По телевизору видела. Я веду программу «зашибись!». Интервью со звездами.

— Точно! Ты и вправду звезда! — в восторге кричит она, встает на цыпочки и целует его в щеку.

Это выходит у нее так мило, что он тает и кричит:

— Тара, ты прелесть!

— Я прелесть! — кричит она в ответ. — Я прелесть, но не звезда.

— Но ты должна ею стать! — кричит Декстер, обняв ее за талию. — По-моему, все должны быть знаменитыми!

Он добавляет это не подумав и ничего не имея в виду, но Тара почему-то тронута его словами; она умиленно вздыхает, встает на цыпочки и кладет свою маленькую птичью головку ему на плечо.

— Ты такой милый! — кричит она ему в ухо, и он не отрицает.

— Ты тоже! — говорит он, и эти взаимные комплименты могут продолжаться бесконечно. Они танцуют, сексапильно выпячивая губы и улыбаясь друг другу, и Декстер в который раз поражается, как легко течет разговор, когда все под кайфом. В старые добрые времена, когда в твоём распоряжении был только алкоголь, разговаривая с девчонкой, надо было смотреть ей в глаза, покупать выпивку, часами расспрашивать ее о книгах и фильмах, родителях, братьях и сестрах. Теперь же знакомства завязываются моментально, достаточно только сказать «Как тебя зовут?», или «Покажи свою татуировку», или «Какого цвета на тебе трусики?». Вот что значит прогресс.

— Ты такая милая, — кричит он. Она трется ягодицами об его бедра. — И такая маленькая. Как птичка!

— Но сильная, как бык, — кричит она через плечо и напрягает аккуратный бицепс размером с мандаринчик. Он такой хорошенький, что Декстеру хочется его расцеловать. — Ты милый. Ты очень, очень милый.

— И ты. — Он кивает и думает: как же приятен этот танец, туда-сюда, туда-сюда — как здорово! Она такая маленькая и компактная, что на ум приходит сравнение с такой маленькой птичкой, только вот он не может вспомнить, как она называется, поэтому берет Тару за руки, тянет к себе и кричит ей в ухо: — Как называется такая маленькая птичка, которая умещается в спичечный коробок?

— Что?

— Птичка, которую ловят и сажают в спичечный коробок! Она умещается в коробок! Ты похожа на эту птичку, только я не могу вспомнить, как она называется! — Он сближает большой и указательный пальцы и показывает ей маленькую щелочку между ними. — Маленькая птичка, крошка такая — точь-в-точь как ты.

И она кивает — то ли в знак понимания, то ли в такт музыке. Ее

тяжелые веки порхают, зрачки расширены, белки выпучены, как у тех кукол, которые были в детстве у его сестры. Декстер уже забыл, о чем говорил, и на мгновение вообще забыл, кто он и где находится, поэтому, когда Тара берет его ладони, сжимает их и снова говорит, какой он милый и что он должен пойти и познакомиться с ее друзьями, потому что они тоже милые, он не сопротивляется.

Он ищет Кэллума О'Нила, своего старого товарища по университету, и вдруг видит, что тот надевает пальто. Когда-то Кэллум славился тем, что был самым ленивым человеком в Эдинбурге, а теперь у него успешный бизнес, он располнел и стал носить дорогие костюмы, нажив капитал на компьютерных программах. Но с успехом пришла трезвость: никаких наркотиков и не слишком много выпивки в будни. В этом клубе ему явно неуютно, он чувствует себя белой вороной. Он и пришел сюда лишь потому, что Декстер позвал. Декстер подходит к нему и берет за руки:

— Ты куда, приятель?

— Домой! Два часа ночи. Мне завтра на работу.

— Пойдем со мной. Познакомишься с Тарой!

— Декс, не хочу я знакомиться ни с какой Тарой. Мне пора.

— Знаешь, кто ты? Слабак!

— А ты совсем ничего не соображаешь. Иди делай, что должен. Я завтра позвоню.

Декстер обнимает Кэллума и начинает говорить ему, какой он замечательный, но Тара снова дергает его за рукав. Он оборачивается, и она ведет его через толпу в чилаут.

Клуб, в котором они находятся, дорогой и якобы модный, хотя в последнее время Декстер редко за что-либо платит. Для вечера четверга пустовато, но, по крайней мере, здесь нет ужасной грохочущей музыки и ужасных малолеток с костлявыми бритыми черепами, которые срывают рубашки и лыбятся тебе в лицо, обнажив зубы и сжав челюсти. Нет, здесь тусуются приятные красивые люди из среднего класса, старше двадцати, его люди, такие, как знакомые Тары, которые развалились на больших подушках, курят, разговаривают и что-то жуют. Он знакомится с Гиббси (или Биггси?), красоткой Тэш и ее другом Стю Стюпотом и очкариком Спексом и его другом Марком, которого, к разочарованию Декстера, действительно зовут просто Марк. Все они наперебой предлагают ему жвачку, минералку, «Мальборо лайтс». Люди всегда говорят о дружбе с пафосом, но здесь все происходит так просто — он уже представляет, как все они тусуются вместе, едут в отпуск в фургончике, устраивают барбекю на пляже на закате. И кажется, он тоже нравится своим новым знакомым;

они расспрашивают его о том, каково это — работать на телевидении, с какими еще знаменитостями он знаком, и он пересказывает им все грязные сплетни, а Тара все это время сидит за его спиной и разминает ему шею и плечи своими маленькими тонкими пальчиками, отчего он испытывает восторг. А потом вдруг по какой-то причине в разговоре наступает пауза — всего пять секунд тишины, — но этого достаточно, чтобы реальность вспышкой ударила в лицо, и он удивленно вспоминает о том, что должен сделать завтра, точнее, не завтра, а уже сегодня, о боже, уже сегодня, и впервые за вечер подкрадываются паника и страх.

Но это ничего, ничего страшного, ведь Тара говорит: «Пойдем танцевать, пока таблетка действует» — и они идут, и встают под сводами бывшего депо лицом к диджею и прожекторам, и танцуют в дыму от сухого льда, улыбаясь, кивая и обмениваясь хмурыми взглядами, надув губы и сдвинув брови; но улыбки и кивки появляются уже не столько от искренней радости, сколько от необходимости убедить друг друга в том, что им по-прежнему весело и вечер еще не закончился. Декстер думает, не снять ли рубашку, иногда это помогает, но понимает, что подходящий момент упущен. Кто-то вяло кричит «Зажигай!», но никто не реагирует, никто не зажигает. Их настигает главный враг — осознание реальности, и Гиббси, или Биггси, сдается первым, объявляя, что музыка — дерьмо. Все тут же перестают танцевать, будто заклятие снято.

Направляясь к выходу, Декстер представляет дорогу домой, агрессивную толпу частников, поджидающих у клуба, испытывает иррациональный страх, что его убьют. Он представляет свою пустую квартиру в Белсайз-Парк, часы без сна, которые он убивает, перебивая посуду или раскладывая виниловые пластинки по алфавиту, пока пульсация в голове не утихнет и он не сможет уснуть, а потом проснуться и пережить новый день, и снова его захлестывает волна паники. Ему нужна компания. Он оглядывается в поисках телефона-автомата. Можно было бы позвонить Кэллуму — вдруг он еще не спит? Но мужское общество его не спасет. Можно, конечно, звякнуть Наоми, но та наверняка развлекается с новым бойфрендом; или Иоланде, но у той съемки в Барселоне; или Ингрид, но та сказала, что если увидит его снова, то вырвет ему сердце; или Эмме... Да, Эмме... нет, только не Эмме, в таком-то состоянии: она всего этого не понимает и не одобряет. И все же больше всего на свете ему сейчас хочется видеть именно ее. Почему она сегодня не с ним? У него к ней столько вопросов: например, почему у них так ничего и не вышло, ведь им так здорово вместе, из них получилась бы отличная команда, отличная пара — Декс и Эм, Эм и Декс... так все говорят. Внезапный прилив чувств к Эмме

застает его врасплох, и он решает взять такси, доехать до Эрлз-Корт и сказать ей о том, какая она замечательная, как сильно он ее любит и какой сексуальной она могла бы быть, если бы только знала об этом, и спросить: «Почему бы просто не сделать это, а там уж посмотрим, что будет...» И даже если ничего не получится, даже если они просто посидят и поговорят, это все равно лучше, чем быть одному. Что бы ни случилось, он не должен оставаться один...

Он уже держит трубку в руке, когда Биггси, или Гиббси, слава богу, предлагает всем поехать к нему — это недалеко. Они выходят из клуба, идут к Колдхарбор-Лейн, и в толпе он чувствует себя в безопасности.

У Биггси просторная квартира на втором этаже старого паба. Между кухней, гостиной, спальней и ванной нет ни одной стены; единственный намек на уединение — полупрозрачная занавеска для душа вокруг унитаза. Пока Биггси копается в своих записях, все вперемешку большой кучей заваливаются на огромную кровать с пологом, в насмешку над роскошью покрытую тигровыми шкурами из акрила и черными синтетическими простынями. Над кроватью находится зеркало, может, повешенное там тоже в насмешку, а может, намеренно. Они смотрят в зеркало сквозь отяжелевшие веки, раскинувшись на постели и любуясь своим отражением: вот они кладут руки друг другу на колени и нащупывают чужие ладони, слушают музыку, такие молодые и модные, красивые и удачливые; они «в теме», они слегка не в себе, и все они думают о том, как хорошо выглядят и какими отличными друзьями теперь станут. Их воображение уже рисует загородные пикники и долгие беззаботные воскресенья в пабе, и Декстер снова чувствует себя здорово. «Ты замечательный», — говорит кто-то кому-то еще, но кто кому, неважно, потому что они все замечательные. Все люди замечательные вообще.

Проходят часы, но никто их не замечает. Кто-то заговорил о сексе, и все наперебой принялись хвастаться личными достижениями, о чем утром пожалеют. Люди рядом с ним целуются, а Тара по-прежнему обрабатывает ему шею, массируя верх позвоночника маленькими жесткими пальчиками. Но действие наркотика улетучилось, и то, что раньше казалось приятным массажем, теперь похоже на тычки и щипки, а когда он вглядывается в птичье лицо Тары, оно вдруг начинает казаться карикатурным и злобным: слишком большой рот, слишком круглые глаза, как у маленького безволосого зверька. Он также замечает, что она старше, чем он думал — боже, да ей не меньше тридцати восьми, — и что у нее между зубов какая-то белая паста, вроде замазки. И Декстер больше не может сдерживать ужас перед наступающим днем, ползущий по позвоночнику, — ужас, страх и

стыд, всплывающие на поверхность с липким химическим потом. Он резко садится, поеживается и медленно проводит ладонями по лицу, словно пытаюсь вытереться.

Светает. На Колдхарбор-Лейн поют дрозды, и у него возникает ощущение — яркое, почти как галлюцинация, — что внутри у него ничего нет: он пуст, как пасхальное яйцо. От массажа в верхней части спины образовался жесткий напряженный комок, музыка утихла, кто-то в кровати просит чая, и все вдруг хотят чая, чая, чая, поэтому Декстер встает и подходит к огромному холодильнику, такому же, как у него самого, зловещего индустриального вида, похожему на некий агрегат из генетической лаборатории. Он открывает дверцу и рассеянно оглядывает содержимое холодильника. В целлофановом пакете догнивает салат; пакет раздулся и вот-вот лопнет. Декстер моргает, и картинка в последний раз вздрагивает и становится четкой; он видит бутылку водки. Спрятавшись за дверцей холодильника, он делает большой глоток водки и запивает кислым яблочным соком, который отвратительно пенится во рту. Поморщившись, проглатывает жидкость и вместе с ней жвачку. Кто-то снова просит чая. Обнаружив пакет с молоком, он взвешивает его в руке, и ему в голову приходит мысль.

— Молоко кончилось! — кричит он.

— Там должно еще быть, — подает голос Гиббси, или Биггси.

— Нет. Пусто. Пойду куплю. — Он ставит в холодильник полный запечатанный пакет. — Минут через пять буду. Кому-нибудь что-нибудь взять? Сигарет? Жвачки?

Его новые друзья молчат, и он тихо выходит, спускается по лестнице и выбегает на улицу, толкая дверь с такой силой, будто ему не хватает воздуха, и бежит, бежит, чтобы никогда больше не видеть этих замечательных людей.

На Электрик-авеню он видит будку такси-службы. 15 июля 1993 года солнце встает в 5.01, и Декстер Мэйхью в аду уже с рассветом.

* * *

Эмма Морли ведет здоровый образ жизни и не злоупотребляет алкоголем. В последнее время она спит по восемь часов в сутки, легко встает без будильника чуть раньше половины седьмого и выпивает большой стакан воды (первые 250 мл из необходимой дневной нормы в 1,5 л); воду она наливает из нового графина в новый стакан, что стоит в луче

ясного утреннего света рядом с ее теплой и чистой двуспальной кроватью. Графин. У нее есть графин. Не верится.

Есть у нее и мебель. В двадцать семь лет нельзя больше жить, как студентка, и теперь у нее есть кровать — большая кровать из кованого железа с изголовьем из переплетающихся рядов металлических прутьев, купленная на летней распродаже в магазине колониальной мебели на Тоттенхэм-роуд. Кровать называется «Таити» и занимает всю спальню в ее квартире на Эрлз-Корт-роуд. Одеяло на кровати из гусиного пуха, простыни — из египетского хлопка, а, по словам продавщицы, лучше хлопка во всем мире нет, — и все это приметы новой эпохи порядка, независимости и зрелости. Воскресным утром Эмма одна лежит на «Таити», как на плоту, слушает оперу «Порги и Бесс» и группу *Mazzy Star*, старые записи Тома Уэйтса и очаровательно скрипучую виниловую пластинку с записью «Сюит для виолончели» Баха. Она пьет кофе литрами и записывает свои маленькие наблюдения и идеи для рассказов лучшей перьевой ручкой на кипенно-белых страницах дорогих блокнотов. Порой, когда ничего не выходит, ей начинает казаться, что ее так называемая любовь к письменному слову на самом деле не что иное, как фетишизм, где в роли фетиша выступают красивые канцелярские принадлежности. Истинный писатель, писатель от Бога, готов царапать строки хоть на бумажных обрывках, на оборотной стороне автобусных билетиков и стенах своего жилища. А у Эммы ничего не родится на бумаге плотностью менее 120 граммов на квадратный метр.

Но бывает, что она сидит одна в своей однокомнатной квартире и с удовольствием пишет часами, как будто слова все это время сидели у нее в голове. Она не чувствует себя одинокой — по крайней мере, нечасто. Встречается с друзьями четыре вечера в неделю, а могла бы и чаще, если бы захотела. Старые друзья никуда не делись, а есть и новые — однокурсники из педагогического колледжа. По выходным она посещает все перечисленные в журналах мероприятия — кроме, пожалуй, тех, что числятся в рубрике «Клубы», которая словно написана руническим скриптом, — все эти «топлес-вечеринки для парней без комплексов». Она-то уверена, что никогда, никогда в жизни не станет танцевать в лифчике в комнате, полной пены, и ничего при этом не потеряет. Вместо этого она ходит на показы независимого кино и в художественные галереи с друзьями, а иногда они снимают какой-нибудь коттедж и долго гуляют на природе, притворившись деревенскими жителями. Ей начали говорить, что она похорошела и стала более уверенной. Бархатные резинки, сигареты, вредная еда с доставкой на дом остались в прошлом. Теперь у нее есть

кофеварка, а недавно впервые в жизни пришла в голову мысль — а не купить ли ароматические сухоцветы?

Срабатывает радиобудильник, но она решает полежать еще немного и послушать новости. Джон Смит^[20] воюет с профсоюзами, что вызывает у нее противоречивые чувства, потому что ей нравится Джон Смит: он умный, похож на директора школы и хорошо подходит на роль партийного руководителя. Даже имя его свидетельствует о том, что он человек твердых принципов, заботится о простых людях, — и она снова задумывается о том, не присоединиться ли к лейбористам — возможно, это облегчит ее совесть теперь, когда она больше не состоит в «Движении за ядерное разоружение»? Не то чтобы цели организации перестали быть ей симпатичны, но требования всеобщего разоружения в последнее время кажутся наивными — это все равно что добиваться, чтобы все вокруг стали добрыми.

Может, она стареет? Раньше Эмма гордилась своей неспособностью видеть мир иначе как черно-белым, но в последнее время признает, что многие проблемы куда более неоднозначны и сложны, чем ей когда-то казалось. По крайней мере, следующие две новости ей совершенно непонятны: одна посвящена Маастрихтскому договору,^[21] другая — войне в Югославии. Должно же у нее быть какое-то мнение? Разве она не должна занять чью-то сторону, бойкотировать кого-то или что-то? Во времена апартеида двойных мнений быть не могло, но сейчас в Европе война, а лично она ничего не сделала, чтобы ее прекратить. Была слишком занята — покупала мебель. В расстроенных чувствах она отбрасывает в сторону новое одеяло, соскальзывает в крошечный проход между кроватью и стенами, боком выходит в коридор и оказывается в крошечной ванной, где никогда не приходится ждать своей очереди, потому что теперь она живет одна. Бросив футболку в плетеную корзину для белья — с той судьбоносной летней распродажи на Тоттенхэм-Корт-роуд плетеного в ее жизни сильно прибавилось, — Эмма надевает старые очки и, расправив плечи, встает голой перед зеркалом. Могло быть и хуже, думает она, и идет в душ.

Она завтракает, глядя в окно. Квартира ее находится на шестом этаже красного кирпичного дома и окнами выходит на такой же красный кирпичный дом. Ей не по душе Эрлз-Корт; невзрачный район, где все только снимают жилье, — он сам как съемная комната. Да и аренда однокомнатной квартиры влетает в копеечку, и, возможно, ей придется найти что-то подешевле, когда она устроится на первую работу учителем.

Но пока ей здесь нравится — по крайней мере, это шаг вперед по сравнению с «Локо Кальенте» и мрачным соцреализмом комнатухи в Клэптоне. Порвав с Тилли Киллик после шести лет жизни под одной крышей, она счастлива оттого, что не будет больше застиранных лифчиков в раковине, не надо больше слушать *Simply Red*.

Поскольку она больше не стыдится своего образа жизни, то даже приглашала в гости родителей. Джим и Сью спали на «Таити», а сама она кантовалась на диване. Три мучительных дня они бесконечно комментировали лондонское этническое разнообразие и цену одной чашки чая, и, хотя не выразили одобрения ее новой жизнью открыто, мать хотя бы не предлагала ей вернуться в Лидс и работать в водопроводной компании. «Умница, Эмми», — прошептал отец, когда она провожала родителей на поезд на вокзале Кингс-Кросс, — но в чем она умница, в чем? Возможно, в том, что наконец начала жить по-взрослому?

Разумеется, бойфренда у нее так и нет, но она и не против. Иногда, очень редко, например в четыре часа дня в дождливый воскресный день, накатывает приступ паники и от одиночества становится трудно дышать. Пару раз она снимала трубку, чтобы проверить, не сломан ли телефон. Иногда ей кажется, что это здорово, когда кто-то будит тебя ночью и говорит: «Садись в такси прямо сейчас» или «Я должен тебя видеть, нам надо поговорить». Но в лучшие дни она чувствует себя героиней романа Мюриэл Спарк — независимой интеллектуалкой, проницательной, но романтической в душе. Эмме Морли двадцать семь, и у нее есть диплом с отличием по специальности «Английский язык и история», новая кровать, квартира в Эрлз-Корт, много друзей и сертификат о втором образовании. И если сегодняшнее собеседование пройдет успешно, будет и работа — преподавателем английского языка и актерского мастерства, двух предметов, которые она знает и любит. Ее новая карьера учителя, вдохновителя умов, вот-вот начнется, и наконец-то, наконец в ее жизни порядок.

А еще у нее свидание.

Настоящее официальное свидание. Она будет сидеть в ресторане с мужчиной и смотреть, как он разговаривает и ест. Кто-то хочет забраться на ее «Таити», и сегодня ей предстоит решить, позволит она это или нет. Она стоит возле тостера, нарезаая банан, первую из семи порций овощей и фруктов на сегодня, и смотрит на календарь. 15 июля 1993 года — напротив даты вопросительный и восклицательный знаки. Час икс уже близок.

Кровать Декстера приехала издалека, из Италии; низкая, минималистская черная платформа стояла в центре большой пустой комнаты, как сцена или боксерский ринг. Впрочем, и сценой, и рингом ей иногда приходилось служить. 9.30 утра, Декстер лежит без сна, испытывая страх, презрение к самому себе, сексуальную неудовлетворенность. Его нервные окончания возбуждены, а во рту неприятный привкус, как будто язык побрызгали лаком для волос. Вдруг Декстер встает и, шлепая по блестящим черным плиткам пола, шагает на кухню родом из Швеции. Берет бутылку водки из огромного, промышленных размеров, холодильника, наливает в стакан на полпальца и добавляет столько же апельсинового сока. Он успокаивает себя тем, что, поскольку он еще не спал, это вовсе не первая выпивка за сегодня, а последняя за вчера. Да и вообще, все эти правила насчет того, что днем пить нельзя, сильно преувеличены — вот в Европе все так делают. Фокус в том, чтобы возбуждающий эффект от спиртного послужил противодействием отупляющему эффекту наркотиков; он пьет, чтобы остаться трезвым, что, если подумать, разумно. Вдохновленный этой логикой, он наливает еще на полпальца с небольшим, включает саундтрек к «Бешеным псам» и, пошатываясь, идет в душ.

Через полчаса он все еще в ванной, все еще думает о том, что сделать, чтобы перестать потеть. Он дважды менял рубашку, принимал холодный душ, но капельки пота по-прежнему покрывают его спину и лоб — маслянистые, липкие, как водка, — а может, это она и есть? Он смотрит на часы. Уже поздно. Он решает ехать с опущенными стеклами.

У двери, чтобы не забыть, лежит сверток размером с небольшой кирпич; то, что находится внутри, завернуто в разноцветную подарочную бумагу и перевязано ленточкой. Он берет сверток, запирает квартиру и выходит на зеленую улицу, где его ждет машина — «мазда» ярко-зеленого цвета с откидным верхом. Машина, в которой нет места для пассажиров, багажника, даже для запасного колеса, не говоря уж о коляске; всем своим видом она кричит о том, что принадлежит молодому успешному холостяку. В центральную консоль панели приборов встроен проигрыватель компакт-дисков со съемной панелью, футуристическое чудо из маленьких пружинок и матового черного пластика; Декстер выбирает пять дисков, которые достались ему бесплатно от рекорд-лейблов (еще один плюс его работы), и загружает их в плеер, точно пули в барабан револьвера.

Он едет по широким жилым улицам Сент-Джонс-Вуд и слушает *Cranberries*. Ему не слишком нравится такая музыка, но, как человеку, который формирует музыкальные вкусы, ему важно знать, что модно. Пробка на Вествей расчистилась, и не успевает доиграть альбом, как он оказывается на шоссе М40, направляясь на запад мимо фабрик и жилых кварталов города, в котором он живет так успешно, так модно. Вскоре окраины сменяются хвойными посадками, маскирующимися под лес. Играет *Jamiroquai*, и Декстер чувствует себя намного, намного лучше; он такой молодой и беспутный в своей маленькой спортивной машинке, и под ложечкой уже почти не сосет. Он увеличивает громкость. Между прочим, он встречался с солистом *Jamiroquai*, несколько раз брал у него интервью; не то чтобы они были друзьями, нет, но он знает, что тот неплохо играет на кубинских барабанах и чувствует личную ответственность, когда ребята поют о проблемах на планете Земля. Версия звучащей песни довольно длинная, и время и пространство становятся эластичными, а Декстер подпевает, и ему кажется, что это длится часами, часами; а потом наконец зрение в последний раз затуманивается и обретает четкость — это дают о себе знать остатки вчерашней дури. Он слышит гудок и понимает, что едет на скорости 112 миль в час точно между двух рядов.

Он пытается вернуться в средний ряд, но понимает, что забыл, как выкручивать; руки не разгибаются в локтях, и он пытается силой вырвать руль из чьих-то невидимых когтей. Скорость вдруг падает до 85 миль, нога его одновременно выжимает тормоз и сцепление, и он слышит еще гудок — это сигналист грузовик размером с дом, внезапно возникший у него за спиной. Он видит перекошенное лицо водителя грузовика в зеркале заднего вида: бородатый толстяк в черных очках с зеркальными стеклами орет на него, стекла очков и открытый рот похожи на три черные дыры, как у черепа. Декстер снова выкручивает руль, даже не проверив, есть ли кто в правом ряду; он вдруг уверен, что сейчас умрет, прямо здесь и сейчас, — превратится в шар обжигающего пламени, слушая удлинённый ремикс хита *Jamiroquai*. Но правый ряд, к счастью для Декстера, пуст, и он резко выдыхает через рот — один раз, два, три, как боксер. Выключает музыку и молча едет до своего поворота со скоростью 68 миль в час.

Чувствуя себя опустошенным, он находит место для парковки на Оксфорд-роуд, откидывает назад спинку кресла и закрывает глаза в надежде уснуть, но видит перед собой лишь три черные дыры — лицо орущего водителя грузовика. Солнце на улице светит слишком ярко, машины слишком шумят, да и есть что-то жалкое, что-то нездоровое в том, что он, молодой мужчина, нервно корчится в стоящей у обочины машине в

одиннадцать сорок пять летним утром. Поэтому он садится прямо и, выругавшись, жмет на газ и едет, пока не находит придорожный паб, знакомый ему еще с подростковых лет. «Белый лебедь» — сеть заведений, где весь день подают завтраки и невозможно дешевые стейки с жареной картошкой. Он паркуется, подхватывает с пассажирского сиденья сверток в подарочной бумаге и входит в большой знакомый зал, где пахнет полиролью для мебели и ощущается застарелый запах табачного дыма.

По-свойски облокотившись на стойку бара, он заказывает полпинты пива и двойную водку с тоником. Бармена он помнит еще с начала 1980-х, когда он с ребятами приходил сюда пропустить по пивку.

— Я был тут много лет назад, — говорит он, надеясь завязать разговор.

— Неужели? — произносит бармен, унылого вида парень со впалыми щеками. Если он и узнал его, то ничего не говорит, и Декстер берет по стакану в каждую руку, идет к столу и пьет в тишине, положив перед собой яркий сверток — единственный жизнерадостный предмет в этом мрачном помещении. Он оглядывается и думает о том, как много добился за последние десять лет, какой путь проделал — теперь он известный телеведущий, а ведь ему нет еще и двадцати девяти.

Иногда он поражается чудодейственным лечебным свойствам алкоголя — всего через десять минут жизнь снова кажется чудной, он бодро шагает к машине и слушает музыку, на этот раз щебечущих *The Beloved*, и чувствует себя прекрасно. Через десять минут он сворачивает на усыпанную гравием дорожку, ведущую к дому родителей — большому, окруженному оградой особняку 1920-х годов, фасад которого украшен планками под дерево, положенными крест-накрест, чтобы дом казался выше. Уютное, счастливое семейное гнездышко в Чилтернских холмах; когда Декстер смотрит на него, его бросает в холодный пот.

Отец его уже стоит в дверях, словно ждал его годы. Для июля он слишком тепло одет, рубашка торчит сзади из-под свитера как хвост, в руке чашка чая. Когда-то он казался Декстеру великаном, а теперь выглядит сутулым и уставшим, вытянутое лицо побледнело, щеки ввалились, кожу изрезали морщины в последние полгода, за которые здоровье его жены резко ухудшилось. Он поднимает чашку в знак приветствия, и Декстер вдруг на секунду видит себя глазами отца; и ему становится стыдно за свою блестящую рубашку, за беспечность, с которой он водит свою маленькую спортивную машину, за эффектный звук, с которым она тормозит о гравий, за модную музыку, доносящуюся из динамиков.

Модный.

Идиот.

Наглотававшийся таблеток.

Шут.

Поддатый дешевый клоун.

Он выключает плеер, вынимает съемную панель и замирает, глядя на свою руку. *Расслабься, это же пригород, а не трущобы. Кому тут нужен твой плеер, неужто отцу? Расслабься наконец.* Его отец, стоящий на пороге, вновь поднимает чашку, и Декстер вздыхает, собирает в кулак всю свою волю, берет подарок с пассажирского сиденья и выходит из машины.

— Какая смешная машина. — Его отец цокает языком.

— Не ты же на ней едешь, верно? — Декстеру нравятся их привычные роли: серьезный, практичный отец; безответственный задира-сын.

— Я туда все равно не влезу. Игрушка для маленьких мальчиков. Мы тебя уже заждались.

— Как дела, старик? — говорит Декстер и вдруг чувствует внезапный прилив нежности к отцу, милому старому папке, и инстинктивно обнимает его за плечи, потирает спину, а потом — о ужас! — целует его в щеку.

Оба замирают.

У Декстера выработался «чмокательный рефлекс». И он только что чмокнул папашу в волосатое ухо. Видимо, какая-то часть его подсознания по-прежнему там, в здании бывшего депо, с Гиббси, Тарой и Спексом. Он чувствует влажную слюну на губах и видит ужас на лице отца, когда тот смотрит на него сверху вниз ветхозаветным взглядом. Сын поцеловал отца — погран закон природы! Не успел он войти в дом, а его попытки казаться трезвым уже потерпели крах. Отец фыркает — то ли от брезгливости, то ли оттого, что почувствовал его дыхание, — и Декстер не знает, что хуже. Он делает шаг в сторону.

— Мама в саду. Все утро тебя ждет.

— Как она? — спрашивает Декстер. А вдруг отец ответит, что намного лучше?

— Иди сам посмотри. Я поставлю чайник.

После яркого солнца в коридоре темно и прохладно. Кэсси, его старшая сестра, заходит в дом с заднего входа. В руках ее поднос, лицо сияет от сознания собственной многоопытности, рассудительности и благочестия. В тридцать четыре года она добровольно взяла на себя роль суровой больничной матроны, и эта роль ей к лицу. С хмурой полуулыбкой она касается его щеки рукой:

— Возвращение блудного сына!

Декстер не настолько пьян, чтобы не заметить сарказма, однако он делает вид, что не заметил, и смотрит на поднос. Тарелка серо-коричневой каши с молоком, рядом чистая ложка.

— Как она? — Может, хоть сестра скажет: «Намного лучше»?

— Иди сам посмотри, — отвечает Кэсси, и, проходя боком мимо нее, он думает: почему никто не хочет говорить о том, как себя чувствует мать?

Он наблюдает за ней из дверей. Она сидит в старомодном массивном кресле, которое специально для нее вынесли во двор, лицом к панораме полей, лесов и Оксфорда, серой кляксой расплзшегося вдали. Лицо ее закрыто широкополой шляпой и очками — от света у нее стали болеть глаза, — но он видит по исхудавшим рукам и тому, как безжизненно откинулась ее голова на спинку кресла, что за три недели, прошедших с его последнего приезда, она сильно изменилась. Ему вдруг хочется плакать. Он хочет свернуться клубком, как ребенок, и почувствовать, как она обнимает его, а еще бежать отсюда как можно скорее, но ни то, ни другое невозможно, поэтому он спускается по лестнице нарочито бодрым шагом — точь-в-точь как ведущий развлекательного шоу.

— Привееееет!

Она улыбается так, словно улыбка дается ей через силу. Он наклоняется, заглядывает под шляпу матери, чтобы ее поцеловать; кожа на ее щеке пугающе холодная, натянутая, блестящая. Голова под шляпой повязана шарфом, чтобы скрыть отсутствие выпавших волос, но он старается не слишком внимательно вглядываться в ее лицо и торопливо берет ржавеющий металлический садовый стул. Он подвигает его с громким скрежетом и ставит так, чтобы вместе с матерью любоваться видом, однако чувствует, что она смотрит на него.

— Ты вспотел, — говорит она.

— Сегодня жарко. — Она ему не верит. Он не слишком убедителен. Надо сосредоточиться. Помни, с кем разговариваешь.

— Ты весь мокрый.

— Это все рубашка. Синтетика.

Она протягивает руку и касается ткани тыльной частью руки. Брезгливо морщит нос:

— Откуда это?

— «Прада».

— Дорогая.

— Я ношу только лучшее. — Затем, радуясь, что можно сменить тему, он достает сверток из-за каменной горки. — Подарок для тебя.

— Как мило.

— Не от меня, от Эммы.

— А я уже поняла, по обертке. — Она аккуратно развязывает ленточку. — Ты свои подарки обычно кладешь в мусорные мешки и заклеиваешь скотчем.

— Неправда, — улыбается он, подыгрывая ее шутке.

— Это если вообще вознамериваешься что-нибудь мне подарить.

Ему все труднее улыбаться, но, к счастью, она занята подарком. Осторожно раскрыв обертку, она обнаруживает стопку книг в бумажных переплетах: Эдит Уортон, Реймонд Чандлер, Фрэнсис Скотт Фицджеральд. — Как мило с ее стороны. Поблагодаришь ее за меня? Милая, милая Эмма Морли. — Она разглядывает обложку романа Фицджеральда. — «Прекрасные, но обреченные». Это про нас с тобой.

— И кто из нас кто? — спрашивает он, не подумав, но, к счастью, мать, кажется, не расслышала. Вместо этого она читает надпись на обороте открытки с изображением черно-белого коллажа из агиток 1982 года «Долой Тэтчер!».

— Такая чудесная девушка, эта Эмма, — смеется она. — И с каким чувством юмора. — Взяв книгу, она измеряет ее толщину указательным пальцем и большим. — Правда, пожалуй, слишком оптимистичная. Намекни ей, чтобы в следующий раз прислала рассказы, да покороче.

Декстер улыбается и послушно смеется, хотя ненавидит подобный «черный» юмор. Такие шутки якобы свидетельствуют об отваге и призваны разогнать уныние, но он находит их скучными и тупыми. Он бы предпочел, чтобы то, о чем не стоит говорить, так и осталось невысказанным.

— А как Эмма?

— Очень хорошо, между прочим. Она теперь дипломированный преподаватель. Сегодня идет на собеседование.

— Вот это настоящая профессия. — Мать поворачивается и смотрит на него: — А ты вроде тоже хотел когда-то стать учителем? Что помешало?

Он чувствует подвох в ее вопросе.

— Это не мое.

— Нет, — говорит она. За этим следует молчание, и он снова чувствует, что реальность выскальзывает из его рук. Телевидение и фильмы научили Декстера верить в то, что болезнь должна сблизать людей, побуждать их открываться друг другу, что с болезнью понимание налаживается само собой. Но он и мать всегда были близки, всегда открыты, а теперь на смену привычному взаимопониманию вдруг пришли горечь, презрение, злость друг на друга, на то, что происходит. Их встречи, которым полагается быть полными любви и утешения, заканчиваются

взаимными упреками и обвинениями. Восемь часов назад он поверял свои самые интимные тайны незнакомым людям, а теперь вот не может поговорить с матерью. Что-то не так.

— Знаешь, на той неделе я смотрела «зашибись!», — говорит она.

— Правда? — Она молчит, поэтому он вынужденно продолжает: — И как тебе?

— По-моему, ты очень неплох. Все получается у тебя так естественно. И на экране ты отлично смотришься. А вот сама программа, как я тебе уже говорила, мне как-то не очень.

— Вообще-то, она и не рассчитана на таких, как ты.

Эта реплика вызывает у нее оторопь; она высокомерно поворачивает голову:

— Что значит *таких, как ты!*

Вспыхнув, он отвечает:

— Я имею в виду, это всего лишь глупое ночное шоу. Люди смотрят его, когда приходят из паба...

— То есть я была недостаточно пьяна, чтобы оценить его по достоинству?

— Нет...

— Я не святоша и ничего не имею против вульгарности, я просто не понимаю, зачем все время так унижать людей...

— Никого я не унижаю, это же хохмы ради...

— У вас был конкурс на самую уродливую девушку Британии. По-твоему, это не унижительно?

— Да нет, ты не так...

— Вы обращались к мужчинам, чтобы те присылали фотографии своих уродливых подруг...

— Так это же хохма, весь смысл в том, что ребята все равно их любят, несмотря на то, что те... ну, не соответствуют традиционным канонам красоты, в том все и дело. Это хохма!

— Ты все время повторяешь: это хохма, хохма, — ты меня пытаешься убедить или себя самого?

— Давай сменим тему, ладно?

— А для них это хохма, по-твоему, для этих девушек, о которых ты говоришь *ни кожи, ни рожки!*

— Мам, я всего лишь объявляю музыкантов. Беру интервью у поп-звезд об их замечательных новых видеоклипах. А конкурс — всего лишь дополнение...

— Дополнение к чему, Декстер? Мы растили тебя для того, чтобы ты

мог заниматься чем угодно. Но я никак не думала, что ты захочешь заниматься этим!

— А чем, по-твоему, мне следует заниматься?

— Не знаю. Чем-нибудь полезным. — Она резко прижимает левую руку к груди и откидывается на спинку кресла.

Спустя некоторое время он замечает:

— Это тоже полезное дело. В своем роде. — Она презрительно фыркает. — Это глупая, развлекательная программа, и, разумеется, она мне совсем не нравится, но это тоже опыт, он помогает мне развиваться. И между прочим, мне кажется, у меня отлично получается... пусть даже это и ерунда. К тому же мне это занятие по душе.

Помолчав минуту, она говорит:

— Значит, продолжай и дальше этим заниматься. Продолжай делать то, что тебе по душе. Я знаю, что через годы ты найдешь себе другое занятие, просто... — Она берет его за руку, не договорив. Потом устало смеется: — Но я все-таки не понимаю, зачем ты непременно должен говорить на уличном сленге.

— Так я ближе к народу, — поясняет он, и она улыбается очень тонкой улыбкой, однако он хватается за нее, как за соломинку.

— Нам нельзя препираться, — говорит она.

— Мы не ссоримся, а обсуждаем, — возражает он, хотя понимает, что, конечно, они ссорятся.

Она прижимает ладонь ко лбу:

— Мне колют морфин. Иногда я сама не знаю, что говорю.

— Ты ничего такого не сказала. Я и сам устал. — Солнечные лучики отражаются от каменных плит, и он чувствует, как горит кожа на его лице и руках. Она шипит, как у вампира, заставшего рассвет. Снова на теле его выступает холодный пот, подкатывает тошнота. Спокойно, приказывает он себе. Это все таблетки.

— Вчера поздно лег?

— Не то слово.

— Тусовка в стиле «зашибись!»?

— Что-то вроде того. — Он потирает виски, намекая на головную боль, и не подумав, прибавляет: — У тебя случаем не завалилось лишнего пузырька с морфином?

Мать на него даже не смотрит. Проходит время. В последнее время Декстер заметил, что мозг у него иногда отказывает. Его намерение сохранять трезвость ума и контроль над собой его подводит, и он вполне объективно замечает, что становится более беспечным, эгоистичным, а его

высказывания звучат все глупее. Он попытался как-то сдерживать это, но, кажется, он уже не способен этим управлять, это что-то вроде наследственной склонности к облысению. Так почему бы не поддаться и просто не быть идиотом? Минуты проходят в молчании, и он замечает, что трава и сорняки уже пробиваются сквозь землю на теннисном корте. Это место уже начало распадаться на части.

Наконец она заговаривает:

— Предупреждаю: папа готовит обед. Рагу из тушенки. Будь осторожен. Хорошо хоть Кэсси вернется к ужину. Надеюсь, ты у нас переночуешь?

Он мог бы переночевать. Тогда бы у него появилась возможность загладить свою вину.

— Нет, — отвечает он. Она едва поворачивает голову. — У меня на сегодня билеты на «Парк Юрского периода». На премьеру, между прочим. Там будет леди Ди! Правда, не со мной, к сожалению. — Он говорит и презирает себя за эти слова. — Не пойти нельзя, это нужно для работы, я уже давно договорился... — Его мать едва заметно прищуривается, и, чтобы оправдать себя, он наспех придумывает ложное объяснение: — Я с Эммой иду, понимаешь. Я бы один и не пошел, но она очень хочет.

— О!.. Тогда понятно. — Снова молчание. — Какая интересная у тебя жизнь, — безжизненно добавляет она.

И снова тишина.

— Декстер, прости, но я за утро что-то устала. Пойду наверх посплю немного.

— Хорошо...

— Мне понадобится помощь.

Он в панике ищет глазами сестру или отца, точно у тех есть какие-то особые навыки, которыми он не обладает, но их нигде нет. Мать уперлась ладонями в подлокотники, беспомощно отталкиваясь, и он понимает, что ему придется сделать все самому. Легко, не думая о том, что делает, он берет ее под руку и помогает подняться.

— Хочешь, я?..

— Нет, я могу зайти в дом, только вот со ступеньками проблемы.

Они пересекают дворик; рука Декстера касается ткани голубого летнего платья матери, висящего на ней, как больничный халат. Его раздражает, даже оскорбляет то, как медленно она двигается.

— Как Кэсси? — спрашивает он, чтобы чем-то заполнить время.

— О, замечательно. Мне немного досаждаст, что ей так нравится мной руководить, но она очень заботлива. Съешь то, прими это, пора спать.

Строгая, но справедливая — такая вот у тебя сестра. Мстит мне за то, что не купила ей пони.

Если у Кэсси так прекрасно получается о ней заботиться, куда же она сейчас подевалась, когда ее помощь нужна? И вот они в доме, у нижней ступеньки лестницы, ведущей наверх. Он никогда не замечал, что ступеней на лестнице так много.

— Как?..

— Лучше просто возьми меня на руки. Я не тяжелая... уже.

Я не могу. Я на такое не способен. Думал, что смогу, но нет. Во мне отсутствует что-то, что позволяет людям делать это.

— У тебя где болит? Где мне не надавливать?

— Не волнуйся. — Она снимает шляпу и поправляет шарф. Он осторожно одной рукой обхватывает ее под лопатками, так что его пальцы оказываются во впадинах между ее ребер. Затем сгибает колени, касаясь плечом задней поверхности ее ног сквозь гладкую, прохладную ткань платья, и, когда понимает, что она готова, поднимает ее второй рукой и чувствует, как расслабляется ее тело в его руках. Она делает глубокий выдох; ее сладкое и жаркое дыхание обдает его лицо. Или она тяжелее, чем он думал, или же он слабее; он ударяется плечом о перила, напрягает мышцы рук, поворачивается боком и делает шаг по лестнице. Голова матери лежит у него на плече, шарф скользит по лицу. Это выглядит пародией на похожую ситуацию — например, когда жених переносит невесту через порог, — и в голове его мелькают кощунственные шутки, от которых, однако, не становится легче. Но на лестничной площадке мать шутит сама.

— Мой герой, — говорит она, смотрит ему в глаза, и оба улыбаются.

Он толкает дверь в темную комнату и опускает мать на кровать:

— Тебе что-нибудь принести?

— Я в порядке.

— Тебе не пора что-нибудь принять? Лекарство там или...

— Нет, все нормально.

— Сухой мартини с оливкой?

— О да, с удовольствием.

— Хочешь, накрою тебя одеялом?

— Вон тем покрывалом.

— Шторы опустить?

— Да. Но окно оставь открытым.

— Ну, увидимся.

— Пока, дорогой.

— Увидимся.

Он натянуто улыбается, но она уже повернулась на бок и лежит к нему спиной. Он выходит из комнаты, прикрыв дверь. Однажды — возможно, очень скоро, может, даже в этом году — он выйдет из этой комнаты и больше никогда не увидит мать. Эта мысль так тяжела для осознания, что он силой прогоняет ее и вместо этого начинает думать о себе, о своем похмелье, о том, как он устал и как пульсирующая боль отдается в висках с каждым шагом, когда он спускается по лестнице.

Большая неприбранная кухня пуста, и он идет к холодильнику, который тоже почти пуст. Завядший сельдерей, куриные кости, открытые консервные банки и ветчина в экономичной упаковке — свидетельства того, что его отец взял домашнее хозяйство на себя. На полке в дверце холодильника стоит открытая бутылка белого вина. Он берет ее и пьет прямо из горлышка — четыре, пять глотков сладкой жидкости, — а потом слышит отцовские шаги в коридоре. Вернув бутылку на место, он вытирает рот рукавом; отец входит в кухню. В руках его два пакета из деревенского магазина.

— Где мама?

— Устала. Я отнес ее наверх, чтобы она могла прилечь. — Декстеру очень хочется, чтобы отец оценил, какой он взрослый и храбрый, но того, кажется, это не впечатляет.

— Понятно. Вы поговорили?

— Немножко. О том о сем... — Собственный голос в его голове звучит очень странно: он говорит слишком громко, сбивчиво, заплетающимся языком. Как пьяный. Заметил ли отец? — Когда она проснется, мы еще поговорим. — Он снова открывает дверцу холодильника и притворяется, что видит вино в первый раз. — Не возражаешь, если я?.. — Берет бутылку, выливает остатки вина в стакан и идет к выходу. — Я пойду в свою комнату...

— Зачем? — хмурясь, говорит отец.

— Надо найти кое-что. Старые книги...

— Ты разве не хочешь пообедать? Нельзя же так пить вино без еды.

Декстер смотрит на пакеты у ног отца; те чуть не лопаются под весом консервов.

— Может, попозже, — говорит он уже из коридора.

Поднявшись по лестнице, он замечает, что дверь в родительскую спальню отворилась, и бесшумно заходит внутрь. Занавески колышутся на полуденном ветру, и солнце то падает на спящую под старым покрывалом мать, то уходит. Из-под покрывала выглядывают грязные подошвы ее ног

со скрюченными пальцами. Запах, который он помнит с детства — дорогих лосьонов и загадочных пудр, — сменился запахом вареных овощей, о котором не хочется думать. В доме его детства теперь пахнет больницей. Он закрывает дверь и идет в ванную.

Стоя возле унитаза, заглядывает в аптечку: большой запас отцовского снотворного, свидетельство ночных страхов, и старый пузырек с валиумом, пузырек его матери, на котором стоит дата: март 1989-го. С тех пор давно уже появились более сильнодействующие средства. Он вытряхивает по две пилюли из каждого пузырька и кладет их в бумажник, затем берет еще одну таблетку валиума, кладет в рот и запивает водопроводной водой — просто чтобы успокоиться.

Его старая комната теперь используется как кладовая, и ему приходится проходить боком между старым диваном, сервантом и картонными коробками. На стенах несколько семейных снимков с обтрепавшимися краями, фотографии ракушек и листьев, которые он сам делал в юности, — любительские, невыразительные, выцветшие. Как ребенок, которого отправили в комнату в качестве наказания, он лежит на старой двуспальной кровати, закинув руки за голову. Ему всегда казалось, что лет в сорок пять, а может, пятьдесят у него чудом появится некая эмоциональная или умственная способность, что-то вроде набора качеств, позволяющих пережить смерть одного из родителей. Если бы у него был такой набор, все было бы в порядке. Он вел бы себя благородно и самоотверженно, относился бы ко всему мудро и философски. Может, у него даже были бы дети, и вместе с отцовством он обрел бы понимание жизни как процесса.

Но ему не сорок пять, а всего двадцать восемь. Его матери сорок девять. И все происходящее это какая-то ужасная ошибка, временной сбой — разве можно ожидать, что он справится, найдет в себе силы смотреть, как его блистательная мать угасает? Это несправедливо, особенно когда у него столько другого на уме. Он занятой молодой человек в начале успешной карьеры. Если честно, у него полно других забот. Декстеру вдруг хочется заплакать, но он не плакал уже пятнадцать лет, это все таблетки; и он решает немного поспать. Поставив стакан с вином на коробку у кровати, поворачивается на бок. Нужно много сил и энергии, чтобы притвориться нормальным. Сейчас он отдохнет, потом извинится, и мать поймет, как сильно он ее любит.

Он просыпается, вздрогнув, и смотрит на часы, потом еще раз: 18.26. Он проспал шесть часов, весь день — но разве это возможно? Однако, подняв шторы, он видит на небе закатное солнце. Голова по-прежнему

болит, веки как будто склеили резиной, во рту металлический привкус; Декстер хочет пить и есть, как никогда в жизни. Он тянется за стаканом с вином; стакан теплый. Выпивает половину и вдруг морщится — в стакан пробралась толстая синяя муха, она жужжит, бьется о его губу и тонет. Декстер роняет стакан, пролив вино на рубашку и на кровать. Пошатнувшись, поднимается на ноги.

В ванной он брызгает водой на лицо. От пропотевшей рубашки исходит явный запах спиртного. С чувством легкой брезгливости Декстер мажет подмышки старым отцовским дезодорантом. Снизу доносится позвякивание кастрюль и сковородок, радиоболтовня — звуки семейного ужина. Сделай бодрое лицо, будь бодрым, счастливым, вежливым, а потом вали отсюда.

Но, проходя мимо комнаты матери, он видит, что она сидит на краю кровати, боком к нему, и смотрит на поля — как будто поджидает его. Она медленно поворачивает голову, но он топчется на пороге, как маленький ребенок.

— Весь день пропустил, — тихо говорит она.

— Уснул.

— Я уж поняла. Тебе лучше?

— Нет.

— Хм... Боюсь, отец на тебя злится.

— Ничего нового. — Она снисходительно улыбается, и, ободренный ее улыбкой, он прибавляет: — В последнее время все словно ополчились на меня.

— Бедный, бедный малыш Декстер, — говорит мать, и он не может понять, саркастичны или искренни ее слова. — Поди сюда, сядь. — Она улыбается и похлопывает по кровати возле себя. — Сядь рядом. — Он послушно входит в комнату и садится так, что их ноги соприкасаются. Она роняет голову ему на плечо. — Мы не похожи на самих себя, верно? Я уж точно, и ты тоже. Ты другой. Не такой, каким я тебя помню.

— И в чем это выражается?

— Могу я говорить откровенно?

— А это обязательно?

— Пожалуй. Кажется, я имею на это право.

— Тогда говори.

— Я думаю... — Она поднимает голову. — Мне кажется, что у тебя есть всё необходимое для того, чтобы стать хорошим человеком. Даже исключительным. Я всегда так считала. Матери и должны так думать, правда? Но, по-моему, ты не используешь свой потенциал. Пока. По-моему,

тебе еще предстоит большой путь. Вот и всё.

— Ясно.

— Не обижайся, но иногда... — она берет его ладонь в свою и потирает ее большим пальцем, — иногда мне кажется, что ты вообще перестал быть хорошим.

Некоторое время они сидят молча, потом он наконец говорит:

— Мне нечего на это ответить.

— Ты и не должен.

— Ты сердишься на меня?

— Немного. Впрочем, в последнее время меня все бесят. Все, кто не болеет.

— Мам, мне так жаль.

Она сильнее жмет пальцем на его ладонь:

— Я знаю.

— Я останусь на ночь. Сегодня.

— Нет, только не сегодня. Ты занят. Лучше приходи еще раз и сделай вид, будто ничего не было.

Он встает, кладет руки ей на плечи и касается щекой ее щеки. Ощущает ее дыхание в ухе, теплое, сладкое дыхание, и уходит.

— Скажи спасибо Эмме, — говорит она, — за книги.

— Скажу.

— Передавай ей привет. Когда увидишь ее сегодня.

— Сегодня?

— Да. Вы же сегодня встречаетесь.

Он вспоминает о своей лжи:

— Да, да, конечно. И извини, если сегодня я был не очень... хорошим.

— Что ж... Всегда есть завтра, всегда можно исправиться, — с улыбкой произносит она.

По лестнице Декстер спускается уже бегом, надеясь, что сумеет быстро промелькнуть незамеченным, но отец его читает газету в коридоре — или делает вид, что читает. Он снова словно подкарауливает его, как дежурный на посту или куратор по условному освобождению.

— Я проспал, — говорит Декстер ему в спину.

Отец переворачивает страницу:

— Да. Я понял.

— Пап, почему ты меня не разбудил?

— А какой смысл? Да и мне кажется, я не должен этого делать. — Он снова перелистывает газету. — Тебе не четырнадцать, Декстер.

— Но теперь мне пора уходить!

— Что ж, если пора, так уходи... — Конец фразы повисает в воздухе. Декстер замечает Кэсси в гостиной — та тоже делает вид, что читает, но лицо ее горит от неодобрения и праведного гнева. Надо сваливать отсюда прямо сейчас, пока гроза не разразилась. Он кладет руку на столик в прихожей, нащупывая ключи, но их там нет.

— Мои ключи от машины...

— Я их спрятал, — сообщает отец, продолжая читать газету.

Декстер смеется:

— Ты не можешь прятать от меня мои ключи!

— Очевидно, могу, раз я это сделал. Хочешь поиграть в «найди ключи»?

— И могу я спросить, зачем ты это сделал? — возмущенно говорит Декстер.

Отец отрывается от газеты и поднимает голову, словно принимаясь:

— Затем, что ты пьян.

Кэсси встает с дивана, подходит к двери гостиной и закрывает ее.

— Что за бред! — с нервным смехом говорит Декстер.

Отец смотрит на него через плечо:

— Декстер, я могу отличить пьяного от трезвого. Тем более когда речь идет о тебе. В конце концов, я наблюдаю, как ты напиваешься, последние двенадцать лет.

— Но я не пьян, у меня просто похмелье.

— В любом случае, за руль ты не сядешь.

И снова Декстер презрительно усмехается, закатывает глаза, намереваясь с негодованием возразить, но лишь произносит неубедительным тоном:

— Но, пап, мне уже двадцать восемь!

— Никогда бы не подумал, — заявляет отец, запускает руку в карман и достает свои ключи. С притворной веселостью подбрасывает их в воздух и ловит. — Пойдем. Подвезу тебя до станции.

С сестрой Декстер не прощается.

* * *

Иногда мне кажется, что ты вообще перестал быть хорошим. Его отец молча ведет машину; Декстер обиженно ссутулился на сиденье старого «ягуара». Когда тишина становится невыносимой, отец тихо и строго произносит, не отрывая глаз от дороги:

— Можешь забрать машину в субботу. Когда протрезвеешь.

— Я уже протрезвел, — говорит Декстер и слышит собственный голос как бы со стороны: капризный, обиженный, голос шестнадцатилетнего мальчишки. — Что за ерунда! — раздраженно добавляет он.

— Декстер, я не буду с тобой спорить.

Декстер надувается и сползает по сиденью вниз, прислонившись лбом и носом к боковому стеклу. Мимо проносятся пригородные аллеи, по обеим сторонам застроенные дорогими коттеджами. Его отец, который всегда ненавидел конфликты и сейчас явно чувствует себя ужасно, включает радио, чтобы заглушить тишину, и они слушают классическую музыку: марш, помпезный и банальный. Подъезжают к станции. Отец заезжает на парковку, которая в выходной почти пуста. Декстер открывает дверь, ставит одну ногу на гравий... но отец, кажется, не собирается прощаться, он просто сидит и ждет с заведенным мотором, безразличный, как шофер такси, устремив взгляд на приборную доску и постукивая пальцами в такт безумному маршу.

Декстер понимает, что нужно принять наказание и уйти, но гордость ему не позволяет.

— Ладно, я уйду, но перед уходом все же скажу, что ты слишком все преувеличиваешь...

Вдруг на лице отца отражается настоящая ярость; сверкнув крепко стиснутыми зубами, он произносит надтреснутым голосом:

— Не смей выставить дураком меня или свою мать, ты взрослый человек, а не ребенок. — Злоба исчезает так же быстро, как и возникла, и Декстеру кажется, что отец вот-вот заплачет. Его нижняя губа дрожит, одна рука вцепилась в руль, а другой он прикрыл глаза, будто не хочет видеть сына.

Декстер поспешно выходит из машины и уже собирается повернуться и захлопнуть дверь, когда отец выключает радио и заговаривает снова:

— Декстер...

Декстер наклоняется и смотрит на отца. В его глазах стоят слезы, но голос спокоен.

— Декстер, твоя мать тебя очень, очень любит. И я тоже. Так было всегда и всегда будет. Думаю, ты это знаешь. Но сколько бы ни осталось жить твоей матери... — Он запинается, смотрит вниз, будто ищет слова под ногами. — Декстер, если еще раз ты приедешь повидаться с матерью в таком состоянии, клянусь, я не пущу тебя в дом. Ты не пройдешь дальше входной двери. Я захлопну ее перед твоим носом. Я не шучу.

Декстер открывает рот, однако не знает, что сказать.

— Теперь иди. Иди домой, пожалуйста.

Декстер закрывает дверь, но она не захлопывается. Он захлопывает ее снова, и в этот момент его отец, пребывающий в таком же смятении, как и он сам, срывает машину с места, потом дает задний ход и на большой скорости выезжает со стоянки. Декстер стоит и смотрит ему вслед.

На пригородной станции никого нет. Он оглядывает платформу в поисках телефона-автомата, старого, того самого, из которого он звонил подростком, строя планы побега из дома. 18.59. До лондонской электрички шесть минут, но он должен успеть сделать этот звонок.

* * *

Ровно в семь вечера Эмма в последний раз смотрится в зеркало — убедиться, что не выглядит так, будто слишком прихорашивалась. Зеркало стоит, прислоненное к стене, и хотя Эмма знает, что оно кривое и укорачивает, все равно неодобрительно прищелкивает языком, глядя на свои бедра и коротенькие ножки ниже края джинсовой юбки. Для колготок слишком жарко, но Эмма не может без слез смотреть на свои покрытые ссадинами красные колени, поэтому все равно надевает колготки. Волосы, только что вымытые и пахнущие «лесными ягодами», уложены в «прическу», пышную и ароматную, и она взбивает ее пальцами, чтобы придать ей некоторую небрежность, и вытирает мизинцем размазанную помаду в уголке губ. Губы у нее очень красные, даже, пожалуй, слишком. Но все равно из этого свидания не выйдет что-либо путное; наверняка она будет дома уже в половине одиннадцатого. Допив последний глоток большой порции водки с тоником, она морщится, когда во рту, только что прополоснутом после чистки зубов, возникает металлический привкус, берет ключи, бросает их в «выходную» сумку и закрывает дверь.

И тут звонит телефон.

Эмма слышит звонок, уже дойдя до середины коридора. Думает, не вернуться ли бегом и не взять трубку... но она и так уже опаздывает, да и наверняка это мама или сестра, звонят узнать, как прошло собеседование. Она слышит, как в конце коридора открывается лифт. Бежит, чтобы успеть, и двери лифта закрываются именно в тот момент, когда включается автоответчик...

* * *

— «...оставьте сообщение после сигнала, и я вам перезвоню».

— Привет, Эмма, это Декстер. Что я звоню? Я тут на станции рядом с родителями, только что был у мамы и... вот, хотел спросить, что ты сегодня вечером делаешь. У меня билеты на премьеру «Парка Юрского периода»! Вообще-то, думаю, сам фильм мы уже пропустили, но как насчет вечеринки в честь премьеры? Только ты и я? Там будет принцесса Диана, а я помню, как ты любишь всяких знатных персон. Извини, это я, конечно, издеваюсь... если ты сейчас слушаешь. Возьми трубку, Эмма. Пожалуйста, пожалуйста, возьми. Тебя нет дома? Ах да... я вспомнил, ведь у тебя сегодня свидание. С крутым парнем, а? Что ж, повеселись как следует, а потом позвони, когда вернешься... *если* вернешься. Расскажешь, как все было. Нет, правда, позвони мне как можно скорее... — У него срывается голос. Он делает глубокий вдох и продолжает: — Просто у меня был на редкость дерьмовый денек, Эм. — Голос его дрожит. — Кажется, я только что сделал что-то очень, очень плохое. — Надо бы повесить трубку, но он не может. Он хочет увидеть Эмму Морли, чтобы покаяться в своих грехах, но она на свидании. Растянув губы в улыбке, он добавляет: — Позвоню тебе завтра. Хочу знать всё в подробностях! Уцелели ли мужские сердца.

Он вешает трубку. Уцелеет ли его сердце?

Рельсы дребезжат, он слышит гул приближающегося поезда, но не может ехать, не в таком состоянии. Он просто подождет следующего. Подходит лондонская электричка и как будто ждет его, вежливо гудя, но Декстер стоит в укрытии, за пластиковым щитком телефонной будки, и чувствует, как сжимается лицо, дыхание становится прерывистым и частым, а когда начинает плакать, то снова успокаивает себя, повторяя, что это все таблетки, таблетки, таблетки.

Глава 7

Комик месяца

Четверг, 15 июля 1993 года, часть 2 — история Эммы

Ковент-Гарден и Кингз-Кросс

Сидя за столиком на двоих в ресторане «Форелли», который находится в Ковент-Гарден, Иэн Уайтхед посмотрел на часы. Та, кого он ожидал, опаздывала на пятнадцать минут, но, по-видимому, это было частью сложной игры в кошки-мышки, без которой не может быть свиданий. Что ж, игры так игры. Он опустил ломтик чиабатты в маленькое блюдо с оливковым маслом, точно обмакивая кисть в краску, раскрыл меню и стал прикидывать, какие блюда ему по карману.

Жизнь выступающего комика пока не принесла ему богатства и телеэфиров, как он некогда рассчитывал. Каждую неделю воскресные газеты кричали о том, что комедия это новый рок-н-ролл, — так почему он по-прежнему вынужден бороться за место у микрофона в дешевых клубах вроде «Сэра Смехолота» во вторник вечером? Он адаптировал свой материал под нынешнюю моду, уменьшив количество политических острот и антропологических наблюдений и по очереди испробовав характерную комедию, сюрреализм, комические куплеты и скетчи. Но зрители все равно не смеялись. Попытка шутить более дерзко привела к тому, что ему надавали тумачков, а участие в группе комической импровизации воскресными вечерами лишь доказало, что он умеет быть несмешным, и выходит это у него совершенно спонтанно и незапланированно. И все же он упорно шел к своей цели и продолжал ездить в обе стороны по северной ветке метро и кругом по кольцевой, пытаясь хоть кого-то рассмешить.

Возможно, все дело в его имени, Иэн Уайтхед? Оно просто не смотрится на афишах под прожекторами? Он даже задумывался о том, не поменять ли его на более звучное, «мужское» и односложное, например, Бен, Джек или Даг. А пока не определился со своим комическим амплуа, устроился на работу в «Соникотроникс» — магазин электроники на Тоттенхэм-Корт-роуд, где нездорового вида молодые люди в футболках продавали оптические приводы и видеокарты нездорового вида молодым

людям в футболках. Платили там не ахти сколько, зато вечером он был свободен и мог выступать, да и коллеги часто покатывались со смеху, слыша его новые шутки, а это всегда приятно.

Но лучшее из того, что дала ему эта работа, состояло в том, что однажды в обеденный перерыв он встретил Эмму Морли. Он стоял у здания церкви сайентологов, раздумывая, не пройти ли тест на определение типа личности, и вдруг увидел ее, хотя ее почти не было видно за огромной плетеной корзиной. И когда он обнял Эмму, Тоттенхэм-Корт-роуд вдруг словно засияла, превратившись в улицу его мечты.

Это было их второе свидание, и он сидел в модном современном итальянском ресторане неподалеку от Ковент-Гарден. Лично он предпочитал острую еду со специями или что-нибудь соленое и хрустящее и с большим удовольствием съел бы карри. Но он был достаточно умен и знал этих капризных женщин, которые вечно требуют свежих овощей. Он проглядел меню в поисках ключевых слов: салями, острые колбаски, перец чили. Снова посмотрел на часы — Эмма опаздывала уже на двадцать минут, — и живот его подвело, частично от голода, частично от любви. Годами его сердце и живот были влюблены в Эмму Морли, и это была не просто сентиментальная платоническая влюбленность, но самое что ни на есть плотское желание. Все эти годы он помнил (и будет помнить до конца жизни) однажды увиденную картину: Эмма стоит в комнате для персонала «Локо Кальенте» в луче полуденного солнца, похожем на свет под куполом церкви; на ней трусы и лифчик от разных комплектов, и она орет на него, чтобы убирался и закрыл за собой дверь.

Не подозревая, что он думает о ней, Эмма наблюдала за Иэном, стоя возле стойки метрдотеля; она отметила, что он явно стал выглядеть лучше, чем пару лет назад. Шапка тугих светлых завитков исчезла, теперь он стригся коротко, слегка приглаживал волосы воском и в целом уже не выглядел деревенским парнем, только что приехавшим в большой город. Ели бы не ужасная одежда и этот вечно приоткрытый рот, его даже можно было бы назвать симпатичным.

Хотя ситуация была для нее непривычна, она понимала, что пришла в классический ресторан для свиданий — довольно дорогой, с не слишком ярким светом, непретенциозный, но и не дешевый — в общем, одно из тех мест, где на пиццу кладут свежую руколу. Здесь было романтично, но без перебора, и, по крайней мере, это была не индийская забегаловка с карри или, упаси боже, не «Локо Кальенте» с рыбными буррито. Здесь были пальмы и свечи, а в соседнем зале пожилой музыкант играл на рояле известные мелодии Гершвина.

— Вас ожидают? — спросил метрдотель.

— Парень за тем столиком.

На первое свидание Иэн пригласил ее в «Одеон» на Холлоуэй-роуд, чтобы вместе посмотреть фильм «Зловещие мертвецы-3: Мертвецы в Средневековье». Эмма не была снобом или одной из тех, кого напугаешь мертвецами, и, в отличие от большинства женщин, была способна оценить хороший ужастик, но даже ей выбор Иэна показался странным и на удивление смелым. В соседнем кинотеатре показывали «Три цвета: Синий», но она сидела в «Одеоне», смотрела кино про мертвеца, у которого вместо руки была бензопила, и, как ни странно, ей это нравилось. Она ожидала, что после кино ее пригласят в ресторан, как и полагается, но оказалось, Иэн считает поход в кино неполноценным без ужина из трех блюд. Стоя в фойе кинотеатра перед сеансом и разглядывая меню над прилавком с попкорном, точно то был перечень блюд трехзвездного ресторана, он выбрал начос на закуску, хот-дог в качестве основного блюда и шоколадные конфеты на десерт, запив всё это грейпфрутовой газировкой со льдом из стакана размером с человеческий торс. Таким образом, немногочисленные медитативные сцены «Зловещих мертвецов» сопровождались для Эммы жаркой тропической отрыжкой Иэна, прикрывавшего рот кулаком.

Однако, несмотря на всё это — нездоровое увлечение сценами насилия и соленой пищей, горчицу на подбородке, — Эмма получила от свидания гораздо больше удовольствия, чем ожидала. По пути в паб Иэн поменялся с ней местами на тротуаре, чтобы ее не сбил проходящий автобус: чудная старомодная галантность, не свойственная ни одному из ее бывших ухажеров. Они обсуждали спецэффекты, отрубленные головы и выпущенные кишки, и после тщательного анализа Иэн заключил, что это лучшая часть трилогии «Зловещие мертвецы». Очевидно, трилогии и подарочные издания, комедии и ужастики играли большую роль в культурной жизни Иэна, и в пабе у них состоялась интересная дискуссия о том, может ли роман о зомби обладать такой же глубиной и значимостью, как, скажем, «Война и мир». Галантный и внимательный, Иэн напоминал ей старшего брата, который много знает о разных классных штуках, — единственная разница была в том, что он явно был не прочь с ней переспать. Он смотрел на нее с таким обожанием и так пристально, что она даже стала переживать, все ли в порядке у нее с лицом.

Вот и сейчас он улыбался ей именно с таким выражением глаз, вскочив с места так поспешно, что толкнул столик и опрокинул бесплатную воду на бесплатные оливки.

— Дать тебе салфетку? — спросила она.

— Нет, ничего, вытрусь пиджаком...

— Не надо пиджаком, вот, возьми мою салфетку.

— Черт, я загадил все оливки. Не в прямом смысле, конечно!

— О... Да... Ну, ничего.

— Шутка! — провозгласил он, и это прозвучало как «Пожар!». Он так не нервничал с той провальной ночи в клубе комиков-импровизаторов и, твердо приказав себе успокоиться, принялся вытирать скатерть салфеткой, украдкой поглядывая на Эмму, которая сняла летний жакет, расправила плечи и подняла грудь, как это делают женщины, не подозревая, сколько страданий при этом причиняют мужчинам. Его охватил второй за сегодняшний вечер приступ любви к Эмме Морли и страстного желания обладать ею.

— Ты так мило выглядишь, — выпалил он, не в силах сдерживаться.

— Спасибо! Ты тоже, — машинально проговорила она. На Иэне была его униформа для выступлений: мятый льняной пиджак поверх простой черной футболки. Ради Эммы он надел футболку без ироничных надписей и символики рок-групп. Приоделся, одним словом. — Мне нравится, — сказала она, кивая на пиджак, — очень стильно!

После этих слов Иэн потерял лацкан между большим и указательным пальцами, как будто хотел сказать: «Что, это старье?!»

— Разрешите ваш жакет? — сказал официант, элегантный, симпатичный парень.

— Конечно, спасибо. — Эмма протянула молодому человеку жакет, и Иэн подумал, что придется теперь дать ему чаевые. Но ничего. Она того стоит.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил официант.

— Знаете, пожалуй, водку с тоником.

— Двойную порцию? — тут же добавил официант, провоцируя ее на лишние траты.

Она взглянула на Иэна, в глазах которого промелькнула паника.

— Это не слишком безумная идея?

— Нет, что ты, заказывай.

— Хорошо, тогда двойную!

— А вам, сэр?

— Я подожду свое вино, спасибо.

— Может, минеральной воды?

— ПРОСТОЙ ВОДЫ ИЗ-ПОД КРАНА! — громко сказал он. И, помолчав пару секунд, уже спокойнее прибавил: — Воды из-под крана,

пожалуйста, если, конечно...

— Вода из-под крана, отлично, — примирительно улыбнулась Эмма. Официант ушел, и она посмотрела на Иэна: — И кстати, это само собой разумеется, конечно, но мы сегодня заплатим каждый сам за себя, о'кей? И не спорь. На дворе тысяча девятьсот девяносто третий год.

И за это Иэн полюбил ее еще больше. Но для порядка решил все же притвориться недовольным:

— Но Эм, ты же студентка!

— Уже нет. Я теперь настоящий учитель, с дипломом! И сегодня ходила на первое собеседование.

— И как все прошло?

— Отлично, просто отлично!

— Поздравляю, Эм, это же просто здорово. — Он перегнулся через стол, чтобы поцеловать ее в щеку... нет, в обе щеки... нет, может, все-таки в одну? Ну ладно уж, в обе.

Они открыли меню, которое Иэн предварительно просмотрел, чтобы придумать шутки, и, пока Эмма пыталась сосредоточиться, начал свое комическое представление и выдал несколько наиболее удачных: сукияки — блюдо из мяса женских особей, и далее в том же роде. Поскольку в меню значился сибас на гриле, Иэн счел нужным пожаловаться на то, что в последнее время каждый окунь метит в сибасы, и вообще, что такое «минутный стейк» — он жарится ровно минуту, или такой маленький, что его можно съесть меньше чем за минуту? И что за паста, с каких пор старые добрые макароны стали пастой? А банальную яичницу с сосисками и кетчупом они как обзовут? «Суфле из яиц с деликатесными подкопченными колбасками в соусе руж»? Или как?

Остроты сыпались одна за другой, и Эмма вдруг почувствовала, что ее надежды хорошо провести вечер померкли. Он пытается очаровать меня своим чувством юмора, подумала она, хотя на деле его чувство юмора лишь заставляет предвкушать поездку домой на метро. В кино его хотя бы отвлекали конфеты и отрубленные головы, но здесь, лицом к лицу, уже ничто не может сдержать эту компульсивную болтовню. Для Эммы это было не в новинку. Ребята из педагогического колледжа, все как один, были полупрофессиональными хохмачами, особенно в пабе после пары пива, и хотя ее это сводило с ума, она знала, что сама их поощряет. Девчонки сидели и хихикали, пока мальчишки показывали фокусы со спичками и пародировали детские телепередачи и рекламу. Заразная болезнь, эти бесконечные мальчишеские концерты в пабах — они ужасно ее раздражали.

Она сделала глоток водки с тоником. Иэн взял винную карту и начал свой номер о том, что винные карты составляют одни извращенцы, цитируя описание: «Чувственный глоток со вкусом тлеющей древесины и взрывными нотками карамельного яблока» — и так далее. Эта излюбленная тема всех горе-комиков могла в перспективе продолжаться бесконечно, и Эмма поймала себя на том, что представляет идеального, не существующего в реальности мужчину, который просто взял бы карту и, не выпендриваясь, заказал вино — с видом знатока, но без показухи.

— ...«вкус чипсов с жареным беконом и насыщенным запахом жирафа»...

Он хочет вогнать меня в ступор, мысленно сказала она. Можно было бы взбунтоваться, конечно, бросить в него булочкой, но он все их съел. Она посмотрела на других посетителей: все так же рисовались друг перед другом. Неужели в этом и смысл? — подумала она. Неужели романтическая любовь — это шоу талантов? Совместный ужин, постель, любовь и обещание годами радовать друг друга такой вот высококлассной комедией?

— ...а если бы были пивные карты? — Акцент уроженца Глазго. — Наш особый букет крепко ударит вам в нос и вызовет в воображении коммунальное жилье, ржавые сумки-тележки и разруху бедных городских кварталов. Отлично гармонирует с синяком под глазом...

Она задалась вопросом: откуда возникло убеждение, что ни одна женщина не устоит перед мужчиной с чувством юмора? Ведь Кэти влюбилась в Хитклифа вовсе не потому, что тот был хохмачом. Но самое досадное было в том, что Иэн действительно нравился Эмме; она шла на это свидание, питая большие надежды и даже с волнением предвкушая увидеть его снова, а вместо этого...

— ...наш апельсиновый сок поразит вас апельсиновым вкусом с сочной басовой ноткой апельсинов...

Ну, всё. С нее довольно.

— ...с нежностью... нет, со страстью выдавленное из коровьего вымени, винтажное молоко тысяча девятьсот восемьдесят девятого года имеет ярко выраженный молочный вкус...

— Иэн?

— Да?

— Заткнись, ладно?

Наступила тишина. Иэн выглядел обиженным, и Эмме стало стыдно. Не надо было пить двойную порцию водки, наверное. Чтобы разрядить обстановку, она громко произнесла:

— Давай просто возьмем вальполичеллу.
Иэн сверился с меню:
— Тут говорится: ежевика и ваниль.
— Видимо, у этого вина вкус ежевики и ванили.
— Тебе нравится ваниль и ежевика?
— Обожаю.
Он посмотрел на цену:
— Ну, тогда давай возьмем.
И после этого, слава богу, вечер пошел на поправку.

* * *

— Привет, Эм. Это опять я. Знаю, что ты где-то гуляешь с «комиком месяца», но просто хотел сказать, что когда придешь — если, конечно, будешь одна... в общем, я решил не ходить на эту премьеру. Буду весь вечер дома, если захочешь зайти. Я был бы рад, между прочим. Дам тебе денег на такси, и можешь переночевать у меня. Вот так вот. Так что когда бы ты ни вернулась, просто позвони мне и поймай такси. Всё. Надеюсь, позже увидимся. Целую и все такое. Пока, Эм. Пока.

* * *

Когда тарелки после первого убрали, она и Иэн принялись вспоминать старые добрые времена — ведь это было всего два года назад. В то время как Эмма заказала суп и рыбу, Иэн предпочел высокоуглеводное ассорти, начав с огромной тарелки пасты с мясом, в которой он закопал снежные горы пармезана. Плотный ужин и красное вино слегка его успокоили, и Эмма тоже расслабилась, точнее, захмелела. И почему бы и нет? Разве она не имела права? Последние десять месяцев она не покладая рук трудилась над тем, во что верила, и пусть некоторые вакансии, которые предлагали учителям, наводили ужас, она интуитивно понимала, что эта профессия для нее. И кажется, во время сегодняшнего собеседования начальство пришло к тому же выводу — директор кивал и одобряюще улыбался, и хотя она не осмелилась бы высказать предположение вслух, работа была у нее в кармане, она это чувствовала.

Так почему бы не отметить с Иэном? Он все болтал и болтал, а она смотрела на его лицо и думала, что он, несомненно, стал привлекательнее,

чем раньше; теперь при взгляде на него мысли о тракторах в голову уже не приходили. Правда, в нем по-прежнему не было ни капли утонченности и благородства; если бы она снимала фильм о войне, то выбрала бы его на роль простого отважного солдата, который пишет письма матери, в то время как Декстеру досталась бы роль... Кого? Изнеженного нациста? И всё же ей нравилось, как Иэн на нее смотрит. С нежностью, вот то самое слово. Нежным и пьяным взглядом. И она в свою очередь ощутила тяжесть в ногах, жар и нежность к нему.

Он плеснул в ее бокал остатки вина:

— Так ты видишься с кем-нибудь из наших?

— Нет. Один раз случайно встретила Скотта в этом жутком итальянском ресторане, «Хайль Цезарь». С ним все в порядке, все еще сердится на меня. А вообще стараюсь ни с кем не встречаться. Это как после тюрьмы — не хочется иметь ничего общего со старыми сокамерниками. Кроме тебя, конечно.

— Неужели тебе было так плохо? Когда работала в «Локо Кальенте»?

— Скажем так: два года жизни, что я там провела, никогда не вернутся. — Высказанное вслух, это наблюдение поразило ее, но она отмахнулась. — Даже не знаю, пожалуй, не лучшее было время, что еще сказать.

Он грустно улыбнулся и слегка толкнул ее руку кулаком:

— Так почему ты не отвечала на мои звонки?

— А я не отвечала? Не помню, может быть. — Она поднесла бокал к губам. — Но сейчас же мы здесь. Давай сменим тему? Как твоя карьера комика?

— О, нормально. Выступаю с импровизациями, реально спонтанный номер, совершенно непредсказуемый. Иногда, правда, выходит совсем несмешно, но в этом и есть прелесть импровизации, верно? — Эмма была не совсем согласна с этим утверждением, но все равно кивнула. — А еще по вторникам у меня выступление в клубе «Мистер Чаклз» в Кеннингтоне. Это уже более жесткий юмор, более тематический. Вроде как скетчи Билла Хикса^[22] про рекламу. Дурацкая реклама по телевидению и все такое.

Он снова взялся за свои шутки, а Эмма заморозила на лице улыбку. Его убило бы, если бы она призналась, что за все время их знакомства ему удалось рассмешить ее, ну, может быть, два раза, причем один из двух раз это было, когда он упал с лестницы в подвале. Иэн был человеком с прекрасным чувством юмора и вместе с тем несмешным абсолютно. В отличие от Декстера. Тот никогда не интересовался анекдотами и, наверное, считал, что люди с чувством юмора, как и политически

сознательные люди, выглядят несколько нелепо и ничуть не круто. Но с Декстером она смеялась постоянно, иногда покатывалась со смеху, а пару раз, стыдно признаться, даже чуть штанишки не намочила. Когда они отдыхали в Греции, то все десять дней только и делали, что хохотали — после того, как уладили то маленькое недоразумение в начале. Где сейчас Декстер? — подумала она.

— Ты смотришь его по телику? — спросил Иэн.

Эмма вздрогнула, точно ее застали с поличным:

— Кого?

— Твоего приятеля, Декстера, и его идиотскую передачу.

— Иногда. Ну, не специально.

— И как он?

— Да в порядке, как обычно. Ну, если честно, у него в последнее время немножко кругом голова, он сам не свой. Его мама болеет, и он не очень хорошо справляется.

— Жаль. — Иэн обеспокоено нахмурился и попытался сообразить, как бы сменить тему, чтобы не выглядеть бесчувственным: ему не хотелось, чтобы болезнь незнакомого человека испортила им вечер. — Вы часто общаетесь?

— Я с Дексом? Разговариваем почти каждый день. Но почти не видимся — он слишком занят своей работой на телевидении, да и многочисленными *подружками*.

— И с кем он сейчас встречается?

— Понятия не имею. Они как аквариумные рыбки: нет смысла давать им имена, все равно долго не проживут. — Она и раньше использовала это сравнение и надеялась, что Иэн его оценит, но тот по-прежнему хмурился. — Почему такой серьезный?

— Просто он мне никогда не нравился.

— Да. Я помню.

— Я пытался с ним поладить.

— Что ж, не принимай близко к сердцу. Он с трудом находит общий язык с другими парнями, они ему не нужны.

— Между прочим, я всегда считал...

— Что?

— Что он принимает тебя как должное. Вот.

— Это опять я! Просто проверяю, не вернулась ли ты. Вообще-то я уже слегка под мухой. Расчувствовался. Ты такая славная, Эмма Морли. Как мне хочется тебя видеть! Позвони, когда придешь. Что еще я хотел сказать? Да ничего, кроме того, что ты очень, очень славная. Поэтому. Когда придешь. Позвони мне. Позвони.

* * *

Когда принесли по второй порции бренди, сомнений быть не могло — они оба напились. Казалось, все в ресторане пьяны, даже седовласый пианист, небрежно ударявший по клавишам кончиками пальцев и выжимающий педаль, словно кто-то обрезал ему тормозной ремень. Вынужденно повысив голос, Эмма слышала, как собственные слова отдаются эхом у нее в голове, когда она с горячностью повествовала о своей новой карьере.

— Это большая общеобразовательная школа в Северном Лондоне, где обучают английскому и немного — театральному искусству. Хорошая школа, где учатся разные дети. Не то что эти пригородные престижные заведения, где все как дрессированные только и умеют, что твердить «да, мисс» и «нет, мисс». Ну и пусть с детьми придется немного повозиться, что в этом такого? Ведь на то они и дети. Это я сейчас говорю. А ведь эти маленькие поганцы наверняка съедят меня живьем. — Она покрутила бокал с бренди в руках, как это делают в кино. — Я вот представляю, как сижу на краю стола и рассказываю им о том, что Шекспир — первый в истории рэпер или что-то вроде того... а все эти детишки таращатся на меня с открытым ртом, как зачарованные. Я мечтаю о том, как вдохновленные дети будут носить меня на руках. Я так и буду передвигаться по школе на плечах своих обожателей, если мне надо будет на автостоянку, или, скажем, в столовую, или еще куда-нибудь. Я буду как Робин Уильямс в фильме «Общество мертвых поэтов». Carpe Diem.

— Извини, что?

— Carpe Diem...

— Carpe?..

— Лови каждое мгновение!

— А, так вот что это значит! А я думал, лови карпа!

Эмма изобразила вежливый смешок, но для Иэна он прозвучал пистолетным сигналом к старту.

— Так вот где я ошибся! Ну, надо же... если бы я знал, то провел бы

школьные годы совсем иначе! А я, дурак, столько лет потратил, сидя у пруда...

Ну, всё, хватит.

— Иэн, прекрати! — сказала она резко.

— Что?

— Ты не на сцене. Необязательно меня смешить. — Он обиделся, и она тут же пожалела о своем тоне и потянулась через стол, взяв его за руку. — Мне кажется, вовсе необязательно следить за каждым словом, острить, шутить и каламбурить. Это не вечер импровизации, Иэн, понимаешь? Мы просто разговариваем и слушаем друг друга.

— Извини, я...

— Да не только в тебе дело, все мужчины такие, все вы все время перед кем-то выступаете. Боже, да я готова отдать что угодно за вечер в компании человека, который бы просто говорил, просто слушал! — Она чувствовала, что перегибает палку, но ее было уже не остановить. — Я просто не понимаю зачем. Ты же не на прослушивании.

— В некотором роде это так.

— Только не со мной. Так не должно быть.

— Извини.

— И хватит все время извиняться.

— О... Ладно.

Иэн замолчал на секунду, и теперь уже Эмме захотелось извиниться. Не стоило ей выкладывать, что думает; это еще никогда хорошо не заканчивалось. Она хотела было извиниться, но тут Иэн вздохнул, подпер кулаком щеку и заговорил:

— Я думаю, дело знаешь в чем? Еще в школе, если ты не слишком умен, или не вышел лицом, или не популярен, но однажды вдруг говоришь что-то и все начинают смеяться, ты хватаешься за это, как за соломинку. Ты думаешь: я косолапо бегая, у меня дурацкое большое лицо и толстый зад и никому я не нравлюсь, но, по крайней мере, я умею смешить людей. И это так приятно, когда кто-то смеется твоим шуткам, что ты невольно начинаешь от этого зависеть. И думать, что если ты не клоун, то в общем-то... ты никто. — Он уставился в скатерть, собирая хлебные крошки пальцами в маленькую пирамидку, и сказал: — Вообще-то, я думал, ты и сама это прекрасно понимаешь.

Эмма округлила глаза:

— Я?!

— Ведь ты тоже строишь из себя клоуна.

— Я не строю!

— Ну, помнишь, как ты сравнила подружек Декстера с золотыми рыбками?

— Нет, я... ну и что?

— Мне просто кажется, что мы похожи. Иногда.

Ее первой мыслью было обидеться. Нет, я вовсе не клоун, хотелось сказать ей, что за глупая мысль, но Иэн улыбался ей так... какое бы слово подобрать... влюбленно, и, пожалуй, она и так была к нему слишком жестока. Так что она лишь пожала плечами:

— Все равно я не верю.

— Чему?

— Что в школе ты никому не нравился.

— Что ж, документальные свидетельства говорят обратное, — произнес он гнусавым, комичным голосом.

— Но я же здесь, верно?

Между ними повисла тишина. Эмма действительно выпила лишнего, и теперь настал ее черед перебирать крошки на столе.

— Вообще-то, я как раз думала, что ты в последнее время хорошо выглядишь.

Он положил ладони на живот:

— Я качался.

Она рассмеялась, на этот раз вполне искренне, взглянула на Иэна и решила: не такое уж у него и некрасивое лицо — не как у глупого смазливового мальчишки, а нормальное, порядочное мужское лицо. Эмма знала, что после того, как они оплатят счет, он попытается ее поцеловать и на этот раз она ему позволит.

— Пойдем, — сказала она.

— Я попрошу принести счет. — Он нашел взглядом официанта и показал рукой, будто пишет. — Странно, почему все просят принести счет именно таким образом? И кто это придумал?

— Иэн.

— Что? Ах да, извини. Извини.

Они разделили сумму счета, как и договорились, а у выхода Иэн потянул дверь на себя резким рывком, сделав вид, будто она ударила его по лбу:

— Садистский юмор для разнообразия...

Небо было затянуто тяжелым пологом черно-фиолетовых туч. В теплом дуновении ветерка слышался железистый запах, предвещающий грозу, и, шагая к северу по площади, Эмма ощутила приятное головокружение и вкус бренди во рту. Она всегда недолюбливала Ковент-

Гарден с его перуанскими дудками, жонглерами и показной веселостью, но сегодня ей здесь нравилось. Ей также нравилось и казалось совершенно естественным опираться на руку этого парня, который всегда был так мил и внимателен к ней, пусть даже он и носит пиджак, перекинув через плечо за петельку на воротнике. Она подняла глаза и увидела, что Иэн хмурится.

— В чем дело? — спросила она, сжав его руку.

— Знаешь, мне кажется, я сегодня немного облажался. Перенервничал, перестарался, да еще эти тупые шуточки. Знаешь, почему плохо быть комиком?

— Потому что приходится так по-дурацки одеваться?

— Люди всегда думают, что тебе должно быть весело. Ты вечно должен хохмить...

Отчасти для того, чтобы Иэн сменил тему, она положила руки ему на плечи и, используя его торс в качестве опоры, поднялась на цыпочки и поцеловала его. Губы Иэна были влажными, но теплыми.

— Ежевика и ваниль, — пробормотала она, когда их губы сомкнулись, хотя на самом деле от него пахло пармезаном и спиртным. Но она была не против. Он рассмеялся, и она отстранилась, прислонила ладони к его щекам и взглянула на него в упор. У него был такой вид, будто он вот-вот заплачет от благодарности, и она была рада, что поцеловала его.

— Эмма Морли, могу сказать только одно, — он взглянул на нее со всей серьезностью, — ты просто отпад.

— Ох уж мне эти льстецы, — ответила она. — Пойдем к тебе? Пока дождь не начался.

* * *

— Угадай, кто? Уже половина одиннадцатого. Где гуляешь, жалкая пьянчужка? Ладно. Звони в любое время. Я здесь. Никуда не денусь. Пока. Пока.

* * *

Полуподвальная однокомнатная квартирка Иэна на Кэлли-роуд освещалась лишь молочным светом уличных фонарей и фарами изредка проезжавших мимо двухэтажных автобусов. Несколько раз в минуту вся комната начинала вибрировать одновременно с шумом одного или

нескольких поездов метро, проходящих по Северной ветке, линии Пикадилли или линии Виктория, или автобусов номер «30», «10», «46», «214» и «390». В отношении доступности общественного транспорта это была, пожалуй, лучшая квартира в Лондоне, но только в этом отношении. Лежа на раскладном диване со сползшими колготками, Эмма чувствовала вибрацию позвоночникам.

— А это что было?

Иэн прислушался:

— Пикадилли, в восточном направлении.

— Как ты тут живешь, Иэн?

— А я привык. Еще у меня есть вот что... — Он показал на два жирных сгустка серого воска на подоконнике. — Восковые беруши, принимающие форму слухового прохода.

— Прелесть.

— Правда, на днях я забыл их вытащить и уже решил, что у меня опухоль мозга. Вокруг все было так подозрительно спокойно — понимаешь, о чем я?

Она рассмеялась, затем снова застонала, почувствовав очередной позыв к рвоте. Иэн взял Эмму за руку:

— Тебе уже лучше?

— Нормально, если глаза не закрывать. — Она повернулась и посмотрела на него, расправив складки одеяла, чтобы видеть его лицо, и с легкой брезгливостью заметила, что одеяло имеет цвет грибного супа и на нем нет пододеяльника. В комнате пахло, как в лавке подержанной одежды: запах холостяцкой квартиры. — Кажется, вторая порция бренди была лишней. — Он улыбнулся, но тут белый свет фар проходящего автобуса залил комнату, и она заметила, что у него встревоженный вид. — Ты на меня сердишься?

— Конечно, нет. Просто, понимаешь, когда ты целуешь девушку, а ее начинает тошнить...

— Говорю же тебе, это все бренди. Мы здорово проводим время, правда. Мне просто нужно передохнуть. Иди сюда. — Она села, намереваясь поцеловать его, но ее «выходной» лифчик задрался, и «косточка» впиалась в подмышку. — Ааааааааа! — Поправив его, она наклонилась вперед, уронив голову между колен. Он растирал ей спину, прямо как медсестра, и ей стало стыдно, что она опять все испортила. — Пойду я, наверное.

— О... Ладно. Иди, если хочешь...

Они прислушались к звуку шин по мокрому асфальту; свет фар

просканировал комнату.

— А это что было?

— Тридцатый автобус.

Она подтянула колготки, поднялась на нетвердых ногах и поправила юбку.

— Мне очень понравилось!

— Мне тоже...

— Просто слишком много выпила...

— Я тоже.

— Пойду домой, протрезвею.

— Понимаю. И все равно жалко...

Она взглянула на часы. 23.52. Под ногами прогрохотал поезд метро, напомнив, что она находится в самом центре транспортной развязки. Пять минут пешком до Кингз-Кросс, линия Пикадилли — и уже в половине первого дома, легко. По стеклу барабанил дождь, но несильный.

А потом она представила, как будет идти от метро на другом конце города; вот она роется в сумочке в поисках ключей, а за дверью пустой квартиры — тишина, и промокшая одежда липнет к спине. Вот она лежит одна в кровати, потолок кружится, матрас «Таити» провисает под ее весом, она чувствует тошноту и сожаление. Что плохого в том, чтобы остаться здесь и ради разнообразия ощутить тепло, нежность, близость? Хочет ли она стать одной из тех девушек, которых видела иногда в метро: измученных похмельем, бледных и нервных, во вчерашних нарядных платьях? Дождь забарабанил по окнам чуть сильнее.

— Хочешь, провожу тебя до станции? — сказал Иэн, заправляя майку в штаны. — Или может...

— Что?

— Могла бы переночевать у меня, отоспаться. Пообщаемся.

— Пообщаемся?

— Ну да, телячьи нежности и все такое. А можно и без них. Будем просто лежать неподвижно всю ночь, умирая от стыда.

Она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ, надеясь, что она согласится.

— Раствор для линз, — вспомнила она. — Я с собой не взяла.

— У меня есть.

— Ты носишь линзы? Не знала.

— Вот видишь, у нас все-таки есть что-то общее! — Он улыбнулся, и она тоже. — Может, у меня даже найдутся запасные беруши, и тогда считай, что тебе повезло.

— Иэн Уайтхед. Ты самый галантный кавалер.

— Возьми трубку, возьми же, возьми. Уже почти двенадцать. А когда пробьет полночь, я превращусь... даже не знаю в кого, в идиота, наверное. Короче, если ты получишь это сообщение...

— Алло? Алло?

— Ты дома!

— Привет, Декстер.

— Я же тебя не разбудил?

— Только что пришла. У тебя все в порядке, Декстер?

— О, все просто отлично.

— Но, судя по голосу, ты пьяный.

— А у меня вечеринка. Приглашен только я. Это такая частная вечеринка.

— Сделай музыку тише.

— Вообще-то, я хотел узнать... сейчас, убавлю звук... не хочешь зайти в гости? У меня тут шампанское, музыка, может, даже и наркота найдется. Эй? Ты меня слушаешь?

— Мы же вроде решили, что это плохая идея.

— Правда? А мне кажется, идея замечательная.

— Нельзя вот так объявляться, как гром среди ясного неба, и ожидать, что я...

— Брось, Наоми, пожалуйста! Ты мне нужна.

— Нет!

— Тебе всего полчаса добираться.

— Нет! Смотри, какой ливень.

— Я не имел в виду пешком. Возьми такси за мой счет.

— Я же сказала — нет!

— Мне очень нужно, чтобы кто-то был рядом, Наоми.

— Так позвони своей Эмме.

— Ее нет. И мне сейчас ее компания не поможет. Ты понимаешь, о чем я. Если честно, мне кажется, что, если мне сегодня не ощутить человеческого прикосновения, я просто умру.

— ...

— Я знаю, что ты слушаешь. Ты дышишь в трубку.

— Ладно.

— Ладно?

— Буду через полчаса. Не пей больше. Дождись меня.

— Наоми? Наоми, ты понимаешь?

— Что?

— Ты понимаешь, что только что спасла мне жизнь?

Глава 8

Шоу-бизнес

Пятница, 15 июля 1994 года

Лейтонстоун и Айл-оф-Догс^[23]

Эмма Морли ведет здоровый образ жизни и не злоупотребляет алкоголем. Спит по восемь часов в день, легко встает без будильника чуть раньше половины седьмого и выпивает большой стакан воды (первые 250 мл из необходимой дневной нормы в 1,5 л); воду она наливает из графина в стакан, что стоит в луче утреннего света рядом с ее двуспальной кроватью.

Срабатывает радиобудильник, но она решает полежать еще немного и послушать новости. Глава лейбористов Джон Смит скончался, траурная церемония в его память состоится в Вестминстерском аббатстве; ведущий программы цитирует уважительные отзывы о нем членов других партий — «величайший из наших премьер-министров» — и высказывает осторожные предположения о том, кто его заменит. И снова Эмма задумывается о том, не присоединиться ли ей к лейбористам, ведь она уже давно не состоит в «Движении за ядерное разоружение».

Наконец бесконечный репортаж с Кубка мира заставляет ее покинуть постель. Она отбрасывает летнее одеяло, надевает старые очки в толстой оправе и ставит ноги на пол в узком проходе между кроватью и стеной. Идет в маленькую ванную и открывает дверь.

— Минутку!!! — Она с силой захлопывает дверь, но все же успевает увидеть Иэна Уайтхеда, согнувшегося над унитазом.

— Почему ты никогда не запираешься, Иэн? — кричит она через закрытую дверь.

— Извини!

Эмма поворачивается, идет обратно, ложится на кровать и лежит, сердито слушая прогноз погоды для фермеров, сопровождаемый звуком спускаемой воды, который повторяется дважды, затем прерывается чем-то вроде гусяного крика — это Иэн сморкается — и повторяется снова. Наконец Иэн появляется в дверях, у него измученный вид и

раскрасневшееся лицо. На нем нет трусов, а черная футболка едва прикрывает пуп. Поскольку в мире нет людей, которым шел бы такой наряд, Эмма сознательно пытается не отрывать взгляд от его лица. Иэн протяжно присвистывает:

— М-да. Хорошее начало утра.

— Тебе не лучше? — Она снимает очки, чтобы было хуже видно.

— Да нет. — Он выпячивает нижнюю губу и потирает живот. — Теперь у меня расстройство желудка. — Он говорит тихим мученическим голосом, и хотя Эмма без ума от Иэна, при слове «желудок» ей хочется выставить его за дверь.

— Я тебе говорила, что тот бекон протух, а ты слушать не хотел.

— Не в этом дело...

— Конечно, ты же утверждаешь, что бекон вообще не протухает. *Он вялится.*

— По-моему, это какой-то вирус...

— Может, эпидемия? В школе тоже все болеют, вот я тебя и заразила.

Он не спорит.

— Я всю ночь не спал. Ужасно себя чувствую.

— Знаю, милый.

— Мало мне гриппа, а еще понос...

— Эти двое друг без друга никуда. Как лунный свет и танцы.

— Ненавижу простужаться летом.

— Не убивайся так, — говорит Эмма, принимая сидячее положение.

— Наверное, у меня желудочный грипп, — говорит Иэн с таким видом, будто ему нравится сочетание произносимых им слов.

— Похоже на то.

— Я весь какой-то... — сжав кулаки, он подбирает слово, которое бы точно отражало всю плачевность его положения, — опухший, вот! Нельзя таким идти на работу.

— Ну и не ходи.

— Но надо.

— Тогда иди.

— Но я же не могу, верно? У меня как будто литр соплей вот здесь. — Он кладет на лоб раскрытую ладонь. — Литр густых соплей.

— У меня теперь весь день этот образ будет стоять перед глазами.

— Извини, но так уж я себя чувствую. — Он протискивается в щелочку между стеной и кроватью на свою сторону и, издав еще один мученический вздох, забирается под одеяло.

Прежде чем встать, Эмма Морли собирает с духом. Сегодня у нее

важный день, грандиозный день, и только нытья Иэна ей не хватало. Сегодня в средней школе Кромвелл-роуд состоится премьера мюзикла «Оливер», и шансам, что она провалится, несть числа.

* * *

У Декстера Мэйхью тоже важный день. Он лежит на смятых влажных простынях, широко раскрыв глаза, и представляет всяческие катастрофы, которые могут случиться. Сегодня на национальном телевидении премьера его собственного шоу. Это его детище. Воплощение его талантов. Хотя Декстер вдруг начинает сомневаться, что они у него есть.

Вчера вечером он рано лег спать, как дошкольник, — один и трезвый, пока на улице было еще светло, надеясь, что утром проснется свежим, а голова будет хорошо соображать. Но вот уже семь часов из девяти он лежит без сна; он совсем вымотался и разнервничался до тошноты. Звонит телефон; Декстер резко вскакивает и слышит записанный на автоответчике собственный голос, самодовольный и уверенный: «Иииии... здравствуйте!» «Идиот, — думает он, — надо сменить сообщение».

Раздается сигнал. «О... Ну ладно, тебя нет дома. Привет. Это я», — говорит Эмма. Когда Декстер слышит ее голос, его переполняет знакомое чувство облегчения, и он уже собирается снять трубку, как вдруг вспоминает, что они вообще-то в ссоре и он вроде как на нее обиделся. «Извини, что звоню так рано, но кое у кого из нас есть настоящая работа. Просто хотела сказать: сегодня у тебя важный вечер, поэтому удачи. Правда, желаю тебе удачи! Нет, серьезно. У тебя все получится, даже больше чем получится — ты будешь великолепен, я знаю. Только оденься поприличнее и не говори с этим придурочным акцентом. И я знаю, что ты злишься на меня за то, что не смогу прийти, но я буду смотреть все по телевизору и даже хлопать перед экраном как дурочка...»

Встав с кровати, он стоит голый, глядя на автоответчик. Подойти или нет?

«Не представляю, в котором часу я вернусь, сам знаешь эти школьные спектакли. Шоу-бизнес — сумасшедшее дело. Но я тебе потом позвоню. Удачи, Декс. Целую крепко. И знаешь что: поменяй же наконец это идиотское сообщение на автоответчике!»

И она вешает трубку. Декстер думает, не перезвонить ли ей, но чувствует, что по правилам следует пообижаться подольше. Они снова поссорились. Ей кажется, что ему не нравится ее приятель, и, несмотря на

все его горячие протесты, нет смысла отрицать, что ему действительно не нравится ее приятель.

Он пытался с ним подружиться, честно пытался. Они втроем ходили в кино, посещали дешевые рестораны и вонючие старые пабы; Декстер ловил взгляд Эммы и одобрительно улыбался, когда Иэн с нежностью утыкался носом ей в шею: идеальная влюбленная парочка с двумя кружками пива. Он сидел за крошечным кухонным столом в ее крошечной квартирке в Эрлз-Корт и играл в настольные игры, которые Эмма и Иэн воспринимали с таким пылом, будто то были кулачные бои без правил. Он даже ходил послушать скетчи Иэна в «Лабораторию смеха» в Мортлейке с его сослуживцами из «Соникотроникс». Сидя рядом с ним, Эмма нервно улыбалась и толкала его локтем в бок, подсказывая, когда смеяться.

Но даже когда он старается вести себя дружелюбно, враждебность все же чувствуется, и она взаимна. Иэн при каждой возможности намекает, что Декстер — фальшивка, потому что он публичный человек, сноб и модник, предпочитает такси ночным автобусам, членские клубы — дешевым барам и хорошие рестораны — доставке пиццы. Но хуже всего то, что в этих постоянных унижениях, напоминаниях о его неудачах Эмма с ним заодно. Неужели они не понимают, как это сложно — оставаться порядочным человеком и сохранять голову на плечах, когда вокруг столько всего происходит, когда твоя жизнь так заполнена событиями? Стоит Декстеру заплатить за всех в ресторане или предложить Иэну и Эмме взять такси за его счет вместо того, чтобы ехать на автобусе, они тут же начинают угрюмо бормотать и обижаться, точно он чем-то их оскорбил. Ну почему люди не могут радоваться тому, что он делает, быть благодарными за щедрость? В последний раз, когда они устроили мучительный видеовечер на полуразвалившемся диване, смотрели «Звездный путь-2: Гнев Хана», пили пиво из банок и ели карри, покусившееся на его брюки от Дриса ван Нотена, он решил, что с него хватит. Отныне пусть Эмма приходит одна, если ему захочется с ней встретиться.

Иррационально, глупо, но неужели... он ее ревнует? Нет, не ревнует — просто, обижен. Он привык думать, что Эмма всегда рядом; она была для него чем-то вроде «скорой помощи», которую можно вызвать в любой момент. С тех пор, как накануне прошлого Рождества умерла его мать, он стал все больше и больше зависеть от Эммы, но именно тогда она перестала быть его вечной палочкой-выручалочкой. Раньше она сразу ему перезванивала, а теперь приходилось ждать в течение нескольких дней. По словам Эммы, ее с Иэном не было — но где их носило? Что они делают вместе? Покупают мебель? Смотрят видик? Ходят в паб и участвуют в

викторинах? Иэн даже познакомился с родителями Эммы — Джимом и Сью. Эмма говорит, что те его просто обожают. Но почему он, Декстер, до сих пор с ними не знаком? Наверняка он бы им больше понравился.

И больше всего его бесит то, что Эмме как будто нравится ее новообретенная самостоятельность. У него такое чувство, будто ему хотят преподать урок; то, что она так внезапно стала довольна жизнью, для него как пощечина. «Нельзя думать, что все должны под тебя подстраиваться, Декстер», — самодовольно проговорила она, когда они в очередной раз разругались, из-за того, что она не смогла присутствовать на прямом эфире его нового шоу.

— Что я должна сделать — отменить школьный спектакль? Только потому что ты выступаешь на телевидении?

— А ты потом не можешь приехать?

— Нет! Это же у черта на куличках!

— Я пошлю за тобой машину...

— После представления надо будет поговорить с детьми, с родителями...

— Зачем?

— Декстер, не будь идиотом! Это моя работа!

Он сознает свое упрямство, но ему было бы так приятно знать, что Эмма среди зрителей. Когда она рядом, он становится добрее, ведь друзья для того и нужны — чтобы вызывать все лучшее в тебе и помогать удержаться на этом уровне. Эмма — его талисман, его ангел-хранитель, а сегодня ее не будет на премьере, и его матери не будет, и вот он уже сомневается, зачем вообще все это делает.

Долго простояв в душе, он чувствует себя немного лучше. Надев легкий кашемировый свитер с треугольным вырезом, который носят без рубашки, светлые льняные брюки на резинке, которые носят без нижнего белья, и сандалии, он бежит в газетный киоск, чтобы прочесть телеобзоры и проверить, выполнил ли свою работу пресс-отдел. Киоскер улыбается звездному покупателю с подобающей случаю торжественностью, и Декстер спешит домой с ворохом газет в руках. Ему уже лучше; дрожь от волнения не прошла, но теперь он испытывает также радостное предвкушение, и пока эспрессо-автомат нагревается, снова звонит телефон.

Еще не успевает зазвучать сигнал автоответчика, как что-то подсказывает Декстеру, что звонит его отец, но трубку он не возьмет. С тех пор как мама умерла, отец звонит Декстеру все чаще, и с каждым разом эти звонки становятся все мучительнее: сбивчивые, растерянные разговоры об одном и том же. Его отец, так многого добившийся в жизни, теперь

неспособен выполнить простейшее действие. Горе сделало его беспомощным; изредка навещая отца, Декстер порой видит, как тот стоит, неотрывно глядя на чайник как на объект из другого мира.

— «Иииии... здравствуйте!» — раздается идиотский голос, записанный на автоответчике.

— Здравствуй, Декстер, это твой папа. — Он говорит своим нудным «телефонным» голосом. — Звоню пожелать удачи на сегодняшней программе. Буду смотреть. Я за тебя очень рад. Элизабет гордилась бы тобой. — Он делает паузу, и они оба понимают, что это неправда. — Вот и все, что я хотел сказать. Ну, кроме... Не обращай внимания на газеты. Пусть тебе будет весело. Пока. До свидания...

На что не обращать внимания? Декстер хватается телефон:

— До свидания!

Отец повесил трубку. Он словно установил таймер на бомбе замедленного действия, а потом повесил трубку, и теперь Декстер смотрит на ворох газет, которые вдруг стали представлять угрозу. Туже затянув поясной шнурок льняных брюк, он открывает рубрику телеобзоров.

* * *

Когда Эмма выходит из ванной, Иэн говорит по телефону, и по кокетливо-задорному тону его голоса она понимает, что он разговаривает с ее матерью. С тех самых пор как Сью и Иэн познакомились в Лидсе на Рождество («Ваша брюссельская капуста просто блеск, миссис Морли»; «Какая сочная индейка!»), у них чуть ли не любовь. Взаимная симпатия между ними похожа на магнитное притяжение, и Эмме с отцом остается лишь щелкать языком и закатывать глаза.

Она терпеливо ждет, пока Иэн оторвется от трубки.

— Пока, миссис Морли. Да, я тоже надеюсь. Обычная летняя простуда, справлюсь. До свидания, миссис Морли.

Эмма отнимает телефон у Иэна, который тут же притворяется смертельно больным и, шаркая ногами, ковыляет к кровати.

Мама говорит с восторженным придыханием:

— Какой хороший мальчик! Правда он замечательный?

— Да, мам.

— Ты хорошо за ним ухаживаешь?

— Мам, мне пора на работу.

— Так зачем я звонила? Совсем забыла, зачем я звонила.

Поговорить с Иэном, разумеется.

— Пожелать мне удачи.

— И по какому поводу?

— По поводу школьного спектакля.

— Ах да, точно... Удачи! Извини, что не сможем приехать. Лондон такой дорогой город...

Эмма заканчивает разговор, притворившись, что горит тостер, и идет проводить пациента, который парится под одеялом в попытке «пропотеть». Отчасти она понимает, что, как любимая девушка, должна вести себя иначе. Для нее это новая роль, и она не всегда играет ее убедительно или охотно. Она ложится рядом с ним; в глазах ее — виноватое сочувствие.

— Если не сможешь сегодня прийти на спектакль...

Иэн встревоженно садится на кровати:

— Нет! Нет, нет, нет, я обязательно приду...

— Я пойму, если...

— ...если меня привезут на «скорой»?

— Это всего лишь дурацкий школьный спектакль. Мы все опозоримся.

— Эмма! — Она поднимается и смотрит на него. — Для тебя сегодня очень важный день. Я ни за что его пропущу.

Она улыбается:

— Знал бы ты, как приятно это слышать. — Она наклоняется и чмокает его, сомкнув губы, чтобы не заразиться, потом берет сумку и выходит из квартиры, готовая к важному дню.

* * *

Заголовок статьи вопрошает:

КТО БОЛЬШЕ ВСЕГО РАЗДРАЖАЕТ НАС НА ТВ?

Сначала Декстер думает, что это какая-то ошибка, потому что под заголовком кто-то случайно поместил его фотографию, а под ней — единственное слово: «Выскочка». Точно: «Выскочка» — это его фамилия. Декстер Выскочка.

Зажав крошечную чашечку с эспрессо между большим и указательным пальцами, он читает дальше:

Есть ли на нашем телевидении более самодовольный и расфуфыренный болван, чем Декстер Мэйхью? При взгляде на его нахальную смазливую физиономию невольно хочется пнуть ногой экран. В школе мы про таких говорили: сам себя в зад расцелует. Как это ни удивительно, но, похоже, кто-то в мире телевидения любит его так же сильно, как он сам себя: спустя три года работы в «зашибись!» (Вам еще не надоели эти маленькие буквы? Уже давно не 1990 год!) он представляет собственное ночное музыкальное шоу, «Ночная вечеринка». Итак...

Здесь бы ему перестать читать, закрыть газету и дальше заниматься своими делами, но он уже успел уловить пару слов боковым зрением. Одно из них — «нелепый». И он продолжает читать:

Итак, если вы хотите посмотреть на мальчика из богатенькой семьи, пытающегося играть рубаху-парня, отбросив свой аристократический акцент и заигрывая с «телками», быть на пике моды, не замечая, что все над ним смеются, у вас есть шанс. Шоу идет в прямом эфире, поэтому вы сможете насладиться знаменитой нелепой манерой Декстера Мэйхью брать интервью, хотя мы предпочли бы получить в лицо раскаленным утюгом. Сведущая — «жизнерадостная» Сьюки Медоуз; музыка: Shed Seven, Echobelly и Lemonheads. Не говорите, что мы вас не предупреждали.

У Декстера есть коллекция газетных вырезок о себе самом — в коробке из-под ботинок от Патрика Кокса на нижней полке шкафа. Однако он решает, что эту статейку, пожалуй, вырезать не будет. Стуча чашками и устроив большой беспорядок, он готовит себе вторую порцию кофе.

Это все синдром «торчащего гвоздя», болезнь всех британцев, думает он. Стоит добиться хоть чего-нибудь, и все начинают тебя ненавидеть; что ж, ему все равно, он любит свою работу и делает ее хорошо, черт возьми, и это гораздо сложнее, чем думают люди. Чтобы быть телеведущим, нужно иметь стальные нервы и ум, как-как... короче, быстро соображать — да и стоит ли принимать критику так близко к сердцу? Да и кому вообще нужны эти критики; кто-нибудь когда-нибудь просыпался и думал — я хочу стать

критиком? Уж лучше я встану под удар там, на телеэкране, чем буду сидеть дома и злобно плевать за двенадцать штук в год, как какой-то импотент. Вы когда-нибудь видели памятник хоть одному критику? Я им покажу. Я им всем покажу!

Вариации этого монолога прокручиваются в голове у Декстера целый день: по пути в офис, когда он едет в машине с шофером на студию в Айл-оф-Догз, во время репетиции после обеда, в ходе совещания и когда он сидит у стилиста и гримера — вплоть до того момента, пока не остается в гримерной один. Тогда он открывает сумку, достает бутылку, которую положил туда еще утром, наливает в большой стакан водки, добавляет немного теплого апельсинового сока и пьет.

* * *

— Бей! Бей! Бей! Бей! Бей!

До начала спектакля сорок пять минут, а крики разносятся по всему крылу.

— Бей! Бей! Бей!

Эмма бежит по коридору и видит миссис Грейнджер, которая бежит из раздевалки с таким видом, будто там пожар.

— Я пыталась их остановить, но они меня не слушают.

— Спасибо, миссис Грейнджер, я справлюсь.

— Может, позвать мистера Годалминга?

— Уверена, у меня все получится. А вы идите порепетируйте с оркестром.

— Говорила я, зря все это. — Миссис Грейнджер удаляется, прижав руку к груди. — Говорила, что ничего хорошего не выйдет.

Глубоко вдохнув, Эмма заходит в раздевалку и видит толпу из тридцати подростков в цилиндрах, кринолинах и с накладными бородами. Школьники кричат и подначивают Плута Доджера, который оседлал Оливера Твиста, упершись коленями ему в плечи, и прижимает его лицо к грязному полу.

— Что тут творится?

Викторианская толпа оборачивается.

— Снимите ее с меня, мисс, — мямлит Оливер, уткнувшись в линолеум.

— Они подрались, мисс, — говорит Самхир Чадхари, мальчик двенадцати лет. К щекам его прилеплены прямоугольные бакенбарды.

— Я вижу, Самхир, спасибо.

Эмма проталкивается через толпу и разнимает дерущихся. Соня Ричардс, худая чернокожая девочка в наряде Плуто, вцепилась пальцами в светлые кудри Оливера, и Эмма берет ее за плечи и смотрит ей в глаза:

— Отпусти его, Соня. Отпусти сейчас же. Ладно?

Соня отпускает и отходит в сторону; ярость утихла, уступив место ущемленной гордости, и в глазах девочки появляются слезы.

Мартин Доусон, он же Оливер Твист, ошарашенно озирается по сторонам. Несмотря на пять футов одиннадцать дюймов роста и крепкое телосложение — он даже крупнее мистера Бамбла, — мясистый «сиротка» вот-вот расплачется.

— Она сама начала! — произносит он басом, в котором прорываются визгливые ноты, вытирая грязное лицо рукой.

— Довольно, Мартин...

— Да, Доусон, заткнись!

— Я не шучу, Соня, хватит! — Эмма стоит в центре круга и держит противников за локти, как судья на боксерском ринге. Она понимает, что для того, чтобы спасти спектакль, ей надо срочно придумать воодушевляющую речь, одну из многих с тех пор, как она поступила на эту работу.

— Посмотрите на себя! Посмотрите, какие вы красивые в этих костюмах! Взгляните на маленького Самхира с такими огромными баками! — Все смеются, и Самхир подыгрывает своей учительнице, почесывая накладные бакенбарды. — Ваши друзья и родители уже ждут, и все они хотят увидеть настоящее шоу, замечательное представление. И я надеялась, что увидят... — Сложив руки на груди, она вздыхает. — Но ведь теперь нам, наверное, придется отменить спектакль.

Она блефует, разумеется, но ее слова оказывают идеальное действие — дети начинают хором возражать.

— Но мы ничего не сделали, мисс! — возмущается Фагин.

— А кто кричал «Бей! Бей!», Родни?

— Но у нее совсем крыша поехала, мисс! — дрожащим голосом произносит Мартин Доусон.

Соня протягивает руку, чтобы до него дотянуться:

— О, Оливер, еще захотел?

Все смеются, и Эмма решает прибегнуть к методу «торжество, несмотря ни на что».

— Довольно! Вы, между прочим, труппа, а не шайка! Знаете, ведь сегодня в зале есть люди, которым кажется, что вы ни на что не способны!

Они думают, что у вас ничего не получится, что для вас это слишком сложная задача. «Это же Чарлз Диккенс, Эмма! — говорили они мне. — Им это не по зубам! Они недисциплинированные дети и не смогут работать вместе, они слишком малы для „Оливера“, дай им что-нибудь попроще, попримитивнее!»

— Это кто сказал, мисс? — рычит Самхир, уже намереваясь при случае поцарапать машину обидчика.

— Неважно, кто это сказал, важно, что они думают. И знаете, может, они и правы! Может, действительно стоит все отменить? — На какое-то мгновение ей кажется, что она перестаралась, но подростки любят такие драматические моменты; толпа в шляпках и цилиндрах принимается возмущенно стонать. Даже если они раскусили ее педагогическую уловку, им нравится сама напряженность ситуации. Эмма выдерживает эффектную паузу и прибавляет: — Итак. Я с Соней и Мартином сейчас выйду, и мы поговорим, а вы пока продолжайте готовиться, а потом сядьте тихонько и повторите свои роли. А потом решим, что делать дальше. Договорились? Не слышу — договорились?

— Да, мисс!

Пока она шагает к двери с конкурентами, стоит тишина, но стоит Эмме закрыть дверь, как раздевалка словно взрывается от шума. Эмма ведет Оливера и Плута по коридору мимо спортивного зала, где, отчаянно фальшивя, репетирует оркестр под руководством миссис Грейнджер. И Эмма вновь задается вопросом, во что она ввязалась.

Сначала она обращается к Соне:

— Итак, что случилось?

Сквозь высокие окна с решетками класса «4Д» проникают лучи вечернего солнца. Соня с притворно скучающим видом разглядывает окно кабинета химии напротив.

— Повздорили, только и всего. — Она садится на край стола, раскачивает длинными ногами в старых школьных брюках, разрезанных снизу до колена на полоски; на ее черных кроссовках блестят пряжки из фольги. Она пальцем потирает шрам от прививки; маленькое, ожесточенное красивое личико нахмурено, как бы предупреждая Эмму, чтобы та оставила свои игры в «добротного учителя». Соню Ричардс боятся все ее одноклассники, да и Эмма порой опасается, как бы ей не перепало. Все дело в этом прямом взгляде, полном злобы. — Я извиняться не буду.

— Почему? Только не говори, что он первый начал.

Девочка вспыхивает.

— Но это правда! — говорит она с возмущением.

— Соня!

— Он сказал... — Она осекается.

— Что он сказал, Соня?

Соня прикидывает, что хуже — позор прослыть ябедой или ощущение, что ее обидели несправедливо.

— Он сказал, что у меня так хорошо получается играть Плута, потому что я на самом деле не играю — я, мол, и в жизни плебейка.

— Плебейка?

— Да.

— Так Мартин сказал?

— Именно так, и я ему врезала.

— Что ж... — Эмма вздыхает и смотрит в пол. — Прежде всего, неважно, что тебе кто говорит, — нельзя все решать кулаками.

Соня Ричардс — подопечная Эммы. Она знает, что плохо заводить подопечных, но Соня такая умная, самая умная в ее классе, и при этом такая агрессивная — тоненькая, как жердочка, но сколько же в ней обиды и оскорбленного достоинства!

— Но он такой козел, мисс!

— Соня, прошу тебя, не надо ругаться! — говорит Эмма, хотя в глубине души согласна с Соней насчет Мартина Доусона. Тот относится к детям, учителям, к системе образования в целом так, словно он — снисходешшее до них божество. Вчера на репетиции он плакал настоящими слезами, исполняя «Куда ушла любовь», выдавливая из себя высокие ноты, как камни из почек, и Эмма поймала себя на мысли, что ей хочется подняться на сцену, накрыть его лицо ладонью и толкнуть за кулисы. Назвать Соню плебейкой как раз в его духе, но все же...

— Если он действительно так сказал...

— Правда, мисс...

— Я поговорю с ним и все выясню, но если он правда так сказал, это свидетельствует лишь о том, какой он дегенерат... да и ты тоже хороша, раз поддалась на его провокацию. — На слове «дегенерат» она спотыкается. Надо говорить более понятным языком, приказывает себе Эмма. — Но если мы не разберемся с этой... заморочкой, никакого спектакля не будет.

Соня снова хмурится, и с удивлением Эмма видит, что девочка вот-вот заплачет.

— Вы этого не сделаете!

— Возможно, придется.

— Но мисс!

— Мы не можем так играть, Соня.

— Можем!

— Чтобы посреди действия ты на сцене вlepилa Мартину пощечину? — Эмма замечает, что Соня улыбается сквозь слезы. — Ты умница, Соня, большая умница, но люди расставляют тебе ловушки, и ты всегда наступаешь прямо в капкан. — Соня вздыхает, успокаивается и смотрит на маленький прямоугольник сухой травы за окном класса. — Ты могла бы себя проявить — не только в спектакле, но и в учебе. В этой четверти ты была очень умной, внимательной, вдумчивой ученицей. — Соня фыркает и хмурится. — А в следующей сможешь добиться гораздо больше, но тебе надо научиться контролировать свой темперамент, Соня. Ты должна показать людям, что ты можешь стать лучше. — Еще одна воодушевляющая речь за один день; Эмме начинает казаться, что она вкладывает в эти речи слишком много сил. Она надеялась, что ей удастся вдохновить Соню, но та смотрит куда-то ей за спину, в сторону двери. — Соня, ты меня слушаешь?

— Там Борода.

Оглянувшись, Эмма видит в стеклянном окошечке лицо, обрамленное темными волосами; глаза вглядываются в окошко — настоящий любопытный медведь.

— Не называй так мистера Годалминга. Он наш директор, — говорит она и приглашает директора войти. Но Соня права: первое слово, да и второе, что приходит в голову при взгляде на мистера Годалминга, — это «борода». Она у него удивительная, на все лицо — не клочковатая, подстриженная очень коротко и аккуратно, но очень, очень черная, как у конкистадора; голубые глазки на ее фоне кажутся дырочками, проделанными в ковре. Одно слово — Борода. Он входит в класс, и Соня почесывает подбородок. Эмма смотрит на нее широко раскрытыми глазами, точно говорит: «Не нарывайся».

— Всем добрый вечер, — говорит директор приветливым «внеклассным» голосом. — Что у вас тут? Все в порядке, Соня?

— Мне тут малость... шерсть повыдергивали, сэр, — отвечает Соня, — но думаю, все будет хорошо.

Эмма прыскает со смеху, и мистер Годалминг поворачивается к ней:

— Все хорошо, Эмма?

— Мы с Соней просто немного поговорили перед спектаклем. Иди дальше готовиться, ладно? — С облегчением улыбнувшись, Соня слезает со стола и идет к двери. — Передай Мартину, чтобы подождал пару минут.

Эмма и мистер Годалминг остаются наедине.

— Итак... — произносит он с улыбкой.

— Итак.

Продолжая изображать лихого парня, мистер Годалминг седлает стул на манер телеведущего, в процессе, видимо, передумывает, но потом понимает, что обратной дороги нет.

— Трудный ребенок, эта Соня.

— Это все показное.

— Мне сообщили о драке.

— Ничего страшного. Ребята просто разнервничались перед спектаклем.

Кажется, мистеру Годалмингу очень неудобно сидеть по-ковбойски на стуле.

— А я слышал, что ваша протеже надавала по ушам нашему будущему старосте.

— У молодых кровь горячая. Да и Мартин сам виноват.

— Мне доложили, что она отхлестала его по щекам.

— Кажется, вы неплохо информированы.

— Я же директор. — Мистер Годалминг улыбается заросшими губами, и Эмма невольно задается вопросом: если долго смотреть на него, можно ли увидеть, как растут волосы? И что там, под всеми этими волосами? Может, мистер Годалминг на самом деле очень даже ничего? Он кивает на дверь. — В коридоре я встретил Мартина. Он очень... переживает.

— В течение шести последних недель он сильно вжился в роль. Работает по методу Станиславского. Как бы до рахита не дошло.

— И как, получается?

— О нет, он ужасен. Я бы его на сцену не выпускала. Советую запастись берушами на время исполнения сольной партии. — Мистер Годалминг смеется. — А вот Соня умница. — На лице директора отражается сомнение. — Сами увидите.

Он неловко поерзывает на стуле.

— Что нам ждать от сегодняшнего вечера, Эмма?

— Не знаю. Всякое может быть.

— Лично мне больше нравится «Милая Черити». Напомни, почему ты не захотела поставить этот мюзикл...

— Ну, это мюзикл о проституции, и...

Мистер Годалминг снова смеется. Эмма вообще часто его смешит, и другие тоже это заметили. В учительской поговаривают, что кое у кого появилась любимица, и намекают, что кое-кто слишком пристально ее разглядывает. Проходит минута; Эмма смотрит на дверь, где в окошке мелькает заплаканное лицо Мартина Доусона.

— Мне надо сказать пару слов Эдит Пиаф, а то будет истерика.
— Конечно, конечно. — Мистер Годалминг с облегчением встает со стула. — Удачи вам сегодня. Мы с женой всю неделю ждем этого вечера.
— Не верю вам ни капельки.
— Но это правда! Надо познакомить вас после спектакля. Может, я и Фиона могли бы даже пропустить по рюмочке с вами и вашим... женихом?
— О господи, каким женихом — просто бойфрендом. Его зовут Иэн.
— Тогда в буфете после спектакля?
— Разбавленный тыквенный сок?
— Повар ходил в винный...
— А я слышала, будут котлеты по-киевски...
— Ох уж эти школьные праздники...
— А еще говорят, что учителя — зануды.
— Вы просто красавица, Эмма.

Эмма оглядывает свой наряд. Она нарядилась — немного помады в тон темно-розовому винтажному платью в цветочек, пожалуй, облегающему чуть сильнее, чем хотелось бы. Она смотрит на свое платье, словно не помнит, что на ней надето: и правда, комплимент директора застал ее врасплох.

— Спасибо большое! — говорит она, но он успевает уловить сомнение в ее голосе.

Спустя секунду он смотрит на дверь:

— Пригласить Мартина?

— Да, пожалуйста.

Директор идет к двери, затем останавливается и оборачивается:

— Извините, Эмма, я же не нарушил профессиональную этику или что-то в этом роде? Говорить комплименты сотрудникам не запрещается? Если они хорошо выглядят?

— Конечно нет, — отвечает она. Но они оба знают, что он не просто сказал, что она хорошо выглядит. Он назвал ее красавицей.

* * *

— Извините, где тут ведущий, который «больше всего раздражает нас на ТВ»? — раздается с порога визгливый капризный голосок Тоби Морей. На Тоби клетчатый костюм, волосы его прилизаны и намаслены, за исключением веселого хохолка. Декстер борется с искушением запустить в него бутылкой.

— Кажется, речь не обо мне, а о тебе, — отвечает он и вдруг понимает, что с трудом выговаривает слова.

— Хороший ответ, суперзвезда, — говорит его соведущий. — Значит, видел обзоры?

— Нет.

— А то я для тебя копию сделал.

— Подумаешь, Тоби, один плохой обзор.

— Значит, ты не открывал «Миррор»? И «Экспресс»? А «Таймс»?

Декстер делает вид, что изучает расписание.

— Ты знаешь хоть один памятник критику?

— Нет, но что-то я не припоминаю и памятника телеведущему.

— Иди в жопу, Тоби.

— Ах, грубиян!

— Ты вообще зачем пришел?

— Пожелать удачи.

Перекрестившись, он кладет руки на плечи Декстеру и крепко сжимает ладони. Кругленький и юркий, Тоби играет в его шоу роль шута, для которого нет ничего святого, никаких запретных тем, и Декстер презирует этого дерганого эпизодического человечка, но и завидует ему. В пилотном выпуске и на репетициях он нарезал вокруг Декстера круги, хитро высмеивал и унижал его, заставляя почувствовать себя заторможенным неостроумным болваном, смазливой мальчишкой, не способным быстро соображать. Он стряхивает руки Тоби. Считается, что из подобной игры на контраст и рождается качественное телевидение, но у Декстера в присутствии Тоби начинается паранойя — ему кажется, что над ним издеваются. Чтобы вернуть хорошее настроение, ему нужно еще выпить, но он не может, не может, пока совиная морда Тоби ухмыляется в зеркале.

— Если не возражаешь, я бы хотел собраться с мыслями.

— Понимаю. Сфокусировать мозги.

— Тогда увидимся, ладно?

— Увидимся, красавчик. Удачи. — Тоби закрывает дверь, но тут же снова ее открывает: — Нет, серьезно. Удачи.

Убедившись, что Тоби ушел, Декстер наливает себе выпить и смотрит в зеркало. Ярко-красная футболка, черный пиджак, потертые джинсы, остроносые ботинки, стильная короткая стрижка — само воплощение модного современного парня. Но он почему-то чувствует себя старым и усталым, на душе невыносимая тоска. Он надавливает на веки двумя пальцами, пытаясь установить причину этой парализующей меланхолии, но рационально мыслить получается с трудом. Как будто кто-то отнял у

него его голову и встряхнул ее. Слова превращаются в месиво, и он не понимает, как с этим справиться. Не разваливайся, приказывает он себе, только не здесь, не сейчас. Возьми себя в руки.

Но час для прямого эфира — немыслимо долгий срок, и он решает, что ему понадобится помощь. На туалетном столике стоит небольшая бутылочка для воды; он выливает ее содержимое в раковину, смотрит на дверь, снова достает из ящика бутылку водки, наполняет бутылочку для воды на треть, нет, наполовину спиртным и закручивает крышку. Подносит к свету. Разница незаметна, да он и не собирается пить всё, но, по крайней мере, бутылка будет у него в руке, и это поможет ему пережить сегодняшний вечер. Эта хитрость придает ему уверенности и вызывает приятное волнение — он снова готов показать зрителям, Эмме, своему отцу, на что способен. Он не просто какая-то там говорящая голова. Он ведущий собственной программы!

Открывается дверь.

— У-ху!

Это Сьюки Медоуз, его соведущая. Для британской публики Сьюки — идеальная девчонка, женщина, для которой жизнерадостность стала образом жизни и граничит с идиотизмом. У Сьюки даже письмо с выражением соболезнования наверняка начиналось бы с «У-ху!», и Декстера давно утомил бы ее неустанный энтузиазм, не будь она такой хорошенькой, популярной и без ума от него.

— Как делишки, сладкий? Небось в штаны наложил? — Еще один бесценный талант Сьюки как телеведущей: с кем бы она ни говорила, она словно обращается к толпе на пляжной вечеринке.

— Немного нервничаю, ты права.

— Как мило! Иди ко мне, сладкий! — Обвив его голову рукой, она прижимает ее к себе, как футбольный мяч. Сьюки Медоуз хорошенькая и миниатюрная, и она вся бурлит и искрится, как включенный вентилятор, который уронили в ванну. Декстер заметил, что она с ним кокетничает — если можно назвать кокетством, когда тебя тыкают лицом в грудь. Поскольку они ведут программу вдвоем, было бы логично, если бы у них начался роман, и Декстер чувствует, что их подталкивают в этом направлении, но не уверен, что у него хватит на нее сил. Она зажала его голову под мышкой. — У тебя все получится. — Вдруг Сьюки хватается его за уши и дергает, поворачивая к себе лицом. — Послушай меня внимательно. Ты лучше всех, ты это знаешь, и из нас получится такая отличная команда! Моя мама сегодня в зале, и после программы она хочет с тобой познакомиться. Скажу по секрету: кажется, ты ей нравишься. Ты

нравишься мне, и потому не можешь не нравиться ей! Она хочет взять у тебя автограф, но пообещай, что не будешь с ней заигрывать!

— Постараюсь, Сьюки.

— А кто-нибудь из твоих родных здесь?

— Нет.

— Друзья?

— Нет.

— Как тебе мой наряд? — На ней коротенький топ и крошечная юбка; в руках, как обычно, бутылочка с водой. — Соски не просвечивают?

Она с ним флиртует?

— Если не присматриваться, то нет, — безучастно отвечает он и вяло улыбается.

Сьюки чувствует подвох. Обняв Декстера за талию, сочувственно произносит:

— Что-то случилось, сладкий?

Он пожимает плечами:

— Тоби заходил, действовал мне на нервы... — Не успевает он договорить, как Сьюки заставляет его встать, обвиняет руками талию и запускает руки ему под футболку. — Не обращай на него внимания, он просто завидует, потому что у тебя получается лучше, чем у него. — Подняв голову, она утыкается подбородком ему в грудь. — Ты прирожденная телезвезда. Сам знаешь.

В дверях появляется режиссер:

— Все готово, ребята.

— Мы отлично сработаемся, верно? Ты и я, Сьюки и Декс. Декс и Сьюки. Мы им покажем! — Она вдруг целует его очень жестко, точно припечатывает документ резиновой печатью. — Продолжим позже, золотой мальчик, — шепчет она ему в ухо, берет свою бутылочку с водой и уходит на съемочную площадку.

Декстер задерживается еще немного и смотрит на свое отражение. *Золотой мальчик*. Вдыхает и с силой вдавливая подушечки всех десяти пальцев в череп, пытаясь не думать о матери. Соберись, не облажайся. Будь хорошим. Сделай что-нибудь хорошее. Он надевает на лицо специальную «телевизионную» улыбку, берет свою бутылку и выходит из комнаты.

На краю гигантской съемочной площадки его ждет Сьюки. Она берет его за руку и сжимает ее. Вокруг них бегают съемочная группа; кто-то похлопывает его по плечу, по-дружески толкает его локтем, а высоко над головой танцовщицы в бикини и ковбойских сапожках оттягивают носочки в бутафорских клетках, готовясь к исполнению подобию танца «гоу-гоу».

Тоби Морей разогревает аудиторию; зрители реагируют на его слова оглушительным хохотом, и вот он уже называет их имена: «Поприветствуйте наших ведущих, Сьюки Медоуз и Декстера Мэйхью!»

Ему не хочется выходить из-за кулис. В динамиках пульсирует музыка: «Start the Dance», композиция *The Prodigy*, — и ему хочется остаться за кулисами, но Сьюки тащит его за руку, выбегает под слепящий свет прожекторов и кричит:

— Приииииииивееееет!

Декстер следует за ней; он — более элегантная и спокойная половина их тандема. Как обычно, на площадке большое количество декораций, и он и Сьюки взбегают на возвышение и смотрят на аудиторию сверху вниз. Сьюки говорит без остановки:

— Вы только посмотрите, какие замечательные у нас зрители! Готовы повеселиться? Давайте погромче!

Декстер стоит рядом с ней на мостике, молчит в микрофон и внезапно понимает, что пьян. Это его большой прорыв на национальном телевидении, а он водкой накачался, да так, что все в глазах пляшет. Подмостки какие-то слишком высокие, гораздо выше, чем на репетициях, и ему хочется прилечь, но если он это сделает, у него будет два миллиона свидетелей, поэтому он собирается с духом и кричит:

— Прииииииииветкакнастроениерррбьята?

В ответ из зала слышится отчетливый мужской голос:

— Дурачьё!

Декстер выискивает крикуна в толпе — им оказывается какой-то тощий, улыбающийся паренек с прической «платформа». Но зрители смеются над его шуткой, смеются от души. Смеется даже оператор.

— Леди и джентльмены, это мой агент, — парирует Декстер, но в ответ получает лишь вялые смешки. Наверное, все читали газеты. Кто больше всего раздражает нас на ТВ? А ведь это правда, думает он. Они все меня ненавидят.

— Одна минута, — сообщает режиссер, и Декстеру вдруг кажется, что он стоит на эшафоте. Он ищет в толпе хоть одно дружелюбное лицо, но не находит. Как же ему не хватает Эммы. Ради Эммы он бы разошелся; он старался бы изо всех сил — только бы Эмма или его мать были здесь. Но их нет, здесь только эти лыбящиеся, мерзкие лица зрителей namного, namного моложе него. Он должен откуда-то взять силы, чтобы быть немного смелее, и железная логика пьяницы подсказывает, что алкоголь поможет — почему бы и нет? Хуже не будет. Танцовщицы в клетках приготовились, камеры на месте; он снимает крышку со своей бутылочки с

секретом, подносит бутылку к губам, делает глоток и морщится. Вода. В бутылке для воды — вода. Кто-то вылил водку из его бутылки и налил...

Его бутылка у Сьюки.

До прямого эфира тридцать секунд. Она взяла не ту бутылку. Она держит ее в руке, как маленький модный аксессуар.

До эфира двадцать секунд. Она отворачивает крышку.

— Ты так с бутылкой и пойдешь? — тихо произносит он.

— А что такого? — Она встает на цыпочки и опускается, словно разминается.

— Я случайно взял твою бутылку...

— Ну и что? Просто протри горлышко!

Десять секунд до эфира; зрители кричат и хлопают, танцовщицы берутся за прутья клеток и начинают извиваться, а Сьюки подносит бутылку к губам.

Семь, шесть, пять...

Он тянется за бутылкой, но Сьюки со смехом отталкивает его руку:

— Отстань, Декстер, у тебя своя есть!

Четыре, три, два...

— Там не вода, — говорит он.

Она делает глоток.

Заставка.

Покрасневшая Сьюки кашляет и выплевывает водку; из динамиков несется гитарная музыка, пульсируют барабаны, танцовщицы извиваются, а камера на штативе пикирует на них с высокого потолка, как хищная птица, пронесшись над головами зрителей по направлению к ведущим. И у тех, кто смотрит программу по телевизору дома, возникает впечатление, что триста красивых молодых людей приветствуют симпатичную девушку, которая стоит на возвышении и кашляет с высунутым языком.

Музыка затихает, и слышно лишь, как кашляет Сьюки. Декстер застыл, окаменел, примерз к воздуху; у него такое чувство, словно он в пьяном отупении ведет машину прямо в дерево или падает на самолете и видит в иллюминатор неминуемо приближающуюся землю. «Декстер, скажи что-нибудь, — раздается голос в наушнике. — Декстер, слышишь? Скажи что-нибудь!» Но его мозг отказывает, и губы отказывают; он просто тупо стоит и не может произнести ни слова. Секунды проползают мимо.

Но, слава богу, есть Сьюки, истинный профессионал; она вытирает рот тыльной частью руки и выговаривает:

— Теперь никто не сомневается, что мы в прямом эфире!

Зрители смеются с облегчением.

— Все в порядке, Декс? — Она тычет его пальцем под ребра, и он оживает.

— Не обращайтесь внимания на Сьюки, — говорит он. — У нее в бутылке водка! — Он делает комичный жест запястьем, намекая, что Сьюки тайком ото всех закладывает за воротник, зрители смеются, и ему уже лучше. Сьюки тоже смеется, толкает его локтем и грозит кулачком, делает смешные гримасы в стиле тупых американских комиков, и за жизнерадостным кривлянием лишь он замечает проскользнувшее в ее глазах презрение. К счастью, появляется строка автосуфлера.

— Добро пожаловать на «Ночную вечеринку», с вами Декстер Мэйхью...

— И Сьюки Медоуз!

И все возвращается на круги своя — они объявляют пятничный калейдоскоп комических роликов и музыкальных клипов. Декстер и Сьюки, красивые, харизматичные, — самый крутой парень и самая крутая девчонка в школе.

— Ни к чему тянуть, начинаем вечеринку! — Он вытягивает руку, как цирковой конферансье. — В гостях у «Ночной вечеринки» группа *Shed Seven*!

Камера отъезжает, точно потеряв к ним интерес, и в его голове поверх звуков музыки раздаются голоса.

— Сьюки, ты в порядке? — спрашивает продюсер. Декстер умоляюще смотрит на нее. Сьюки встречает его взгляд, прищурившись. Она могла бы им все рассказать — что Декстер пьян, что он алкоголик в полном дерьме и непрофессионал, с которым нельзя иметь дело.

— Все нормально, — отвечает она. — Не в то горло попало.

— Сейчас пришем кого-нибудь поправить грим. Две минуты, ребята. И Декстер, возьми себя в руки, ладно?

Да, надо взять себя в руки, приказывает он себе; но мониторы показывают, что до конца эфира еще пятьдесят шесть минут двадцать две секунды, и он вдруг испытывает неуверенность, что сможет это сделать.

* * *

Аплодисменты! Таких аплодисментов она еще не слышала: они отражаются от стен спортивного зала. И пусть оркестр фальшивил, а солисты пели так, будто кто-то тянул кошку за хвост, пусть возникли кое-какие технические проблемы вроде пропавшего реквизита и обрушившихся

декораций, пусть в зале были одни родители, готовые простить юным актерам любые оплошности, спектакль они отыграли на славу. Когда Нэнси умерла, плакал даже учитель химии мистер Симмонс, а погоня по лондонским крышам, для демонстрации которой она использовала театральные приемы отображения теней актеров, и вовсе сопровождалась ахами и вздохами, которыми обычно встречают фейерверки. Соня Ричардс блистала, как Эмма и предсказывала; девочке досталось больше всего оваций, а Мартину Доусону осталось лишь скрипеть зубами. Им хлопали, их вызывали на бис, а теперь зрители топают по скамейкам и висят на шведских стенках, а плачущая Соня — боже, она действительно плачет! — толкает Эмму на сцену, хватая ее за руку и говорит: «Какая же вы молодец, мисс, как же это здорово, как здорово!» Казалось бы, ничего такого, школьный спектакль — но сердце Эммы часто бьется в груди, а улыбка не желает сходить с ее лица. Под фальшивый аккомпанемент оркестра она держит за руки своих четырнадцатилетних учеников и кланяется, кланяется, кланяется. Ее переполняет восторг оттого, что она делает что-то хорошее, и впервые за десять недель ей больше не хочется врезать Лайонелу Барту.

На фуршете после спектакля дешевая кока-кола льется рекой, а для взрослых есть пять бутылок грушевого сидра. Иэн сидит в уголке спортивного зала с тарелкой котлет по-киевски и пластиковым стаканчиком с горячим лекарством от простуды, которое он принес на вечеринку специально для себя. Он массирует свой заложенный нос, улыбается и терпеливо ждет, пока Эмма выслушает все комплименты. «Прямо как профессиональные актеры», — говорит кто-то, хоть это и неправда, и даже когда Родни Чанс, игравший Фагина, перевозбудившись от кофеина в газировке, говорит ей, что «для учительницы у нее фигурка ничего», она принимает это как должное. Ее поздравляет мистер Годаминг («Прошу, зовите меня Филом»), а его жена Фиона, краснощекая, как фермерша, скущая и неприветливо косится на них со стороны. «В сентябре обсудим ваше будущее в нашей школе», — добавляет директор, наклоняется и целует ее в щеку. Кое-кто из детей (и учителей) присвистывает.

В отличие от большинства вечеринок в мире шоу-бизнеса, эта заканчивается уже без пятнадцати десять, и вместо длинного лимузина Эмма и Иэн едут домой сначала на 55-м автобусе, потом на 19-м, а потом на метро.

— Я так тобой горжусь, — говорит Иэн, склонив голову ей на плечо, — но кажется, инфекция проникла в легкие.

Войдя в квартиру, она сразу же чувствует запах цветов. В кастрюле на

кухонном столе стоит огромный букет красных роз.

— О боже, Иэн! Они прекрасны.

— Это не от меня, — бормочет он.

— О!.. От кого же?

— От золотого мальчика, кого же еще. Доставили сегодня утром. Если хочешь знать мое мнение, это совершенно неуместно. Пойду приготовлю горячую ванну. Может, нос прочистится.

Эмма снимает пальто и достает из букета маленькую открытку. «Извини, что обиделся. Надеюсь, сегодня все пройдет хорошо. С любовью, Декс». И всё. Она перечитывает дважды, смотрит на часы и поспешно включает телевизор, чтобы успеть увидеть триумф Декстера.

Через сорок пять минут, пока по экрану катятся финальные титры, она хмурится и пытается понять, что же такое сейчас видела. Она мало что понимает в телесъемках, но почти уверена, что Декстер явно не блистал. Он был весь какой-то дерганный, а иногда точно боялся чего-то. Путал слова, смотрел не в ту камеру и в целом выглядел неуклюжим непрофессионалом, а люди, у которых он брал интервью — рэпер, проводящий турне, наголоватая четверка музыкантов из Манчестера, — точно чувствовали его неловкость и отвечали на вопросы презрительно или с сарказмом. И зрители в студии злобно поглядывали на него исподлобья, скрестив руки на груди, как хмурые подростки, которых привели смотреть пантомиму. Впервые за все время их знакомства Эмма видела, чтобы Декстер общался с людьми как бы через силу. А не может быть, что он просто... пьян? Она практически ничего не знает о мире шоу-бизнеса, но пьяного от трезвого отличить может. Когда заканчивает играть последняя группа, Эмма сидит, закрыв ладонью лицо, и понимает, несмотря даже на то, что ничего не смыслит в телесъемках, что эта программа далека от идеала. Зрители часто реагируют с сарказмом, но недовольное «Бу-у-у!» — уже не сарказм.

Она выключает телевизор. Из ванной слышно, как Иэн сморкается в платок. Она закрывает дверь, берет телефон, растягивает губы в радостной улыбке. В пустой квартире в Белсайз-Парк срабатывает автоответчик. «Иииии.... здравствуйте!» — слышит Эмма голос Декстера и произносит заготовленную речь:

— Привет! Приветик! Знаю, ты сейчас на вечеринке, а я просто звоню сказать... ну, прежде всего, спасибо за цветы. Они прекрасны, Декс, не надо было так тратиться. А самое главное — поздравляю! Молодец! Ты просто супер, вел себя так естественно, такие смешные шутки... мне очень понравилось, правда, отличное шоу, правда. — Она замолкает: не надо так

часто повторять «правда». Ведь если слишком часто твердить «правда, правда», то кажется, что на самом деле «неправда». Она продолжает: — Не уверена насчет футболки под пиджак, да и женщины в клетках меня просто убили, но, Декстер, не считая этого, все было замечательно. Правда. Я так горжусь тобой, Декс. Если хочешь знать, школьный спектакль тоже прошел на ура.

Она чувствует, что ее игра теряет убедительность, поэтому решает заканчивать.

— Ну ладно. Всё. Теперь у нас обоих есть что отпраздновать! Еще раз спасибо за розы. Желаю хорошо провести вечер. Завтра поговорим. Мы же во вторник договорились встретиться, помнишь? Ты молодец. Правда. Молодец. Пока.

* * *

На вечеринке Декстер стоит один у стойки бара, скрестив руки на груди и опустив плечи. Время от времени кто-нибудь подходит его поздравить, но никто не задерживается рядом надолго, и хлопки по плечу больше похожи на утешение или даже, скорее, саркастическое замечание «молодец, что пропустил пенальти». Он продолжает накачиваться спиртным, но шампанское во рту кажется кислым, и ничто не способно избавить его от чувства разочарования, провала, настигающего стыда.

— У-ху! — К нему подлетает Сьюки Медоуз. У нее задумчивый вид. Еще час назад она была соведущей, а теперь превратилась в главную звезду. — Ты что такой сердитый и скучный?

— Привет, Сьюки.

— Ну что? Мне кажется, все прошло отлично!

Декстер не убежден, но они, тем не менее, чокаются.

— Извини за... водку. Я перед тобой в долгу.

— О да.

— Мне просто нужно было расслабиться, понимаешь?

— Мы это еще обсудим. В другой раз.

— Ладно.

— Потому что я больше не выйду на сцену, если ты будешь в дупель, Декс.

— Понимаю. Не выйдешь. Я у тебя в долгу.

Она придвигается ближе и упирается подбородком в его плечо:

— Тогда на следующей неделе...

— Что на следующей неделе?

— Пригласишь меня на ужин. Только в какое-нибудь дорогое место.
Во вторник.

Она касается лбом его лба, ее рука у него на бедре. Во вторник он ужинает с Эммой, но ужин с Эммой всегда можно отменить, она не обидится.

— О'кей. Во вторник так во вторник.

— Дождаться не могу. — Она щиплет его за бедро. — Ну что, теперь ты повеселеешь?

— Постараюсь.

Сьюки наклоняется и целует его в щеку, потом подносит губы к самому его уху:

— А теперь пойдем, познакомлю тебя с мамой!

Глава 9

Алкоголь и сигареты

15 июля 1995 года

Уолтемстоу и Сохо

Портрет в багровых тонах

Роман

Эмма Т. Уайлд

Глава 1

За свою недолгую жизнь детектив Пенни Потом-Придумаю повидала немало сцен преступления, но такого ____ еще не видела.

— Кто-нибудь двигал тело? — спросила она.

Ядовито-зеленые буквы смотрели на нее с экрана монитора: всё, что она написала за целое утро. Сидя за маленькой школьной партой в маленькой комнатухе ее маленькой новой квартиры, Эмма перечитала написанное, затем снова перечитала, и всё это время за ее спиной недовольно бурлила батарея.

По выходным или по вечерам, если хватало сил, Эмма писала. Она начала два романа (в одном действие происходило в концлагере, во втором — в постапокалипсическом будущем); книгу для детей о жирафе, у которого была слишком короткая шея, с собственными иллюстрациями; остросоциальный, гневный сценарий телесериала о социальных работниках под названием «Крутое дерьмо»; пьесу для альтернативного театра о сложной эмоциональной жизни двадцатилетних; роман в стиле фэнтези для подростков, где учителя оказывались злыми роботами; радиопьесу об умирающей феминистке в стиле «поток сознания»; книгу комиксов и сонет. Ни одно из этих произведений не было закончено — даже сонет в четырнадцать строк.

Строки на экране были ее последним проектом, попыткой сочинить серию коммерческих детективов с феминистским подтекстом. В одиннадцать лет она прочла всю Агату Кристи, а также Реймонда Чандлера

и Джеймса М. Кейна — так почему бы не написать что-то похожее на первого, второго и третьего авторов одновременно? Однако в который раз Эмма обнаружила, что читать и писать — далеко не одно и то же, нельзя просто впитать слова и выжать из себя что-то другое. Она не могла даже придумать фамилию своей героине, женщине-детективу, не говоря уж о внятном сюжете. Даже ее псевдоним никуда не годился — ну что за Эмма Т. Уайлд? Она невольно задумалась: не принадлежит ли она к тому роду людей, которые всю жизнь только и делают, что пробуют свои силы? Она уже пробовала играть в группе, писать пьесы и детские книги; пробовала быть актрисой и работать в издательстве. Что, если детективы — всего лишь очередной неудачный проект, которому суждено занять свое место среди полетов на трапеции, буддизма и изучения испанского? Она посмотрела статистику: количество слов. Тридцать пять, включая заглавие и ее дурацкий псевдоним. Эмма простонала, нажала на рычажок офисного кресла, в котором сидела, и оно опустилась чуть ниже.

В фанерную дверь постучали.

— Как там дела у Анны Франк?

Снова эти его шуточки. У Иэна они не бывали одноразовыми — он повторял их снова и снова, пока они не разваливались, как дешевый зонтик в руках. Когда она и Иэн начали встречаться, почти девяносто процентов всего, что произносил Иэн, было так или иначе связано с так называемым юмором — каламбуры, смешной голос, все что угодно шло в ход ради комического эффекта. Эмма надеялась, что со временем эта цифра снизится хотя бы до сорока процентов — с сорока процентами она могла бы смириться, — однако прошло два года, а он по-прежнему юморил на все семьдесят пять, и вся ее жизнь протекала на фоне постоянного смехоаккомпанемента. Неужели человек действительно способен хохмить два года почти без остановки? Она избавилась от черных простыней, подставок под пивные кружки, тайком повыбрасывала половину его трусов, и он уже не готовил так часто свое знаменитое ирландское рагу — но сколько можно пытаться его изменить? Кажется, она достигла предела.

— Не желает ли леди чашечку чая? — проговорил он, жеманно растягивая слова.

— Нет, милый, спасибо.

— Гренки по-бирмингемски? — На этот раз прозвучал шотландский акцент. — Мой хомячок не желает пару гренок?

С недавних пор он начал звать ее хомячком. Когда она потребовала объяснений, Иэн ответил, что ему просто хочется затискать ее, как хомячка. В отместку она взялась было звать его сусликом: суслик и хомяк, хомяк и

суслик. Но прозвище как-то не прижилось.

— Как насчет маленькой греночки? Чтобы подкрепиться перед сегодняшним вечером?

Сегодняшний вечер? Так вот в чем дело. Часто, когда Иэн начинал говорить смешными голосами, он делал это потому, что просто не мог сказать что-то напрямую, естественным голосом.

— Сегодня же такой вечер. Крутая тусовка с мистером ТВ.

Она решила не обращать на него внимания, но это было нелегко. Упершись подбородком ей в голову, он вслух прочел слова, которые видел на экране монитора:

— Портрет в багровых тонах...

Она закрыла экран ладонями:

— Не читай из-за спины, пожалуйста.

— Эмма Т. Уайлд. Кто это — Эмма Т. Уайлд?

— Иэн, это мой псевдоним.

— А что значит «Т»?

— Третьесортная писательница.

— Талантливая. Таинственная.

— Тошнотворная.

— Если хочешь, я могу прочитать...

— С какой это стати? Это же полное дерьмо.

— Ты не можешь написать дерьмо.

— Ну, так представь, что написала. — Она выключила монитор, отвернулась и, не глядя на Иэна, поняла, что он опять смотрит на нее, как ручная собачонка. В последнее время в присутствии Иэна она часто чувствовала нечто среднее между раздражением и угрызениями совести. — Извини, — прибавила она, взяв его за пальцы и пожав ему руку.

Он поцеловал ее в затылок и прошептал ей в волосы:

— Знаешь, что такое «Т» на самом деле? Толстопопая. Толстопопая Эмма Уайлд.

Сказав это, он ушел; классический прием: подначить ее и ретироваться. Не желая поддаваться на его провокацию, Эмма захлопнула дверь, включила монитор, перечитала написанное, передернула плечами, закрыла файл и отправила его в корзину. Раздался характерный звук, имитирующий комканье бумаги, стук клавиш.

Визг пожарной сигнализации оповестил ее о том, что Иэн взялся за готовку. Она встала и, следуя на запах горящего масла, прошла по коридору в кухню, служившую также столовой. Это была не отдельная комната, а всего лишь самый темный угол гостиной в квартире, которую они купили

вместе. По правде говоря, Эмма не была уверена, стоит ли покупать квартиру, которая была похожа на один из тех углов, что показывают в криминальной хронике, но Иэн ее уговорил. Глупо снимать жилье, сказал он, они и так постоянно ночуют друг у друга, дом рядом со школой, это свое, а не чужое — и так далее, и тому подобное. И вот они вместе накопили деньги на банковском счету, приобрели квартиру и накупили книг по дизайну интерьеров, включая ту, в которой рассказывалось, как покрасить фанеру под итальянский мрамор. Они вели вдохновенные разговоры о том, что неплохо было бы восстановить оригинальный камин, соорудить книжные полки и встроенный шкаф для хранения одежды. Восстановить оригинальный паркет. Иэн даже взял напрокат циклевальный аппарат, чтобы сделать все по науке. И вот в дождливую февральскую субботу они сорвали ковровое покрытие, с тоской взглянули на гниющие доски, растрескавшуюся стяжку и старые газеты и с виноватым видом прибили ковровое покрытие обратно, точно избавляясь от трупа. И все их попытки наладить быт носили такой неубедительный, временный характер, точно они были детьми и строили домик из одеял; и, несмотря на новую краску, постеры на стенах и новую мебель, квартира по-прежнему имела неухоженный вид временного пристанища.

Иэн стоял в кухоньке в луче дымного света, повернувшись к ней широкой спиной. Стоя в дверном проеме, Эмма смотрела на него: старая дырявая серая майка, трусы, выглядывающие из спортивных штанов, которые он называл трениками. Внизу его спины, покрытой коричневыми волосами, на резинке трусов красовалась надпись «Келвин Кляйн», и Эмме пришло в голову, что Келвин Кляйн подобный антураж не одобрил бы.

Она заговорила, нарушив тишину:

— У тебя ничего не подгорело?

— Не подгорело, а поджарилось.

— По-твоему — поджарилось, а по-моему — подгорело.

— Может, вообще все выбросить?!

Тишина.

— У тебя трусы выглядывают.

— Да, так задумано, — говорит Иэн. И добавляет тоненьким девчачьим голоском: — Так сейчас модно, противная.

— Выглядит вызывающе.

В ответ — тишина, лишь масло шипит на сковородке.

На этот раз Иэн нарушил молчание.

— Ну и куда наш чудо-мальчик ведет тебя сегодня? — спросил он, не оборачиваясь.

— Куда-то в Сохо, точно не помню. — Вообще-то, она помнила, но этот ресторан на данный момент был самым модным в городе, а ей не хотелось давать Иэну почву для издевок. — Иэн, если ты не хочешь, чтобы я шла...

— Что ты, иди, развлекайся...

— Может, пойдешь с нами?

— Гарри, Салли и я? Да брось, Эмма.

— Мы были бы тебе очень рады.

— Чтобы вы перешучивались и весь вечер болтали, не обращая на меня внимания?..

— Мы так никогда не делали.

— В прошлый раз все так и было!

— Неправда!

— Ты точно не будешь гренки?

— Нет!

— Да и к тому же у меня сегодня выступление. «Дом смеха» в Патни.

— И тебе за него заплатят?

— Да, представь себе! — сердито сказал Иэн. — Так что нет, спасибо большое. — Он принялся шумно рыться в шкафу в поисках соуса. — На мой счет не переживай.

Эмма раздраженно вздохнула:

— Если не хочешь, чтобы я шла на встречу, так и скажи.

— Мы не сиамские близнецы, Эм. Иди, если хочешь. Развлекайся. —
Бутылка с чахоточным хрипом выплонула остатки соуса. — Только не спи с ним, ладно?

— Это маловероятно, тебе не кажется?

— Если верить твоим словам, да.

— Он встречается со Сьюки Медоуз.

— А если бы не встречался?

— Если бы не встречался, ничего бы не изменилось, потому что я люблю тебя.

И все же Иэну этого было мало. Он молчал, и Эмма вздохнула, прошла через кухню и обняла его за талию, почувствовав, как он тут же втянул живот. Прижавшись к его спине лицом, она вдохнула знакомый теплый запах его тела, поцеловала ткань майки, пробормотала: «Хватит глупостей», — и они постояли так немного, пока не стало ясно, что Иэн не прочь начать завтрак.

— Ладно. Пойду проверять контрольные, — сказала она и ушла. Ее ждали двадцать восемь сочинений по книге «Убить пересмешника»,^[24]

одно тупее другого.

— Эм, — произнес он, когда она была уже у двери. — Какие у тебя планы на после обеда? Часиков на пять?

— Уже должна буду закончить. А что?

Он оперся на кухонный шкафчик, держа в руке тарелку:

— Да я вот подумал, не поваляться ли нам в кровати, пошалить после обеда, как говорится.

Я люблю его, подумала она... просто я в него не влюблена. Нет, я его и не люблю. Пыталась, пыжилась, чтобы полюбить, но все напрасно. Я строю совместную жизнь с человеком, которого не люблю, и не знаю, как теперь выпутаться.

— Возможно, — кивнула она. — Может быть. — Сложив губы, она послала ему воздушный поцелуй, улыбнулась и закрыла дверь.

* * *

Каждое утро теперь было «утром после вчерашнего».

С колотящимся сердцем, промокнув от пота, Декстер проснулся немногим позже полудня от того, что за окном орал какой-то мужик, но мужик оказался солистом *M People*. Декстер снова уснул перед телевизором, и снова настало время героически просыпаться.

Каждую субботу после эфира «Ночной вечеринки» он проводил одинаково: спертый воздух, закрытые жалюзи, чтобы солнце не светило в глаза. Будь его мать жива, она поднималась бы сейчас по лестнице, громким голосом призывая его проснуться и наконец чем-нибудь заняться. Вместо этого он сидел во вчерашних трусах на черном кожаном диване с сигаретой во рту и джойстиком Playstation в руках, играя в «стрелялку» и стараясь не двигать головой.

Часам к трем началась «депрессия выходного дня», и он решил попрактиковаться в диджействе. Как и полагается начинающему диджею, у Декстера была целая коллекция дисков и коллекционного винила, хранящихся в стойках из сосны, сделанных на заказ, две «вертушки» и микрофон. Его часто можно было увидеть в музыкальных магазинчиках в Сохо в огромных наушниках, похожих на половинки кокоса. По-прежнему в трусах, он нехотя принялся делать миксы на новом оборудовании, готовясь к следующей вечеринке с друзьями. Но даже это занятие не приносило радости, и вскоре он его оставил. «Винил в сто раз круче дисков», — проговорил он и лишь после этого понял, что говорит с пустой

комнатой.

Снова погрузившись в меланхолию, он вздохнул и подошел к огромному холодильнику, заполненному доверху дорогим сидром модной новой марки. Помимо телешоу (которое окрестили «верхом безвкусия», что, по-видимому, было хорошо), недавно он взялся за рекламу. Его называли всеядным, что, по-видимому, тоже было хорошо; он представлял собой новую породу британских мужчин — стильных, с деньгами, не стесняющихся своего мужского обаяния и сексуальности; мужчин, которые любили машины, большие титановые часы и примочки из хромированной стали. Он уже озвучил рекламу элитного сидра, рассчитанного на молодых людей, которые носят дизайнерские шмотки, и новой мужской бритвы, напоминающей инопланетный объект из фантастического фильма, с множеством лезвий и смазочной пластиной, оставляющей склизкий след на подбородке, точно кто-то его обсопливил.

Он даже попробовал себя в качестве модели — это была его давняя мечта, которую он не осмеливался высказать вслух. Теперь, когда она сбылась, он лишь отмахивался и говорил, что «все это смеха ради». В этом месяце он снялся для разворота модной рубрики мужского журнала. «Гангстерский шик» — такой была тема съемки: на девяти страницах Декстер пожевывал сигары или лежал в пробитом пулями приталенном двубортном костюме на капоте «ягуара», раскинув руки. Экземпляры журнала как бы случайно были разбросаны по его квартире, чтобы гости как бы случайно на них наткнулись. Один журнал лежал даже в туалете, и иногда, сидя на унитазе, Декстер разглядывал свое изображение — неподвижное, но в приталенном двубортном костюме.

Быть ведущим тупой телепрограммы поначалу было неплохо, но рано или поздно тупость надоест кому угодно. Он понимал, что в недалеком будущем ему придется сделать что-то действительно стоящее, а не «настолько тупое, что даже смешно», и в попытке зарекомендовать себя основал собственную продюсерскую компанию, «Мэйхем ТВ». В данный момент компания существовала лишь в виде логотипа на дорогой именной бумаге, но Декстер был уверен, что в скором времени все изменится. У него не было выбора, ведь даже Аарон, его агент, сказал: «Ты отличный ведущий молодежных телепрограмм, Декси, — проблема в том, что сам ты уже не молодежь». А что еще он умеет делать, если придется уйти? Может, стать актером? Среди его знакомых — и коллег, и друзей — было много актеров; кое с кем из них он даже играл в покер, и ему казалось, что если уж они могут играть, то он...

Да, и в профессиональной, и в личной жизни последние два года были

полны новых возможностей, потрясающих новых знакомств, канapé и премьер, полетов на вертолетах и болтовни про футбол. Конечно, не все было гладко: порой его настигало чувство тревоги, парализующий страх, а пару раз стошнило на людях. Когда он заходил в бар или в клуб, один его вид почему-то заставлял парней выкрикивать оскорбления или даже бросаться на него с кулаками, а недавно на концерте *Kula Shaker* кто-то из зала даже запустил в него бутылкой. Автор колонки «Модно — немодно» одного журнала записал его в категорию «Уже не модно». Эта «немодность» лежала у него на душе тяжелым грузом, но он пытался успокоить себя тем, что ему просто завидуют. Зависть — побочный продукт успеха.

Ради успеха пришлось поступиться еще кое-чем. Он был вынужден, хоть и с сожалением, перестать общаться со старыми друзьями по университету, потому что, «в конце концов, нынче не 1988 год». Кэллум, его бывший сосед по квартире, с которым они хотели открыть бизнес, сначала упорно оставлял на его автоответчике шуточные сообщения, но Декстер надеялся, что и до него скоро дойдет. А что он должен делать — жить со своими друзьями в одном большом доме до конца жизни? Нет, друзья как шмотки: пока носят, все нормально, но рано или поздно снашиваются или из них вырастаешь. Нельзя же, в самом деле, считать, что старые друзья на всю жизнь, — да и как тогда заводить новых? Руководствуясь такой логикой, Декстер взял за правило прекращать отношения с одним старым приятелем, если обзавелся тремя новыми. И вот, вместо старых друзей, про которых он забыл, у него появилось тридцать, сорок, пятьдесят более успешных и красивых знакомых. Их было так много, что они брали количеством, хотя, по правде говоря, он был не уверен, что все они ему действительно нравятся. Он заработал себе репутацию своими коктейлями, безграничной щедростью, диджейскими «вертушками» и вечеринками после шоу, но нередко, проснувшись утром в прокуренной, разгромленной квартире, обнаруживал, что его бумажник украли.

Но ничего. Есть ли более прекрасное время, чтобы быть молодым, быть знаменитым, быть британцем? Жизнь в Лондоне была ключом, и ему казалось, что отчасти в этом его заслуга. Он делал деньги, у него были модем и проигрыватель для мини-дисков, подружка-звезда и целая коллекция запонок, холодильник, набитый дорогим сидром, и ванная, набитая бритвами со множеством лезвий. И хотя он ненавидел сидр, а от лезвий у него началось раздражение, ему все равно нравилось так жить — с опущенными жалюзи в середине дня, в середине года, в середине

десятилетия, почти в самом центре самого безумного города на Земле.

Впереди целый день. Скоро можно позвонить дилеру. Вечером тусовка в большом доме в Лэдброук-Гроув; правда, сначала его ждет ужин с Эммой, но к одиннадцати он уж точно сможет от нее отделаться.

* * *

Для обсуждения этой темы не может быть подходящего момента, нет и деликатного способа ее поднять. Но все же нельзя промолчать, когда речь идет о любви и... газах.

Эмма и Иэн давно миновали ту стадию отношений, когда влюбленные ходят в кино, дерутся подушками и участвуют в викторинах в пабах;^[25] их отношения вступили в стадию дивана перед телевизором и домашних ужинов. Сближение привело к тому, что они стали меньше стесняться друг друга, однако Эмма и предположить не могла, что для нее это будет означать близкое знакомство с тем, как Иэн переваривает пищу. Первый раз он проявил себя в ее присутствии, когда они лежали в постели. Это был всего лишь слабый пук, и она лишь посмеялась над маленьким облачком теплого воздуха, которое он выпустил на ее голую ногу, — они оба посмеялись. «Иэн, ты ужасен!» — захихикала она тогда, втайне обрадовавшись тому, как уютно и расслабленно чувствуют они себя в обществе друг друга.

Но после двух лет в замкнутом пространстве бок о бок с Иэном ей стало казаться, что, пожалуй, кое-кто слишком расслабился. В последнее время она чувствовала себя не только его подругой, но и гастроэнтерологом и, войдя в комнату, как индейский следопыт, могла определить не только, когда он там был, но и что он ел. Его любовь к острой жирной пище, маринованным в крепком уксусе овощам и соусу чили усугубляла проблему — ведь Иэн был человеком, которого приходилось убеждать, что соленый огурец не считается салатом, а луковые кольца — свежими овощами.

Проблема висела над головой Эммы густым облаком, иногда в буквальном смысле. «Почему я должна это терпеть?» — спрашивала она себя, сердито нахмурившись перед экраном телевизора, вынужденная смотреть «Плетеного человека»,^[26] и поджидая, когда Иэн, как обычно, приподнимет зад, а на лице его отразится напряжение. «Я не обязана дышать ртом в собственном доме. Эти отношения просто душат меня!» Смех, гнев, внезапное движение — например, необходимость потянуться за

пультом — все это могло спровоцировать реакцию. После секса он неизбежно взрывался, как банка газировки, которую хорошо растрясли, и сейчас Эмма как раз лежала на кровати в зловонном облаке, слушая, как хлопает входная дверь, а Иэн уходит в «Дом смеха» в Патни на свой концерт — пятнадцать минут тоскливых шуток о том, в чем разница между собакой и кошкой.

Она смотрела в потолок, который словно давил на нее. За стеной соседи смотрели телевизионное шоу; голос ведущей программы, резкий и отчетливый, молотком бил Эмме по ушам. Она встала, потянувшись за бутылкой, которую они захватили, когда направились в спальню, и взяла ее в ванную. Наполнив водой овальную ванну, она легла и хмуро уставилась на смеситель. Удивительно, как быстро прошла радость обладания собственным жильем; какими жалкими и невзрачными казались их вещи в этой крошечной квартире с тонкими стенами и чужим ковролином на полу. Нет, квартира не была грязной — каждый сантиметр они отчистили проволочной щеткой, — но в ней все равно все было каким-то противно липким и пахло старым картоном, и от этого запаха невозможно было избавиться. В первую ночь, когда они закрыли входную дверь и откупорили шампанское, ей вдруг захотелось рыдать. В ту ночь, когда они лежали в кровати, Иэн сказал, что должно пройти время, прежде чем она почувствует себя как дома, и добавил: «По крайней мере, это свое, а не чужое». Но при мысли о том, что это «свое» у них теперь общее и им придется делить его годами, Эмму переполняла убийственная тоска. А дальше-то что?

Но хватит убиваться. Сегодня, между прочим, особый день. Она выбралась из ванны, почистила зубы щеткой и нитью, пока десны не заболели, обрызгалась с головы до ног каким-то парфюмом с цветочно-древесным ароматом и просмотрела скудный гардероб в поисках наряда, который не сделал бы ее похожей на мисс Морли, учительницу английского, которую вывел в ресторан ее знаменитый друг. В конце концов решила надеть неудобные туфли и маленькое черное платье, которое купила в магазине «Карен Миллен», когда была пьяна.

Посмотрев на часы, она поняла, что время еще есть, и включила телевизор. Показывали всенародный конкурс «Самый талантливый домашний любимец Британии». Сьюки Медоуз стояла на пляже в Скарборо и представляла зрителям собаку, игравшую на барабанах: палочки крепились при помощи скотча к ее передним лапам, и она махала ими, встав на задние лапы и иногда попадая по маленьким барабанчикам. Эта картина явно не вызывала у Сьюки беспокойства; она смеялась и не

умолкала, как обычно, и на мгновение Эмме даже захотелось позвонить Декстеру и под каким-нибудь предлогом все отменить — ведь, правда, какой смысл?

Дело было не только в его болтливой подружке. В последнее время Эм с Дексом не слишком-то ладили. Он часто отменял встречи в последний момент, а когда им все-таки удавалось встретиться, выглядел рассеянным и явно испытывал неловкость. Они произносили слова странными натянутыми голосами и больше не смеялись обоюдным шуткам, а скорее поддразнивали друг друга с презрительным, насмешливым видом. Их дружба превратилась в увядший букет, который Эмма упорно поливала водой. Так почему не позволить ему просто завянуть? Глупо думать, что дружба должна длиться вечно, к тому же у нее, Эммы Морли, навалом других друзей — старых приятелей по колледжу, знакомых по школе... или вот Иэн. Но с кем из них можно откровенно поговорить об Иэне? Уж точно не с Декстером, не теперь. Собака продолжала играть на барабанах, а Сьюки Медоуз все хохотала и хохотала, и Эмма выключила телевизор.

В коридоре она оглядела себя в зеркале. Надеялась одеться скромно, но элегантно, а в результате выглядит как героиня одной из тех программ, где женщин учат правильно одеваться, — только вот о ней стилисты как будто забыли на полпути. В последнее время она явно слишком налегает на пеперони, и вот результат — маленькое круглое брюшко. Был бы здесь Иэн, наверняка сказал бы, что она выглядит замечательно, но без него она видит лишь толстый живот под черным атласным платьем. Прикрыв живот рукой, она закрыла входную дверь и начала долгий путь из своей бывшей муниципальной квартиры на другой конец города.

* * *

— У-хууууууу!!!!

Жаркий летний вечер на Фрит-стрит; ему звонит Сьюки:

— Ты видел?

— Что?

— Собачку!!! Которая играла на барабанах! Такая прелесть!!!!!!

Декстер — элегантный, в матовой черной рубашке, черном костюме и сдвинутом на затылок котелке — стоял у входа в заведение «Бар Италия» и держал мобильный телефон в десяти сантиметрах от уха. Со Сьюки нельзя было разговаривать по-другому; ему казалось, что он услышит ее, даже если прервет соединение.

— Такие маленькие барабанные палочки на таких маленьких лапках!!!!

— Умора, — сказал он, хотя на самом деле даже не смог заставить себя включить телевизор. Декстеру было очень неприятно осознавать, что его гложет зависть, но он слышал шепотки за спиной, что из них двоих по-настоящему талантлива лишь Сьюки, что она тащит его на себе. Он успокаивал себя тем, что нынешняя популярность Сьюки, ее высокие гонорары и любовь публики не что иное, как компромисс ради славы. Самый талантливый домашний любимец в Британии? Да он в жизни бы на такое не согласился. Даже если бы его умоляли.

— Говорят, на этой неделе мы собрали аудиторию в девять миллионов!!! Может, даже десять!!!

— Сьюки, давай я тебе объясню, как работает телефон. Необязательно в него орать. И так слышно.

Она фыркнула и повесила трубку. Стоя неподалеку, Эмма задержалась ненадолго, чтобы понаблюдать за Декстером: тот чертыхнулся, глядя на телефон в руке. Декс по-прежнему шикарно выглядел в костюме. Правда, шляпа странная, но хорошо хоть на нем нет идиотских наушников. Он поймал ее взгляд, и его лицо просияло; он почувствовал прилив нежности и радость оттого, что проведет вечер с ней.

— Зачем тебе эта штука? — спросила она, кивая на телефон.

Он поцеловал ее в щеку и положил телефон в карман.

— Зато теперь у тебя есть выбор — ты можешь звонить мне, лично мне, я имею в виду, или на стационарный телефон в то место, где я могу находиться...

— Я лучше на стационарный.

— А что если меня не будет на месте?

— Я этого не переживу.

— Эм, сейчас не восемьдесят восьмой год.

— Да, я в курсе...

— Полгода. Даю тебе полгода, и ты тоже купишь себе мобильник.

— Никогда.

— Спорим?

— Спорим. Если я когда-нибудь куплю мобильник, ужин за твой счет.

— Опять за мой счет?

— К тому же мобильные телефоны вредно воздействуют на мозг.

— Неправда.

— Откуда ты знаешь?

Минуту они постояли в тишине, и у обоих возникло смутное чувство,

что вечер начался неудачно.

— Не могу поверить — только пришла, а уже наезжает, — проговорил Декстер обиженно.

— Да, я такая. — Эмма улыбнулась и обняла его, прижавшись щекой к его щеке. — Я вовсе не наезжаю. Прости меня, прости.

Он коснулся рукой ее шеи:

— Давно не виделись.

— Слишком давно.

Он сделал шаг назад:

— Ты просто красавица, кстати.

— Спасибо. Ты тоже красавчик.

— Не красавчик...

— Симпатяга.

— Спасибо. — Он взял ее за руки и развел руки в стороны. — Тебе надо чаще носить платья, так ты почти похожа на женщину.

— Классная шляпа, только сними ее, пожалуйста...

— А твои туфли!

Она покрутила ногой в туфле:

— Самые удобные ортопедические туфли на шпильках в мире!

Они пошли по людной улице в сторону Уорддор-стрит. Эмма провела кончиками пальцев по лацкану его пиджака: какой-то странный ворс.

— Что это, кстати? Бархат? Велюр?

— Молескин.

— У меня однажды был спортивный костюм из похожей ткани.

— Мы неразлучная парочка, верно? Декс и Эм.

— Эм и Декс. Мы как Роджерс и Астер...^[27]

— Бартон и Тейлор.^[28]

— Мария и Иосиф.

Декстер взял ее за руку, и вскоре они оказались у входа в ресторан.

Заведение «Посейдон» находилось в помещении бывшей подземной парковки и напоминало огромный бункер. Чтобы войти, надо было спуститься по широкой, как в театре, лестнице, которая как будто чудесным образом висела в воздухе над главным залом и постоянно отвлекала посетителей, большую часть вечера разглядывавших наряды или знаменитые лица новоприбывших. Не чувствуя себя ни нарядной, ни знаменитой, Эмма бочком сошла вниз, держась одной рукой за перила, а другой прикрывая живот. Наконец Декстер взял ее за ту руку, что была на животе, остановился и с гордостью оглядел зал, точно сам его

спроектировал:

— Ну, как тебе?

— Ну, просто клуб «Тропикана», ^[29] — ответила она.

Внутренняя отделка и обстановка соответствовали стилю романтического круизного лайнера 1920-х годов: обтянутые бархатом скамьи, официанты в ливреях, подносящие коктейли, декоративные иллюминаторы с видом на пустоту. Из-за отсутствия естественного освещения казалось, что ресторан находится под водой, точно он уже наткнулся на айсберг и сейчас как раз идет на дно. Но воссозданная атмосфера элегантной межвоенной эпохи меркла на фоне пафоса, показухи и всепроникающего духа молодости, секса, денег и прогорклого масла. Весь пурпурный бархат, все отглаженные персиковые скатерти мира не могли отвлечь от шумной беготни на открытой кухне, мелькания кастрюль из нержавеющей стали и белых поварских колпаков. Да, подумала Эмма, сейчас явно не 1988 год.

— Ты уверен, что мы пришли в нужное место? По-моему, тут очень дорого.

— Я же сказал — угощаю.

Он заправил выглядывающую бирку за воротник платья, сначала посмотрев на марку, взял Эмму за руку и пружинистой походкой преодолел оставшиеся ступеньки и ступил в самое сердце того мира, где правили бал молодость, секс и деньги.

Элегантный метрдотель с красивым лицом и в нелепом военноморском мундире с эполетами сообщил, что столик освободится лишь через десять минут. Проталкиваясь сквозь толпу, они проследовали к коктейль-бару, где еще один человек в бутафорском военном мундире жонглировал бутылками.

— Что будешь пить, Эм?

— Джин с тоником.

Декстер прищелкнул языком:

— Ты не в пабе. Выпей коктейль, как все нормальные люди. Два martini, пожалуйста, очень сухих: джин «Бомбей Сапфир», лимонный сок. — Эмма хотела было возразить, но Декстер авторитетно поднял палец: — Поверь мне. Здесь лучший martini в Лондоне.

Она послушно замолчала и принялась ахать и охать, восхищаясь мастерством бармена; Декстер комментировал каждый его жест:

— Фокус в том, чтобы очень, очень сильно охладить все компоненты перед смешиванием. Вода в стакане должна быть ледяной, джин — из морозилки.

— А ты откуда знаешь?

— Мама научила, когда мне было лет девять, кажется.

Они чокнулись молча, и каждый подумал об Элизабет. Надежда, что вечер пройдет хорошо и они по-прежнему друзья, вновь затеплилась в сердце Декстера и Эммы. Она поднесла бокал к губам.

— Никогда раньше не пила такой коктейль. — Первый глоток был восхитительным, ледяным и сразу же ударил в голову; ее пробрала дрожь, и она едва не разлила напиток. Эмма открыла рот, намереваясь поблагодарить Декстера, но он вручил ей свой бокал, уже наполовину пустой:

— Я в туалет. Туалеты здесь, кстати, что надо. Лучшие в Лондоне.

— Вот бы посмотреть, — сказала Эмма, но Декстер уже ушел, и она вдруг оказалась одна с двумя бокалами в руках. Она попыталась принять уверенный и гламурный вид, чтобы ее не приняли за официантку.

Внезапно над ней нависла высокая девушка в леопардовом корсете и чулках с поясом. Она возникла так неожиданно, что Эмма испугалась и даже немножко взвизгнула, пролив martini себе на руку.

— Сигареты? — Женщина была удивительно хороша собой, с пышной грудью и почти не одетая; она напоминала фигуру с фюзеляжа Б-52, ^[30] а ее бюст почти лежал на подносе с сигарами и сигаретами, который она держала под наклоном. — Могу я вам что-нибудь предложить? — повторила она, улыбнувшись сквозь густой слой пудры и поправив пальчиком черный бархатный ошейник.

— О нет, я не курю... — пролепетала Эмма с таким видом, точно это был ее личный недосмотр, который она в скором времени намеревалась исправить. Но женщина уже обратила взгляд вверх ее головы и заморгала липкими кружевными ресницами.

— Сигареты, сэр?

Декстер улыбнулся, достал бумажник из внутреннего кармана пиджака и скользнул взглядом по товару, выставленному под ее грудью. С видом знатока он выбрал «Мальборо лайтс», и продавщица сигарет улыбнулась, будто показывая, что сэр сделал прекрасный выбор.

Декстер протянул ей банкноту в пять фунтов, свернутую по длине.

— Сдачи не надо, — с улыбкой промурлыкал он. Есть ли в мире еще хоть одна фраза, наполняющая человека таким осознанием собственной значимости, как «сдачи не надо»? Раньше ему было неловко ее произносить, но те времена миновали. Девушка улыбнулась удивительной улыбкой, подействовавшей на Декстера как афродизиак, и на секунду ему захотелось, чтобы она, а не Эмма, ужинала с ним сегодня.

Боже, вы только на него посмотрите, подумала Эмма, заметив

промелькнувшее на лице Декстера самодовольство. Было время, не так давно, кстати, когда идеалом всех мальчишек был Че Гевара; теперь идеалом стал Хью Хефнер.^[31] С игровой приставкой. Виляя задом, девушка с сигаретами скрылась в толпе; у Декстера был такой вид, будто ему очень хочется ее шлепнуть.

— Ты весь свой молескин обслюнявил.

— Что?

— Это что такое было?

— Продавщица сигарет. — Он пожал плечами и положил в карман нераспечатанную пачку. — «Посейдон» тем и знаменит. Это гламурно, своего рода игра.

— А почему она наряжена, как проститутка?

— Не знаю, Эм, может, потому, что ее шерстяные черные колготки сейчас в стирке? — Он взял свой martini и осушил бокал до дна одним глотком. — Это называется «пост-феминизм».

— Ах, так это теперь называется? — скептически проговорила Эмма.

Декстер кивнул в сторону удаляющегося зада девушки с сигаретами:

— Ты тоже могла бы так выглядеть, если бы захотела.

— Никто не умеет быть столь очаровательно бестолковым, как ты, Декс.

— Я о том говорю, что теперь у женщин есть выбор. И это вдохновляет.

— Да ты просто мыслительный гений.

— Если она хочет так одеваться, почему бы и нет?

— Но если она откажется так одеваться, ее уволят!

— Официантов тоже уволят за подобный отказ! Но что, если ей нравится ее наряд? Это же весело. И что, если она чувствует себя сексуальной? Это же и есть феминизм, верно?

— Боюсь, в словаре другое определение...

— Неставляй меня каким-то шовинистом, я тоже, между прочим, за женское равноправие! — Эмма щелкнула языком и закатила глаза: она уже забыла, как он иногда умеет раздражать, когда пускается в разглагольствования. — Да! Я тоже феминист.

— И буду сражаться насмерть — *насмерть!* — чтобы каждая женщина имела право сверкать своими сиськами за чаевые. Так, Декстер?

Теперь уже он закатил глаза и снисходительно усмехнулся:

— Сейчас не восемьдесят восьмой год, Эм.

— Что это значит? Ты все время это твердишь, а я не понимаю, что ты пытаешься этим сказать.

— Это значит — хватит сражаться в войне, которая уже проиграна. Феминистское движение должно бороться за равные зарплаты, равные возможности и гражданские права, а не решать, что может или не может надевать женщина по своей воле в субботний вечер!

Эмма возмущенно раскрыла рот:

— Я не об этом...

— И между прочим, я плачу за твой сегодняшний ужин! Так что нечего придираетсяя.

В такие минуты ей приходилось напоминать себе, что она его любит... или любила когда-то. Они опять были в начале долгого и бессмысленного спора, который она наверняка выиграет, только вот вечер будет испорчен. Уткнувшись в свой martini и прикусив кромку бокала, она медленно досчитала до десяти и сказала:

— Давай сменим тему.

Но он ее не слушал, глядя ей за спину, — их позвал метрдотель.

— Пойдем, я достал нам отдельный кабинет.

Они расположились в обитой пурпурным бархатом кабинке и принялись молча изучать меню. Эмма думала, что кухня будет дорогой и французской, но здесь предлагали рыбные биточки, картофельную запеканку, бургеры — по сути, еду из столовки, только по бешеным ценам. «Посейдон» был одним из тех ресторанов, где в серебряном соуснике приносят кетчуп.

— Это современная британская кухня, — терпеливо объяснял ей Декстер, точно платить кучу денег за сосиски с картофельным пюре было очень по-современному и очень по-британски. — Я буду устрицы, — в конце концов заявил он. — Они органические, без химии.

— Одно другого не исключает, — рассеянно проговорила Эмма.

— Что?

— Когда-нибудь слышал об органической химии? — сказала она. И тут же подумала: «О боже, я превращаюсь в Иэна».

Декстер не понял юмора, нахмурился и продолжил разглядывать меню.

— Нет, они просто слаще, нежнее и у них более жемчужный, тонкий вкус, чем у береговых. Я возьму двенадцать штук.

— Откуда вдруг такие глубокие познания по части устриц?

— Я люблю гастрономию. Всегда любил хорошую кухню и вино.

— Помню то рагу из тунца, которое ты для меня приготовил. До сих пор привкус остался. Металлический...

— Да я не про готовку говорю, а про рестораны. Я теперь в основном в

ресторанах ужинаю. Между прочим, меня даже попросили написать обзор для воскресной газеты.

— Ресторанный?

— Нет, по коктейль-барам. Это будет еженедельная колонка «По барам», что-то вроде путеводителя для мужчин в большом городе.

— И ты сам будешь ее вести?

— Конечно, сам! — ответил он, хотя в газете его заверили, что литературный автор для него уже найден.

— А что такого можно написать про коктейли?

— Ты даже не представляешь. Коктейли сейчас — самый писк. Ретрогламур. Между прочим, — он поднес ко рту пустой бокал, — я и сам в последнее время увлекаюсь миксологией.

— Мифологией?

— Нет, *миксологией*.

— Извини, мне послышалось «мифологией».

— Вот спроси меня, как сделать коктейль, любой коктейль.

Она потерла пальцем подбородок:

— Пиво с водкой!

— Seriously, Эм. Это настоящая профессия, между прочим.

— Какая профессия?

— Миксолог. Есть даже специальные курсы.

— Может, тебе надо было диплом по миксологии защитить?

— А что, тогда бы мне по крайней мере этот вонючий диплом хоть пригодился.

Эта фраза была произнесена таким враждебным и ядовитым тоном, что Эмма напряглась, да и Декстер, кажется, сам себе удивился и спрятал глаза за винной картой.

— Ты какое будешь, красное или белое? Я, пожалуй, возьму себе еще martini, начнем с хорошего мускаде к устрицам, а потом перейдем на что-то вроде марго. Как тебе такая идея?

Он сделал заказ, а потом снова ушел в туалет, взяв с собой второй martini, что вызвало у Эммы удивление и смутную тревогу. Минуты ползли мимо. Она прочитала надпись на винной этикетке, затем перечитала ее снова, затем устремила взгляд в пространство и задумалась. Когда же Декстер успел стать таким... таким... миксологом? И почему в его присутствии она становится такой злой, саркастичной, безрадостной? Ей было все равно, что надето на продавщице сигарет, не так уж это ее и заботило на самом деле — так почему она вдруг начала к нему придирается, его осуждать? Эмма решила с этой минуты расслабиться и

наслаждаться вечером. Ведь как-никак это Декстер, ее лучший друг, и она его любит. Ведь любит же?

Тем временем в лучшем туалете Лондона Декстер мыл руки и думал почти о том же. Он любил Эмму Морли, по крайней мере, ему так казалось, но с каждым разом его все больше и больше бесила эта ее правильность, эта ее общественная активность, дух самодеятельного театра, дух 1988 года. Как можно быть такой... такой... серьезной? Это совершенно неуместно, особенно в такой обстановке, где все сделано для того, чтобы мужчина чувствовал себя Джеймсом Бондом. После мрачной идеологической тюрьмы середины 1980-х, после колледжа, где им внушали комплекс вины и необходимость быть озабоченными большой политикой, ему наконец-то можно расслабиться — и в самом деле, что плохого в том, чтобы выпить коктейль, закурить, пофлиртовать с красивой девушкой?

А эти ее подколы — зачем она постоянно над ним издевается, напоминая про его неудачи? Он помнит их все. А все ее разговоры о том, что он «крутой», бесконечные самоуничижительные ремарки по поводу собственной толстой попы и «туфель на ортопедической шпильке». Спаси его Боже от таких «комедианток», подумал он, с их подколами и умными замечаниями, с их комплексами и ненавистью к себе. Ну почему эта женщина не может научиться изяществу, элегантности, уверенности, а постоянно ведет себя как дешевый клоун?

А шик? В ней нет ни капли шика. Он приглашает ее в дорогой ресторан за свой счет, а она тут же начинает свое «мы устриц не едали». Да его просто тошнит от того, сколько тщеславия и бедняцкой гордости в ее личине «простой, но смелой девушки из рабочего класса». Ну, сколько можно гордиться тем, что отхватила бесплатный билетик, никогда не ездил в отпуск за границу, в жизни не ела устриц? Ей тридцать лет, и все эти разговоры давно, давно устарели; пора ей уже наконец взять на себя ответственность за свою жизнь.

Вручив фунт нигерийцу, раздающему полотенца, Декстер вышел из туалета и увидел Эмму в другом конце зала — она вертела вилку, сидя в своем дешевом похоронном платье, и его захлестнула новая волна раздражения. Возле стойки бара справа от него стояла девушка с сигаретами. Увидев его, она улыбнулась, и он решил немного отклониться от намеченного курса.

— «Мальборо лайтс», пожалуйста.

— Ту пачку уже выкурили? — со смехом сказала она, коснувшись рукой его запястья.

— Что я могу сказать? Курю, как паровоз.

Она снова рассмеялась, и Декстер представил, что это она сидит рядом с ним на бархатной скамейке и он опускает руку под стол и кладет на ее бедро в шелковом чулке. Он потянулся за бумажником.

— Я со своей старой приятельницей по колледжу потом иду на вечеринку... — Старая приятельница — это он хорошо придумал. — Не хочу остаться без сигарет. — Он протянул девушке пятифунтовую бумажку, хрустящую и сложенную вдоль пополам, зажав ее между большим и указательным пальцами. — Сдачи не надо.

Девушка улыбнулась, и он заметил крошечный след от красной помады на ее белоснежных передних зубах. У него возникло непреодолимое желание взять ее за подбородок и вытереть помаду большим пальцем.

— У вас тут помада...

— Где?

Он поднял руку, и кончик его пальца оказался в двух дюймах от ее рта.

— Вот. Здесь.

— Я сегодня опаздывала. — Она провела по зубам кончиком розового язычка. — Так лучше? — спросила она с улыбкой.

— Намного. — Декстер тоже улыбнулся и направился к Эмме, но, сделав несколько шагов, остановился и обернулся. — Просто любопытно, — проговорил он, — когда вы сегодня заканчиваете?

* * *

Принесли устрицы. Они лежали на подушке тающего льда, блестящие и загадочные. Эмма коротала время, тихо напиваясь с застывшей улыбкой человека, который сидит один и делает вид, что ему это нравится. Наконец она увидела Декстера, который шел в ее сторону не совсем твердой походкой. Он ввалился в кабинку.

— Я уж думала, ты в унитазе утонул! — Так шутила ее бабушка. Ну вот, она уже говорит бабушкиными словами.

— Извини, — сказал он и умолк.

Они принялись за устрицы.

— Послушай, у нас сегодня вечеринка, — сказал через некоторое время Декстер. — У Оливера, моего приятеля по покеру. Помнишь, я рассказывал. — Он сунул устрицу в рот. — Он баронет.

Эмма чувствовала, как по ее запястью стекает морская вода.

— И при чем тут это?

— Что ты имеешь в виду?

— То, что он баронет.

— Просто так сказал. Он хороший парень. Тебе лимон дать?

— Нет, спасибо. — Она проглотила устрицу, все еще пытаясь понять, пригласил ли Декстер ее на вечеринку или просто сообщил, что она будет.

— И где пройдет эта вечеринка? — спросила она.

— В Холланд-Парк. У Оливера шикарный большой дом.

— О... Понятно.

Эмма так и не поняла. Он ее приглашает или пытается сказать, что ему надо пораньше уйти? Она съела еще одну устрицу.

— Ты можешь пойти со мной, — наконец проговорил он, потянувшись за соусом «Табаско».

— Правда?

— Конечно, — ответил он. Она смотрела, как он пытается открыть прилипшую крышку соусника, поддевая ее вилкой. — Только вот ты там никого не знаешь.

Видимо, все-таки ее не приглашают.

— Я тебя знаю, — тихо произнесла она.

— Ну да, конечно. И Сьюки! Сьюки тоже там будет.

— Разве она не на съемках в Скарборо?

— А она сегодня приедет.

— Дела у нее идут неплохо, а?

— Угу. — Он кивнул. И поспешно и слишком громко добавил: — У нас обоих.

Эмма решила не комментировать его замечание.

— Точно, — сказала она. — Именно это я и имела в виду. У вас обоих. — Она взяла устрицу, потом положила ее обратно. — Мне очень нравится Сьюки, — заметила она, хотя видела ее всего раз, на вечеринке в стиле «Студии 54»^[32] в частном клубе в Хокстоне, где ей было ужасно неловко. Сьюки ей действительно понравилась, хоть ей и показалось, что та относится к ней как к некой диковинке, одной из «домашних», старых знакомых Декстера, как к человеку, который попал на вечеринку лишь потому, что выиграл билет по телефону.

Декстер проглотил очередную устрицу:

— Она классная, да? Сьюки.

— О да. Как тебе с ней?

— Нормально. Бывают моменты, конечно, мы же все время на виду...

— Ну, разумеется, — проговорила Эмма, но он сделал вид, что не слышал.

— И иногда такое чувство, будто разговариваешь с мегафоном, но в целом все отлично. Правда. Знаешь, что лучшее в наших отношениях?

— Расскажи.

— Она знает, каково это — быть телезвездой. Она все понимает.

— Декстер, ничего романтичнее я в жизни не слышала.

Ну, вот опять, подумал он, опять она со своими саркастическими шуточками.

— Что ж, это правда. — Он пожал плечами и решил, что пора просить счет и заканчивать эту встречу. Но, словно спохватившись, добавил: — Ну так насчет вечеринки? Я просто волнуюсь, как ты потом будешь домой добираться.

— Ну, Уолтемстоу не Марс, Декс, знаешь ли, а всего лишь северо-восток Лондона. Это планета, где жизнь возможна.

— Я знаю!

— Туда метро ходит!

— Да, но своим ходом туда так долго добираться, а вечеринка начнется только в двенадцать. Ты придешь, и сразу надо будет уезжать... Разве что я тебе денег на такси дам...

— У меня есть деньги. Я работаю, между прочим.

— Но из Холланд-парк в Уолтемстоу так долго ехать...

— Если ты не хочешь, чтобы я шла...

— Нет! Конечно, хочу. Хочу, чтобы ты пошла со мной. Давай потом решим, ладно?

Декстер встал и, не говоря больше ни слова, снова ушел в туалет, взяв с собой бокал, точно там ему был заготовлен еще один столик. А Эмма сидела, пила и пила и продолжала внутренне закипать, пока не стала крутым кипятком.

Все удовольствие от вечера пропало. Декстер вернулся, когда принесли горячее. Эмма скептически оглядела свою вялую пикшу и пюре из зеленого горошка с мятой. Тонкие бледные ломтики картофеля были нарезаны автоматической резкой на идеальные овалы и уложены на тарелку на манер башенки из кирпичей, наверху которой, примерно в шести дюймах над тарелкой, покачивалась квелия пикша, намереваясь упасть. Ей словно хотелось утопиться в густой зеленой горошковой жиже. Зачем все это? Кому придет в голову укладывать картошку башенкой? Эмма осторожно поддела ломтик с самого верха. Он был жестким и холодным внутри.

— Как там наш король комедии? — Тон Декстера стал еще более враждебным и издевательским, после того как он вернулся из туалета. — Мистер Газовая Атака?

Эмма почувствовала себя предательницей. Ей бы рассказать ему о том, какая неразбериха царит в ее с Иэном отношениях, о том, что она не знает, что делать дальше. Но она не могла признаться Декстеру, не теперь. Она проглотила сырую картофелину.

— Замечательно, — подчеркнуто бодрым голосом ответила она.

— Как тебе совместная жизнь? Квартира нравится?

— Все отлично. Ты же еще у нас не был? Обязательно зайди как-нибудь. — Приглашение прозвучало как формальность, и он ответил ни к чему не обязывающим «угу». Декстер считал, что любое времяпровождение за пределами центра Лондона не могло быть приятным. Они снова молча принялись за еду.

— Как стейк? — наконец спросила она. Кажется, Декстер потерял аппетит: он разрезал мясо с кровью на маленькие кусочки, но ни одного не съел.

— Потрясающий. А как рыба?

— Холодная.

— Правда? — Он заглянул ей в тарелку и с умным видом кивнул. — Она непрозрачная, Эм. При приготовлении рыба *и должна* терять прозрачность.

— Декстер, — сказала Эмма резко и раздраженно, — рыба не прозрачная, потому что все еще замороженная! Она даже не разморозилась!

— Серьезно? — Он сердито проткнул пальцем толстый кляр. — Надо отправить ее обратно на кухню!

— Да ничего. Поем картошку.

— Нет, какого черта! Надо отправить рыбу на кухню! Я что, буду платить за гребаную мороженую рыбу? Можно подумать, мы в дешевой забегаловке! Закажи что-нибудь другое.

Он подозвал официанта и начал распинаться по поводу того, что рыба плохая, хотя в меню написано, что свежая; он не станет за нее платить, и пусть принесут замену бесплатно. Эмма пыталась сказать, что уже не голодна, но Декстер настоял, чтобы она съела горячее, ведь все равно бесплатно. У нее не было выбора, кроме как снова начать изучать меню под злобными взглядами официанта и Декстера, чей стейк так и лежал на тарелке все это время, растерзанный и несъеденный, пока наконец она не определилась, заказав свой бесплатный зеленый салат, после чего они снова остались одни.

Они сидели в тишине перед двумя тарелками с не нужной никому едой, понимая, что вечер испорчен, и ей хотелось плакать. Декстер этого добивался? Хотел испортить ей настроение?

— Такие дела, — сказал он, швырнув на стол салфетку.

Ей хотелось домой. Она не станет заказывать десерт и не пойдет на вечеринку — все равно он не хочет, чтобы она шла с ним. Пойдет домой. Может, Иэн уже вернется к ее приходу, такой добрый, внимательный, он ее любит; они сядут и поговорят, а может, просто обнимутся и посмотрят телевизор.

— Ну, так как твоя работа? — Когда Декстер говорил, глаза его бегали по залу.

— Нормально, Декстер, — хмуро ответила она.

— Что такое? Что я опять не так сказал? — раздраженно сказал он, взглянув на нее.

Она спокойно отвечала:

— Если неинтересно, то и не спрашивай.

— Интересно! Просто... — Он добавил в свой бокал вина. — Ты вроде какую-то книгу писала или нет?

— Я вроде писала какую-то книгу или нет, Декстер, но на жизнь тоже надо чем-то зарабатывать. Кроме того, мне нравится моя работа, и, между прочим, я хороший учитель!

— Я и не сомневаюсь! Просто, ну... знаешь, есть выражение... «Кто умеет, делает...»

У Эммы раскрылся рот. Не заводись, сказала она себе.

— Нет, Декстер, не знаю. Ну-ка скажи. Что за выражение?

— Ну, ты наверняка слышала...

— Нет, Декстер, серьезно. Скажи.

— Забудь. — Кажется, он испугался.

— А я хочу узнать. Закончи, что начал. «Кто умеет, делает...»

Он вздохнул, повертев свой бокал, и равнодушно проговорил:

— Кто умеет, делает. Кто не умеет, учит.

Она сказала, выплевывая каждое слово:

— А кто учит, говорит: иди ты в жопу!

Бокал с вином опрокинулся ему на колени; Эмма толкнула стол и резко поднялась, схватила сумку, опрокинув бутылки, так что зазвенели тарелки, выскочила из кабинки и быстро пошла прочь из этого мерзкого, отвратительного места. Посетители оборачивались в ее сторону, но Эмме было все равно — ей просто хотелось поскорее уйти. «Только не плачь, только не плачь», — приказывала она себе. Оглянувшись, она увидела, как Декстер хмуро вытер брюки, объясняя что-то официанту, и направился к ней. Она отвернулась, побежала и на лестнице увидела длинноногую продавщицу сигарет, которая спускалась вниз по ступенькам, уверенно

ступая на высоких каблуках и улыбаясь накрашенным ртом. И хотя Эмма поклялась, что не заплачет, горячие слезы унижения защекали в ее глазах, и она споткнулась на этих дурацких, глупых каблуках, и клиенты ресторана громко ахнули, когда она упала на колени. Девушка с сигаретами стояла за ее спиной, придерживая ее за локоть с выражением искренней тревоги на лице, при виде которого Эмме хотелось ее растерзать.

— Вы не ушиблись?

— Нет, спасибо, все в порядке...

Декстер догнал ее и поспешил помочь ей подняться. Она решительно вырвалась:

— Не трогай меня, Декстер!

— Не кричи, успокойся...

— Я не собираюсь успокаиваться.

— Ладно... извини, извини меня, пожалуйста. Что бы там тебя ни рассердило, прошу прощения!

Она повернулась к нему на лестнице. Глаза ее сверкали.

— Ты так и не понял?

— Нет! Вернись за столик, там и расскажешь.

Но она уже бежала на улицу сквозь распахнувшиеся двери, захлопнув их за собой, так что металлический край больно ударил Декстера по колену. Он захромал позади.

— Это глупо. Мы оба пьяны...

— Нет, это ты пьян! Ты всегда пьян или под кайфом — каждый раз, когда мы видимся! Ты хоть понимаешь, что я не видела тебя трезвым уже три года? Я уже забыла, какой ты, когда трезвый. Ты слишком занят бесконечными рассказами о себе и своих новых друзьях, бегаешь в туалет каждые десять минут — уж не знаю, то ли у тебя дизентерия, то ли ты на кокаине. Но как бы то ни было, ты ведешь себя отвратительно, и самое главное, тебе со мной скучно! Даже когда ты якобы разговариваешь со мной, ты все время смотришь мне за спину, точно высматриваешь, нет ли там кого поинтереснее...

— Неправда!

— Правда, Декстер! Это же бред. Ты телеведущий, Декс. Ты не изобрел пенициллин, ты всего лишь телеведущий, причем не самой гениальной программы в мире. Да ну к черту, с меня хватит.

Они проталкивались сквозь толпу на Уорддор-стрит в летних сумерках.

— Пойдем куда-нибудь, посидим, поговорим, — предложил он.

— Не хочу я с тобой говорить. Я просто хочу домой.

— Эмма, прошу тебя...

— Декстер, оставь меня в покое, ладно?

— Не устраивай истерики. Иди сюда. — Он снова взял ее за руку и неловко попытался обнять. Она оттолкнула его, но он удержал ее за рукав. Прохожие равнодушно искоса посматривали на них — для них Эмма и Декстер были всего лишь еще одной парочкой, повздорившей в Сохо в субботу вечером. Наконец она сдалась и позволила ему отвести себя в переулок.

Они молчали; Декстер сделал пару шагов в сторону, чтобы ее видеть. Она стояла к нему спиной, ладонью вытирая слезы, и ему вдруг стало очень, очень стыдно.

Наконец она тихо заговорила, повернувшись лицом к стене:

— Почему ты так себя ведешь, Декстер?

— Как *так*?

— Ты знаешь как.

— Веду себя как обычно!

Она обратила к нему лицо; по щекам ее стекала черная тушь.

— Нет, не как обычно. Я тебя знаю, и ты совсем не такой. Ты стал просто ужасным. Ты мерзок, Декстер. То есть ты всегда был таким самодовольным, но только чуть-чуть и иногда, а еще ты был веселым, и добрым иногда, и тебя интересовали другие люди, а не только собственная персона. А теперь ты словно с катушек слетел, и еще эта выпивка, наркотики...

— Я просто живу в свое удовольствие! Просто меня иногда заносит, вот и всё. Если бы ты меня постоянно не осуждала...

— А разве я осуждаю? Мне так не кажется. По крайней мере, я стараюсь. Я просто не... — Она осеклась и покачала головой. — Я знаю, что тебе многое пришлось пережить за последние годы, и я пыталась понять, правда, пыталась, когда умерла твоя мама, и...

— Продолжай, — сказал он.

— Мне просто кажется, что ты уже не тот человек, которого я знала. Ты больше не мой друг. Вот и всё.

Он не знал, что на это ответить, и они так и стояли в тишине, а потом Эмма протянула руку и стиснула в ладони его средний и указательный пальцы.

— Может... может, это конец? — проговорила она. — Может, это просто конец.

— Конец чего?

— Нас. Тебя и меня. Нашей дружбы. Есть кое-что, о чем я хотела с тобой поговорить, Декс. Это касается меня и Иэна. Если бы ты был моим

другом, я бы смогла поговорить с тобой об этом, но я не могу, а если мы не можем разговаривать по душам, зачем тогда ты мне нужен? Зачем мы друг другу?

— Что значит зачем?

— Ты сам говорил — люди меняются, к чему переживать? Живи дальше, найди себе кого-нибудь еще.

— Да, но я не о нас говорил...

— А в чем разница?

— В том, что... это мы. Декс и Эм. Правда ведь?

Эмма пожала плечами:

— Может, мы переросли друг друга.

Он помолчал и сказал:

— Так кто, по-твоему, кого перерос — ты меня или я тебя?

Она вытерла нос рукой:

— Мне кажется, ты считаешь меня... скучной. Думаешь, я не разрешаю тебе развлекаться. По-моему, я тебе больше неинтересна.

— Эм, я вовсе не считаю тебя скучной...

— И я тоже себя скучной не считаю! Представь! По-моему, я просто замечательная, если бы ты только знал, какая я замечательная — а ведь раньше ты так и думал! Но если ты больше так не считаешь или просто принимаешь это как должное, ради бога. Я просто не хочу больше терпеть такое отношение.

— Какое отношение?

Она вздохнула и ответила после секундной паузы:

— Как будто ты предпочел бы быть где-нибудь еще и с кем-нибудь другим.

Он хотел было ей возразить, но ведь в этот самый момент в ресторане его ждала девица с сигаретами: она спрятала бумажку с номером его мобильного за подвязку. Позднее он будет думать о том, нельзя ли было сказать что-нибудь еще, чтобы исправить ситуацию, может быть, просто отшутиться. Но сейчас ему ничего не приходило в голову, и Эмма выпустила его руку.

— Ну, иди, — сказала Эмма. — Иди на свою вечеринку. Считаю, что ты от меня избавился. Ты свободен.

Безнадежно пытаясь храбриться, Декстер рассмеялся:

— Звучит так, будто ты меня бросаешь!

Она грустно улыбнулась:

— В некотором смысле, наверное, так и есть. Ты уже не тот, каким я тебя знала, Декс. Прежний ты мне очень, очень нравился. И я хотела бы,

чтобы прежний Декстер вернулся, но пока этого не произойдет, пожалуйста, не звони мне больше.

Она повернулась и нетвердой походкой пошла по переулку в сторону Лестер-сквер.

На секунду перед глазами Декстера промелькнуло короткое, но идеально отчетливое воспоминание: он после похорон матери плачет, сжавшись на полу в ванной, а Эмма обнимает его и гладит по голове. И он воспринимал всё это как должное, променял всё это на пустые забавы. Он пошел за ней, говоря:

— Брось, Эм, мы же всё еще друзья, верно? Сам знаю, что в последнее время вел себя странно, но... — Она замерла на секунду, но не обернулась, и он понял, что она плачет. — Эмма?

И вдруг она очень быстро повернулась, подошла к нему, прижала его лицо к своему лицу, коснувшись своей теплой и мокрой щекой его щеки, и быстро и тихо заговорила ему на ухо:

— Декстер, я очень тебя люблю. Очень, очень люблю, и всегда буду, наверное. — Ее губы коснулись его щеки, и в этот момент ему показалось, что Эмма его простила. — Просто мне не нравится, каким ты стал. Прости.

Эмма отстранилась и ушла, а он остался стоять один в переулке, пытаясь представить, что будет делать теперь.

* * *

Вернувшись чуть раньше двенадцати, Иэн видит Эмму, свернувшуюся клубком на диване; она смотрит какой-то старый фильм.

— Что-то ты рано вернулась. Как там наш золотой мальчик?

— Ужасно, — бормочет она.

Если Иэн и рад этому, то старается не выдать голосом:

— А что, что случилось?

— Не хочу об этом говорить. Только не сегодня.

— Почему? Эмма, скажи! Что он сказал? Вы поссорились?

— Иэн, пожалуйста! Только не сегодня. Иди ко мне, ладно?

Она подвигается, освобождая для него место на диване. Иэн садится и в этот момент замечает, какое на Эмме платье. Ради него она никогда бы так не оделась.

— Ты в этом была?

Она теребит подол большим и указательным пальцами.

— Зря я так вырядилась.

— А по-моему, ты просто красotka.
Она прижимается к нему, кладет голову ему на плечо:
— Как выступление?
— Не особо.
— Выступал со своим номером про кошек и собак?
— Угу.
— Помидорами кидали?
— Немножко.
— Может, это не лучший твой номер.
— И кричали «Бу!».
— Ну, куда ж без этого, верно? Всех иногда освистывают.
— Наверное, ты права. Хотя иногда мне кажется...
— Что?
— Может, я просто не смешной?
Она утыкается лицом ему в грудь:
— Иэн!
— Да?
— Ты очень, очень смешной.
— Спасибо, Эм.

Он кладет голову ей на затылок и вспоминает о маленькой красной коробочке с подкладкой из складчатого шелка, где лежит обручальное кольцо. Уже две недели она спрятана в одном из его спортивных носков, поджидая своего часа. Но сейчас неподходящее время. Вот через три недели они будут лежать на пляже на Корфу. Он уже видит ресторан с видом на море, полнолуние, загорелую и улыбающуюся Эмму в летнем платье, тарелку свежих кальмаров. Он подарит ей кольцо и что-нибудь схочмтит. Уже несколько недель он ломает голову над разными комически-романтическими репликами — может, уронить кольцо в винный бокал, пока она будет в туалете? Или достать его изо рта запеченной на гриле рыбины и пожаловаться официанту? Спрятать среди колец кальмара — вот хорошая идея. А может, он его просто подарит. Он репетирует в уме предложение: выходи за меня, Эмма Морли. Выходи за меня.

— Я люблю тебя, Эм, — произносит он вслух.
— И я тебя, — говорит Эмма. — И я тебя люблю.

* * *

Продавщица сигарет сидит у стойки бара в свой двадцатиминутный

перерыв, набросив поверх корсета куртку, потягивая виски и слушая стенания этого парня, который все говорит и говорит о своей подруге, той хорошенькой бедняжке, что споткнулась на лестнице. Кажется, у них вышла какая-то размолвка. Продавщица сигарет теряет и снова улавливает нить его монолога, время от времени кивая и украдкой поглядывая на часы. До двенадцати осталось всего пять минут, и пора уже возвращаться к работе. Между двенадцатью и часом дают больше всего чаевых — клиенты-мужчины в это время почему-то особенно похотливы и склонны к идиотским поступкам. Еще пять минут, и она уйдет. Все равно бедолага едва на ногах держится.

Она узнала в нем ведущего той тупой передачи — разве он не встречается со Сьюки Медоуз? — но имени его вспомнить не может. Неужели это шоу еще кто-то смотрит? Его костюм испачкан, карманы, набитые пачками невыкуренных сигарет, топорщатся, нос лоснится, дыхание насыщено винными парами. И хуже всего, что он даже не поинтересовался, как ее зовут.

А продавщицу сигарет зовут Черил Томсон. Днем она работает медсестрой; работа, конечно, тяжелая, но пару дней в неделю она подрабатывает в «Посейдоне», потому что училась с менеджером ресторана в одном классе, да и чаевые здесь что надо, если ты не прочь немного пофлиртовать. Дома, в квартире в Килберне, ее ждет жених — итальянец Мило, высоченный парень, бывший футболист, а ныне медбрат. Красив, как бог, и в сентябре они собираются пожениться.

Она рассказала бы все это этому парню, если бы он только поинтересовался. Но он не интересуется, поэтому без двух минут двенадцать в День святого Свитина она извиняется и говорит, что ей пора, нет, на вечеринку она пойти не может, да, у нее остался его номер, и она надеется, что он помирится с подругой. Черил Томсон уходит и оставляет его одного возле барной стойки. Он заказывает новый коктейль.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1996–2001

30–35

Иногда мы чувствуем, что в нашей жизни возникло что-то важное, а иногда понимаем это лишь через годы. Так бывает с людьми.

Джеймс Солтер, «Сжигая дни»

Глава 10

Лови момент

Понедельник, 15 июля 1996 года

Лейтонстоун и Уолтемстоу

Лежа на полу в кабинете директора в задранном до пояса платье, Эмма Морли делает медленный выдох ртом.

— О, и кстати. Девятиклассникам нужны новые экземпляры «Сидра с Роузи».^[33]

— Посмотрим, что можно сделать, — говорит директор, застегивая рубашку.

— И раз уж я лежу тут у вас на ковре, может, обсудим еще что-нибудь? Как насчет школьного бюджета или визита инспекции по образованию? Какие вопросы вы хотели бы рассмотреть?

— Я тебя хотел бы рассмотреть, — отвечает он, ложится рядом с ней и целует в шею. Мистер Годалминг — Фил — большой спец по таким вот двусмысленным намекам.

— Что это значит? Да ничего не значит. — Она раздраженно прищелкивает языком, отталкивает его и думает о том, почему после секса, даже приятного, у нее всегда портится настроение. Они лежат неподвижно. В половине седьмого вечера в конце четверти в средней школе Кромвелл-роуд непривычно тихо, как и всегда в нерабочие часы. Уборщики уже ушли, дверь кабинета закрыта и заперта изнутри, но ей все равно не по себе, она лежит как на иголках. Разве не должно быть какого-то приятного тепла, ощущения взаимного счастья, что ли? Уже девять месяцев она занимается сексом на казенном ковре, пластиковых стульях и ламинированных партах. Поскольку Фил заботится о своих сотрудниках, он даже снял поролоновую подушку с офисного кресла, и та сейчас лежит у нее под задом — но как же ей хочется однажды заняться сексом на мебели, которая не складывается в штабеля!

— Знаешь что? — подает голос директор.

— Что?

— По-моему, ты просто потрясающая. — В подтверждение своих слов

он сжимает ее грудь. — Не знаю, что буду делать без тебя целые шесть недель.

— Может, хоть ссадины от ковра заживут.

— Целых шесть недель без тебя. — Его борода щекочет ей шею. — Да я с ума сойду без секса...

— Что ж, ты всегда можешь воспользоваться услугами миссис Годалминг, — замечает она и как бы со стороны слышит свой голос — ехидный и злобный. Она принимает сидячее положение и опускает платье ниже колен. — К тому же мне всегда казалось, что долгие каникулы — одно из преимуществ учительской профессии. Так мне говорили. Когда я устраивалась на эту работу.

Он обиженно смотрит на нее с ковра:

— Не надо так, Эм.

— Что?

— Не притворяйся брошенной.

— Извини.

— Мне это нравится не больше твоего.

— А мне кажется, что как раз нравится.

— Ничего подобного. Давай не будем все портить, ладно? — Он кладет ладонь ей на спину, словно утешая. — Ведь мы до сентября больше не увидимся.

— Хорошо, я уже извинилась. — Давая понять, что разговор закончен, она разворачивается, целует директора и уже собирается подняться, однако в этот момент он кладет руку ей на затылок и тоже ее целует, слегка царапая бородой кожу.

— Как же я буду скучать.

— Знаешь, что тебе нужно сделать? — говорит она, снова целуя его в губы. — Это довольно радикальный шаг...

Он смотрит на нее с тревогой:

— Продолжай...

— Этим летом, как только кончится четверть...

— Говори.

Она касается пальцем его подбородка:

— Думаю, тебе нужно сбрить бороду.

Он резко поднимает корпус:

— Да ни за что!

— Мы уже так давно вместе, а я до сих пор не знаю, как ты на самом деле выглядишь.

— Я так и выгляжу!

— Но твое лицо... твоего лица не видно. Может оказаться, ты даже симпатичный. — Она кладет руку на плечо директора и увлекает его обратно на ковер. — Что скрывается под маской? Откройся мне, Фил. Позволь увидеть тебя настоящего.

Они смеются, и неловкость уходит.

— Боюсь тебя разочаровать, — говорит он, поглаживая бороду, как любимого щенка. — К тому же без бороды мне придется бриться три раза в день. Раньше я брился по утрам, но уже к обеду был похож на уголовника. Потому и решил: а пусть себе растет, пусть будет у меня такой стиль.

— А... так это *твой стиль*...

— Борода смешная. Детям нравится. С ней я похож на бунтаря...

Эмма снова смеется:

— Фил, нынче не тысяча девятьсот семьдесят третий год. В наше время борода уже не признак бунтарства.

Он обиженно пожимает плечами:

— А Фионе нравится. Она говорит, что у меня безвольный подбородок. — Наступает тишина, как всегда, когда он вспоминает о жене. Чтобы разрядить обстановку, он решает подшутить над собой: — Да и ты наверняка знаешь, что дети прозвали меня Бородачом...

— Впервые слышу. Правда? — Фил смеется. Эмма с улыбкой прибавляет: — Не Бородачом, а Бородой. Ты просто Борода. Человек-Борода, а еще Волосатая Обезьяна.

Он вдруг приподнимается на локте, сурово нахмурившись:

— Волосатая Обезьяна?

— Так тебя называют.

— Кто?

— Дети.

— Волосатая Обезьяна?!

— А ты разве не знал?

— Нет!

— Ой. Ну, тогда извини.

Фил ложится на спину, обиженно насупившись:

— Не могу поверить. Волосатая Обезьяна.

— Они это в шутку, — успокаивает его Эмма. — Не со зла.

— А по-моему, звучит очень зло! — Он снова поглаживает бороду, точно утешая собачку. — Это все потому, что у меня тестостерон повышен, вот в чем дело. — При слове «тестостерон» он заметно веселеет, привлекает Эмму к себе и целует ее еще раз. От него пахнет дешевым кофе из учительской и вином, которое он прячет в своем шкафчике.

— У меня будет покраснение, — жалуется она.

— Ну и что?

— И все поймут.

— А все уже ушли. — Фил кладет руку ей на бедро, но в этот момент на столе звонит телефон, и директор вздрагивает как ужаленный. Шатаясь, встает на ноги.

— Не подходи, — умоляющим тоном произносит Эмма.

— Не могу!

Он натягивает штаны, точно разговаривать с Фионой без штанов было бы предательством: он как будто боится, что по его голосу та поймет, что ниже пояса он обнаженный.

— Привет! Да, дорогая! Да, я знаю! Как раз собирался уходить...

Он обсуждает с женой домашние дела, что лучше — сварить на ужин макароны или заказать еду с доставкой, посмотреть телевизор или DVD. Не желая знать подробностей семейной жизни своего любовника, Эмма поднимается на ноги, находит свои скомканные трусы, которые валяются на столе среди скрепок и колпачков от шариковых ручек. Одевшись, она подходит к окну. Вертикальные жалюзи запылились, розовые лучи солнца освещают окна кабинета химии напротив, и у Эммы вдруг возникает острое желание оказаться где-нибудь в парке, или на пляже, или на площади какого-нибудь европейского города — где угодно, лишь бы не в этом душном школьном кабинете с женатым мужчиной. Как случилось, что однажды утром она проснулась и обнаружила, что ей уже тридцать и она чья-то любовница? Это такое отвратительное, такое гадкое слово, и она бы его не использовала, да вот только по-другому и не скажешь. Она любовница начальника, и в этой ситуации она видит лишь один плюс — по крайней мере, у него нет детей.

* * *

Их роман — еще одно гадкое слово — начался в прошлом сентябре, после того ужасного отпуска на Корфу, когда она в тарелке с кальмарами обнаружила обручальное кольцо. «Мне кажется, мы слишком разные» — лучшая отговорка, которую она смогла тогда придумать. Последующие две недели прошли как в тумане: солнечные ожоги, обиды, самоуничтожение и страхи по поводу того, возьмет ли ювелир кольцо обратно. Нет ничего грустнее, чем отвергнутое обручальное кольцо. Оно лежало в чемодане в их номере, излучая грусть, как радиацию.

Из отпуска она вернулась загорелой и несчастной. Ее мать, которая знала о кольце и уже купила себе наряд для свадьбы, пришла в ярость и неделями пилила Эмму, пока та уж не начала сомневаться, правильно ли поступила. Однако для нее сказать «да» означало пойти на уступки, а Эмма знала из книжек, что брак, на который соглашаются из чувства безысходности, ничем хорошим не заканчивается.

Роман с Филом решил все ее проблемы. Во время какой-то рутинной встречи она расплакалась в его кабинете, он вышел из-за стола, обнял ее, поцеловал в затылок, словно говоря «ну наконец-то». После работы он сводил ее в одно местечко, о котором давно слышал; это был гастронаб, и название заведения говорило, что там есть пиво, но и еда тоже вкусная. Они заказали стейки и салат с козьим сыром, и когда их ноги случайно соприкоснулись под большим деревянным столом, она все рассказала Филу. После второй бутылки вина осталось лишь завершить начатое; за объятиями в такси последовал поцелуй, а вскоре она нашла в своем ящичке коричневый конверт внутренней почты (*«Насчет прошлого вечера — все время думаю о тебе, ты нравишься мне уже много лет, когда мы сможем поговорить?»*).

Все познания Эммы о супружеских изменах были почерпнуты из сериалов 1970-х годов. Чинзано, спортивные машины, вечеринки с вином и сыром — измена вызывала у нее ассоциации с людьми среднего возраста, среднего класса. Теперь же, когда она сама в этом участвовала и наличествовали все атрибуты адюльтера вроде взглядов тайком, рук, сплетенных под столом, поцелуев в подсобке, ее удивляло, насколько всё это казалось знакомым и какой сильной эмоцией может быть влечение, особенно в сочетании с чувством вины и осознанием собственной ничтожности.

Однажды вечером он торжественно протянул ей коробочку в подарочной обертке — после секса в декорациях рождественского спектакля, постановку которого она готовила, — на этот раз это был мюзикл «Бриолин».

— Мобильник!

— Вдруг мне захочется услышать твой голос.

Сидя на прозрачном капоте «бриолиновой молнии», ^[34] она вздохнула, глядя на коробочку:

— Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

— Что? Тебе не нравится подарок?

— Да нет, подарок прекрасный. — Она улыбнулась собственным воспоминаниям. — Просто я только что проиграла спор кое с кем.

Иногда, когда они гуляли и говорили ясным осенним вечером в безлюдной части парка или хихикали во время школьной рождественской службы, напившись глинтвейна и незаметно прижавшись друг к другу, — иногда в такие минуты ей казалось, что она влюблена в Филипа Годалминга. Он был хорошим, строгим и увлеченным преподавателем, разве что немного напыщенным иногда. У него были красивые глаза, и он мог быть смешным. Впервые в жизни она испытывала почти неудержимое сексуальное желание. Разумеется, ему было уже сорок четыре, он был стар, и тело его под шубкой волос было похоже на опавшее дрожжевое тесто, но он был страстным и внимательным любовником, иногда, пожалуй, даже чересчур страстным; во время секса у него было очень напряженное лицо, а еще он выкрикивал непристойности. Ей было трудно поверить, что человек, который стоял перед всей школой и рассуждал о благотворительности, способен произносить такие слова. Иногда ей даже хотелось его одернуть, сказав: «Мистер Годалминг, что за выражения!»

Но с начала их связи прошло уже девять месяцев, первоначальное волнение утихло, и теперь ей с каждым днем все труднее понять, зачем она здесь — ради чего торчит в школьном коридоре чудесным летним вечером. Ей бы гулять с друзьями или с любимым, которым она гордится и о котором не боится упомянуть в присутствии других. Насупившись от чувства вины и смущения, она ждет у мужского туалета, пока Фил умывается, используя казенное мыло. Педагог по английскому языку и актерскому мастерству и любовница директора. С ума сойти.

— Я готов, — говорит Фил, выйдя из туалета.

Он берет ее руку — его ладонь все еще влажная после умывания, — но осмотрительно выпускает, когда они выходят на свежий воздух. Запирает дверь, включает сигнализацию, и в свете вечернего солнца они идут к его машине, сохраняя профессиональную дистанцию. Его кожаный портфель иногда ударяется об ее лодыжку.

— Подвез бы тебя до метро, но...

— Ни к чему, чтобы вне школы нас видели вдвоем.

Они проходят еще несколько шагов.

— Еще четыре дня! — мечтательно говорит он, чтобы заполнить паузу.

— Куда поедете на этот раз? — спрашивает она, хотя ей это известно.

— На Корсику. Будем много гулять. Фиона обожает ходить пешком. Сколько ее помню, вечно она ходит, ходит, ходит... Как Ганди. А вечером снимет свои походные ботинки и сразу уснет.

— Фил, прошу тебя, не надо.

— Извини. Извини. — Чтобы сменить тему, он спрашивает: — А ты

куда собираешься?

— Может, съезжу в Йоркшир к родным. Или останусь здесь, буду работать.

— Работать?

— Ну, ты знаешь. Буду писать свою книгу.

— А... книгу... — Как и все остальные, он произносит это таким тоном, будто ей не верит. — Твоя знаменитая книга случайно не о нас?

— Нет, не о нас. — Они подошли к его машине, и ей не терпится с ним попрощаться. — Не думаю, что эта тема так уж интересна.

Он оперся локтем на крышу своего синего «форда», приготовившись к торжественному прощанию, а она взяла и всё испортила. Он хмурится, выпячивает розовую нижнюю губу, которая проглядывает сквозь бороду.

— О чем это ты?

— Не знаю, просто...

— Продолжай.

— Фил, что касается меня и тебя... Мне все это не нравится.

— Ты несчастна?

— Согласись, отношения у нас не идеальные. Раз в неделю на школьном ковролине.

— А мне казалось, ты довольна.

— Я не имею в виду, что ты не удовлетворяешь меня сексуально. Секс тут ни при чем, меня убивают... обстоятельства.

— А мне все нравится...

— Правда? Правда всё устраивает?

— Насколько я припоминаю, тебя тоже всё устраивало.

— Ну, пожалуй, поначалу было весело.

— Ради бога, Эмма!.. — Он смотрит на нее сердито, точно застал ее с сигаретой в туалете для девочек. — Мне надо ехать! Почему ты заговорила об этом именно сейчас, когда у меня нет времени?

— Прости, я...

— Серьезно, Эмма, какого черта!

— Эй! Не говори со мной так.

— Я не говорю, я просто... просто... Давай переждем летние каникулы, о'кей? А потом решим, что делать.

— А мне кажется, делать тут ничего. Мы или продолжаем, или прекращаем встречаться, хотя я считаю, что продолжать не стоит.

— Мы можем сделать еще кое-что, — говорит он, понизив голос. — Точнее, я. — Он оглядывается и, убедившись, что вокруг никого нет, берет ее за руку. — Я мог бы сказать ей этим летом.

— Но я не хочу, чтобы ты ей говорил, Фил.
— Когда мы будем в отпуске или даже до того, на следующей неделе...
— Я не хочу, чтобы она знала, Фил. Какой смысл?
— Какой смысл?
— Никакого!
— А мне кажется, есть смысл, мне кажется, не такая уж это плохая идея.

— Отлично! Давай обсудим это в следующей четверти, давай... даже не знаю... назначим день.

Воодушевившись, он облизывает губы и снова оглядывается, чтобы убедиться, что никто их не видит.

— Я люблю тебя, Эмма Морли.

— Нет, не любишь, — вздыхает она. — Не по-настоящему.

Он опускает голову, словно глядя на нее поверх воображаемых очков:

— Это уж я сам решу, ладно?

Она терпеть не может его директорский тон и взгляд — они ненавистны ей до такой степени, что у нее возникает желание ударить его ногой под колено.

— Ты лучше езжай, — говорит она.

— Я буду скучать по тебе, Эм...

— На случай, если не созвонимся, желаю хорошо отдохнуть...

— Ты даже не представляешь, как я буду по тебе скучать.

— Корсика — это просто замечательно.

— Каждый день.

— Ну ладно, до скорого, пока.

— Подожди. — Подняв портфель и используя его как ширму, он целует ее. Очень осмотрительно, думает Эмма, стоя неподвижно. Он открывает дверцу машины и садится. Темно-синий «форд-сьерра», машина, подходящая директору, бардачок набит топографическими картами. — До сих пор не могу поверить, что они прозвали меня Волосатой Обезьяной, — бормочет он, качая головой.

Она стоит на пустой автостоянке и смотрит, как он уезжает. Ей тридцать лет, она встречается с женатым мужчиной, которого почти совсем не любит, но, по крайней мере, у него нет детей.

* * *

Через двадцать минут она уже стоит под окном длинного

малоэтажного дома из красного кирпича, где находится ее квартира, и видит свет в гостиной. Значит, явился Иэн.

Она подумывает, не отсидеться ли в ближайшем пабе или, может, навестить друзей, но знает, что Иэн все это время будет поджидать ее в кресле с включенным светом, как наемный убийца. Она делает глубокий вдох и ищет ключи.

С тех пор как Иэн переехал, квартира стала казаться просторнее. Без его видеокассет, зарядных устройств, адаптеров и кабелей, виниловых пластинок в картонных конвертах квартира выглядит так, будто ее недавно ограбили, и Эмма снова ловит себя на мысли о том, как мало вещей накопила за эти десять лет. Из спальни доносится шорох. Она снимает с плеча сумку и тихо подходит к двери.

Содержимое ящиков комода разбросано по полу: письма, банковские выписки, разорванные бумажные конверты от фотографий и негативов. Молча и незаметно стоя в дверном проеме, она некоторое время наблюдает за Иэном: тот, фыркая от натуги, пытается просунуть руку в самую глубь ящика. На Иэне кроссовки без шнурков, тренировочные штаны и неглаженная рубашка. Наряд, подобранный со всей тщательностью, чтобы продемонстрировать максимальную степень эмоционального смятения. Он оделся так, чтобы ее расстроить.

— Иэн, что ты делаешь?

На лице его отражается удивление, но лишь на секунду, после чего он вновь выглядит как обиженный вор.

— Что-то ты припозднилась, — осуждающе произносит он.

— А тебе какое дело?

— Просто интересно, где ты шляешься, только и всего.

— Была на репетиции. Иэн, мы вроде договорились, чтобы ты не заходил без предупреждения.

— А что такое — ты не одна, что ли?

— Иэн, у меня нет никакого желания с тобой спорить. — Она ставит сумку, снимает куртку. — Если ты ищешь мой дневник или что-то подобное, то зря тратишь время. Я уже много лет дневник не веду.

— Между прочим, я ищу свои вещи. Мою собственность, знаешь ли, вещи, которые мне принадлежат.

— Ты все свои вещи забрал.

— Мне нужен паспорт. Я его потерял!

— Что ж, могу точно тебе сказать: в моем ящике для нижнего белья его нет. — Он, конечно, придумывает. Она прекрасно знает, что паспорт Иэна никуда не девался — просто ему нужен предлог, чтобы порыться в ее

вещах и показать ей, как ему плохо. — А зачем он тебе? Куда-то собрался? Неужели решил эмигрировать?

Он хмыкает и говорит:

— О, ты наверняка об этом мечтаешь!

— Ну, я бы не возражала, — замечает она, перешагивает через ворох бумаг на полу и садится на кровать.

— Что же, дорогая, тебе не повезло, потому что никуда я не денусь, — произносит он тоном «плохого полицейского». Иэн подошел к исполнению роли брошенного любовника с такой увлеченностью и рвением, которых ему всегда не хватало как комику, и сегодня он явно в ударе. — К тому же мне это не по карману.

Ей хочется его унижить.

— Неужели приглашений на комические вечера в последнее время маловато?

— А ты как думаешь, дорогая? — Он разводит руки в разные стороны, демонстрируя свою небритость, немытые волосы, плохой цвет лица и всем своим видом говоря: «Вот что ты со мной сделала». Эта откровенная демонстрация жалости к себе, шоу одного актера, призванное показать, как ему одиноко, — результат шестимесячной подготовки, но сегодня у Эммы нет настроения на то, чтобы смотреть этот спектакль.

— Что за новая привычка называть меня *дорогая*, Иэн? Не уверена, что мне это нравится.

Он снова принимается за поиски, пробормотав что-то в ящик, возможно даже «Иди к черту, Эм». Может, он пьян? На туалетном столике стоит открытая банка крепкого дешевого пива. Пиво... хорошая идея. Эмма тут же решает напиться как можно скорее. Почему бы и нет? Судя по всему, всем остальным это помогает. Обрадовавшись своей затее, она идет на кухню, чтобы начать.

Иэн следует за ней:

— И где ты была?

— Я же тебе уже сказала. В школе, на репетиции.

— И что репетировали?

— «Багси Мэлоун».^[35] Получается очень смешно. Хочешь пару билетиков на премьеру?

— Нет, спасибо.

— Там будут водяные пистолеты.

— А мне кажется, ты была с мужчиной.

— О, умоляю, опять ты за свое. — Она открывает холодильник. Есть полбутылки вина, но сейчас ее устроит лишь что-нибудь покрепче. — Иэн,

откуда эта одержимость, что у меня кто-то есть? Почему просто не согласиться с тем, что мы друг другу не подходим? — Она с треском дергает дверцу обросшей льдом морозилки. Крошки льда рассыпаются по полу.

— Но это неправда!

— Отлично, как скажешь, тогда давай снова будем вместе! — За пачкой хрустящих блинчиков с мясом, которые хранятся в морозилке с незапамятных времен, лежит бутылка водки. — Ура! — Эмма протягивает блинчики Иэну. — Вот, дарю. Теперь ты их законный опекун. — Захлопнув холодильник, она берет стакан. — И кстати, даже если бы у меня кто-то был, Иэн, что из того? Мы больше не встречаемся, забыл?

— Что-то такое припоминаю. И кто он?

Она наливает в стакан водки на палец:

— Кого ты имеешь в виду?

— Твоего нового приятеля, кого же еще! Можешь все мне рассказать, я не против. — Он презрительно ухмыляется. — Мы ведь по-прежнему друзья.

Эмма делает глоток и наклоняется, уперев локти в стол и прикрыв ладонью глаза. Ледяная жидкость проскальзывает вниз по пищеводу. Проходит пара секунд.

— Мистер Годалминг. Директор школы. У нас роман уже девять месяцев, и, кажется, в основном меня в нем привлекает секс. По правде говоря, нам обоим как-то несолидно заниматься такими вещами. Мне даже стыдно немного. И грустно. Но, как я постоянно себе напоминаю, по крайней мере, у него нет детей! — Она смотрит на дно стакана. — Ну вот, теперь ты все знаешь.

На кухне воцаряется тишина. Наконец Иэн говорит:

— Ты надо мной издеваешься.

— Да ты посмотри в окно, только выгляни, и сам увидишь. Он ждет в машине. Темно-синий «форд-сьерра».

Иэн снова хмыкает — он ей не верит.

— Не смешно, Эмма.

Эмма ставит на стол стакан и делает медленный выдох:

— Да, я знаю. Не смешно. Эту ситуацию никак нельзя назвать смешной, с какой стороны ни посмотри. — Она поворачивается и смотрит ему в лицо. — Я тебе уже говорила, Иэн, ни с кем я не встречаюсь. Ни в кого не влюблена и даже не собираюсь. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

— У меня есть одна теория, — напыжившись, сообщает он.

— Что за теория?
— Я знаю, с кем ты встречаешься.
Она вздыхает:
— И с кем же, Шерлок?
— С Декстером! — торжественно заявляет он.
— О боже... — Эмма допивает оставшуюся в стакане водку.
— Прямо в точку, а?
Она невесело смеется:
— Если бы это было так...
— Это что еще значит?
— Ничего. Иэн, как тебе прекрасно известно, я с Декстером уже несколько месяцев не разговаривала.
— Это ты так говоришь!
— Иэн, ты просто смешон. По-твоему, у меня с ним тайная интрижка, которую мы ото всех скрываем?
— Ну, все улики именно на это указывают.
— Улики? Что еще за улики?
Впервые за весь вечер у Иэна пристыженный вид.
— Твои тетрадки.
Проходит секунда, Эмма отставляет стакан в сторону, чтобы не возникло искушения швырнуть его в Иэна.
— Ты читал мои тетрадки?
— Так, просмотрел одним глазком. Пару раз. За прошлые годы.
— Ах ты, свинья.
— Все эти стишки, десять чудесных дней в Греции, столько страсти, столько желания...
— Да как ты посмел! Как ты посмел читать их тайком!
— Да они повсюду валялись! Сама о чем думала?
— Я думала, что тебе можно доверять и у тебя есть хоть капля достоинства!
— Да мне и читать их не надо было. И так совершенно все ясно с вами двумя...
— Всё, Иэн, моему терпению пришел конец! Ты уже несколько месяцев ноешь и стонешь, гудишь у меня над ухом и торчишь здесь, как побитая собака! Так знай, если еще раз ты появишься без приглашения и начнешь рыться в моих ящиках, то, клянусь, я вызову полицию.
— Валяй! Вызывай! — Он делает шаг ей навстречу, раскинув руки и заполнив собой всю крошечную комнату. — Это и моя квартира тоже, забыла?

— Неужели? Ты ведь ни одного счета не оплатил! Я за все платила из своего кармана! Ты и пальцем не пошевелил, только и знал, что лежать на диване и жалеть себя...

— Неправда!

— А те жалкие гроши, которые зарабатывал, тратил на свои дурацкие киношки и жратву!

— Я тоже оплачивал счета! Когда хватало!

— Но этого было недостаточно! Господи, как же я ненавижу эту квартиру, как ненавижу в ней жить. Я должна уехать отсюда, иначе сойду с ума.

— Это был наш дом! — отчаянно протестует он.

— Я здесь никогда не была счастлива, Иэн. Неужели ты не замечал? Я словно застряла в этой дыре, мы оба застряли. Неужели ты не чувствовал?

Иэн никогда не видел ее такой, не слышал, чтобы она так разговаривала. Он потрясен, глаза круглые, как у насмерть перепуганного ребенка. Спотыкаясь, он подходит к ней.

— Успокойся! — Хватает ее за руку. — Не говори так.

— Отстань от меня! Я не шучу, Иэн! Отстань!

Они кричат друг на друга, и она думает: о боже, мы стали одной из тех ненормальных парочек, которых слышно через стены по ночам: напьются — и давай орать. Кто-нибудь из соседей сейчас наверняка думает: не вызвать ли полицию? И как люди дошли до такой жизни?

— Вон отсюда! — выдыхает она, а он в отчаянии пытается ее обнять. — Верни мне ключи и убирайся, не хочу больше тебя видеть.

А потом, так же неожиданно, они вдруг оба начинают плакать, сидя на полу узкого коридора квартиры, которую купили вместе, надеясь на лучшее. Иэн, закрыв рукой лицо, пытается говорить между всхлипами и вздохами.

— Я больше не могу. Почему это со мной происходит? Это просто ад какой-то. Я в аду, Эм!

— Я знаю. Мне жаль. — Она обнимает его за плечи.

— Почему ты меня не любишь? Почему не можешь просто взять и полюбить меня? Ведь ты когда-то меня любила? В самом начале?

— Конечно.

— Так почему опять не можешь полюбить?

— Ох, Иэн, я просто не могу. Пыталась, но не могу. Прости. Мне очень, очень жаль...

Спустя некоторое время они уже лежат на полу в том же самом месте, точно их прибило к берегу. Она склонила голову ему на плечо, протянула

руку поперек его груди, вдыхая его запах — теплый, уютный, запах, к которому она уже успела привыкнуть. Наконец он говорит:

— Мне пора.

— Да, я тоже так думаю.

Отворачиваясь, чтобы она не видела его красное, опухшее лицо, он садится и кивает в сторону кучи бумаг, тетрадок и фотографий на полу спальни:

— Знаешь, что меня больше всего убивает?

— Что?

— Что у нас нет совместных фотографий. Тех, на которых мы вдвоем. Есть тысячи снимков, где ты с Дексом, а чтобы ты и я вместе — таких почти нет. По крайней мере, за последние годы. Как будто мы просто взяли и решили вместе больше не фотографироваться.

— У нас фотоаппарат дурацкий, — неуверенно произносит она, и Иэн не возражает.

— Извини, — говорит он, — что... вломился вот так, рылся в твоих вещах. Это совершенно недопустимо.

— Прощаю. Только не делай так больше.

— А некоторые твои рассказы ничего, знаешь.

— Спасибо. Хотя ты и не должен был их читать.

— Но почему? Какой смысл скрывать их ото всех? Тебе надо их кому-нибудь показать. Перестать писать только для себя.

— Может, я так и сделаю. Когда-нибудь.

— Я не стихи имею в виду, стихи можешь никому не показывать. Я про рассказы. Они у тебя действительно удачные. У тебя хорошо получается писать. Ты умная.

— Спасибо, Иэн.

Его губы начинают дрожать.

— Неужели тебе и вправду было так плохо? Когда жила здесь со мной?

— Мне было здорово. Просто так получилось, что ты подвернулся под горячую руку.

— Хочешь поговорить?

— А тут и говорить не о чем.

— Понятно.

— Да.

Они смотрят друг на друга и улыбаются. Он стоит у двери, положив одну руку на дверную ручку, но никак не может уйти.

— Хотел спросить еще кое-что.

— Валяй.

— Ты же с ним не встречаешься? С Декстером? А то у меня уже паранойя.

Она вздыхает и качает головой:

— Клянусь жизнью, Иэн. Я не встречаюсь с Декстером.

— Потому что я тут прочитал в газете, что он и его подружка, ну, они расстались, вот и подумал: мы тоже расстались, и он опять свободен...

— Я не видела Декстера уже... очень давно.

— А у вас что-нибудь было? Пока мы были вместе? У тебя и Декстера было что-то, о чем я не знал? Потому что я не вынесу, если...

— Иэн, у меня с Декстером никогда ничего не было, — отвечает она, надеясь, что он уйдет, не задав следующий вопрос.

— Но ты хотела?

Хотела ли она? Пожалуй, иногда. Часто.

— Нет. Нет, не хотела. Мы просто друзья.

— Ладно. Хорошо. — Он смотрит на нее, пытаясь улыбнуться. — Эм, я так по тебе скучаю.

— Знаю.

Он кладет руку на живот:

— Мне так плохо от этого...

— Пройдет.

— Правда? Потому что мне кажется, что я схожу с ума.

— Я тебя понимаю. Но помочь не могу, Иэн.

— Ты всегда могла бы... передумать.

— Не могла бы. И не передумаю. Прости.

— Ну ладно. — Он пожимает плечами и улыбается сжатыми губами — как Стэн Лорел.^[36] — Но спросить-то можно?

— Думаю, вреда не будет.

— Учти, я по-прежнему считаю тебя толстопопой Эммой.

— Сам ты толстопопый, Иэн. — Она улыбается, потому что он ждет от нее такой реакции.

— Что ж, я не буду стоять здесь и спорить с тобой! — Он вздыхает, не в силах больше изображать бодрость, и нажимает на ручку двери. — Ну ладно. Передавай привет миссис Морли. Увидимся.

— До встречи.

— Пока.

— Пока.

Он поворачивается и дергает дверь на себя, делая вид, будто она ударила его по лбу. Эмма невесело смеется, Иэн глубоко вздыхает и уходит. Некоторое время она еще сидит на полу, потом вдруг встает и, полная

внезапной решимости, берет ключи и выходит из квартиры.

Ее окружают звуки летнего вечера в спальном районе: крики и визг, отражающиеся от стен домов. Кое-где еще висят флаги со Дня святого Георгия.^[37] Она шагает по двору. Разве не должна она иметь близкий круг неунывающих подружек, которые помогут преодолеть кризис? Разве не должна она сейчас сидеть на мягком диване в окружении шести или семи модных городских девчонок, разве не в этом смысл жизни в большом городе? Но все ее подруги или живут в двух часах езды от ее дома, или проводят вечер с семьями и бойфрендами. К счастью, отсутствие веселых подруг рядом компенсирует винный магазин со странным и депрессивным названием «Пьем каждый день».

На площадке перед входом малолетние преступники на велосипедах нарезают ленивые круги, но ее уже ничем не испугаешь: она идет им навстречу, глядя прямо перед собой. Выбрав бутылку не очень сомнительного вина, она встает в очередь. У парня, что стоит перед ней, на лице вытатуирована паутина, и, ожидая, пока он отсчитает мелочь на два литра дешевого сидра, она вдруг видит в стеклянном шкафчике покрытую пылью бутылку шампанского.

— Мне еще шампанского, пожалуйста, — говорит Эмма.

Продавец подозрительно на нее смотрит, но видит, что деньги у нее есть — крепко зажаты в ладони.

— Что-то празднуете?

— Да, — отвечает она. — У меня сегодня большой праздник. — А через секунду прибавляет: — И пачку «Мальборо».

Позвякивая бутылками в хлипком пакете, она выходит из магазина и вставляет между губ сигарету, точно это противоядие. И вдруг слышит:

— Мисс Морли?

Эмма испуганно оборачивается.

— Мисс Морли! Я здесь!

И тут она видит Соню Ричардс, ее протеже, ее любимицу, — та вышагивает на длинных ногах. Тощая, вечно обиженная девчонка, что играла Плута Доджера в школьном спектакле, словно преобразилась. Нынешняя Соня — настоящая красавица: высокая, уверенная, с гладко зачесанными волосами. И тут Эмма четко представляет, как выглядит со стороны и какой, должно быть, видит ее Соня: сутулая, с заплаканными глазами, сигаретой во рту на пороге магазина «Пьем каждый день». А ведь она не так давно вдохновляла Соню. Эмма прячет сигарету за спину — какой абсурд!

— Как поживаете, мисс? — Кажется, Соня чувствует себя неловко,

бросает взгляды по сторонам, точно жалеет, что подошла.

— Отлично! Отлично! А у тебя как дела, Соня?

— Хорошо, мисс.

— Как колледж? Все в порядке?

— Да, мне очень нравится.

— В следующем году выпускные экзамены?

— Точно. — Соня украдкой поглядывает на пакет с бутылками и клубы дыма, выходящие за спиной Эммы.

— А потом в университет?

— Надеюсь поступить в Ноттингем. Если наберу баллы.

— Конечно, наберешь. Я уверена.

— И все благодаря вам, — говорит Соня с некоторым сомнением.

Молчание. Эмма в отчаянии приподнимает пакет с вином, указывая на него рукой, в которой держит сигарету:

— А я тут за покупками выбежала!

Соня в растерянности.

— А... Ну ладно, мне пора.

— Хорошо, Соня, так рада была с тобой повидаться! Удачи тебе! Всего самого хорошего! — Но Соня уже ушла, не оглянувшись, и Эмме, не просто учительнице, а вдохновителю юных сердец, остается лишь смотреть ей вслед.

* * *

Позднее тем вечером случается странная вещь. Эмма лежит в полусне на диване — телевизор включен, рядом с диваном стоит пустая бутылка — и вдруг просыпается под голос Декстера Мэйхью. Правда, не понимает ни слова из того, что он говорит: что-то про шутер от первого лица, опцию «мульти» и нон-стоп «стрелялки». Растерянно и испуганно раскрыв глаза, она видит его: он стоит прямо перед ней.

Эмма садится и расплывается в улыбке. Она и раньше видела эту программу. «Правила игры» — ночная передача горячих новостей и обзоров из мира компьютерных игр. Декстер вещает из бутафорской крепости, построенной из пенопластовых глыб и подсвеченной красными лампами; это своего рода чистилище, где игроки с нездоровым цветом лица, ссутулившись, сидят перед гигантским экраном, а Декстер Мэйхью заставляет их жать на кнопки все быстрее и быстрее — и убивать, убивать, убивать.

Игры, или, как их называют, турниры, прерываются обзорами, в ходе которых Декстер и красотка с оранжевыми волосами с серьезным видом обсуждают новинки текущей недели. Может, все дело в том, что у Эммы маленький телевизор, но Декстер выглядит каким-то опухшим, лицо его посерело. Может, все дело в маленьком экране, но ей кажется, чего-то не хватает. Где тот обаятельный парень, которого она знала? Рассказывая о Duke Nukem 3D, [\[38\]](#) он выглядит как-то неуверенно, даже неловко. И все же ее захлестывает волна нежности к Декстеру Мэйхью. В течение десяти лет не было такого дня, чтобы она о нем не думала. Я хочу вернуть своего лучшего друга, думает она, потому что без него все не так и все не слава богу. Надо обязательно позвонить Декстеру, думает Эмма и засыпает.

Только завтра. Завтра первым делом ему позвоню.

Глава 11

Две встречи

Вторник, 15 июля 1997 года

Сохо и южный берег Темзы

- Итак, сначала плохие новости. «Правила игры» закрывают.
- Как это? Ты серьезно?
- Да.
- Хм... Ясно. Хм... А они объяснили почему?
- Нет, Декси, им просто кажется, что они не сумели донести тонкую романтическую притягательность компьютерных игр до ночной аудитории. Руководство канала считает, что программе чего-то не хватает, поэтому и закрывают шоу.
- Понятно.
- И запускают новое, с новым ведущим.
- Под новым названием?
- Нет, название осталось прежнее: «Правила игры».
- Хм... Так значит, это то же шоу.
- Ну, они собираются внести значительные изменения.
- Но шоу-то по-прежнему называется «Правила игры»?
- Да.
- И декорации те же, формат, все остальное?
- Практически.
- Но ведущий другой.
- Да. Ведущий другой.
- И кто же?
- Не знаю. Но точно не ты.
- А они не сказали кто?
- Сказали, возьмут кого-то моложе. Кого-то моложе, так как им нужна более юная аудитория. Больше ничего не знаю.
- В общем, другими словами, меня уволили.
- Что ж, наверное, можно и так сказать, хотя, по их словам, они просто решили выбрать другое направление. Обратное от тебя.

— Ясно. М-да... А хорошие новости?
— Извини?
— Ты сказал, сначала плохие новости — они закрывают программу. А хорошие?
— Это все, Декстер. У меня больше новостей нет.

* * *

В это же время всего в двух милях, на другом берегу Темзы, Эмма Морли и ее старая подруга Стефани Шоу поднимаются в лифте.

— Главное, повторю еще раз, Эмма, не позволяй ей себя запугать.
— С чего это мне ее бояться?
— В издательском бизнесе о ней легенды ходят. У нее та еще репутация.
— Та еще репутация? И с чем это связано?
— Скажем так, она... яркая индивидуальность, — отвечает Стефани Шоу. И добавляет шепотом, хотя, кроме них, в лифте никого нет: — Как редактору ей равных нет, просто она немного... с заскоками, вот.

Следующие двадцать этажей они едут в молчании. Стефани Шоу невообразимо модная, аккуратненькая, в накрахмаленной белой рубашке — нет, не рубашке, а блузке — и узкой черной юбке до колен. Волосы уложены в безупречное маленькое каре, и она совсем не похожа на угрюмую девочку-гота, что много лет назад сидела рядом с ней на лекциях. Эмма с удивлением обнаруживает, что рядом со старой знакомой чувствует себя неуютно: ее смущает ее профессионализм, деловитая манера общения. Ведь Стефани Шоу наверняка приходилось даже увольнять людей! Она теперь наверняка говорит что-то вроде «Сделайте мне копию вот этого документа!». Если бы Эмма так вела себя в школе, ее бы обсмеяли. Эмма стоит в лифте, сцепив руки перед собой, и ей вдруг хочется захихикать. Ей представляется, будто она и Стефани играют в игру под названием «Офис».

На тридцатом этаже дверь лифта открывается. Эмма видит перед собой просторное помещение с высокими затемненными окнами с видом на Темзу и Ламбетский дворец.^[39] Когда она впервые приехала в Лондон и, полная надежд, писала наивные письма издателям, она представляла, как пожилые секретарши в очках со стеклами в форме полумесяца в тесных, старых георгианских особняках разрезают конверты ножами для бумаг с рукояткой из слоновой кости. Но этот офис светлый, стильный, новехонький — образцовое рабочее место современного сотрудника СМИ.

Единственное, что утешает, — горы книг на полу и столах; на первый взгляд кажется, что книги сложены бессистемно и грозят обрушиться. Стефани выходит из лифта, и Эмма следует за ней; повсюду из-за стопок с книгами выглядывают люди, рассматривая новенькую, а она тем временем пытается одновременно идти и снимать куртку.

— Я, конечно, не могу гарантировать, что она всю твою книгу прочла... или вообще ее открывала, раз уж на то пошло, но если она пригласила тебя на встречу, Эм, это уже очень хороший знак, правда.

— Спасибо тебе большое, Стефани.

— Поверь, Эм, твоя книга действительно хороша. Иначе я не стала бы ее ей показывать. Не в моих интересах подсовывать ей всякую чушь.

* * *

Это была история о школьной жизни, романтическая история для детей постарше, действие которой разворачивалось в обычной школе в Лидсе. Что-то вроде подросткового сериала, только более реалистичного, менее приукрашенного; в центре сюжета — репетиции школьного спектакля, «Оливер», а повествование ведется от лица Джули Крисколл, хамоватой сорвиголовы, играющей Плута Доджера. Были в книге и иллюстрации: небрежные рисунки, карикатуры и облачка с саркастическими репликами героев — все как в дневнике тринадцатилетней девчонки, вперемишку с текстом.

Разослав первую часть объемом двадцать тысяч слов, она стала терпеливо ждать, пока не получила отказ от всех издательств. Это был полный набор стандартных фраз: «Не наш формат»; «Извините, ничем не можем помочь»; «Надеемся, в другом издательстве вам больше повезет». Утешал Эмму в этих отказах только их туманный характер; для нее было совершенно очевидно, что ее рукопись никто не читал — ей просто отвечали стандартным письмом. Из всех книг, что она начинала и бросала, эта была единственной, которую после прочтения не хотелось швырнуть через комнату. Эмма знала, что книга хорошая. Но понимала, что придется задействовать связи.

Несмотря на то, что немало ее друзей по колледжу ныне занимали влиятельные посты, она дала себе клятву никогда ни у кого не просить одолжения: дергать за рукав более успешных бывших однокашников было для нее равносильно тому, чтобы просить денег у друзей. Но писем с отказами накопилось уже на целую папку, а, как не уставала напоминать ей

мама, моложе Эмма не становилась. И вот как-то в обеденный перерыв она отыскала пустой класс, сделала глубокий вдох для храбрости и позвонила Стефани Шоу. Они не общались уже три года, но, по крайней мере, между ними всегда существовала взаимная симпатия, и, приятно поговорив о том о сем, Эмма наконец решилась задать вопрос: не согласится ли Стефани кое-что прочитать? Кое-что, что она, Эмма, написала. Пару глав и синопсис дурацкой детской книжки. Про школьный мюзикл.

* * *

И вот она здесь, встречается с издателем — с настоящим издателем! Ее трясет от выпитого кофе, тошнит от волнения, и общему беспокойству способствует также то, что сегодня она была вынуждена «прогулять» работу. А ведь сегодня важное учительское собрание, последнее перед каникулами, а она утром проснулась и, как нерадивый ученик, зажала нос и позвонила секретарю, промямлив что-то про желудочный грипп. Секретарша ей не поверила — это было слышно даже по телефону. Так что теперь жди разноса от мистера Годалминга. Фил будет вне себя от ярости.

Но сейчас ей некогда об этом беспокоиться, потому что они уже подошли к угловому кабинету — занимающему дорогостоящую коммерческую площадь стеклянному кубу, внутри которого спиной к Эмме стоит хрупкая женская фигурка на фоне умопомрачительной панорамы Лондона от собора Святого Павла до здания Парламента.

Стефани показывает на маленький стул у двери:

— Ну вот. Жди здесь. А потом заходи ко мне. Расскажешь, как все прошло. И помни — главное, не бояться...

* * *

— А они не сказали почему? Почему меня уволили?

— Вообще-то, нет.

— Брось, Аарон, скажи.

— Ну, если дословно, то... если дословно, они сказали, что ты выглядишь как человек из тысяча девятьсот восемьдесят девятого года.

— О... О... Хм... Ну да ладно. Пошли они, а?

— Именно, я им то же самое сказал.

— Так прямо и сказал?

— Ну, я ответил, что мне неприятно.
— О'кей. А какие у нас еще варианты?
— Да никаких.
— Никаких?
— Ну, есть та программа, где роботы сражаются, а ты должен... ну, типа объявлять выход роботов.
— А зачем роботам сражаться?
— Что я могу ответить? Такова их природа, наверное. Роботы агрессивны.
— Что-то мне так не кажется.
— Ясно. Ну, тогда, может, передача об авто на канале «Мужчины и машины»?
— Спутниковое ТВ? Издеваешься?
— Спутниковое и кабельное — это наше будущее, Декс.
— А что же национальные каналы?
— Там пока ничего.
— Но есть же что-то для Сьюки Медоуз, есть что-то для Тоби Морей...
В последнее время как телек ни включишь, везде этот чертов Тоби Морей.
— Ну, это же телевидение, Декс. Тоби сейчас в моде. Просто мода такая, понимаешь? Раньше ты был модным, теперь он.
— Я *был* модным?!
— Я не говорю, что ты вышел из моды, нет. Просто у всех бывают взлеты, падения... вот и всё. Мне кажется, тебе надо подумать о смене амплуа. Надо, чтобы люди начали воспринимать тебя иначе. Мы должны изменить твою репутацию.
— Погоди-ка... а у меня есть репутация?

* * *

Эмма сидит на маленьком стуле с обтянутым кожей сиденьем и ждет, и ждет, и смотрит, как все в офисе занимаются своими делами. К стыду своему, она отчасти завидует обитателям этой корпоративной вселенной, которые кажутся такими молодыми и крутыми профессионалами. Но она знает, что завидует всего лишь внешним атрибутам. В этом офисе нет ничего особенного, он ничем не отличается от других, однако по сравнению со средней школой Кромвелл-роуд он выглядит совершенно футуристично: полная противоположность учительской с кружками в пятнах от чая, выдавшей виды мебелью и унылым расписанием дежурств,

атмосферой неприветливости, жалоб и недовольства. Конечно, дети просто замечательные, точнее, некоторые дети и иногда, но в последнее время она все чаще конфликтует с учениками, и это ее все больше тревожит. Недавно ей впервые высказали, что «им всё это не надо», и ей трудно смириться с таким отношением. А может, у нее нет уже прежней сноровки, желания, энергии? Да и натянутые отношения с директором не идут на пользу.

А что, если бы жизнь сложилась иначе? Что, если бы она упорно продолжала писать письма в издательства, когда ей было двадцать два? Могло ли случиться так, что она, Эмма Морли, а не Стефани Шоу, сейчас питалась бы сэндвичами из гастрономического бутика и носила узкие юбки? С недавнего времени ее не оставляло чувство, что жизнь ее вот-вот изменится, потому что так должно случиться, — и, может быть, сегодня и есть тот день, может, эта встреча и есть ее новое начало? В животе снова порхают бабочки от волнения: секретарь кладет трубку и подходит к ней. Марша готова ее принять. Эмма встает, разглаживает юбку, потому что видела по телевизору, что так делают офисные сотрудники, и заходит в стеклянную коробку.

Марша — мисс Фрэнком — высокая, статная женщина с орлиными чертами, что делает ее грозной и похожей на героиню романов Вирджинии Вулф. Ей чуть за сорок; седые волосы коротко пострижены и зачесаны на лоб — советская укладка, — а голос хриплый, командирский. Она встает и протягивает Эмме руку:

— Вы, видимо, у меня на двенадцать тридцать?..

Эмма торопливо отвечает, что да, ей на двенадцать тридцать, хотя на самом деле ей было назначено на двенадцать пятнадцать.

— Sitzen Sie bitte hin,^[40] — говорит Марша.

Почему по-немецки? — думает Эмма. С какой стати она говорит по-немецки? Пожалуй, лучше ей подыграть.

— Danke,^[41] — говорит Эмма, оглядывается, садится на диван и бросает взгляды по сторонам: полки с наградами, книжные обложки в рамках — свидетельства блистательной карьеры. У Эммы вдруг возникает сильная уверенность, что ей здесь не место, что она тут лишняя и лишь зря тратит время этой уважаемой дамы, ведь та издает книги, настоящие книги, которые покупают и читают люди. Да, нелегко находиться рядом с такой женщиной. В комнате повисает молчание; Марша опускает жалюзи и подкручивает их, чтобы из офиса, где работают ее сотрудники, не был виден кабинет. Внутри кабинета становится сумрачно, и у Эммы неожиданно появляется чувство, что она сейчас получит взбучку или ее

начнут допрашивать.

— Извините, что вам пришлось ждать, — говорит Марша, садясь в кресло за рабочий стол, — я сегодня очень занята. Едва удалось найти время. Но мне не хочется принимать поспешных решений. Когда речь идет о таких важных вещах, важно сделать правильный выбор, как вы думаете?

— Просто необходимо. Полностью согласна.

— Итак, давно вы работаете с детьми?

— Дайте подумать... с тысяча девятьсот девяносто третьего года — около пяти лет.

Глаза Марши загораются, и она немного подается вперед:

— И вам нравится ваша работа?

— О да. Ну, по большей части. — Эмме кажется, что она чересчур зажата, чересчур официальна. — Когда они меня не доводят...

— Дети вас доводят?

— Бывает, ведут себя как маленькие поганцы, если честно.

— Да что вы говорите!

— Ну, сами знаете. Хамят и поднимают бучу.

Марша хмурится и откидывается на спинку кресла:

— И что вы тогда делаете, чтобы навести порядок?

— Ну, обычно кидаюсь стульями! Шутка! Да всё как обычно — велю выйти и тому подобное.

— Хм... Понятно. — Марша ничего больше не говорит, но на лице ее написано глубокое неодобрение. Глаза ее возвращаются к бумагам на столе, и Эмма думает, когда наконец-то начнется разговор о ее книге.

— Что ж, — говорит Марша, — должна сказать, ваш английский гораздо лучше, чем я думала.

— Простите?

— Ну, вы так бегло говорите по-английски. Как будто прожили в Англии всю жизнь.

— Но... так и есть.

Марша смотрит на нее раздосадованно:

— Но в вашем резюме другое сказано.

— Не поняла?

— В вашем резюме говорится, что вы немка!

И как ей теперь исправить ситуацию? Притвориться немкой? Ничего хорошего из этого не выйдет. Немецкий она не знает.

— Нет, я англичанка, уж поверьте, — говорит Эмма. И думает: что за резюме? Никакого резюме она не посылала.

Марша качает головой:

— Извините, мы, кажется, не понимаем друг друга. Ведь вы у меня на двенадцать тридцать?

— Да! Думаю да. Или нет?

— Вы няня? Вы насчет работы няней?

* * *

— Погоди-ка... а у меня есть репутация?

— Ну, вроде как. В шоу-бизнесе.

— И что обо мне говорят?

— Ну... тебя считают ненадежным, вот и всё.

— Ненадежным?

— Непрофессионалом.

— Это как понимать?

— Ну, ты выпиваешь. Еле языком ворочаешь на съемочной площадке.

— Эй, да я никогда...

— А еще ты сноб. Люди считают тебя снобом.

— Сноб? Я не сноб, я просто уверен в себе!

— Декс, я просто повторяю, что люди говорят.

— Люди? Что за люди?

— Люди, с которыми ты работал.

— Серьезно? Ну надо же...

— Я вот что хочу сказать. Если тебе кажется, что у тебя проблемы...

— Не кажется.

— ...сейчас самое время обратить на них внимание.

— Но у меня нет проблем.

— Ну значит, мы в шоколаде. А пока дам тебе совет: подсократил бы ты свои траты. По крайней мере, в течение пары ближайших месяцев.

* * *

— Эмма, простите, ради бога...

Она направляется к лифтам со слезами на глазах, сгорая от стыда, Марша идет за ней по пятам, а Стефани семенит за Маршей. Из кабинок выглядывают любопытные, наблюдая за процессией. Так ей и надо, наверное, думают они, нечего строить воздушные замки.

— Простите, что потратила ваше время, — извиняющимся тоном

произносит Марша. — Вам должны были позвонить и отменить встречу...

— Ничего, вы не виноваты, — бормочет Эмма.

— Стоит ли говорить, что моя ассистентка получит по первое число?! Вы уверены, что не получали сообщение? Я не люблю отменять встречи, но у меня просто руки не дошли прочесть вашу рукопись. Я бы сейчас ее бегло просмотрела, но, оказывается, бедняжка Хельга все это время ждала в зале для совещаний...

— Я все понимаю.

— Стефани заверила меня, что вы очень талантливы. Мне очень хотелось бы прочесть ваши работы...

Эмма подходит к лифту и с силой нажимает кнопку вызова:

— Да уж...

— Ну, по крайней мере, будет чем повеселить друзей!

Повеселить друзей? Она тычет в кнопку лифта, точно пытается выколоть глаз. Да не хочет она веселить друзей; она хочет изменить свою жизнь, вырваться из этого болота, а не веселить друзей! Вся ее жизнь — сплошные веселые истории, бесконечная вереница анекдотов, а ей хочется хоть раз сделать что-то стоящее. Хочется добиться успеха или хотя бы надеяться на это.

— Боюсь, на следующей неделе встретиться не получится, я уезжаю в отпуск, поэтому придется подождать. Но до конца лета непременно увидимся, обещаю.

До конца лета? Месяц за месяцем будет идти без изменений. Она снова нажимает кнопку лифта и молчит, как насупившийся ребенок: пусть мучаются. Они ждут. Марша, которую происходит как будто несколько не смущает, изучает ее внимательными синими глазами.

— Скажите, Эмма, а чем вы в данный момент заняты?

— Работаю учительницей английского. В средней школе в Лейтонстоуне.

— Наверное, это очень сложная работа. Как у вас находится время писать?

— Я пишу по вечерам. По выходным. Иногда рано утром.

Марша прищуривается:

— Должно быть, вы действительно увлеченный писатель.

— Это единственное, чем мне сейчас хочется заниматься, — говорит Эмма, не только удивляясь собственной искренности, но и сознавая, что это действительно правда. За ее спиной открываются двери лифта, она смотрит через плечо и почти жалеет, что нужно уходить.

Марша протягивает руку:

— Что ж, мисс Морли, до свидания. С нетерпением жду нашей следующей встречи.

Эмма пожимает ее длинные пальцы:

— А я надеюсь, вы найдете себе няню.

— Я тоже. Последняя оказалась просто психопаткой. Вы-то, конечно, вряд ли согласитесь? Почему-то мне кажется, вы весьма подходите на это место. — Марша улыбается, и Эмма отвечает улыбкой; Стефани за спиной у начальницы закусывает губу, шепчет: «Прости-прости-прости» — и показывает жестом, чтобы звонила.

Двери лифта закрываются; Эмма сползает по стене, кабина падает вниз с высоты тридцати этажей, и Эмма чувствует, как волнение сменяется унылым разочарованием. Сегодня в три часа утра она не могла уснуть и все представляла, как она и ее редактор спонтанно решают вместе пообедать. Вот она пьет холодное белое вино в модном ресторане на крыше небоскреба, развлекая новую знакомую забавными историями из школьной жизни... И вот как вышло — ее вышвырнули на улицу меньше чем через двадцать пять минут после появления в редакции.

В последний раз она была на южном берегу Темзы в мае, праздновала результаты выборов, но теперь от той эйфории даже следа не осталось. Поскольку у нее якобы желудочный грипп, она не может даже пойти на учительское собрание. Ну и что, все равно ее там ждут лишь очередные конфликты, упреки, злые инсинуации. Чтобы развеяться, она решает прогуляться и идет в направлении Тауэрского моста.

Но даже прогулка по Темзе не способна поднять ей настроение. В этой части набережной идет ремонт; всё в лесах и завешено брезентом, а здание электростанции на южном берегу кажется облезлым и унылым в летний полдень. Она проголодалась, но по пути нет ни одного кафе, да и не с кем туда зайти. Звонит телефон; она роется в сумке, обрадовавшись возможности поделиться своим негодованием, и слишком поздно понимает, кто звонит.

— Так, значит, желудочный грипп? — с сарказмом произносит директор школы.

Эмма вздыхает:

— Именно.

— Хочешь сказать, ты лежишь в постели? Однако судя по звукам, ни в какой ты не в постели. Судя по звукам, ты гуляешь на солнышке!

— Фил, прошу... не начинай.

— О нет, мисс Морли, нельзя же иметь все и сразу. Нельзя разорвать наши отношения и ждать от меня поблажек! — Он уже несколько месяцев

говорит с ней таким подчеркнуто вежливым, бесстрастным и презрительным тоном, и она снова испытывает прилив злости оттого, что попала в собственную ловушку. — Если ты хочешь, чтобы наши отношения были исключительно профессиональными, то они и будут исключительно профессиональными! Вот так! Так что скажи на милость — почему пропустила сегодняшнее важное собрание?

— Не надо, Фил, прошу. Я не в настроении...

— Мне не хотелось бы применять к тебе дисциплинарные меры, Эмма...

Она отводит руку с телефоном от уха, пока директор читает нотации. Громоздкий и устаревший, это тот самый телефон, что ей подарил любовник, чтобы «слышать ее голос, когда захочется». Они по этому телефону даже сексом занимались. По крайней мере, Фил.

— Тебя ясно проинформировали, что присутствие на собрании обязательно. Четверть еще не кончилась, знаешь ли.

На мгновение она думает о том, как здорово было бы швырнуть чертов телефон в Темзу. Но сначала ей пришлось бы вынуть сим-карту, а это несколько опозлит символический жест, к тому же такой драматизм бывает только в кино и сериалах. Да и новый телефон ей не по карману.

Ведь с этого момента она безработная.

— Фил?

— Теперь я для тебя мистер Годамминг, не забывай, пожалуйста.

— Ладно. Мистер Годамминг...

— Да, мисс Морли?

— Я увольняюсь.

Он издает фальшивый смешок, который необычайно ее бесит. Она так и видит, как он медленно качает головой.

— Эмма, ты не можешь уволиться!

— Могу. И еще кое-что, мистер Годамминг...

— Эмма?

Ругательство уже готово сорваться с ее губ, но она не может заставить себя произнести его вслух. Вместо этого она с наслаждением мысленно проговаривает бранные слова, прерывает соединение, опускает телефон в сумку и, словно опьянев от волнения и страха перед будущим, шагает дальше на восток по набережной Темзы.

— Извини, не могу угостить тебя обедом, у меня встреча с другим клиентом.

— Ничего страшного. Спасибо, Аарон.

— Как-нибудь в другой раз, Декси. Что с тобой? Ты как-то приуныл, приятель.

— Да нет, все в порядке. Просто немного встревожен.

— По какому поводу?

— Ну, знаешь, по поводу будущего. Моей карьеры. Я совсем не того ожидал.

— Ну а разве бывает иначе? Это же твое будущее. Это и делает жизнь такой интересной, черт возьми! Эй, поди сюда. Я сказал, подойди! У меня на твой счет есть одна теория, приятель. Хочешь услышать?

— Валяй.

— Ты нравишься людям, Декс, правда. Проблема в том, что они не воспринимают тебя всерьез: это такая любовь-насмешка, любовь-ненависть. Вот если бы заставить их полюбить тебя искренне...

Глава 12

Я люблю тебя

Среда, 15 июля 1998 года

Чичестер, графство Суссекс

Декстер и сам не заметил, как это произошло, просто в один прекрасный день проснулся и понял, что влюблен, и жизнь превратилась в сплошной праздник.

Сильви Коуп. Ее зовут Сильви Коуп — прекрасное имя, и если кто-нибудь просит его рассказать о ней, он качает головой, выдыхает и говорит, что она потрясающая, просто удивительная. Она красива, разумеется, но не так, как другие, — не как пустышка с обложки мужского журнала вроде Сьюки Медоуз или Наоми, Ингрид, Иоланды, которые красивы лишь потому, что одеты по последней моде. Нет, ее красота спокойная, классическая; будь он по-прежнему телеведущим, то сказал бы, что у нее есть «класс», или даже назвал бы ее «иконкой стиля». Длинные прямые светлые волосы со строгим прямым пробором; мелкие, аккуратные черты бледного лица в форме сердечка, идеально пропорциональные. Она напоминает ему героиню картины, название которой он не может вспомнить: это какое-то средневековое полотно, женщина с цветами в волосах. Вот такая она, Сильви Коуп; женщина, которая выглядела бы вполне уместно рядом с единорогом, обнимая его за шею. Высокая, стройная, немного суровая, часто серьезная — у нее редко меняется выражение лица, — она лишь хмурится или изредка обращает к небу глаза, когда он скажет или сделает какую-нибудь глупость. Сильви идеальна, и она требует того же от других.

У нее чуть-чуть, самую чуточку, оттопыренные уши, и оттого, когда свет падает сзади, они светятся коралловым светом, как и пушок на ее щеках и висках. В другой жизни, когда внешность много для него значила, эти детали — красные уши, пушок на висках — могли бы показаться ему отвратительными. Но когда он смотрит на нее сейчас — она сидит напротив него за столом на английской лужайке в самый разгар лета, подперев подбородок рукой с длинными пальцами, над ними летают

ласточки, а пламя свечей освещает ее лицо, прямо как на полотнах того самого художника, который любил рисовать одну свечу, — он словно загипнотизирован ее красотой. Она улыбается, глядя на него через стол, и он решает, что сегодня вечером признается ей в любви. Раньше он никогда никому не говорил «я тебя люблю», по крайней мере искренне и трезвым. Он говорил «ведь я люблю тебя, чертова стерва», но ведь это совсем другое; Декстер чувствует, что именно сейчас пришло время произнести «я тебя люблю». Он так занят обдумыванием своего плана, что на мгновение теряет нить разговора.

— Так чем вы занимаетесь, Декстер? — спрашивает мать Сильви, сидящая на дальнем конце стола. Хелен Коуп — холодная, похожая на птицу женщина в бежевом кашемире.

Декстер не слышит и продолжает смотреть на Сильви; та предупреждающе вскидывает брови:

— Декстер?

— Хм?..

— Мамочка задала тебе вопрос.

— Извините, я задумался.

— Он телеведущий, — говорит Сэм, один из братьев-близнецов Сильви. Сэму девятнадцать, у него спина капитана команды по гребле, самодовольная фашистская физиономия, и он копия своего братца Мюррея.

— Или *бывший* телеведущий? — с ухмылкой прибавляет Мюррей, и оба братца встряхивают своими пепельными челками. Атлетичные, гладколицые, голубоглазые — они выглядят так, будто их вырастили в лаборатории.

— Мамочка не тебя спрашивала, Мюррей, — произносит Сильви сквозь стиснутые зубы.

— Ну, я все еще телеведущий, в некотором роде, — говорит Декстер и думает: я еще до вас доберусь, маленькие ублюдки. У Декстера с близнецами и раньше были стычки, еще в Лондоне. Своими ухмылками и перемигиваниями они ясно продемонстрировали, что не слишком высокого мнения о новом приятеле сестрички, что она могла бы найти кого и получше. Семейство Коупов принадлежит к той категории людей, которые всегда выигрывают и признают лишь подобных себе. А Декстер всего лишь очаровательный молодой мужчина, бывшая знаменитость, опальный шут. За столом воцаряется молчание. Или от него ждут ответа?

— Извините, какой был вопрос? — спрашивает Декстер, растерявшись на мгновение, но полный решимости вернуться в седло.

— Я спрашивала о вашей нынешней работе, — терпеливо отвечает

миссис Коуп, ясно показывая, что тестирует Декстера как кандидата на пост нового бойфренда Сильви.

— Вообще-то, я работал над парой новых программ. Сейчас мы как раз ждем, какую из них выберут.

— И о чем они, эти программы?

— Одна о лондонской клубной жизни — из категории «что творится в столице», а вторая спортивная. Об экстремальных видах спорта.

— Экстремальные виды спорта? Что это значит?

— Ну, горный велосипед, сноуборд, скейтборд...

— А ты сам-то занимаешься хоть каким-нибудь экстремальным спортом? — с ухмылкой спрашивает Мюррей.

— Ну, я немного занимаюсь скейтбордингом, — сдерживая злость, отвечает Декстер и замечает, что Сэм, сидящий по другую сторону стола, запихивает салфетку себе в рот.

— Могли ли мы видеть вас на Би-би-си? — спрашивает Лайонел, отец Сильви. Лайонел — красивый, полный, самодовольный мужчина, как ни странно, все еще блондин, хотя ему уже под шестьдесят.

— Не думаю. Мои программы обычно транслируют поздно ночью. — «Программы транслируют», «немного занимаюсь скейтбордингом»... Господи, что он такое несет? В присутствии Коупов он почему-то ведет себя так, будто находится на съемках фильма о жизни викторианской Англии. «Да, сэр, программы транслируют...» Но раз так надо, значит, надо.

Мюррей, второй близнец, — а может, Сэм? — говорит с полным ртом салата:

— А мы в детстве смотрели это твое шоу, «зашибись!». Там еще все время матом ругались и девки танцевали в клетках. Помнишь, мам, ты нам еще запрещала его смотреть?

— О боже, это шоу? — миссис Коуп хмурится. — Что-то припоминаю, смутно.

— Да ты его просто терпеть не могла, — говорит Мюррей или Сэм.

— «Выключите немедленно!» — кричала ты, — добавляет второй близнец. — «Выключите! Вы повредите себе мозги!»

— Забавно, моя мать говорила то же самое, — замечает Декстер, но все его игнорируют, и он тянется за бутылкой.

— Так это были вы? — Отец Сильви выгибает брови, словно джентльмен за его столом вдруг оказался грубияном.

— Да, я, но этим же все не ограничивалось. Я, например, брал интервью у рок-групп и кинозвезд. — Он думает, не кажутся ли со стороны

хвастовством его разговоры о рок-группах и кинозвездах, но не успевает понять — близнецы обрушивают на него новый удар.

— Ну и как, по-прежнему тусуешься с кинозвездами? — говорит с притворным восторгом один арийский ублюдок.

Декстер решает ответить честно, но без сожалений и жалости к себе:

— Да нет. Уже нет. Это все... в прошлом.

— Декстер скромничает, — подает голос Сильви. — Ему постоянно делают новые предложения. Просто он очень разборчив, что касается экранной работы. А на самом деле он хочет быть продюсером... У Декстера своя продюсерская компания! — гордо добавляет она, и родители кивают с одобрением. Бизнесмен, предприниматель — такое амплуа им гораздо больше по вкусу.

Декстер тоже улыбается, но от правды не убежишь: в последнее время предложений у него раз-два и обчелся. У «Мэйхем ТВ» так и не появилось ни одного клиента, даже ни одного потенциального клиента — компания по-прежнему существует лишь в виде логотипа на дорогой бумаге. Его агент Аарон его бросил. Нет ни заказов на озвучку роликов, ни на рекламу, даже приглашения на премьеры приходят все реже. Он больше не является лицом элитного сидра, его членство в покерном клубе незаметно приостановили, и даже парень, что играет на барабанах в *Jamiroquai*, больше не звонит. Тем не менее, несмотря на все это, несмотря на все неудачи в карьере, он чувствует себя хорошо, потому что влюблен в Сильви, прекрасную Сильви, и на выходные они всегда куда-нибудь уезжают.

Выходные обычно начинаются и заканчиваются в аэропорту Стэнстед, откуда они летят в Геную или Бухарест, Рим или Рейкьявик. Сильви планирует эти поездки с точностью военного вторжения. Поразительно красивая пара из европейской столицы, они останавливаются в эксклюзивных маленьких отелях-бутиках, гуляют и ходят по магазинам, ходят по магазинам и гуляют, пьют черный кофе из крошечных чашечек в уличных кафе, а потом запираются в роскошном номере, отделанном в естественных тонах, обставленном в минималистском стиле, с неременной душевой кабиной и стеблем бамбука в высокой узкой вазе.

Свободные от прогулок по маленьким частным лавкам крупных европейских городов вечера они проводят в Западном Лондоне с друзьями Сильви — хрупкими, красивыми девушками с высокомерным лицом и их розовощекими толстозадymi бойфрендами, которые, как и Сильви и ее подружки, работают в сфере маркетинга или рекламы в Сити. По правде говоря, эти суперуверенные в себе супербойфренды ее подружек не совсем

в его вкусе. Они напоминают ему старост и отличников из его колледжа: не то чтобы с ними было неприятно общаться, просто они совсем не отвязные. Но ничего. Нельзя же всю жизнь тусоваться, да и потом, более упорядоченный и спокойный образ жизни тоже имеет свои преимущества.

Благопристойность и пьяный угар не слишком сочетаются, поэтому, за исключением одного бокала шампанского и вина за ужином, Сильви не пьет. Она также не курит, не употребляет наркотики, не ест красное мясо, хлеб, рафинированный сахар и картофель. Но самое главное, она не терпит, когда Декстер напивается. Его слава знаменитого мастера по коктейлям для нее ничего не значит. Для нее опьянение — это стыд, недостойный мужчины, и Декстер уже не раз оказывался в одиночестве в конце вечера всего лишь из-за третьего по счету martinis. Хотя вслух Сильви никогда об этом не заговаривала, его поставили перед выбором: или ты бросаешь пить и разбираешься со своими проблемами, или до свидания. Поэтому в последнее время его все реже мучает похмелье, все реже у него идет носом кровь и все реже по утрам он испытывает угрызения совести и ненавидит себя. Он больше не ложится спать с бутылкой красного на случай, если ночью захочется пить, и за это он благодарен Сильви. Он чувствует себя новым человеком.

Но самое удивительное в Сильви то, что она нравится ему больше, чем он ей. Ему по душе ее прямота, ее уверенность и самообладание. Ее беспощадная, не терпящая извинений амбициозность и вкус ко всему дорогому и безупречному. Разумеется, ему нравится, как она выглядит и как они выглядят вместе, но он также любит ее за полное отсутствие сентиментальности; она тверда, прекрасна и желанна, как алмаз, и впервые в жизни он выступает в роли охотника. На первом свидании в разорительно дорогом французском ресторане в Челси он вслух поинтересовался, хорошо ли она проводит время. Прекрасно, ответила она; просто она не любит смеяться на людях, потому что от смеха появляются морщины. И хотя при этих словах у него по коже пробежал холодок, он также проникся уважением к ее твердости.

Этот первый визит в дом ее родителей — часть долгого уик-энда. Они заехали в Чичестер, а потом двинутся дальше по шоссе М3 и снимут коттедж на полуострове Корнуэлл, где Сильви будет учить его кататься на сёрфе. Конечно, ему не стоит брать столько выходных, нужно работать или искать работу. Но, представив Сильви, такую суровую и покрасневшую, в гидрокостюме и с волосами, стянутыми в хвостик, он не может удержаться. Он смотрит на нее, словно спрашивая, какое произвел впечатление, и она ободряюще улыбается. Пока все нормально; он наливает

себе последний бокал вина. Слишком много пить нельзя. С такими людьми надо всегда быть собранным.

После десерта — сорбе с клубникой из их собственного сада, которое он нахваливал на все лады, — Декстер помогает Сильви отнести тарелки в дом, особняк из красного кирпича, похожий на навороченный кукольный домик. Они стоят в кухне, отделанной в викторианском стиле, и загружают посуду в посудомоечную машину.

— Я все время путаю твоих братьев.

— Я их так различаю: Сэм злобный, а Мюррей гадкий.

— Кажется, я им не очень нравлюсь.

— Им никто не нравится, кроме собственной персоны.

— По-моему, они считают меня выскочкой.

Она протягивает руку поверх корзинки со столовыми приборами и берет его ладонь:

— Так ли важно, что о тебе думают мои родственники?

— Не знаю. А тебе важно, что обо мне думают твои родственники?

— Пожалуй, отчасти.

— Значит, и мне, — говорит он совершенно искренне.

Она замирает и пристально на него смотрит. Сильви не любит ни смеяться на людях, ни публично демонстрировать привязанность — объятия и прочие телячьи нежности. Секс с ней похож на особо сложную партию в сквош: когда все заканчивается, у него болят все мышцы и обычно возникает ощущение, что он проиграл. Физический контакт между ними редок, но когда это все же случается, это происходит неожиданно и развивается стремительно, словно разворачивается пружина. Как сейчас: Сильви вдруг кладет одну руку ему на затылок и крепко целует, одновременно схватив другой рукой его руку и просунув ее себе между ног. Он смотрит ей в глаза — они широко раскрыты, полны чувства — и придает подобающее выражение своему лицу, обозначающее страсть, а не боль оттого, что ему прищемило ногу дверцей посудомоечной машины. Он слышит, как родственники Сильви заходят в дом; грубые голоса близнецов гремят в коридоре. Пытается отстраниться, но его нижняя губа крепко зажата меж зубами Сильви и комично оттягивается, как в диснеевском мультфильме. Декстер стонет от боли, и Сильви смеется и отпускает его губу — та, как роликовая штора, со шлепком возвращается на место.

— Не могу дождаться, когда мы окажемся в постели, — шепчет Сильви, а он проверяет, не идет ли из губы кровь.

— Что, если твои услышат?

— А мне все равно. Я уже большая. — Он думает, не признаться ли ей

в любви прямо сейчас. — Боже, Декстер, нельзя прямо так класть кастрюли в машину, их надо сначала сполоснуть! — Она идет в гостиную, предоставив ему споласкивать кастрюли.

Декстер не робкого десятка, но есть что-то в этом семействе с их самодовольством и самодостаточностью, что заставляет его занять оборонительную позицию. Дело даже не в положении — он и сам выходец из привилегированных кругов, разве что его семья куда более богемная и либеральная, чем консерваторы Коупы. Нет, ему не дает покоя то, что здесь он словно обязан доказывать, что он не неудачник. Коупы из тех, кто встает с рассветом, совершает горные прогулки и озерные заплывы; они здоровые, энергичные, лучшие во всем, и он решает, что не даст им себя запугать.

Когда он входит в гостиную, близнецы поворачиваются к нему и тут же замолкают, точно они его обсуждали. Он уверенно улыбается и садится на один из диванов с цветочной обивкой. Гостиная обставлена в стиле загородного отеля, здесь даже журналы разложены веером на кофейном столике: «Загородная жизнь», «Частный детектив», «Экономист»... Воцаряется тишина. Слышно, как тикают часы, и Декстер уже собирается полистать «Домашний очаг», но в этот момент Мюррей говорит:

— А давайте сыграем в «Мориарти»!

Все члены семьи, включая Сильви, издают возглас одобрения.

— Что за «Мориарти»? — спрашивает Декстер, и Коупы дружно качают головой, осуждая невежество чужака.

— Это замечательная, просто замечательная домашняя игра! — говорит Хелен. Декстер за весь вечер ни разу не видел ее такой возбужденной. — Мы столько лет в нее играем! — Тем временем Сэм сворачивает «Дейли телеграф» в жесткую продолговатую трубочку. — Правила вкратце такие: одному из играющих завязывают глаза и дают свернутую газету. Он становится на колени напротив второго...

— ...у которого тоже завязаны глаза, — подхватывает Мюррей, одновременно роясь в ящиках антикварного письменного стола в поисках клейкой ленты. — И тот, у кого свернутая газета, говорит:

«Ты здесь, Мориарти?» — Мюррей бросает скотч Сэму.

— И второй должен отклониться или увернуться и ответить: «Да!» или «Здесь!» — Сэм сворачивает газету плотным рулоном. — И, ориентируясь на звук, надо попытаться ударить соперника свернутой газетой!

— Всего дается три попытки, и если все три раза промахнешься, становишься тем, кого должен ударить следующий игрок, — заключает Сильви в полном восторге от того, что им предстоит сыграть в эту викторианскую игру. — А если удастся побить соперника, то сам

выбираешь себе следующую жертву. По крайней мере, мы играем именно так.

— Итак. — Мюррей похлопывает себя по ладони бумажной дубинкой. — Как тебе такой экстремальный вид спорта?

Общим решением Сэм объявляется ведущим, а чужак, то есть Декстер, — его жертвой; дубинка, разумеется, достается Сэму. Полем битвы становится большой выцветший ковер посреди гостиной, и Сильви отводит Декстера на место, становится сзади и завязывает ему глаза большой белой салфеткой — настоящая принцесса, оказывающая любезность верному рыцарю. Декстер в последний раз смотрит на Сэма, который стоит на коленях напротив него и ухмыляется с завязанными глазами, похлопывая свернутой газетой по ладони, и вдруг понимает, что должен во что бы то ни стало выиграть эту игру и доказать этой семье, чего он стоит. «Покажи им», — шепчет Сильви, обдавая его ухо своим горячим дыханием, и он вспоминает кухню, свою руку у между ног у Сильвии. Она берет его за локоть и помогает ему опуститься на колени; теперь игроки стоят напротив друг друга в тишине, как гладиаторы на арене, устланной персидским ковром.

— Начнем игру! — объявляет Лайонел тоном императора.

— Ты здесь, Мориарти? — с усмешкой произносит Сэм.

— Здесь, — отвечает Декстер и отклоняется назад, как танцор лимбо.

Первый удар приходится ему прямо под глаз. «Ууу! Ой!» — восклицают Коупы, смеясь над его болью.

— Больно, наверное, — издевательски замечает Мюррей, но Декстер добродушно и громко смеется, словно говоря: «Вот парень молодец!», — хотя испытывает сильнейшее унижение.

— Задел-таки! — говорит он, потирая щеку.

Сэм, уже учуявший запах крови, снова спрашивает:

— Ты здесь, Мориарти?

— Зде...

Не успевает Декстер пошевелиться, как дубинка ударяет его по ягодице. Он вздрагивает и валится набок; Коупы снова покатываются со смеху, а Сэм тихо шипит: «О да».

— Умница, Сэмми, — говорит мамочка, гордясь своим сыночком, и Декстер вдруг понимает, что ненавидит эту долбаную идиотскую игру, которая, видимо, является в этой семейке извращенцев чем-то вроде ритуального унижения.

— Два ноль в твою пользу, — гогочет Мюррей. — Молодец, братишка. Я вам обоим покажу, братишки, думает Декстер, кипя от ярости. Ведь

больше всего он ненавидит, когда над ним смеются, а эта семейка вдобавок ко всему явно считает его неудачником, прогоревшим и недостойным звания бойфренда их драгоценной Сильви.

— Кажется, я понял, в чем смысл этой игры, — со смехом произносит он, призывая на помощь свое чувство юмора и одновременно мечтая расквасить Сэму физиономию кулаком...

— Приготовьтесь, сейчас что-то будет, — снова говорит Мюррей своим издевательским голоском.

...или сковородой, тяжелой чугунной сковородкой...

— Я думаю, три ноль у нас в кармане.

...или молотком, или лучше кувалдой...

— Ты здесь, Мориарти? — спрашивает Сэм.

— Здесь! — отвечает Декстер и, как ниндзя, выгибается в талии, наклонившись вправо.

В третий раз Сэм ударяет его сверху по плечу свернутой газетой, как кинжалом; Декстер падает спиной на кофейный столик. Удар так силен и точен, что он не сомневается: Сэм подглядывает; но, сорвав повязку, чтобы уличить его в жульничестве, он видит перед собой лишь Сильви, которая склонилась над ним и смеется, смеется от души, несмотря на то что от смеха появляются морщины.

— Вот это удар! Стопроцентное попадание! — визжит нацистский ублюдок Мюррей. Декстер поднимается на ноги, сделав радостную гримасу. Ему снисходительно аплодируют.

— УРРРААААА! — вопит Сэм, оскалившись, краснея и победно ударяя себя кулаками в грудь.

— Может, в следующий раз больше повезет! — утешает Декстера Хелен, кровожадная римская императрица.

— Ты еще научишься, — смеется Лайонел, а Декстер в ярости замечает, что близнецы прикладывают ко лбу руку, изображая большим и указательным пальцами букву «L». Неудачник. ^[42]

— Я все равно тобой горжусь, — мурлычет Сильви, взъерошив его волосы и похлопав по колену. Он падает на диван с ней рядом. Разве она не должна быть на его стороне? Когда дело доходит до лояльности, она все равно остается одной из них.

Турнир продолжается. Мюррей шлепает Сэмюэла, Лайонел шлепает Мюррея, затем его побивает Хелен, и все это происходит в радостной, веселой атмосфере — все эти тычки и шлепки свернутой в трубку газетой. Когда он, Декстер, получал по лицу твердой, как деревяшка, газетой, Коупы не были такими добродушными. Утонув глубоко в мягком диване, он

смотрит на них, насупившись, и в качестве мести молча решает опустошить бутылку лучшего кларета Лайонела. Было время, когда Декстер был способен с юмором воспринимать такие вещи. Будь ему двадцать три, он был бы более уверен, обаятелен, не сомневался бы в своих силах; но теперь эти качества куда-то делись, и по мере того, как бутылка пустеет, его настроение ухудшается.

Затем Хелен побеждает Мюррея, Сэм выигрывает у Хелен, и вот настает черед Сэма бить сестру. Декстер не без удовольствия и гордости наблюдает, как ловко играет Сильви; она легко увертывается от отчаянно пытающегося ее задеть брата — такая гибкая, спортивная, его золотая девочка. Он смотрит с улыбкой, устроившись на диване, и уже думает, что о нем все забыли. Но тут Сильви протягивает ему газету со словами:

— Иди сюда. Твоя очередь!

— Но ты же выиграла!

— Знаю, но ты еще ни разу не был ведущим, бедняжка. — Она жалостливо морщит губы. — Давай. Попробуй. Побей меня!

Коупы в восторге — они издают нечто вроде глухого звериного рыка, демонстрируя свое возбуждение, которое, как это ни отвратительно, сродни сексуальному. Он понимает, что у него нет выбора. На карту поставлена его честь, честь рода Мэйхью. Декстер торжественно опускает стакан, встает и берет газету.

— Ты уверена? — спрашивает он, опускаясь на колени на расстоянии вытянутой руки. — Ведь я неплохо играю в теннис.

— О, я-то уверена, — отвечает она, провокационно улыбаясь и встряхивая запястьями, как гимнастка. Мюррей завязывает ей глаза.

— И кажется, у меня должно получиться, — добавляет Декстер.

За его спиной Сэм затягивает повязку, как жгут, говоря:

— Сейчас увидим.

На арене воцаряется тишина.

— Готова? — спрашивает Декстер.

— О да.

Он сжимает свернутую газету обеими руками, подняв их на уровень плеч.

— Уверена?

— Если ты готов, то и я...

На секунду перед внутренним взором Декстера возникает образ бейсболиста на поле, и он наносит мощнейший удар сверху вниз по диагонали, сопровождаемый громким свистом. Из-за того, что глаза завязаны, сила удара кажется огромной; вибрация проходит по обеим рукам

и отдается в груди. За ударом следует секунда немой тишины, и Декстеру на мгновение кажется, что он все сделал просто замечательно. А потом он слышит треск, и Коупы с ужасом вскрикивают:

— СИЛЬВИ!

— О боже!

— Дорогая, милая, с тобой все в порядке?

Декстер срывает повязку и видит, что Сильви каким-то образом оказалась в дальнем углу комнаты; она лежит у камина, как марионетка, которой обрезали все ниточки. Глаза широко раскрыты и моргают, а ладонь закрывает лицо, но он все равно видит темную струйку крови, вытекающую у нее из носа. Она тихо постанывает.

— Господи, Сильви, извини! — Он вскакивает и устремляется через комнату, но семейство уже окружило ее плотным кольцом.

— Господи, Декстер, о чем ты только думал? — рычит побагровевший Лайонел, вытянувшись в полный рост.

— Ты не спросил «Ты здесь, Мориарти»!!! — визжит мать Сильви из центра стаи.

— Не спросил? Извините...

— Нет, ты просто набросился на нее как ненормальный!

— Как сумасшедший...

— Извините. Извините, я забыл... Я был...

— Пьян! — вопит Сэмюэл. Слова висят в воздухе. — Ты пьян, чувак. Да ты в стельку!

Все оборачиваются и злобно сверкают на него глазами.

— Это случайность. Наверное, просто задел лицо не под тем углом.

Сильви дергает Хелен за рукав.

— Очень страшно выглядит? — чуть не плача, спрашивает она, медленно отведя ладонь от лица. Ее нос похож на шарик клубничного сорбе.

— Не так уж плохо, — выдыхает Хелен и зажимает рот рукой. Сильви морщится и начинает плакать.

— Дайте мне посмотреть! Дайте мне посмотреть! Отведите в ванную! — хнычет она, и Коупы помогают ей подняться.

— Это просто дурацкий несчастный случай... — говорит Декстер. Сильви проходит мимо него, держась за руку матери и глядя прямо перед собой. — Хочешь, я тоже с тобой пойду? Сильви? Сильви? — Ему никто не отвечает, и он с жалким видом смотрит, как мать ведет ее по коридору и по лестнице в ванную.

Шаги затихают.

Декстер остался наедине с мужской частью семейства Коупов. Те злобно зыркают на него, как неандертальцы. Он инстинктивно сжимает в кулаке свое единственное оружие, плотно свернутый экземпляр сегодняшней «Дейли телеграф», и говорит единственное, что приходит в голову:

— Больно, наверное.

* * *

— Ну, как думаешь, произвел я хорошее впечатление?

Декстер и Сильви лежат на большой мягкой двуспальной кровати в гостевой комнате. Сильви обращает к нему лицо: маленький тонкий носик смотрит на него обвиняющим красным пятном. Она презрительно фыркает, но ничего не отвечает.

— Хочешь, чтобы я еще раз извинился?

— Декстер, все в порядке.

— Ты меня прощаешь?

— Прощаю.

— И по-твоему, они считают меня нормальным, а не каким-то там агрессивным психопатом или вроде того?

— По-моему, они считают тебя нормальным. Давай забудем об этом, ладно? — Она поворачивается к нему спиной и выключает лампу со своей стороны кровати.

Проходит минута. Как пристыженный школьник, он чувствует, что не сможет заснуть, если она еще раз не подтвердит, что все в порядке.

— Извини, что... облажался, — произносит он виноватым тоном. — В который раз!

Она опять поворачивается и нежно гладит его по щеке:

— Не говори глупости. Все было хорошо, пока ты меня не ударил. Ты им очень, очень понравился.

— А ты-то что обо мне теперь думаешь? — спрашивает он, по-прежнему сомневаясь.

Сильви вздыхает и улыбается:

— Я думаю, что все в порядке.

— Тогда, может, поцелуешь меня?

— Не могу. Кровь из носа пойдет. Завтра тебе компенсирую.

Сильви треплет его волосы и снова отворачивается. Довольный, он сползает ниже по кровати и кладет руки за голову. Кровать действительно

огромная; она мягкая, белье пахнет свежестью, а за открытым окном стоит спокойная летняя ночь. Сбросив одеяла и покрывала, они лежат под белой хлопковой простыней, под которой виднеется изящный контур ног и узких бедер Сильви, изгиб ее длинной, гладкой спины. Надежды на секс испарились в тот самый момент, когда он нанес удар, да и есть угроза сотрясения мозга, но он все же поворачивается и кладет руку на ее бедро под простыней. Кожа у нее прохладная, гладкая.

— Нам завтра долго ехать, — бормочет она. — Давай спать.

Он смотрит на ее затылок: длинные тонкие волосы падают на подушку, открывая более темные завитки. Какой получился бы кадр, думает он, как красиво. Похоже на кадр из его проекта «Текстуры». Может, все-таки признаться ей в любви, только не прямо, например, сказать «Кажется, я в тебя влюбился»? Это и трогательнее, и меньше обязывает. Но нет, не время; не сейчас, когда на ее тумбочке все еще лежит кусок пропитанной кровью ваты.

Но Декстер все-таки чувствует, что должен хоть что-то сказать. Вдруг исполнившись вдохновения, он целует Сильви в плечо и шепчет:

— Знаешь, как говорят? — Он умолкает. Сделав паузу для эффекта, добавляет: — «Люди всегда причиняют боль тем, кого любят!»

Как это остроумно, как трогательно, думает он; но она не отвечает, а он, подняв брови, ждет, пока не понимает, что реакции не последует.

— Давай спать, ладно? — говорит она.

Чувствуя обиду, он ложится на спину и слушает тихий гул, доносящийся с шоссе A259. Где-то в другой комнате ее родители сейчас наверняка перебивают ему кости, и он, к своему ужасу, понимает, что ему хочется засмеяться. Он начинает похихикивать, затем смеется, пытаясь делать это тихо; но тело его трясется, и матрас под ним тоже.

— Ты что, смеешься? — бормочет Сильви в подушку.

— Нет! — отвечает Декстер и жмурится, чтобы сдержаться, но смех накатывает волнами, и он чувствует приближение очередного приступа хохота, поднимающегося из живота. В будущем всегда настает такой момент, когда даже самое ужасное происшествие из прошлого становится всего лишь забавным случаем из жизни, и он понимает, что это как раз такой случай. Одна из тех историй, которую он хотел бы рассказать Эмме Морли. Но он не знает, где сейчас Эмма Морли и чем она занята; они не виделись уже почти два года.

Надо запомнить этот случай. Когда-нибудь он расскажет о нем Эмме.

Декстер снова начинает смеяться.

Глава 13

Третья волна

Четверг, 15 июля 1999 года

Сомерсет

И вот они посыпались. Роскошные конверты из тисненой бумаги ложились на коврик неиссякаемым потоком. Свадебные приглашения.

Это была далеко не первая волна. Кое-кто из их ровесников стали мужем и женой еще в университете, но то были балаганные студенческие пирушки, пародия на взрослую свадьбу, что-то вроде шуточных студенческих «званных обедов», когда все наряжались в вечерние платья и ели макаронную запеканку с тунцом. Вместо свадебных приемов устраивали пикники в местном парке, гости являлись в костюмах и бальных платьях из секонд-хенда, а потом все шли в паб. На свадебных фотографиях тех лет невеста с женихом обычно изображены чокающимися кружками пива; невеста при этом могла сжимать сигарету густо накрашенными красной помадой губами. Да и свадебные подарки были скромными: сборник модной музыки на кассете, долгоиграющая пластинка, фотоколлаж в дешевой рамке, набор свечей. Университетская свадьба была чем-то вроде забавной выходки, бунтарства в легкой форме — это было равносильно тому, чтобы сделать маленькую татуировку, которую никто никогда не увидит, или обрить голову в знак протеста.

Второй волне, свадьбам двадцатипятилетних, еще удалось сохранить кое-что от той непринужденной, домашней атмосферы. Гости собирались в местных клубах и родительских садах, свадебные обеты писали сами, ни в коем случае не приплетая религию, и кто-то неизменно читал то стихотворение о дожде, у которого слишком маленькие ладошки.^[43] Но прагматизм уже тогда начал показывать свое холодное и жесткое лицо. Идея «реестра свадебных подарков» уже витала в воздухе.

Пожалуй, в будущем следует ожидать и четвертой волны — волны вторых браков, не то радостных, не то грустных событий, все участники которых испытывают легкий дискомфорт и спешат свернуть праздник к половине десятого, чтобы не утомились многочисленные дети. «Мы не

хотели устраивать ничего грандиозного, — обычно говорят в таких случаях жених с невестой. — Просто повод для маленькой вечеринки». Но в данный момент, в этом году, на взлете третья волна — третья волна, которой до сих пор не было равных в мощности, великолепии и разрушительной силе. Это свадьбы людей от тридцати до тридцати пяти лет, — на этих празднествах уже никто не смеется.

Третью волну не остановить. Очередной роскошный кремовый конверт почтальон приносит почти каждую неделю. Конверт, такой толстый, будто внутри бомба, содержит замысловато выполненное приглашение — триумф бумажной инженерии, — а также внушительный список телефонов, электронных адресов, веб-сайтов и инструкций, как добраться, что надеть и где покупать подарки. Места в загородных отелях бронируются блоками; вылавливаются целые стаи лосося; огромные шатры возводятся за одну ночь, как бедуинские палаточные города. Дымчато-серые смокинги и цилиндры берутся напрокат и носятся с самым серьезным видом, а флористам и рестораторам, струнным квартетам и учителям танцев, изготовителям ледяных скульптур и одноразовых фотоаппаратов остается лишь расширить карман и порадоваться. Группы, более-менее прилично исполняющие соул, падают с ног от усталости. Снова в моде церкви, а еще у счастливых пар нынче принято проделывать короткий путь от места бракосочетания к месту приема на лондонских автобусах с открытым верхом, воздушных шарах, верхом на белоснежных скакунах или на частных самолетах. Свадьба требует поистине сверхчеловеческой любви и отдачи, а также множества отгулов за свой счет, причем в основном от гостей. Коробка конфетти стоит восемь фунтов. Мешок с рисом из лавки на углу в качестве конфетти уже не годится.

Мистер и миссис Киллик имеют честь пригласить Эмму Морли и спутника на бракосочетание Тилли Киллик и Малькольма Тайдвелла.

Эмма сидела на бензозаправке в своей новой машине, своей самой первой машине, сильно подержанном «фиате-панда», держала в руках приглашение и предчувствовала неизбежное — что и на этой свадьбе будут мужчины с сигарами, а кто-нибудь из англичан непременно вырядится в килт.

Эмму Морли и спутника...

Она снова раскрыла автомобильный атлас — древнее издание, в котором не хватало карт пары больших городов с пригородами. Развернула

его на сто восемьдесят градусов, затем на девяносто в обратную сторону, но с таким же успехом она могла бы ориентироваться по Книге судного дня. Эмма швырнула атлас на пассажирское сиденье, где должен был сидеть ее несуществующий «спутник».

Эмма была кошмаром на дороге — водила небрежно, а при виде препятствий цепенела; первые пятьдесят миль она проехала, по рассеянности водрузив на нос очки, хотя с утра надела контактные линзы, так что ей казалось, что другие машины угрожающе выскакивают ниоткуда, как инопланетные космические корабли. Частые остановки были нужны, чтобы стабилизировать кровяное давление и промокнуть капли пота над верхней губой. Она порылась в сумочке и посмотрелась в зеркало, стараясь не кривляться, чтобы отражение было реалистичным. Помада была слишком красная и вызывающая, а нарумяненные щеки выглядели неестественно, как грим комической актрисы эпохи Реставрации. И, почему, подумала Эмма, почему я всегда похожа на девчонку, намазавшуюся маминой косметикой? Она также сделала классическую ошибку и вчера пошла к парикмахеру — нет, простите, к *стилисту*, — так что ее волосы до сих пор напоминали вчерашнее высокохудожественное многослойное взбитое сооружение, то, что ее мама называла «укладкой».

Она в отчаянии одернула подол своего платья — это было одеяние в китайском стиле из ярко-синего шелка, или искусственного шелка, делавшее ее похожей на пухлую забитую официантку из заведения под названием «Золотой дракон». Когда она садилась, ткань пузырилась и натягивалась, а от «шелка» в сочетании с дорожной нервотрепкой она вся вспотела. У кондиционера в машине были две настройки: «Взлетное поле» и «Сауна», и вся ее элегантность испарилась еще в Мэйденхеде — остались лишь два влажных пятна под мышками. Она рассмотрела их, подняв локти, и подумала: не вернуться ли обратно домой и переодеться? Или просто повернуть обратно. Вернуться домой да и остаться там, поработать над книгой. Ладно бы она и Тилли Киллик до сих пор были лучшими подругами. Но нет, те мрачные дни, когда Тилли сдавала ей комнату в крошечной квартирке в Клэптоне, отбросили на их отношения длинную тень, и они так и не решили старый спор о возврате залога. Нелегко желать новобрачным всего хорошего, когда невеста должна тебе пятьсот фунтов.

С другой стороны, там будут все ее старые друзья. Сара Си, Элисон, Сита, близнецы Уостон, Боб, Мари с прической «взрыв на макаронной фабрике», Стефани Шоу из издательства, Кэллум О'Нил, разбогатевший владелец сети забегаловок. И Декстер. Декстер со своей подружкой.

В тот самый момент, когда Эмма сушила подмышки у

вентиляционного отверстия и размышляла, что делать, Декстер пронесся мимо незамеченным в своей спортивной «мазде». Рядом сидела Сильви Коуп.

— И кто там будет? — спросила Сильви, сделав тише музыку. Сегодня она выбирала музыку, и выбрала группу *Travis*. Сильви не слишком любила музыку, за исключением группы *Travis*.

— Куча народу из университета. Пол, Сэм, Стив О'Ди, Питер и Сара, близнецы Уотсоны. И Кэллум.

— Кэллум. Мне он так нравится.

— Мари с прической «взрыв на макаронной фабрике», Боб. Подумать только, я столько лет их не видел. Моя старая подруга Эмма.

— Еще одна бывшая?

— Нет, она не бывшая.

— Старая интрижка?

— И не интрижка. Просто старая подруга.

— Та учительница английского?

— Она уже не учительница. Ты с ней разговаривала на свадьбе Боба и Мари, помнишь? В Чешире.

— Смутно припоминаю. Довольно привлекательная, кстати.

— Наверное. — Декстер пожал плечами. — Мы вроде как поссорились, долго не общались. Я тебе рассказывал. Помнишь?

— У меня все твои подружки в голове смешались. — Она отвернулась к окну. — Так у тебя с ней что-нибудь было?

— Да не было у нас ничего!

— А с невестой?

— Тилли? А что с ней?

— С ней у тебя был секс?

Декстер вспоминает декабрь 1992-го и ту ужасную квартиру в Клэптоне, где вечно пахло жареным луком. Все началось с массажа стоп и как-то само собой безумно закрутилось. А Эмма тем временем покупала лампочки в универмаге.

— Нет, конечно. Да за кого ты меня принимаешь?

— Мы каждую неделю ходим на свадьбы, где целая куча девиц, с которыми ты спал.

— Ничего подобного.

— Целый шатер таких девиц. Это как конференция...

— Неправда, неправда...

— Правда.

— Теперь ты для меня единственная. — Держа одну руку на руле, он

потянулся и положил руку Сильви на живот, по-прежнему плоский под коротким персиковым атласным платьем, затем на ее обнаженное бедро.

— Не бросай меня с незнакомыми людьми, ладно? — сказала она и увеличила громкость музыки.

* * *

Лишь после трех Эмма, опоздавшая и измученная, подъехала к бронированным воротам величественного особняка, гадая, пустят ли ее вообще. Прозорливые инвесторы превратили Мортон Мэнор Парк, обширное поместье в Сомерсете, в своего рода свадебную недвижимость в стиле «все включено»: здесь была часовня, а также были банкетный зал, и тисовый лабиринт, а еще спа и гостевые спальни с душевыми комнатами. Всё это было окружено высоким забором с идущей по его верху колючей проволокой: свадебный концлагерь, не иначе. Мортон Мэнор Парк, с его пряничными домиками и гротами, низкими заборчиками и беседками, замком и надувным замком для детей, был чем-то вроде дорогого Диснейленда для новобрачных, который снимали на весь уик-энд по заоблачной цене. Для бывшего члена социалистической партии выбор места был более чем странным. Эмма ехала по длинной гравийной дорожке, озадаченная и встревоженная увиденным.

У часовни на дорогу выпрыгнул мужчина в напудренном парике и ливрее слуги; размахивая кружевными манжетами, он заглянул в окно ее машины.

— Какие-то проблемы? — спросила Эмма. Ей почему-то хотелось добавить «офицер».

— Мне нужны ваши ключи, мэм.

— Ключи?

— Припарковать машину.

— О, а это обязательно? — пробормотала она. Ей было стыдно окон своей машины, поросших плесенью, растрепанных дорожных карт, превратившихся в мульчу, и пустых пластиковых бутылок, которыми был усыпан пол. — Ну ладно, только тут двери не захлопываются, их надо закрыть с помощью вот этой отвертки, и ручного тормоза тоже нет, поэтому паркуйтесь на ровной поверхности или с упором в дерево и оставьте выключенной передачу, ладно?

Парковщик взял у нее ключи, зажав их между большим и указательным пальцами, точно то была мертвая мышь.

Эмма ехала босиком, и теперь вспомнила, что надо еще втиснуть отекавшие ноги в туфли, как некрасивая сводная сестрица из сказки о Золушке. Церемония уже началась. Из часовни доносились звуки «Пришествия царицы Савской» в исполнении квартета, а возможно, квинтета музыкантов в белых перчатках. Она заковыляла по гравии по направлению к часовне, подняв руки, чтобы хоть немного подсушить подмышки — как ребенок, изображающий самолет. Одернув платье напоследок, она незаметно проскользнула внутрь — массивные дубовые двери были отворены — и встала позади толпы собравшихся гостей. Следующую песню — «Меня ждет что-то хорошее» — исполняла группа без музыкального сопровождения, маниакально щелкая пальцами; счастливые жених и невеста при этом улыбались друг другу во весь рот и даже пустили слезу. Жениха Эмма видела впервые; он был похож на игрока в регби и довольно хорош собой в бледно-сером смокинге. Он склонил к Тилли свое большое, покрасневшее свежесбритое лицо, попеременно придавая ему разнообразные выражения, означающие «это самый счастливый момент в моей жизни». Невеста, надо сказать, выбрала довольно необычный наряд в стиле Марии Антуанетты: розовый шелк и кружево, юбка с кринолином, высокая прическа, даже мушка. Видимо, диплом по французскому языку и истории давно пылился на полке. Но она выглядела очень счастливой, жених тоже светился от счастья, да и все присутствующие, казалось, были очень, очень счастливы.

За песней последовал скетч, затем еще одна песня, и вскоре свадьба стала напоминать варьете. Декстер почувствовал, что его клонит в сон. Краснощекая племянница Тилли зачитывала сонет — что-то о соединении двух сердец и о том, может ли измена положить любви конец,^[44] что бы это ни значило. Декстер тщетно пытался сосредоточиться на смысле строк и соотнести романтическое содержание с собственными чувствами к Сильви, но потом решил переключиться на публику и посчитать, со сколькими гостями он спал. Не для того, чтобы потешить самолюбие, нет, скорее ностальгии ради. «Пускай идут недели и часы, любовь та неизменна», — читала племянница невесты, а Декстер к тому времени насчитал уже пятерых. Пять его бывших любовниц на всю маленькую часовню. Кажется, он побил собственный рекорд. А за невесту полагаются дополнительные баллы? Правда, Эмма Морли пока не приехала. С Эммой Морли будет пять с половиной.

С задних рядов Эмма наблюдала, как Декстер загибает пальцы. Интересно, что это он делает? На нем был черный костюм и узкий черный галстук; как и все ее знакомые парни, он пытался походить на гангстера.

Если смотреть в профиль, линия его подбородка немного потеряла четкость, но в целом он был по-прежнему красив. Красив на зависть, и куда менее опухший и бледный, чем до знакомства с Сильви. С тех пор как Эмма с ним поссорилась, она видела его трижды, и все три раза на свадьбах. Каждый раз он обнимал ее и целовал, будто ничего не случилось, и говорил: «Нам надо встретиться, обязательно надо встретиться», — но этого так и не произошло. Рядом с ним всегда была Сильви, и эта парочка вечно была озабочена тем, чтобы выглядеть красиво. Сильви и сейчас сидела рядом с Декстером, вытянув шею, чтобы ничего не пропустить, что делало ее голову похожей на бутон цветка на длинном стебле.

Настало время читать свадебные обеты. Эмма посмотрела на Декстера и увидела, что Сильви протянула руку и сжала все его пять пальцев в знак солидарности со счастливой парой. Она прошептала что-то ему на ухо, и Декстер посмотрел на нее и улыбнулся широко и немного глупо, как показалось Эмме. Он прошептал что-то в ответ; хотя Эмма не слишком хорошо читала по губам, все указывало на то, что он сказал: «И я тебя тоже люблю». Декстер смущенно огляделся и поймал ее взгляд, улыбнувшись, точно его застали за тем, чего делать не следовало.

Представление закончилось. Осталось лишь немного времени на исполнение сомнительной версии «Все, что вам нужно, это — любовь».^[45] Толпа с трудом поспевала за ритмом. Затем гости проследовали за молодоженами на улицу, и праздник начался. Протискиваясь сквозь толпу и по пути обнимая других знакомых, обмениваясь с ними приветствиями и рукопожатиями, Декстер и Эмма наконец отыскивали друг друга.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Мы знакомы?

— Я вас точно где-то видела.

— И я вас. Но вы изменились.

— О да. Я единственная насквозь пропотевшая женщина на этой свадьбе, — проговорила Эмма, подергав ткань платья под мышками.

— Легкая испарина?

— О нет, это настоящий пот! Как будто из озера вылезла. Вот тебе и *натуральный шелк!*

— Ударилась в восточный колорит?

— Я называю этот стиль «Взятие Сайгона». Хотя это китайское платье. Проблема с этими платьями в том, что через сорок минут жалеешь, что не взяла другое! — Уже на середине этой фразы у Эммы возникло ощущение, что зря она вообще это сказала. Ей показалось — или он и вправду

раздраженно поднял глаза? — Извини.

— Да ничего. И платье мне нравится. Просто отпадное платье.

Настал ее черед закатывать глаза.

— Ну вот, теперь мы квиты.

— Я серьезно, ты классно выглядишь. — Он разглядывал что-то у нее на голове. — Это что?..

— Где?

— Это случайно не прическа в стиле Дженнифер Энистон?

— Декс, не нарывайся, — процедила она сквозь зубы и взъерошила волосы пальцами. Невдалеке Тилли и ее новый муж позировали фотографу; Тилли кокетливо обмахивалась веером. — К сожалению, меня не предупредили, что сегодняшняя свадьба тематическая и посвящена французской революции.

— А, ты про Марию Антуанетту, — проговорил Декстер. — Ну, по крайней мере, мы можем быть уверены, что будут пирожные.

— А на свадебный прием она поедет в крытой двуколке?

— Что такое двуколка?

Они переглянулись.

— Ты ни капли не изменился, верно?

Декстер разбрасывал камушки ногой.

— Изменился. Немного.

— Я заинтригована.

— Я тебе потом расскажу. Смотри!

Тилли стояла на подножке «роллс-ройса», который должен был провезти новобрачных до находившегося в ста ярдах от часовни места проведения свадебного приема, и держала обеими руками букет, который приготовилась бросить, как бревно на соревнованиях по метанию ствола.

[\[46\]](#)

— Не хочешь попытать счастья, Эм?

— Все равно не поймаю, — ответила она и завела руки за спину.

Букет полетел в толпу, и его поймала тощая престарелая тетушка; остальные присутствующие разозлились, точно они упустили свой последний шанс на счастье. Эмма кивнула в сторону смущенной женщины, крепко державшей букет.

— Вот такой я стану через сорок лет, — сказала она.

— Неужели? А почему через сорок? — Декстер прыснул со смеху, и Эмма наступила каблуком ему на ногу. Взглянув поверх ее плеча, Декстер заметил Сильви; та озиралась по сторонам и искала его. — Пойду-ка я. Сильви тут никого не знает. Строго приказала мне не отходить от нее. Ты

подходи, здороваешься с ней, ладно?

— Попозже. Пойду поболтаю со счастливой невестой.

— Ты ей напомни про те пятьсот фунтов.

— Думаешь, стоит? В такой день?

— Ну, до скорого. Может, на приеме нас рядом посадят? — Он скрестил пальцы, и она тоже.

Хмурое утро сменилось солнечным днем; высоко в бескрайнем голубом небе плыли облака, и гости засеменили вслед за «роллс-ройсом» на большую лужайку, где их ждали шампанское и канапе. Там Тилли наконец и увидела Эмму, издав при этом радостный возглас. Они обнялись, насколько это позволял кринолин.

— Я так рада, что ты пришла, Эм!

— Я тоже, Тилли. Ты выглядишь невероятно.

Тилли обмахнулась веером:

— Не слишком перестаралась?

— Нет, что ты. Ты просто красотка. — Глаза Эммы невольно остановились на мушке, которая выглядела так, будто на губу Тилли села настоящая муха. — И какая красивая церемония.

— Просто ммм... верно? — У Тилли появилась новая привычка — предварять все предложения умильным «mmm...», точно Эмма была котенком с раненой лапкой. — Ты не прослезилась?

— Плакала как ребенок.

— Ммм!.. Я очень, очень рада, что ты пришла! — Она снисходительно похлопала Эмму веером. — И с нетерпением ожидаю знакомства с твоим бойфрендом!

— Я тоже, но, к сожалению, у меня его нет.

— Ммм!..

— Нет, уже давно ни с кем не встречаюсь.

— Правда? Ты уверена?

— Я бы заметила, Тилли.

— Ммм!.. Бедняжка. Ну, так мы тебе кого-нибудь найдем! Мигом!!! Нет, правда, бойфренд — это так здорово! А муж еще лучше! Надо найти тебе кого-нибудь! — царственным тоном произнесла она. — Сегодня же! Сейчас подберем тебе парочку! — Эмма почти физически ощущала ее снисходительность. — Ммм!.. А Декстера уже видела?

— Так, поболтали немножко.

— Видела его подружку? С пушком на лбу? Правда, хорошенькая? Похожа на Одри Хепберн. Или Кэтрин Хепберн? Никак не могу запомнить, кто из них кто.

— Одри. Она Одри, совершенно точно.

* * *

Шампанское лилось рекой, и над лужайкой витали воспоминания: встречались старые друзья. Однако постепенно все разговоры свелись к тому, кто сколько зарабатывает и кто чего добился.

— Сэндвичи. Вот в чем будущее, — вещал Кэллум О'Нил, с точки зрения заработка и достижений перещеголявший всех остальных. — Высококачественный экологичный фаст-фуд — вот где сила, друзья мои. Еда — это новый рок-н-ролл!

— Я думал, комедия — новый рок-н-ролл.

— Значит, сначала была комедия, а теперь еда. Отстал от жизни, Декс! — В течение пары последних лет бывший сосед Декстера изменился почти до неузнаваемости. Процветающий, энергичный, располневший, он прекратил заниматься компьютерами, продал бизнес с большой выгодой и основал сеть кафе «Натуральная пицца». Кэллум поправил запонки; он был в дорогом, сшитом на заказ костюме, и Декстер невольно подумал: неужели это тот самый худосочный ирландец, что носил одни и те же брюки три года кряду? — У нас все органическое, все свежее, свежавыжатые соки и смузи на заказ, кофе, выращенный по принципу честной торговли. У нас четыре филиала, и все четыре максимально заполнены, причем постоянно. Приходится закрываться в три, потому что продуктов не остается. Говорю тебе, Декс, гастрономическая культура в этой стране меняется, люди хотят только лучшее. Никому уже не нужны чипсы с соком из пакета. Люди просят хумус в пшеничной лепешке, свежавыжатый сок папайи, лангустинов...

— Лангустинов?

— В пшеничной лепешке с руколой. Без шуток. Лангустины — гамбургер нашего времени, а рукола — новый салат айсберг. Лангустинов легко разводить, они плодятся, как хомяки, и вкусные, не поверишь, — их называют лобстерами для бедных. Надо нам как-нибудь встретиться и все обсудить.

— Лангустинов?

— Нет, бизнес. Мне кажется, у тебя большие перспективы.

— Кэллум, ты что, предлагаешь мне работу? — спросил Декстер, ковыряя каблуком лужайку.

— Нет, просто предлагаю как-нибудь встретиться и...

— Поверить не могу — мой приятель предлагает мне работу!

— Да ты просто заходи, пообедаем! Только не в этой тошниловке с лангустинами, а в нормальном ресторане. Я угощаю. — Он обнял Декстера за плечи своей медвежьей лапой и, чуть понизив голос, добавил: — В последнее время что-то не вижу тебя по ящику.

— Это, наверное, потому, что ты не смотришь кабельное и спутниковое ТВ. Я теперь в основном там работаю.

— Да? И что делаешь?

— Ну, у меня сейчас новая программа, «Спортивный экстрим!». С восклицательным знаком. Мы снимаем серферов, делаем интервью со сноубордистами. Ну и все такое. Спортсмены со всего света.

— Так значит, ты постоянно в разъездах?

— Да нет, я просто ведущий. А студия в Мордене.^[47] Поэтому да, я постоянно в разъездах, но только до Мордена и обратно.

— В общем, как я уже сказал, если вдруг захочется сменить амплуа... В еде и напитках ты разбираешься, с людьми ладить умеешь, если захочешь, конечно. А в бизнесе что главное? Люди. Просто мне кажется, что эта работа для тебя. Вот и всё.

Декстер вздохнул, оглядел своего старого друга и попытался найти в нем что-нибудь отталкивающее.

— Кэл, а ведь ты три года подряд носил одни и те же брюки.

— Это было давно.

— И целый семестр ел одну тушенку.

— Ну что я могу сказать — люди меняются! Так что думаешь?

— Ладно, договорились. Можешь угостить меня обедом. Но предупреждаю, в бизнесе я полный профан.

— Ладно. Все равно буду рад с тобой повидаться. — Он слегка толкнул Декстера в плечо. — Что-то ты в последнее время затих.

— Правда? А я был занят.

— Так уж занят?

— Эй, да ты сам, между прочим, мог бы позвонить!

— А я звонил, постоянно. Но ты мне ни разу не перезвонил.

— Правда? Ну, извини. У меня голова была занята другим.

— Слышал про твою маму. — Кэллум посмотрел в бокал. — Мне очень жаль. Славная у тебя была мама.

— Да, ничего. Ее давно уже нет.

Возникла секундная пауза. Они окинули взглядом лужайку, где их старые друзья разговаривали и смеялись в свете вечернего солнца. Новая подружка Кэллума, миниатюрная и очень красивая испанка, работавшая на

подтанцовках при съемках видеоклипов хип-хоперов, разговаривала с Сильви, которой приходилось наклоняться, чтобы ее расслышать.

— Буду рад снова увидеться с Луисой, — сказал Декстер.

— Кажется, у меня с ней все движется к концу, — заметил Кэллум.

— Значит, некоторые вещи все-таки не меняются.

Симпатичная официантка, стесняясь своего чепца, подошла, чтобы подлить им шампанского. Они оба улыбнулись ей, заговорщицки переглянулись и чокнулись.

— Двенадцать лет прошло. — Декстер потрясенно покачал головой. — Двенадцать лет. И как это может быть?

— Эмма Морли здесь, — вдруг сказал Кэллум.

— Знаю.

Они взгляделись в толпу и увидели, что Эмма стоит рядом с Миффи Бьюкенен, своей заклятой университетской соперницей. Даже с расстояния было видно, как она скрипит зубами.

— Слышал, вы поссорились.

— Было дело.

— Но сейчас-то уже помирились?

— Не знаю. Посмотрим.

— Эмма хорошая девушка.

— Это точно.

— И какой стала красавицей.

— О да!

— У вас с ней когда-нибудь?..

— Нет. Ну, то есть почти. Было пару раз.

— Почти? — Кэллум усмехнулся. — Это как?

Декстер предпочел сменить тему, спросив:

— А у тебя-то как дела?

Кэллум глотнул шампанского:

— Декс, мне тридцать четыре года. У меня красивая подружка, свой дом, свой бизнес, работа, которая мне нравится, куча денег. — Он положил руку ему на плечо. — А у тебя свое шоу на ночном ТВ! Так что можно сказать, нам обоим повезло.

И отчасти из уязвленного самолюбия, отчасти из чувства соперничества Декстер решает ему признаться:

— Хочешь, кое-что расскажу, Кэл?

Услышав торжествующий вопль Кэллума, донесшийся с другого конца лужайки, Эмма повернулась и увидела, что тот обхватил Декстера за голову и треплет его за волосы. Она улыбнулась и вновь обратила свое безраздельное внимание на ненавистную Миффи Бьюкенен.

— Слышала, ты сидишь без работы, — прощепетала та.

— Я предпочитаю выражение *сама себе хозяйка*.

— Пишешь книгу?

— Это всего на год или два, своего рода академический отпуск.

— Но у тебя до сих пор ничего не издано, не так ли?

— Пока нет. Но мне заплатили небольшой аванс за...

Миффи скептически хмыкнула и сказала:

— А у Хэрриет Боуэн уже три романа вышло.

— Да, мне тут уже сказали. Несколько раз.

— А еще у нее трое детей.

— Ну надо же.

— А моих очаровашек видела? — Невдалеке от них двое орущих двухлетних сорванцов в костюмах-тройках наносили друг другу увечья. — Айван. Не кусаться!

— Действительно очаровашки.

— Ну, скажи? А у тебя дети есть? — спросила Миффи таким тоном, будто в жизни может быть только одно из двух: опубликованные романы или дети.

— Нет.

— С кем-нибудь встречаешься?

— Нет.

— Ни-с-кем-ни-с-кем?

— Нет.

— И никого на примете?

— Нет.

— Ну ладно, зато выглядишь ты намного лучше, чем в университете. — Миффи оценивающе оглядела ее с головы до ног, точно аукционный лот. — Вообще-то, ты одна из немногих, кто за эти годы похудел! Ты и раньше не была толстухой, так, детский жирок — но он весь куда-то словно испарился!

Эмма крепче сжала бокал с шампанским:

— Что ж, теперь я знаю, что эти двенадцать лет не были потрачены впустую.

— А еще у тебя был такой ужасный северный акцент, а теперь ты наконец стала говорить как все нормальные люди!

— Неужели? — удивленно произнесла она. — Что ж, очень жаль. Я это не нарочно.

— Если честно, мне всегда казалось, что ты притворяешься. Ну, достоверности ради...

— *Что?*

— Да этот акцент твой. Ну, говор шотландской голодранки. Шахтеры то, шахтеры сё, Гватемала бла-бла-бла! Всегда думала: слишком уж рьяно она играет эту свою роль активистки. Но теперь ты говоришь как все нормальные люди!

Эмма всегда завидовала людям, которые говорят то, что думают, высказывают всё, что на душе, не обращая внимания на социальные условности. Сама она никогда не принадлежала к таким людям, но сейчас вдруг почувствовала, как ругательство само грозит сорваться с языка.

— И еще ты все время была такая сердитая!

— Я и сейчас сердитая, Миффи...

— О боже, Декстер Мэйхью! — выдохнула Миффи. После чего сжала плечо Эммы и зашептала ей в ухо: — Ты в курсе, что у нас был роман?

— Да, ты мне говорила. Много, много раз.

— Правда, он все еще красавчик? Ведь правда красавчик? — Она сладострастно вздохнула. — И почему у вас двоих так ничего и не вышло?

— Даже не знаю. Может, дело в моем акценте. Или в детском жирке.

— Да не так уж у тебя все было запущено. А его подружку видела? Красотка, да? Такая утонченная. — Миффи повернулась, чтобы услышать ответ, но, к своему удивлению, обнаружила, что Эмма ушла.

Гости собрались у шатра, взволнованно разглядывая план рассадки, будто то были результаты выпускных экзаменов. Декстер и Эмма нашли друг друга в толпе.

— Я за пятым столиком, — сказал Декстер.

— Я за двадцать четвертым, — сообщила Эмма. — Пятый столик рядом с невестой. А двадцать четвертый — с биотуалетами.

— Не принимай на свой счет.

— Что на горячее?

— По слухам, лососина.

— Лососина. Лососина, лососина, лососина. Я уже столько лосося съела на этих свадьбах, что дважды в год так и хочется поплыть на нерест.

— Приходи за пятый столик. Подменим чью-нибудь карточку.

— Жульничать с планом рассадки? За это полагается смертная казнь. Видел гильотину на заднем дворе?

Декстер рассмеялся:

- Тогда потом поговорим?
- Приходи и найди меня.
- Или ты меня.
- Нет, лучше ты.
- Нет, ты.

Как будто в наказание за старые грехи, Эмму посадили между престарелой тетушкой жениха и его дядей из Новой Зеландии. Три часа она вынуждена была слушать бесконечно повторяемые фразы «Какие у вас там красивые пейзажи» и «Великолепный уровень жизни». Время от времени ее внимание привлекал очередной взрыв смеха, раздававшийся за пятым столиком, где сидели Декстер с Сильви, Кэллум и его подруга Луиса, — столиком для самых популярных гостей. Эмма налила себе очередной бокал вина и снова спросила своего соседа о прекрасных пейзажах и великолепном уровне жизни. Вот киты, например; когда-нибудь он видел живых китов, спросила она и с завистью покосилась на пятый столик.

Тем временем сидевший за пятым столиком Декстер с завистью косился на столик номер двадцать четыре. Сильви придумала новую игру: каждый раз, когда Декстер тянулся за бутылкой, она накрывала ладонью его бокал, превратив тем самым долгий ужин в суровую проверку рефлексов. «Не налегай», — шептала она Декстеру в ухо каждый раз, когда он зарабатывал штрафные очки, и он уверял ее, что ни в коем случае не будет. Но в результате ему стало скучно, и он все больше завидовал раздражающей самоуверенности Кэллума. Он смотрел на Эмму за двадцать четвертым столиком, которая вела серьезный и вежливый разговор с загорелой пожилой парой. Декстер заметил, как внимательно Эмма слушает, коснувшись рукой плеча пожилого мужчины, смеясь его шуткам; вот она фотографирует одноразовым фотоаппаратом своих соседей, наклоняется, чтобы те попали в кадр... Декстер обратил внимание на синее платье Эммы — десять лет назад она бы в жизни ничего подобного не надела — и также заметил, что у нее сзади молния расстегнулась дюйма на три и подол поднялся кверху. Всё это напомнило ему мимолетную, но по-прежнему яркую картину: Эмма в своей эдинбургской спальне на Рэнкеллор-стрит; утренний свет сочится сквозь шторы; низкая односпальная кровать, задранная юбка, руки за головой. Что же с тех пор изменилось? Вроде не так уж много. Когда она смеялась, вокруг ее губ все так же образовывались морщинки, только сейчас они стали чуть заметнее. Под глазами у нее до сих пор были маленькие припухлости, и она смеялась, крепко сжав губы, точно хранила секрет. Во многом она стала более привлекательной, чем в двадцать два. Прежде всего потому, что

больше не стриглась сама, избавилась от библиотечной бледности, стеснительного и угрюмого вида. Что бы он почувствовал, если бы сейчас увидел это лицо впервые? Если бы его посадили за двадцать четвертый столик, он бы сел на свое место и представился? Из всех людей, присутствующих на свадьбе, ему хочется говорить только с Эммой. Он поднял бокал, намереваясь встать и подойти к ней.

Но кто-то постучал ножом по бокалу. Очередные тосты. По традиции, пьяный отец невесты угрюмо насупился, пьяный друг жениха рассказал несмешной анекдот, совершенно забыв о невесте. С каждым бокалом красного вина Эмма чувствовала, как силы ее покидают, и уже подумывала, не удалиться ли в гостевую комнату в главном особняке, где ее ждали чистый белый халат и копия антикварного ложа с пологом. Там наверняка есть навороченная душевая кабина из тех, по каким в последнее время все с ума сходят, и слишком много полотенец для одного. И словно помогая ей принять решение, музыканты принялись настраивать инструменты; бас-гитарист заиграл соло из песни «Another One Bites The Dust» группы *Queen*, и Эмма решила, что пора уходить: пора забрать свой кусочек свадебного торта в сшитом на заказ бархатном мешочке со шнурком, подняться в комнату и проспать всю свадьбу.

— Извините, мы случайно не знакомы?

Кто-то положил руку ей на плечо; знакомый голос. За ее спиной сидел Декстер, пьяно улыбался и держал в руках бутылку шампанского.

Эмма подставила бокал:

— Вполне возможно.

Под восторженные крики гостей музыканты заиграли, и все внимание переместилось на танцпол, где Малькольм и Тилли отплясывали рок-н-ролл под свою «особую» песню, «Девушка с карими глазами»,^[48] подергивая ногами и выставив вверх большие пальцы рук.

— Боже! И с каких пор наши ровесники стали танцевать, как старперы?

— Говори за себя, — сказал Декстер, пододвигая стул.

— А ты разве умеешь танцевать?

— А ты разве не помнишь?

Эмма покачала головой:

— Я имею в виду не танцы на барной стойке, когда вокруг все свистят, а ты срываешь рубашку. Я говорю про настоящие танцы.

— Умею, конечно. — Он взял ее за руку. — Хочешь, покажу?

— Давай потом.

Им приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Декстер встал и

потянул ее за руку:

— Давай слиняем куда-нибудь. Только я и ты.

— Куда?

— Не знаю. Говорят, здесь есть какой-то лабиринт.

— *Лабиринт?* — Помедлив немного, она встала. — Что же ты сразу не сказал?

* * *

Взяв бутылку и два бокала, они незаметно выскользнули из шатра в ночь. Было еще тепло, и в чернильном летнем воздухе над головой носились летучие мыши. Эмма и Декстер шли к лабиринту по розовому саду, держась за руки.

— И каково это, — спросила она, — видеть свою бывшую пассию в объятиях другого мужчины?

— Тилли Киллик не моя бывшая пассия.

— Ох, Декстер... — Эмма медленно покачала головой. — Ты неисправим.

— Не понимаю, о чем ты.

— Это случилось, дай-ка подумать... в декабре тысяча девятьсот девяносто второго года, в той квартире в Клэптоне. Там, где всегда пахло жареным луком.

Декстер поморщился:

— И как ты узнала?

— Ну, когда я уходила в универмаг, вы делали друг другу массаж ног, используя мое лучшее оливковое масло. А когда вернулась из универмага, Тилли плакала, а на моем лучшем ковре, на диване, кухонном столе и половине стены были жирные отметины от лап. Внимательно изучив улики, я пришла к такому выводу. А еще ты оставил свое приспособление для предупреждения беременности на крышке мусорного ведра — вот это было мило.

— Неужели? Извини.

— И к тому же Тилли мне все рассказала.

— Правда? — Он покачал головой, чувствуя себя преданным. — Это должно было стать нашим секретом!

— Женщины говорят о таких вещах, знаешь ли. Какой смысл обещать, что сохранишь тайну, — все равно рано или поздно все всплывет.

— Запомню на будущее.

Они подошли к лабиринту — аккуратно постриженной фигурной изгороди из тиса высотой примерно десять футов. На вход указывала тяжелая деревянная дверь. Эмма замерла, положив руку на тяжелую чугунную ручку.

— Думаешь, это хорошая идея?

— А разве это так сложно?

— А что если мы заблудимся?

— Будем ориентироваться по звездам или еще как-нибудь.

— Так ты уверен, что стоит это сделать?

— Не бойся ты так. Это всего лишь кусты. — Дверь со скрипом отворилась. — Направо или налево?

— Направо, — ответила Эмма, и они шагнули в лабиринт. Снизу высокая изгородь подсвечивалась разноцветными лампочками, и воздух был наполнен запахом лета, густым, головокружительным, почти маслянистым от теплых листьев.

— А где Сильви?

— С ней все в порядке — Кэллум ее обхаживает. Он сегодня просто душа вечеринки, весь из себя обаятельный ирландский миллионер. Решил ему не мешать. Мне с ним больше не тягаться. Слишком утомительно.

— Дела у него идут что надо.

— Я в курсе.

— Разводит лангустинов.

— Знаю. Он только что предложил мне работу.

— Заводчиком лангустинов?

— Не уточнял. Хочет обсудить со мной мои *перспективы*. Сказал, в бизнесе главное люди. Что бы это ни значило.

— А как же «Спортивный экстрим!»?

— А, это... — Декстер рассмеялся и потер затылок одной рукой. — Видела?

— Не пропускаю ни одного выпуска. Что может быть прекраснее в три часа ночи, чем узнать что-то новое о трюковых велосипедах? Больше всего мне нравится, когда ты говоришь «улетный».

— Они меня заставляют так говорить.

— «Улетный» и «чумовой». «А сейчас мы покажем вам пару чумовых олдскульных трюков».

— А мне кажется, у меня неплохо получается.

— Не всегда, дружок. Налево или направо?

— Кажется, налево. — Некоторое время они идут в тишине и слушают мелодию песни Стиви Уандера, которую играют музыканты. — Как твоя

книга?

— Ничего, когда руки доходят. А большую часть времени я просто сижу за компьютером и грызу печенье.

— Стефани Шоу сказала, что тебе дали аванс.

— Совсем немного, хватит, чтобы продержаться до Рождества. А там посмотрим. Возможно, вернусь в школу на полную занятость.

— А о чем она? Твоя книга.

— Пока не знаю.

— Она ведь обо мне, правда?

— Да, Декстер, целая толстая книга исключительно о тебе. Я назвала ее «Декстер Декстер Декстер Декстер Декстер». Направо или налево?

— Давай попробуем налево.

— А если серьезно, это книга для детей. Для подростков. Там про мальчиков, про любовь и все такое. Про школьную пьесу — помнишь ту постановку «Оливера», что я делала много лет назад? Комедия.

— Что ж, писательство идет тебе на пользу. Выглядишь хорошо.

— Правда?

— Несомненно. Кто-то из наших похорошел, кто-то, наоборот, выглядит хуже. А вот ты явно похорошела.

— Миффи Бьюкенен сказала, что мне удалось сбросить детский жирок.

— Тупая корова. Она просто завидует. Ты красотка.

— Спасибо. Хочешь, я тоже скажу, что ты похорошел?

— Если несложно...

— Ты тоже прекрасно выглядишь. Налево?

— Налево.

— По крайней мере, лучше, чем в твои рок-н-рольные годы. Ну, когда ты вел «зашибись!» — так, помнится, называлась та программа. — Они прошли несколько метров в тишине, затем Эмма снова заговорила: — Я волновалась за тебя.

— Правда?

— Тогда все за тебя волновались.

— Просто у меня был такой период. Со всеми нами было нечто подобное. Когда крышу сносит.

— Со всеми? Со мной не было. Да, и я надеюсь, ты перестал носить ту дурацкую шляпу?

— Уже несколько лет не надевал.

— Рада слышать. А то я уже думала силой отнять ее и сжечь.

— Ну, знаешь, как это бывает — все начинается с шапок, типа лыжных

и все такое, просто для прикола, а потом незаметно переходишь на кепи, фетровые шляпы, котелки...

Они снова подошли к развилке.

— Налево или направо? — спросила Эмма.

— Понятия не имею.

Они огляделись.

— Ну надо же, как быстро наскучивают эти лабиринты.

— Может, присядем? Вот здесь.

У стены стояла маленькая мраморная скамейка, подсвеченная снизу синим светом флуоресцентной лампы. Они сели на прохладный камень, наполнили бокалы, чокнулись, коснувшись плечами.

— Черт, почти забыл... — Декстер опустил руку в карман брюк, очень аккуратно достал свернутую конвертом салфетку, раскрыл ладонь, как фокусник, и осторожно развернул каждый уголок. В конвертике, как птичьи яйца в гнезде, лежали две сигареты.

— Подарок от Кэла, — прошептал он. — Хочешь?

— Нет, спасибо. Сто лет уже не курила.

— Молодец. Я тоже бросил, по официальной версии. Но здесь нас никто не увидит... — Он торжественно закурил контрабандную сигарету, картинно тряся рукой. — Здесь она меня не найдет. — Эмма рассмеялась. Шампанское и тишина подняли обоим настроение, и они почувствовали душевное томление — как и должно быть на свадьбах. Они улыбнулись друг другу сквозь сигаретный дым. — Кэллум называет всех нас *поколение «Мальборо лайтс»*.

— Звучит ужасно. — Эмма покачала головой. — Облик целого поколения определяет сигаретный бренд. Я надеялась на большее. — Она улыбнулась и повернулась к Декстеру: — Ну и как у тебя дела?

— Нормально. Повзрослел немного.

— Секс в туалете ночного клуба вдруг утратил свою привлекательность?

Он рассмеялся и посмотрел на кончик сигареты:

— Мне надо было кое-что в себе поменять.

— И как, удалось?

— Думаю, да, по большей части.

— И все благодаря настоящей любви.

— Частично да. А еще мне уже тридцать четыре. В тридцать четыре прежние отговорки уже не годятся.

— Что за отговорки?

— Ну, когда тебе двадцать четыре и ты ведешь себя как идиот, можно

сказать: подумаешь, мне еще только двадцать четыре. Еще только двадцать пять, еще только двадцать шесть. Но сказать *еще только тридцать четыре*... — Он сделал глоток из бокала, оперся спиной на изгородь. — У всех в жизни есть главный вопрос, и моим был такой: можно ли одновременно быть зрелым, преданным, любящим взрослым человеком и по-прежнему участвовать в оргиях?

— И какой ответ, Декс? — торжественно спросила Эмма.

— Ответ «нет, нельзя». Как только это понимаешь, жить становится намного легче.

— Это точно. Другие участники оргии не будут греть твою постель по ночам.

— Другие участники оргии не будут заботиться о тебе в старости. — Декстер сделал еще один глоток. — А главное, меня ведь даже не приглашали ни на какие оргии — я просто вел себя как идиот, портил сам себе жизнь. Я сам загубил себе карьеру, с матерью все испортил...

— Неправда.

— Всех своих друзей растерял. — В подтверждение своих слов Декстер толкнул ее плечом, а она толкнула его. — И тогда я просто подумал: надо хоть раз в жизни поступить как все нормальные люди. И вот, встретил Сильви. Она потрясающая, правда, и не дает мне свернуть с пути.

— Да, она милая девушка.

— Это да. Милая.

— Очень красивая. И спокойная.

— Правда, иногда она меня пугает.

— Ну, в ней есть что-то от Лени Рифеншталь, только Сильви мягче и симпатичнее.

— Лени Рифен... кто?

— Неважно.

— Правда, у нее совершенно отсутствует чувство юмора.

— И слава богу. По-моему, ценность чувства юмора сильно преувеличена, — заметила Эмма. — Когда люди все время хохмят, это так утомительно. Ну, вроде Иэна. Правда, Иэн был совсем несмешной. Нет, лучше пусть будет кто-то, кто тебе действительно нравится, кто-то, кто делает массаж ног по вечерам.

Декстер тщетно попытался представить, как Сильви делает ему массаж ног.

— Она мне однажды сказала, что никогда не смеется, потому что от смеха появляются морщины.

Эмма прыснула.

— Сильно, — сказала она. — Это очень сильно. Но ты же ее любишь, верно?

— Обожаю.

— Обожаю. Что ж, *обожать* даже лучше.

— Она потрясающая.

— Да.

— И благодаря ей в моей жизни все так изменилось. Я больше не пью, бросил наркоту, не курю... — Он взглянул на бутылку в одной руке и сигарету в другой. Улыбнулся. — Сегодня особый случай.

— Значит, ты наконец-то нашел настоящую любовь.

— Что-то типа того. — Он подлил ей шампанского. — А у тебя как на этом фронте?

— О, у меня все в порядке. В полном. — Чтобы отвлечь его от расспросов, она встала. — Пойдем, что ли, дальше? Налево или направо?

— Направо. — Декстер со вздохом поднялся на ноги. — Ты и Иэн до сих пор вместе?

— Нет, расстались много лет назад.

— И есть кто-нибудь на примете?

— Не начинай, Декстер.

— Что не начинай?

— Жалеть старую деву. Я довольна своей жизнью, спасибо. И не хочу, чтобы меня воспринимали всего лишь как дополнение к моему бойфренду. Или как неудачницу — из-за того, что у меня его нет. — Эмма говорила с настоящей страстью. — Как только перестаешь забивать себе голову этой ерундой — свиданиями, отношениями, поисками любви и тому подобным, — чувствуешь полную свободу, наконец начинаешь жить по-настоящему. У меня есть моя работа, и мне это нравится. Думаю, через год или около того я добьюсь успеха. Денег немного, но зато я свободна! Хожу в кино после обеда. — Она умолкла. А через минуту прибавила: — А еще я плаваю! Много плаваю. Я плыву и плыву, проплываю милью за милей. Черт, как же я ненавижу плавать! Кажется, тут нам налево.

— Знаешь, а я чувствую то же самое. Не насчет плавания. А насчет того, что не надо больше ходить на свидания. С тех пор, как я с Сильви, у меня точно освободился огромный запас времени, энергии, умственного пространства.

— И что ты делаешь со всем этим умственным пространством?

— Играю в «Лару Крофт» почти целыми днями.

Эмма рассмеялась и сделала несколько шагов в тишине, боясь, что предстала перед Декстером вовсе не такой самодостаточной хозяйкой

собственной судьбы, как ей хотелось казаться.

— К тому же, знаешь, — помолчав, сказала она, — моя жизнь не была совсем унылой, совсем без любви. Иногда бывает. Вот, например, у меня недавно был роман с одним парнем по имени Крис. Он называл себя стоматологом, но на самом деле оказался всего лишь специалистом по зубной гигиене.

— И что с ним случилось?

— Да так, любовь прошла. Но мне кажется, это к лучшему. Я была уверена, что он все время пялится на мои зубы. Он достал меня тем, что постоянно повторял: «Пользуйся зубной нитью, Эмма, пользуйся зубной нитью». Слишком давил на меня. А до него был мистер Годалминг. — Она передернула плечами. — Мистер Годалминг. Кошмар.

— Что за мистер Годалминг?

— Расскажу в другой раз. Здесь налево?

— Налево.

— К тому же если я совсем дойду до ручки, всегда остается твое предложение.

Декстер остановился, глядя на нее растерянно:

— Какое предложение?

— Ты разве не помнишь, — тоже остановившись, сказала Эмма, — что пообещал жениться на мне, если к сорока годам я так и не выйду замуж?

— Это я так сказал? — Он поморщился. — Несколько самонадеянно с моей стороны.

— Мне тогда тоже так казалось. Но ты не волнуйся, твое обещание вряд ли имеет законную силу, да и я не стану тебя принуждать. К тому же до срока еще шесть лет. Что угодно может произойти за это время...

Она пошла дальше, но Декстер остался стоять на месте, потирая затылок, как мальчик, который собирается признаться, что разбил дорогую вазу.

— Боюсь, мне придется взять свои слова обратно.

Эмма остановилась и обернулась.

— Правда? Но почему? — спросила она, в глубине души зная ответ.

— Я уже занят, — ответил он, приблизившись.

Эмма моргнула, точнее, очень медленно открыла и закрыла глаза.

— В каком смысле занят?

— Я и Сильви, мы собираемся пожениться.

Одно мгновение, всего полсекунды и лицо Декстера, и лицо Эммы выражало то, что они чувствуют на самом деле. А потом Эмма улыбнулась, засмеялась и обняла Декстера за шею:

— Ох, Декстер! Это же здорово! Поздравляю! — Она потянулась, чтобы поцеловать его в щеку, но в этот момент он повернул голову, и их губы на мгновение соприкоснулись. Эмма и Декстер ощутили вкус шампанского на губах друг друга.

— Ты рада?

— Рада? Я в ужасе! Но нет, серьезно, это же потрясающая новость!

— Ты в самом деле так считаешь?

— Даже не потрясающая, а... улетная! Улетная и чумовая новость! Это так олдскульно!

Он сделал шаг назад и вынул из внутреннего кармана пиджака плотный конверт из дорогой сиреневой бумаги:

— Вообще-то, я из-за этого и затащил тебя сюда. Хотел вручить тебе лично.

Эмма взяла конверт двумя пальцами и заглянула внутрь. Конверт был отделан папиросной бумагой, а само приглашение, кажется, было сделано из папируса или пергамента с неровными краями, как будто оторванными вручную.

— Вот это приглашение так приглашение. — Она приподняла его на кончиках пальцев.

— Нравится?

— Бумага очень дорогая.

— Восемь фунтов за лист.

— Дороже, чем моя машина.

— А ты его понюхай.

— Понюхать? — Эмма с осторожностью поднесла приглашение к носу. — Оно пахнет! Ты заказал ароматизированные свадебные приглашения?

— Должно пахнуть лавандой.

— Нет, Декс, деньгами. Оно пахнет деньгами. — Она аккуратно развернула приглашение, а он наблюдал, как она читает, и ему вдруг вспомнилось, как она откидывала пальцами челку со лба. — «Мистер и миссис Коуп имеют честь пригласить вас на бракосочетание их дочери Сильви с Декстером Мэйхью...» Не могу поверить, что действительно это читаю! «В субботу, 14 сентября». Минуточку, ведь это уже...

— Через семь недель, — сказал Декстер и взглянул в ее лицо, в ее чудесное лицо, чтобы посмотреть, как оно изменится, когда он ей скажет.

— Семь недель? Разве в наше время к свадьбе не готовятся годами?

— Обычно так и бывает, только вот нам придется поторопиться.

Эмма нахмурилась, не совсем понимая смысл его слов.

— Будет триста пятьдесят гостей. И шотландские танцы.

— Я не поняла...

— Сильви вроде как беременна. Точнее, не *вроде как*. Она беременна. На самом деле. Там настоящий ребенок.

— О, Декстер! — И снова ее лицо оказалось рядом с его лицом. — А ты знаешь, кто отец? Шучу! Мои поздравления! Декс, в самом деле, ну нельзя же так сразу обрушивать столько информации, ты бы хоть подождал немного. — Она прислонила ладони к его щекам, посмотрела на него: — Неужели ты женишься?

— Да!

— И ты станешь отцом?

— Знаю! Сам поверить не могу: я — и отец!

— А это не противозаконно? Тебе позволят?

— Видимо, да.

— У тебя еще осталась та сигаретка? — Он полез в карман. — И что по этому поводу думает Сильви?

— О, она в восторге! Только беспокоится, что растолстеет.

— Ну, такую возможность нельзя исключать.

Он зажег ее сигарету.

— Но она тоже мечтает об этом — выйти замуж, завести детей, начать семейную жизнь. Ей не хочется однажды проснуться и понять, что ей далеко за тридцать и она совсем одна.

— Совсем как я!!!

— Вот именно — она не хочет кончить, как ты! — Он поспешно взял ее за руку. — Я не то хотел сказать.

— Я понимаю. Я шучу, Декстер, поздравляю тебя.

— Спасибо. Спасибо. — Он помолчал. — Дай мне разок затянуться. — Декстер протянул руку, вынул из ее рта сигарету и зажал ее между губ. — Вот, смотри... — Он достал из бумажника квадратик бумаги, на котором были изображены какие-то пятна, и поднес его к дававшей белесый свет лампе. — УЗИ в двенадцать недель. Чудо, правда?

Эмма взяла у него фотографию и сделала вид, что вглядывается в изображение, как подобает случаю. Красоту ультразвуковых снимков по-настоящему могут оценить лишь родители, но Эмме и раньше приходилось видеть такие фотографии, и она знала, что от нее требуется.

— Чудо, — со вздохом умиления произнесла она, хотя с таким же успехом могла бы восторгаться поляроидным снимком внутреннего кармана Декстера.

— Вот видишь — это позвоночник.

— Какой красивый позвоночник.
— Можно даже увидеть маленькие пальчики.
— Ммм... Мальчик или девочка?
— Девочка, надеюсь. Или мальчик. Мне все равно. Но как ты думаешь, это ведь здорово?

— Конечно. Это же просто чудесно. Черт, Декстер, стоит на минутку потерять тебя из виду, и...

Она снова обняла его, положив ладони ему на затылок. Эмма чувствовала себя пьяной; ее переполняла нежность, но вместе с тем и грусть, как при расставании. Ей хотелось рассказать об этом Декстеру, и она решила, что лучше сделать это в шуточной форме.

— Хотя ты только что разрушил мой последний шанс на счастье в будущем, я за тебя рада, правда.

Он опустил голову и взглянул на нее, и вдруг между ними что-то задвигалось — что-то живое завибрировало у него в груди.

Эмма положила руку ему на грудь:

— Это твое сердце?

— Это мой телефон.

Она отступила, позволив ему достать телефон из внутреннего кармана. Взглянув на дисплей, он слегка тряхнул головой, чтобы протрезветь, и виновато отдал Эмме сигарету, словно то был дымящийся револьвер. Быстро пробормотал: «Только бы она не поняла, что я пьян», изобразил на лице улыбку телефонного продавца, нажал клавишу соединения и сказал:

— Привет, любовь моя!

— Ты где?

Эмма слышала голос Сильви.

— Я... кажется, я заблудился.

— Заблудился? Как тут можно заблудиться?

— Ну, я в лабиринте, поэтому...

— *В лабиринте?* Что ты там делаешь?

— Да так... просто тусуюсь. Мы думали, будет весело.

— Что ж, Декс, я рада, что *вам* весело, а мне тут приходится слушать рассказы какого-то старого одуванчика про Новую Зеландию...

— Я понимаю, и уже давно пытаюсь отсюда выбраться, но, видишь ли, тут так все запутано! — Он прыснул со смеху, но Сильви молчала. — Алло? Ты все еще там? Ты меня слышишь?

— Ты там один, Декстер?

Он искоса взглянул на Эмму, которая по-прежнему притворялась, что восторгается изображением, полученным во время ультразвукового

исследования. Недолго думая, повернулся к ней спиной и решил соврать:

— Вообще-то, тут целая куча народу. Мы еще минут пятнадцать тут побегаем, а потом выроем тоннель, а если это не сработает, придется кого-нибудь съесть.

— Слава богу, Кэллум идет! Хоть будет с кем поговорить. Поторопись, ладно?

— Уже иду. Пока, дорогая! — Он нажал клавишу «Отбой» и обернулся к Эмме: — Ну как, пьяный у меня был голос?

— Ни капельки, — ответила она.

— Надо выбираться отсюда.

— Ничего против не имею. — Она безнадежно огляделась по сторонам. — Надо было оставить след из хлебных крошек.

Тут же, точно в ответ на ее замечание, раздалось гудение, затем щелчок, и все лампочки, освещавшие лабиринт, погасли одна за другой. Эмма и Декстер погрузились в темноту.

— Очень кстати, — проговорил Декстер. Несколько секунд они стояли неподвижно, пока глаза привыкали к темноте. Где-то вдалеке музыканты играли мелодию песни «It's Raining Men»,^[49] и они прислушались к глухим звукам, пытаясь определить свое местонахождение.

— Надо выбираться, — сказала Эмма. — Пока не пошел дождь. Из мужчин.

— Полностью согласен.

— Есть такая подсказка, — продолжала она. — Насколько я помню, надо положить левую руку на стену и, не убирая ее, идти вперед — рано или поздно выйдешь.

— Давай так и сделаем! — Он разлил по бокалам остатки шампанского и поставил пустую бутылку на землю. Эмма сняла туфли, коснулась кустарника кончиками пальцев, и они не очень решительно двинулись по темному коридору из листьев.

— Так ты придешь? На мою свадьбу.

— Конечно, приду. Правда, не могу обещать, что все не испорчу.

«Он должен был жениться на мне»! Оба улыбнулись в темноте, пройдя еще немного вперед.

— Вообще-то, у меня к тебе просьба.

— Только не проси меня становиться другом жениха, Декс.

— Нет, не это. Просто я давно уже пытаюсь написать речь, и хотел спросить — ты мне не поможешь?

— Нет! — со смехом сказала Эмма.

— Почему?

— Потому что, если я напишу речь, она не будет такой эмоциональной, как надо. Просто честно напиши о том, что чувствуешь.

— Не самая удачная мысль, по-моему. «Спасибо за всю эту вкусную жратву, и, кстати, я сейчас обделаюсь от страха». — Он всмотрелся в темноту. — Ты уверена, что твой метод работает? По-моему, мы только глубже заходим.

— Доверься мне.

— Да я и не хочу, чтобы ты все написала за меня... так, просто улучшить кое-что...

— Извини, тут я тебе помогать не стану. — Они остановились на пересечении трех дорожек.

— Тут мы уже были.

— Поверь, я знаю, что делаю. Идем дальше.

Они молча продолжили путь. Музыканты теперь играли композицию «1999» Принса под восторженные крики гостей.

— Когда я впервые услышала эту песню, — сказала Эмма, — то подумала: это что-то из области фантастики. Тысяча девятьсот девяносто девятый год. Летающие автомобили, еда в виде таблеток и путешествия на Луну. И вот тысяча девятьсот девяносто девятый год наступил, а я по-прежнему вожу потрепанный «фиат». Ничего не изменилось.

— Только вот я стал семейным человеком.

— Семейный человек. Черт, тебе не страшно?

— Бывает. А потом смотрю на болванов, которым как-то удается воспитывать детей. Все время говорю себе: если у Миффи Бьюкенен получилось, неужели это так сложно?

— Знаешь, с младенцем не пустят в бар. Почему-то владельцам баров это не нравится.

— Ничего страшного. Придется полюбить домашние посиделки.

— Но ты счастлив?

— Да... кажется. А ты?

— Счастливее, чем раньше. Вроде как.

— Вроде как. Ну, *вроде как* не так уж плохо.

— Стоит ли надеяться на большее!

Эмма нащупала выступ, показавшийся знакомым, и поняла, где они находятся. Надо повернуть направо, а потом налево, и они вновь окажутся в розовом саду и попадут на вечеринку; Декстер вернется к своей невесте и друзьям, и у нее уже не будет времени, чтобы с ним поговорить. Почувствовав щемящую тоску, Эмма остановилась и взяла ладони Декстера в свои руки:

— Можно сказать тебе кое-что? Прежде чем мы вернемся на вечеринку?

— Говори.

— Я немного пьяна.

— Я тоже. Ничего.

— Просто... я так скучала по тебе.

— Я тоже по тебе скучал.

— Но мне очень, очень тебя не хватало, Декстер. Мне стольким надо было с тобой поделиться, а тебя рядом не было...

— Я чувствовал то же самое.

— И мне немножко стыдно, что тогда так от тебя убежала.

— Правда? А я тебя не виню. Я и впрямь иногда был немного... противным.

— Немного? Да ты был ужасен.

— Знаю.

— Ты был эгоистом, самовлюбленным и жутким занудой, между прочим...

— Я понял.

— И все равно. Надо было учесть, что ты переживал из-за мамы...

— Меня это не оправдывает.

— Нет, конечно, но это не могло на тебя не повлиять.

— Я все еще храню твое письмо. Замечательное письмо, я очень тебе благодарен.

— И все же надо было не только письмом ограничиться. Ведь друзей не бросают, верно? Я должна была принять удар на себя.

— Я тебя не виню.

— Все равно. — К своему стыду, Эмма поняла, что плачет.

— Эй, эй... что с тобой, Эм?

— Прости, я просто много выпила, и...

— Иди сюда.

Он обнял ее, прислонившись лицом к ее шее, пахнувшей шампунем и мокрым шелком, а она уткнулась ему в шею, вдыхая запах его лосьона, пота и алкоголя, запах его костюма. Так они стояли некоторое время, а потом Эмма перевела дыхание и заговорила:

— Я скажу тебе, в чем дело. Понимаешь... когда мы не виделись, я думала о тебе каждый день — не шучу, каждый день о тебе вспоминала.

— Я тоже о тебе вспоминал.

— Даже если просто думала: «Эх, видел бы это Декстер!», или «Интересно, где сейчас Декстер?», или «Господи, какой же идиот этот

Декстер». Понимаешь, о чем я? А когда я увидела тебя сегодня, я решила, что ты ко мне вернулся — мой лучший друг. Но теперь всё это навалилось: эта свадьба, ребенок, — и я очень, очень счастлива за тебя, Декс. Но у меня такое чувство, как будто я снова тебя потеряла.

— Потеряла? Как это?

— Ну знаешь, как бывает, когда у тебя семья: столько ответственности, — и перестаешь общаться с друзьями...

— Необязательно.

— Нет, серьезно, это же сплошь и рядом происходит, мне ли не знать. У тебя теперь будут другие приоритеты, другие новые друзья — все эти красивые молодые парочки, с которыми вы познакомитесь на занятиях по подготовке к родам, и у них тоже будут дети, новые знакомые будут тебя понимать, или ты просто будешь слишком уставать из-за того, что всю ночь не спал.

— Ну, вообще-то мы собираемся завести одного из тех детей, с кем не возникнет проблем. Его можно будет просто оставлять одного в комнате. Даже с консервным ножом и газовой духовкой. — Он почувствовал, как она смеется, уткнувшись ему в грудь, и в этот момент в голове его проскользнула мысль: разве может быть что-то лучшее в жизни, чем когда Эмма Морли смеется над его шутками? — Я не стану одним из тех ненормальных родителей, обещаю.

— Правда?

— Клянусь.

Она отстранилась и взглянула на него:

— Клянешься, что больше не исчезнешь?

— Нет, если ты не исчезнешь.

Их крепко сжатые губы вдруг соприкоснулись. Эмма и Декстер замерли на мгновение в счастливом оцепенении, стоя с открытыми глазами, совершенно неподвижно.

— Сколько времени? — спросила Эмма, в панике отвернувшись.

Декстер сдвинул рукав пиджака и взглянул на часы:

— Почти полночь.

— Что ж! Нам пора.

Они зашагали молча, точно не понимая, что сейчас произошло и что будет дальше. Два поворота, и вот они на выходе из лабиринта, еще чуть-чуть — и вернутся к гостям. Эмма уже хотела открыть тяжелую дубовую дверь, когда Декстер взял ее за руку:

— Эм?

— Декс?

Ему хотелось отвести ее обратно в лабиринт. Он бы выключил телефон, и они бы остались там до конца вечеринки — заблудились бы и говорили, говорили обо всем, что произошло за прошедшее время.

— Друзья? — наконец проговорил он.

— Друзья. — Она отпустила его руку. — А теперь пойдем отыщем твою невесту. Хочу ее поздравить.

Глава 14

Отцовство

Суббота, 15 июля 2000 года

Ричмонд, графство Суррей

Жасмин Элизабет Виола Мэйхью.

Она родилась поздним вечером третьего дня нового тысячелетия, поэтому всегда будет ровесницей века. Маленькая, но здоровая — 6 фунтов, 6 унций — и, в глазах Декстера, невыразимо прекрасная. Он знал, что готов отдать ради нее жизнь, одновременно понимая, что подобная надобность в этом вряд ли когда-нибудь возникнет.

В ту ночь, сидя в низком и жестком больничном кресле и прижимая к груди крошечный сверток, внутри которого виднелось пурпурное личико, Декстер Мэйхью дал себе торжественную клятву. Он поклялся поступать впредь только правильно. Не считая нескольких биологических и сексуальных проявлений, отныне не будет ничего, что он не смог бы сказать или сделать в присутствии дочери. Он будет проживать свою жизнь так, словно на него постоянно пристально смотрит Жасмин. Никогда не сделает ничего, что могло бы вызвать у нее боль или смущение; ему больше будет нечего, абсолютно нечего стыдиться в жизни.

Он держал свою торжественную клятву примерно девяносто пять следующих минут. Затем, сидя в туалете, он попытался выдуть сигаретный дым в бутылку из-под минеральной воды «Эвиан», должно быть, немного промахнулся, и сработала пожарная сигнализация, разбудив измученную жену и дочь, которым так нужен был драгоценный сон. Когда его вывели из туалета, он все еще сжимал закрытую бутылку, наполненную серовато-желтым дымом, и взгляд усталых и прищуренных глаз жены сказал ему всё — Декстер Мэйхью попросту не годился на роль отца.

Растущий антагонизм между ним и Сильви усугублял тот факт, что с началом нового тысячелетия он остался без работы и даже без перспектив ее получить. Эфир «Спортивного экстрима!» отодвигали все дальше к рассветным часам, пока не стало ясно, что никто, даже экстремальные велосипедисты, не смотрит телевизор так поздно в будни, какие бы улетные

чумовые, олдскульные трюки там ни показывали. Программе пришел конец, и отпуск по уходу за ребенком перешел в куда менее гламурное состояние безработицы.

Переезд временно его отвлек. Несмотря на все его возражения, холостяцкая квартира в Белсайз-Парк была сдана в наем за немалую ежемесячную оплату. На эти деньги молодожены арендовали аккуратный домик с террасой в Ричмонде, обладавший, по словам агента, «большим потенциалом». Декстер запротестовал, что слишком молод, чтобы переезжать в Суррей, что согласен на это лишь лет через тридцать пять, однако ему нечего было противопоставить качеству жизни, хорошим школам, хорошим дорогам и оленям, гулявшим по парку. Родители Сильви жили рядом, близнецы жили рядом — поэтому пришлось согласиться на Суррей. И вот в мае началась длительная, требующая бесконечных финансовых вложений канитель со шлифовкой всех возможных деревянных поверхностей и сносом всех ненесущих стен. Спортивную «мазду» пришлось продать, пожертвовав ею ради подержанной «семейной» машины, в салоне которой стоял запах рвоты детей предыдущих владельцев, и избавиться от него было совершенно невозможно.

Для семьи Мэйхью этот год был поистине монументальным, но почему-то устройство гнезда приносило Декстеру куда меньше удовольствия, чем он рассчитывал. Семейная жизнь представлялась ему чем-то вроде длинной рекламы магазина «Всё для ремонта»: симпатичная молодая пара в одинаковых голубых комбинезонах, с валиками для покраски в руках, достает тарелки из старого комода и плюхается на большой старый диван. Его воображение рисовало прогулки с лохматыми собаками по парку и утомительные, но такие приятные ночные кормления. А когда-нибудь в будущем у них появится пруд с камешками, и вместе с женой он будет разводить костры на пляже и жарить макрель на углях. Он станет придумывать веселые домашние игры и вешать полки. Сильви будет носить его старые рубашки, надевая их на голое тело. А он — свитера грубой вязки. Он будет постоянно носить свитера грубой вязки и заботиться о своем семействе.

Но в реальной жизни его ждали ссоры, злоба и угрюмые взгляды сквозь тонкую дымку гипсовой пыли. Сильви стала всё чаще бывать у родителей под предлогом того, что не хочет иметь дело с рабочими, но на самом деле — чтобы держаться подальше от своего никчемного апатичного мужа. Иногда она звонила ему и предлагала повидаться с Кэллумом, королем лангустинов, и согласиться на ту работу, что тот предлагал, но Декстер упрямылся. Может, его карьера ведущего еще наладится, или он

может стать продюсером или переучиться на оператора или редактора. А пока он может помочь рабочим, тем самым сократив расходы. Так и вышло: теперь он заваривал чай и ходил в магазин за печеньем, научился немного говорить по-польски и играл с помощью приставки Playstation под сверхзвуковой визг циклевального аппарата.

Когда-то давно ему было интересно, что случается с людьми, которые работают на телевидении, когда те стареют, и теперь он знал ответ. Редакторам и операторам-стажерам было по двадцать четыре, двадцать пять лет, а продюсерского опыта у него не было. Его собственная независимая компания «Мэйхем ТВ» из бизнеса превратилась в оправдание собственного безделья. В конце года компанию пришлось распустить, чтобы избавиться от затрат на бухгалтерию, и двадцать стопок оптимистично логотипированной бумаги с позором отправились на чердак. Единственным светлым пятном в его жизни было то, что он снова стал проводить время с Эммой; он сбегал с ней в кино, когда должен был класть плитку с Георгом и Лехом. Но то чувство уныния, которое испытываешь, когда выходишь из кинотеатра на солнце во вторник днем, в последнее время стало для него просто невыносимым. Как же его клятва быть идеальным отцом? У него теперь есть обязательства. В начале июня он наконец сломался, договорился о встрече с Кэллумом О'Нилом и стал частью одной большой семьи под названием «Натуральная пища».

* * *

И вот в День святого Свитина Декстер Мэйхью, в рубашке цвета овсянки с короткими рукавами и галстукe цвета грибного супа, принимает крупную ежедневную партию руколы для нового филиала в районе вокзала Виктория. Декстер пересчитывает коробки с зелеными листьями, а водитель стоит рядом со своей папочкой, откровенно уставившись на него, и Декстер знает, что за этим следует.

— Парень, а ты раньше по телику не выступал?

Ну вот, опять...

— Это было давным-давно, — беспечно отвечает он.

— Как та программа называлась? «Ушибись» или что-то вроде того.

Не смотри на него.

— И она в том числе. Так мне подписать счет-фактуру?

— А еще ты встречался со Сьюки Медоуз!

Улыбайся. Улыбайся.

— Как я уже сказал, это было очень давно. Одна, две, три коробки...
— Сейчас, куда ни посмотри, везде она, верно?
— Шесть, семь, восемь...
— Красотка эта Сьюки.
— Да, она очень милая. Девять, десять...
— Ну и как оно, с ней встречаться?
— Если не оглохнешь, нормально.
— А что с тобой-то случилось?
— Жизнь. Жизнь случилась. — Он выдернул папку из рук водителя. — Мне здесь расписаться?
— Ага. Здесь и расписывайся.

Декстер ставит автограф на счет-фактуре, запускает руку в верхнюю коробку, берет пригоршню руколы и пробует на свежесть. «Рукола — айсберг наших дней», — любит говорить Кэллум, но Декстеру она кажется горькой.

Головной офис «Натуральной пищи» находится на складе в Клеркенвелле; там просторно, чисто и современно, повсюду соковыжималки и кресла-подушки, общие туалеты, высокоскоростной Интернет и автоматы для игры в пинбол, а на стенах — гигантские полотна в стиле Уорхола с изображением коров, цыплят и лангустинов. Больше похожий на спальню подростка, чем на рабочее место, этот офис получил от архитекторов название «креативное пространство» (писалось оно непременно шрифтом «Гельветика» и с маленькой буквы). Но прежде чем Декстеру позволят войти в креативное пространство, он должен обучиться азам. Кэл очень настаивает на том, чтобы все его будущие менеджеры сначала научились выполнять грязную работу, поэтому Декстер и проходит месячную стажировку, работая помощником менеджера в новом филиале империи. Последние три недели он чистил соковыжималки, носил сеточку на голове и готовил сэндвичи, молот кофе, обслуживал посетителей, и всё это было не так уж плохо. В конце концов, в этом и есть суть бизнеса — в бизнесе главное люди.

Но когда его узнают, когда он видит на лице клиента мимолетную жалость к бывшей телезвезде, который теперь приносит им суп, Декстеру становится не по себе. Ужаснее всего отношение ровесников, тем, кому немного за тридцать. Они считают, что добиться славы, пусть и местечковой, а потом потерять ее, состариться и чуть-чуть располнеть — все равно что быть ходячим трупом. Они таращатся на Декстера из-за прилавка, как на заключенного с кандалами на ногах. «А в жизни вы ниже, чем на экране», — говорят они, и действительно, он и самому себе теперь

кажется ниже. «Ничего, у меня все в порядке, — хочет ответить он, разливая индийский чечевичный суп. — У меня все хорошо. Я наконец обрел спокойствие. Мне нравится здесь, да и временно это. Я учусь новой профессии, чтобы прокормить свою семью. Хотите булочку? С отрубями или зерновую?»

Утренняя смена в кафе длится с 6.30 до 16.30, и, сдав кассу, он вливается в толпу отправившихся за покупками в субботу и садится в электричку до Ричмонда. Затем ему предстоит скучная двадцатиминутная прогулка по улице, застроенной викторианскими домами, которые намного, намного больше, чем кажутся снаружи, и вот он дома, в Царстве Коликов. Шагая по садовой тропинке (у него есть садовая тропинка — как это произошло?), он видит Георга и Леха, которые закрывают входную дверь, и, как полагается при разговоре с рабочими, даже если они поляки, заговаривает приятельским тоном с легким акцентом кокни:

— Cześć! Jak się masz?^[50]

— Добрый вечер, Декстер, — снисходительно отвечает Лех.

— Миссис Мэйхью, она есть дома? — С иностранцами всегда надо говорить неграмотно — правило такое.

— Да, дома.

— И как они сегодня? — шепотом говорит он.

— Немного... устали, кажется.

Декстер хмурится и притворно тяжело вздыхает:

— Так мне стоит волноваться?

— Пожалуй, немножко.

— Вот... — Декстер роется во внутреннем кармане и протягивает ребятам по медово-финиковому контрабандному батончику из «Натуральной пищи». — Стажил на работе. Только никому не говорите, да?

— О'кей, Декстер.

— Do widzenia!^[51]

Он подходит к входной двери и достает ключ, зная почти наверняка, что кто-то из двух женщин в доме сейчас плачет, маленькая или большая. Иногда ему кажется, что они делают это по графику.

Жасмин Элизабет Виола Мэйхью ждет его в коридоре, неустойчиво сидя на целлофановой пленке, покрывающей свежеотциклеванные полы. У Жасмин овальное личико и мелкие, аккуратные и идеальные черты; она миниатюрная копия своей матери, и в который раз при виде дочери его охватывает чувство безграничной любви с примесью отчаянного ужаса.

— Здравствуй, Жас. Извини за опоздание. — Он подхватывает ее под

животик и поднимает над головой. — Как прошел твой день, Жас?

Голос из гостиной:

— Прекрати ее так называть. Ее зовут Жасмин, а не Жас. — Сильви лежит на застеленном целлофаном диване и читает журнал. — Жас Мэйхью — это просто ужасно. Так зовут саксофонисток в лесбийских фанк-группах. Жас.

Он усаживает дочку на одну руку и встает в дверях:

— Ну, раз ты назвала ее Жасмин, все будут звать ее Жас.

— Я ее не называла, мы вместе выбрали имя. И я знаю, что ее так будут звать, но мне это не нравится.

— Хорошо, отныне я буду разговаривать с нашей дочерью совсем иначе.

— Мне бы этого хотелось.

Он встает у дивана, картинно смотрит на часы и думает: «Новый мировой рекорд! Я вошел в дом сорок пять секунд назад и уже чем-то ей не угодил!» В этих словах его настолько идеально сочетаются жалость к себе и враждебность к Сильви, что он уже хочет произнести их вслух, но тут она садится, хмурится, обхватывает себя за колени и плачет.

— Прости, милый. У меня был ужасный день.

— Ну что такое?

— Она совсем не хочет спать. Весь день не спала, ни минуты с пяти утра.

Декстер упирает кулак в бок и говорит:

— Надо было перевести ее на кофе без кофеина, как я тебе говорил... — Он не большой спец в подобном юморе, и Сильви не улыбается.

— Она целый день плачет и хнычет, на улице так жарко, а в доме так скучно, Георг и Лех весь день молотят кувалдами, а я... я даже не знаю, я просто устала от всего этого. — Декстер садится рядом с Сильви, обнимает ее и целует в лоб. — Мне кажется, если я еще хоть раз пойду в этот дурацкий парк, то просто закричу!

— Недолго осталось.

— Я хожу и хожу вокруг озера, потом иду к качелям, затем снова хожу вокруг озера. Знаешь, какая самая большая радость случилась со мной сегодня? Я думала, что у меня кончились подгузники и придется ехать за ними в «Уэйтроуз», а потом взяла и нашла их! Я нашла четыре подгузника, и это было такое счастье!

— Не расстраивайся, тебе через месяц на работу.

— Слава богу. — Она кладет голову ему на плечо и вздыхает. —

Может, не ходить никуда сегодня?

— Нет, иди обязательно! Ты несколько недель ждала этого вечера!

— Что-то у меня нет настроения. Девичник. Я слишком стара для девичников.

— Ерунда.

— И я буду беспокоиться...

— Беспокоиться обо мне?

— О том, что ты один.

— Мне тридцать пять лет, Сильви, и я уже раньше оставался дома один! К тому же я буду не один, Жас за мной присмотрит. У нас все будет хорошо, правда, Жас?.. Мин. Жасмин.

— Ты уверен?

— Абсолютно. — Она мне не доверяет, думает он. Думает, я напьюсь. Но этого не случится. Нет, этого не будет.

Девичник устраивает Рэчел, самая худая и стервозная из подруг жены; для этих целей она сняла номер люкс в отеле, где им всем предстоит переночевать. Сервис включает симпатичного бармена, которого можно использовать как заблагорассудится. Лимузин, ресторан, столик в ночном клубе и бранч на следующий День — всё было спланировано заранее в письмах приказного тона, абсолютно исключая любых отклонения от плана или возможность повеселиться. Сильви вернется лишь завтра вечером — впервые Декстер остается главным на всю ночь. Сильви стоит в ванной, красится и косится на Декстера, который купает Жасмин.

— Уложи ее часов в восемь, ладно? Через сорок минут.

— Хорошо.

— На кухне молочная смесь, и еще я сделала пюрешки. — *Пюрешки* — как же его бесит, когда она так говорит! — Они в холодильнике.

— Пюрешки в холодильнике, понял.

— Если ей не понравится, в шкафу есть готовое пюре в баночках, но это только на экстренный случай.

— А чипсы? Ей же можно чипсы? Я стряхну лишнюю соль...

Сильви недовольно щелкает языком, качает головой и красит губы.

— Не забудь поддерживать головку.

— А соленые орешки? Она же уже большая девочка, верно? Как насчет маленькой порции орешков? — Он оборачивается и смотрит через плечо — вдруг ему все-таки удалось вызвать у жены улыбку? И вздрагивает, как часто бывает, от того, какая она красивая — в простом, но элегантном коротком черном платье, туфлях на высоких каблуках, с все еще влажными после душа волосами. Высунув руку из ванны, он поглаживает

загорелую ножку Сильви.

— У тебя руки мокрые, — говорит она с недовольством, отдергивая ногу.

Они не занимались сексом уже шесть недель. Он знал, что после родов она будет холодна и раздражительна, но прошло немало времени, и иногда она так на него смотрит — нет, не с презрением, а...

— Жаль, что ты сегодня не вернешься, — говорит он.

Разочарованно. В его глазах отражается разочарование.

— Следи за Жасмин! Поддерживай головку!

— Черт, Сильви, я знаю, что делать! — сердито произносит он.

И снова этот взгляд. Сомнения быть не может: если бы у Сильви сохранился чек, она бы давно вернула его, Декстера Мэйхью, в магазин. Для нее он бракованный товар. Она на такое согласия не давала.

Звонок в дверь.

— Это такси. Если что-нибудь случится, звони мне на мобильный, а не в отель, ладно? — Сильви наклоняется и чмокает Декстера в затылок, затем склоняется над ванночкой и целует дочку, куда более нежно. — Спокойной ночи, драгоценная моя. Присмотри за папочкой, пока меня не будет.

Как только мать выходит из ванной, Жасмин хмурится и надувает губки; в ее глазах паника. Декстер видит это и смеется.

— Куда мамочка пошла? — шепчет он. — Не бросай меня с этим придурком!

Наконец внизу хлопает входная дверь. Сильви ушла, он остался один; теперь он свободен и может совершать любые идиотские поступки.

Все начинается с телевизора на кухне. Жасмин уже кричит во весь голос, когда Декстер безуспешно пытается пристегнуть ее к стульчику для кормления. С Сильви она бы сидела тихо, но с ним вся выкручивается и визжит — полный набор, шумовая и мускульная атака. Она извивается с поразительной силой и по совершенно неясной причине, и Декстер невольно думает: когда же она научится говорить, черт возьми?! Научись говорить, чертов ребенок, и скажи, что я делаю не так! Когда там дети учатся говорить? В год? В полтора? Бред какой-то, это конструкторская ошибка — их нежелание овладеть речью как раз тогда, когда это больше всего необходимо. Почему они не рождаются уже говорящими? Пусть это будет умение не вести связную беседу или поддерживать остроумный диалог, а всего лишь сообщать базовую практическую информацию! *Папа, у меня газики. Эта погремушка меня уже достала. Болит живот.*

Наконец ему удастся пристегнуть дочь, но теперь она попеременно кричит и хнычет, и, уловив момент между всхлипами, он запихивает ей в

ротик ложку с едой, время от времени делая паузу, чтобы вытереть размазавшееся пюре краем ложки, проводя ею, как бритвой. В надежде, что это успокоит Жасмин, он включает маленький переносной телевизор на кухонном столе, тот самый, что вызывает такое неодобрение у Сильви. Сегодня суббота, пиковое эфирное время, и на экране неизбежно возникает сияющая Сьюки Медоуз — она ведет прямую трансляцию из телестудии, зачитывая результаты лотереи перед всей страной, в нетерпении застывшей перед экранами. Он чувствует, как в животе у него все сжимается от зависти, затем прищелкивает языком, качает головой и хочет уже переключить программу, как вдруг замечает, что Жасмин притихла и сидит неподвижно, загипнотизированная оглушительным «У-хуу-уу!» его бывшей подружки.

— Смотри, Жасмин, папина бывшая подружка! Вот голосище, а? Как громко, громко она кричит!

Сьюки теперь разбогатела, стала еще более жизнерадостной и знаменитой, а публика ее обожает. И хотя он и Сьюки никогда не ладили и у них не было ничего общего, он испытывает что-то вроде тоски при виде бывшей подружки — тоски по тем безумным временам, когда ему было двадцать семь и его фотографии мелькали в газетах. Интересно, что сегодня делает Сьюки?

— Может, папочке лучше было с ней остаться, — ядовито произносит он вслух, вспоминая ночи в черных такси и коктейль-барах, ресторанах дорогих отелей и ночных клубах, годы, когда ему не приходилось проводить субботу, натянув на голову сеточку для волос и наполняя начинкой средиземноморские лепешки.

Жасмин снова плачет — ей в глаз попал сладкий картофель, — и, вытирая пюре, он вдруг чувствует, что ему просто необходимо закурить. Да и почему нет — разве нельзя себя побаловать после такого тяжелого дня? У него болит спина, потемневший пластырь на большом пальце отклеился, руки пахнут лангустинами и слабым кофе. Он решает, что заслужил награду. Ему нужен маленький никотиновый бонус.

Две минуты спустя он надевает рюкзак-кенгуру, исполнившись мужской гордости от того, что ему это под силу, и застегивая пряжки на лямках, точно это экстремальный парашют. Запихнув плачущую Жасмин спереди, он целенаправленно шагает по унылой аллее, обсаженной деревьями, к унылой торговой галерее. Как его сюда занесло? — думает он. В торговый центр в Суррее в субботу вечером? Это же даже не Ричмонд, а пригород пригорода; и он снова вспоминает Сьюки, которая наверняка сейчас тусуется где-нибудь со своими симпатичными подружками. Может,

звякнуть ей, когда Жасмин заснет — так, просто поздороваться? Выпить, потом позвонить старой подружке — а что в этом такого?

У входа в винный магазин от возбуждения у него чешутся руки; он толкает дверь и видит перед собой целую стену бутылок. С тех пор как Сильви забеременела, она ввела правило: в доме не должно быть алкоголя, чтобы не было искушения выпить бокальчик каждый день за ужином. «Скучно сидеть на диване во вторник вечером, — пожаловалась она, — когда ты там в одиночку напиваешься». Он воспринял это как личное оскорбление и перестал пить, более или менее. Но сейчас, раз уж он зашел в винный магазин, и тут столько всего вкусного, и все выглядит так привлекательно, просто глупо не воспользоваться случаем. Крепкий алкоголь и пиво, вина красные и белые... Он окидывает взглядом полки и берет две бутылки отличного бордо — вдруг одной будет мало? — и пачку сигарет. А потом — почему бы и нет? — заходит в тайский ресторан и заказывает еду навынос.

Вскоре заходит солнце, и Жасмин засыпает у него на груди. Он бодро шагает домой по уютной улочке в свой красивый маленький дом, который будет выглядеть просто замечательно после ремонта. Идет в кухню и, не вынимая из рюкзака спящего ребенка, открывает бутылку и наливает вино в бокал, изогнув руки, как делают балерины. Глядя на бокал почти с религиозным трепетом, он выпивает все до капли и думает, что не пить было бы гораздо легче, не будь вино таким вкусным. Он закрывает глаза и, опершись на кухонный стол, чувствует, как напряжение уходит. Было время, когда алкоголь был для него стимулятором: он пил, чтобы поднять себе настроение и набраться сил. Но теперь, как и для всех родителей, спиртное стало чем-то вроде вечернего успокоительного. Чувствуя себя более расслабленным, он устраивает спящего ребенка в гнездышке из подушек на диване и выходит в маленький загородный сад: вращающаяся сушилка для белья, доски, мешки с цементом. Рюкзачок по-прежнему на нем, и он ослабляет ремни, так что тот становится похож на наплечную кобуру. Декстер воображает себя полицейским после службы, эдаким тертым калачом из отдела по расследованию убийств, много повидавшим на своем веку, со сложным характером; он работает под прикрытием в Суррее, и это прикрытие включает уход за ребенком. Для довершения образа ему нужна лишь сигарета, первая за две недели. Он торжественно закуривает, смакуя бесподобную первую затяжку и втягивая воздух с такой силой, что слышно потрескивание табака. Горящие листья и бензин — запах 1995 года.

Мысли о работе, фалафелях и овсяных вафлях постепенно

улетучиваются, и появляется надежда, что вечер будет приятным; может, удастся даже предаться блаженному ничегонеделанию, а это настоящая нирвана для уставшего родителя. Закопав окурок поглубже в песок, он берет Жасмин, тихо поднимается на цыпочках в ее комнату и опускает сплошные жалюзи. Словно специалист по вскрытию сейфов, сейчас он попытается сменить дочери подгузник, не разбудив ее.

Но стоит ему уложить ее на коврик для пеленания, как она просыпается и снова начинает кричать — издавать ужасный, хриплый плач. Дыша ртом, он переодевает ее как можно быстрее и аккуратнее. Одним из положительных моментов в роли родителя было для Декстера то, насколько спокойно он воспринимал детские какашки; когда младенец ходил по-маленькому или по-большому, запаха совсем не было, и это казалось если не забавным, то, по крайней мере, безобидным. Его сестрица даже заявила, что готова намазывать детские какашки на тост, настолько безобидными и непахнущими они были.

И все же ему не нравилось, когда испражнения оказывались у него под ногтями, да и с тех пор, как ребенок стал есть молочные смеси и взрослую пищу, они стали все больше напоминать взрослые. В данный момент Жасмин выдавила из себя нечто похожее на полбанки арахисового масла, и он каким-то образом умудрился размазать все это по ее спине. От вина на голодный желудок у него слегка кружится голова; он пытается собрать и оттереть грязь детскими салфетками, а когда они кончаются — своим билетиком на одну поездку. Запихнув все еще теплый сверток в пакетик для грязных подгузников, пахнущий химикатами, он бросает его в мусорный бак, с отвращением заметив, что крышка запотела. Все это время Жасмин не перестает громко плакать. Надев на дочь свежий чистый подгузник, он берет ее на руки и кладет на плечо, пружиня на цыпочках, пока не начинают болеть икры, и — о чудо — она снова затихает.

Он идет к колыбельке и укладывает Жасмин, но крик немедленно возобновляется. Он берет ее на руки, и она замолкает. Кладет — снова крик. Закономерность ясна, и она кажется ему такой нечестной, такой несправедливой — от него требуется так много, когда в соседней комнате стынут яичные рулетки и ждет открытая бутылка вина, а тесная детская насквозь провоняла вспотевшим дерьмом! Фраза «безусловная любовь» в последнее время звучит сплошь и рядом, но сейчас он не прочь поставить кое-кому условия. «Да ладно тебе, Жас, это нечестно, будь лапочкой. Папочка сегодня с пяти утра на ногах, забыла?» Она снова умолкает, он чувствует ее ровное теплое дыхание на шее и снова пытается ее уложить, действуя на этот раз очень медленно — абсурдный танец лимбо — и едва

заметными движениями перемещая ее из вертикального положения в горизонтальное. Рюкзак-кобура все еще на нем, и он воображает себя экспертом по деактивации взрывчатки: осторожно... осторожно... осторожно...

Жасмин снова начинает кричать.

Он закрывает дверь, несмотря на ее крики, и спускается вниз. Надо проявить твердость. В книгах так и говорится: надо быть безжалостным. Если бы она умела разговаривать, он бы ей объяснил: Жасмин, нам обоим нужно время для себя. Он ужинает перед телевизором, в который раз поражаясь тому, как сложно игнорировать крики ребенка. В книгах это называется «контролируемый плач», но он больше не может себя контролировать; ему и самому хочется плакать, и в нем закипает викторианское негодование по отношению к жене — что за безответственная вертихвостка бросает ребенка на отца? Да как она смеет? Он делает звук телевизора громче и идет налить себе еще вина, но, к своему удивлению, обнаруживает, что бутылка пуста.

Ну и ничего. Нет такой родительской проблемы, которую не решить молоком. Он готовит смесь и поднимается вверх; голова немного кружится, в висках пульсирует кровь. Сердитое маленькое личико Жасмин добрее, когда он вкладывает бутылочку ей в руки. Но вскоре дочь снова начинает плакать, точнее, протяжно выть, и он замечает, что забыл завернуть крышку на бутылочке, из-за чего теплая смесь пролилась и промочила простыни, матрас, попала малышке в глаза и в нос, и та заходится в крике — да и с чего бы ей не кричать, когда папа пробрался в комнату и плеснул ей в лицо полпинты теплого молока? Он в панике тянется за пеленкой, но нащупывает лишь лучший кашемировый кардиган Сильви наверху стопки с чистой одеждой. Вытирая комковатую смесь, попавшую Жасмин в глаза и в волосы, он все время целует ее и ругает себя («идиот, идиот, идиот, прости, прости, прости»), а другой рукой начинает перестилать залитые молоком простыни, переодевать малышку и менять подгузник, бросая все грязные вещи в кучу на пол. Теперь он даже рад, что она не умеет разговаривать. «Посмотри на себя, придурок, — наверняка сказала бы она, — даже за ребенком не можешь присмотреть!» Спустившись вниз, он одной рукой готовит новую смесь, несет малышку вверх и кормит ее в темной комнате. Она снова кладет голову ему на плечо, успокаивается и засыпает.

Он тихо закрывает дверь и на цыпочках спускается по деревянной лестнице, чувствуя себя вором в собственном доме. На кухне ждет вторая открытая бутылка. Он наполняет бокал.

Уже почти десять. Он пытается следить за происходящим на экране телевизора — показывают эту новую программу, «Большой брат», но он ничего не понимает и чувствует глухое стариковское неодобрение нынешним состоянием телеиндустрии. «Не понимаю», — произносит он вслух. Ставит музыку — диск со специально подобранными композициями, которые должны создать иллюзию, будто находишься не дома, а в холле европейского отеля-бутика. Пытается читать журнал, брошенный Сильви, но не может даже на этом сосредоточиться. Тогда он включает игровую приставку, но ни шпионские игры, ни «стрелялки», ни бои с монстрами, ни даже финальный уровень «Лары Крофт» не способны принести ему покой. Что ему нужно, так это взрослая человеческая компания, разговор с тем, кто не только орет, хнычет или спит. Он тянется к телефону. Он уже откровенно пьян, и это состояние заставляет вспомнить о старой привычке — звонить какой-нибудь красивой женщине и говорить что-нибудь глупое.

* * *

У Стефани Шоу новый грудной отсос. Новая модель финского производства. Он жужжит и вибрирует под ее футболкой, как маленький внешний мотор. Они сидят на диване и пытаются смотреть «Большого брата».

Эмму ввели в заблуждение, пригласив на званый ужин; и вот, притащившись аж в Уайтчепел, она обнаружила, что Стефани с Адамом слишком устали, чтобы готовить угощение, и надеются, что она все понимает. И вот вместо ужина они сидят перед телевизором и болтают, а отсос тем временем все жужжит и жужжит, словно они на молочной ферме. Очередной веселенький вечерок из жизни крестной.

Есть вещи, о которых Эмма больше никогда не хотела бы говорить, и все они касаются младенцев. Первые несколько детей были ей в новинку; безусловно, есть что-то интригующее, забавное и трогательное в том, как черты друзей сплавляются и сливаются на маленьком лице. Да и всегда приятно, когда другие радуются.

Но должен же быть предел этой радости. Ей уже кажется, что каждый раз, когда она выходит из дому, это происходит с единственной целью — чтобы ей в лицо ткнули очередным новорожденным. Ее охватывает тот же ужас, как тогда, когда ей кто-нибудь предлагает просмотреть стопку отпускных фотографий толщиной с кирпич — рада, что вы хорошо

отдохнули, но я-то тут при чем? Для этих целей у Эммы заготовлено особое «заинтересованное лицо», которое она надевает, когда подруги рассказывают ей об ужасных схватках, разновидностях анестезии, о том, как они не выдержали и согласились на «эпидуралку», о страшной боли и последующем счастье.

Но она никак не может понять, что такого чудесного в рождении ребенка и положении молодых родителей в принципе. Ей не хочется слушать, как они жалуются на недосыпание, — наверняка же они знали, что их это ждет? У нее нет никакого желания умиляться, как улыбается ребеночек, или говорить, что сначала он был похож на мать, потом на отца или сначала на отца, а теперь у него мамин рот. И что за бредовая одержимость маленькими ручками, этими очаровательными крошечными ручками с такими масенькими ноготками — вот если бы у ребенка были громадные руки, это было бы куда интереснее! «Вы только посмотрите, какие у него гигантские ручищи, как он ими машет»! Вот это действительно была бы стоящая тема для разговора.

— Я сейчас усну, — бормочет Адам, муж Стефани, подпирая голову кулаком.

— Может, я лучше пойду? — спрашивает Эмма.

— Нет! Не уходи! — говорит Стефани, но не объясняет, почему ей уходить не стоит.

Эмма продолжает хрустеть чипсами. Что стало с ее друзьями? Раньше они были такими веселыми и любили веселиться, с ними было смешно и интересно. Но в последнее время слишком уж много стало у Эммы таких вечеров, проведенных точно так же, как этот, — с бледными и раздражительными парочками с пустыми глазами, в дурно пахнущих комнатах, где ей приходится восхищаться тем, как ребенок вырос, а не, к примеру, уменьшился. Как же ей надоело притворяться удивленной при виде ползущего ребенка, точно никто не мог предугадать, что рано или поздно он поползет! А что он должен сделать, полететь, что ли? Ей безразличен запах детской головки. Она как-то понюхала — так же пахнет ремешок часов изнутри.

В ее сумочке звонит телефон. Она достает его и видит на дисплее имя Декстера, но не отвечает. Нет, ей определенно не хочется тащиться из Уайтчепела в Ричмонд, чтобы полюбоваться, как он щекочет малышке Жасмин животик. Это почему-то особенно невыносимо — смотреть, как ее друзья-мужчины изображают молодых отцов. Измотанные, но терпеливые, уставшие, но такие модные в своих куртках, обеспечивающих идеальную терморегуляцию, и джинсах, с пивными животами под майками из

специальной дышащей ткани; а этот самодовольный вид, с которым они подбрасывают младенца в воздух! Они воображают себя отважными первопроходцами, первыми мужчинами в истории человечества, которым написали на вельветовый пиджак и срыгнули на голову.

Разумеется, вслух все это она не говорит. Ведь есть что-то неестественное в том, что женщина считает младенцев, точнее, разговоры о них скучными. Еще подумают, что она стервозная старая дева, которая «просто завидует». Ей также надоело, что все подряд твердят, как *ей повезло* — ведь она может спать сколько влезет и у нее столько свободного времени; она может ходить на свидания или взять и махнуть в Париж. И все это звучит так, будто они ее утешают, и она просто ненавидит их за это и чувствует их снисходительность. Можно подумать, она только и делает, что ездит в Париж! А больше всего ей докучают шутки про биологические часы — она слышит их от друзей, родных, в кино и по телевизору. Самое идиотское, тупое слово в английском языке — это «холостячка», и второе по тупости — «шокоголик». Она отказывается быть новым социологическим феноменом, о котором пишут в воскресных развлекательных журналах. Она признает все аргументы и практические доводы, но ничего не может с собой поделать. Да, порой она представляет себя в голубой больничной сорочке, в поту, испытывающей родовые муки, но вместо лица мужчины, что держит ее за руку, всегда клякса, и ей не хочется развивать эту фантазию.

Когда это случится — если это случится, — она тоже будет восторгаться ребенком, его маленькими ручками и даже запахом его мягкой головки. Она тоже будет спорить об эпидуральной анестезии, жаловаться на недосып и колики (что это за колики, кстати?). Может, однажды даже умилится при виде маленьких ботиночек. Но до тех пор она собирается держаться в стороне, хранить спокойствие и невозмутимость и быть выше всего этого. И тот, кто посмеет назвать ее «тетушкой Эммой», получит кулаком в нос.

Стефани закончила сцеживать грудное молоко и теперь демонстрирует его Адаму. Они приходят к общему выводу: этот новый отсос просто чудо.

— Жду не дождусь, когда и мне можно будет попробовать! — говорит Эмма, но никто не смеется, и, словно по команде, ребенок наверху просыпается.

— Знаете, что надо изобрести? — спрашивает Адам. — Детские салфетки, пропитанные хлороформом.

Стефани вздыхает и поднимается по лестнице, а Эмма решает, что ей действительно уже пора. Можно посидеть допоздна, поработать над

рукописью. Снова сигнал телефона. Голосовое сообщение от Декстера: приглашает ее в Суррей составить ему компанию.

Она выключает телефон.

* * *

— Я понимаю, что далеко, но, кажется, у меня послеродовая депрессия... Просто садись в такси, а я заплачу. Сильви нет дома! Впрочем, это и неважно... у нас есть гостевая комната, если захочешь переночевать. В общем, позвони, если получишь это сообщение. Пока. — Он умолкает, потом снова говорит «Пока» и завершает сообщение. Совершенно бессмысленное сообщение. Декстер моргает, встряхивает головой, подливает себе вина. Просматривая телефонный справочник дальше, доходит до «С»: «Сьюки мобильный».

Долго никто не отвечает, и он уже чувствует облегчение — ведь разве может звонок бывшей подружке хорошо кончиться? Он уже собирается прервать вызов, как вдруг слышит знакомый визг:

— Алло!!!

— Привет! — Он стряхивает пыль со своей «телевизионной» улыбки.

— Кто это?!! — Сьюки пытается перекричать какой-то веселый гомон — наверное, находится в ресторане.

— Специальный гость нашей программы!

— Что?!! Я вас не слышу!!!!

— А ты угадай кто!

— Что???? Я вас не слышу!!!!!!!

— Я говорю — угадай кто!

— НИЧЕГО НЕ СЛЫШНО, КТО ЭТО??!!

— Угадай!

— КТО ЭТО???!!

— Я СКАЗАЛ — УГАДАЙ! — Эта игра ему уже наскучила, поэтому он просто говорит: — Декстер!

Возникает минутная пауза.

— Декстер? Декстер Мэйхью?

— А у тебя много знакомых Декстеров, Сьюки?

— Нет, я поняла, какой Декстер, просто... У-хуууууу, Декстер!!!!
Привет, Декстер!!!! Погоди-ка минутку... — Он слышит звук отодвигаемого стула и представляет, как другие посетители ресторана заинтересованно провожают ее глазами, когда она выходит из-за столика и

идет в коридор. — Ну, Декстер, привет, как дела?

— Все хорошо, все хорошо, я просто звоню сказать, что увидел тебя сегодня по телевизору, вспомнил старые времена и решил: дай-ка позвоню Сьюки. Отлично выглядишь, кстати. По телевизору. И шоу мне понравилось. Классный формат. — *Классный формат?* Какой бред. — Ну что, как дела, Сьюки?

— О, у меня все прекрасно, все замечательно.

— Ты по всем каналам! Видимо, дела правда идут хорошо! Правда!

— Спасибо. Спасибо.

Молчание. Декстер проводит пальцем по клавише «Отбой». Надо прервать соединение. Имитировать, будто разговор случайно оборвался. Заканчивай это, отключайся, отключайся...

— Сколько мы не виделись, Декс? Лет пять!

— Знаю, просто я вспомнил о тебе, потому что увидел по телевизору. И ты так классно выглядишь! Ну, как дела? — Что он несет, ведь он уже это говорил! Надо сосредоточиться. — То есть ты сейчас где? Там очень шумно...

— В ресторане. Ужинаю с друзьями.

— Я кого-нибудь из них знаю?

— Не думаю. Это... мои новые друзья.

Новые друзья. Неужели в ее голосе прозвучала враждебность?

— Понятно. Ладно...

— Да. А ты где сейчас, Декстер?

— О, я дома.

— Дома? В субботу вечером? На тебя не похоже!

— Ну, знаешь... — Ему хочется сказать, что вообще-то он женат, что у него ребенок и он живет в пригороде, но он чувствует, что это нарушит всю бессмысленность этого звонка, поэтому молчит. Молчание длится некоторое время. Он замечает, что на хлопчатобумажном свитере, который он когда-то надевал в модный ночной клуб, засохла сосулькой слизь, вытекшая из носа Жасмин, и что кончики пальцев пахнут как-то по-новому — пакетами для грязных подгузников и креветочными чипсами. Коктейль не из приятных.

Первой заговаривает Сьюки:

— Там еду принесли...

— О, ну ладно тогда. Я просто вспомнил старые времена, подумал, что неплохо бы было увидеться. Сходим на ланч или выпьем...

Музыка затихает — Сьюки нашла укромный уголок.

— Знаешь что, Декстер? — Ее голос стал жестче. — Мне кажется, это

не очень хорошая идея.

— А, ну тогда...

— Мы не виделись пять лет, и это же не просто так, как думаешь?

— Я просто подумал...

— Ведь я тебе даже не нравилась, я тебя никогда не интересовала, ты почти все время был пьян...

— Неправда!

— Да ты даже не был верен мне, черт возьми, вечно шлялся где-нибудь и трахал официанток или девок на побегушках. Ума не приложу, что ударило тебе в голову, что ты решил вот так позвонить, будто мы старые приятели, и повспоминать *старые времена*, то есть те славные полгода с тобой, которые, на мой взгляд, были худшими в моей жизни!

— Понятно, Сьюки, — произносит он с возмущением. — Можешь не продолжать.

— К тому же у меня теперь новый парень, он очень, очень классный, и я очень счастлива. Между прочим, он меня сейчас ждет.

— Ах, так! Ну и иди к нему! Проваливай! — Он слышит, как наверху Жасмин начинает плакать — возможно, от стыда.

— Ты не можешь вот так напиться и позвонить ни с того ни с сего и ждать, что я...

— Да ничего я не жду, я просто... Черт, ладно, забудь! — Крик Жасмин эхом разносится по пустой деревянной лестнице.

— Что это за шум?

— Это ребенок.

— Какой ребенок?

— Мой ребенок. У меня дочь. Маленькая. Ей семь месяцев.

Сьюки молчит, и пауза длится так долго, что Декстер успевает ощутить стыд почти физически. Наконец она говорит:

— Так какого черта ты приглашаешь меня на свидание?

— Не свидание. Так просто. Выпить по-дружески.

— У меня *есть* друзья, — очень тихо произносит Сьюки. — Думаю, тебе лучше пойти к дочери, Декс.

И завершает разговор.

Декстер не сразу убирает телефон от уха — сидит и слушает гудки. Наконец он опускает телефон и смотрит на него, затем сильно встряхивает головой, словно его только что ударили. А ведь так оно и было.

— Вот и поговорили, — бормочет он.

Он открывает меню телефонного справочника: изменить контакт, удалить контакт. «Вы действительно хотите удалить Сьюки

мобильный»? — читает он вопрос. Да, черт, да, да, удалить ее, да! Он жмет на клавиши. Появляется надпись «Контакт удален», но этого недостаточно; его бы устроила надпись «Контакт уничтожен» или «Контакт убит»! Вопль Жасмин становится истошным, и он вдруг встает и швыряет телефон об стену. Тот оставляет черную отметину на окрашенной в пастельный цвет поверхности. Он бросает его снова, и тот оставляет вторую отметину.

Проклиная Сьюки, проклиная себя за то, что был таким дураком, он готовит маленькую бутылочку смеси, туго завинчивает крышку, кладет бутылку в карман, хватает вино и бежит по лестнице к Жасмин, которая уже не плачет, а издает просто ужасный хриплый скрежещущий звук. Декстер влетает в комнату.

— Какого хрена, Жасмин, заткнись же наконец!!! — кричит он и тут же зажимает рукой рот от стыда и сожаления. Жасмин сидит в колыбельке, глаза широко раскрыты от ужаса. Взяв ее на руки, он садится спиной к стене, и ее крики отдаются у него в груди; затем он кладет ее на колени, очень нежно гладит по лбу, а затем, когда и это не помогает, начинает тихонько гладить по затылку. Вроде бы у детей есть какое-то секретное местечко, которое полагается гладить большим пальцем? Он гладит ладошку Жасмин; та сердито сжимает и разжимает кулачок. Ничего не помогает. Его большие толстые пальцы нажимают и туда и сюда, но ничего не помогает. Может, она заболела? — думает Декстер. А может, все дело в том, что он не ее мать. Никчемный отец, никчемный муж, никчемный друг, никчемный сын.

Но что, если она заболела? Наверное, колики, думает он. Или зубы — может, зубы режутся? Его охватывает тревога. Может, поехать в больницу? Только вот он слишком пьян и не может сесть за руль. От него никакой пользы, никчемный человек! «Хватит, надо сосредоточиться», — вслух произносит Декстер. На полке стоит какое-то лекарство, на флакончике написано: «Может вызвать сонливость» — самые прекрасные слова на свете. А когда-то самыми прекрасными были слова «Можно поспать в твоей футболке?». А теперь вот это — «Может вызвать сонливость».

Он укачивает Жасмин на колене, пока та немного не успокаивается, затем подносит к ее губам полную ложку и ждет, пока она проглотит отмеренные на глаз 5 миллилитров. Следующие двадцать минут он проводит, изображая сумасшедший кукольный театр и маниакально размахивая у дочери перед носом говорящими плюшевыми животными. Он перебирает весь свой небогатый репертуар смешных голосов, умоляя Жасмин то высоким, то низким голосом с различными акцентами, чтобы она успокоилась, утихла, наконец заснула. Он вертит перед ней книжками с

картинками, переворачивая страницы, дергая за выдвижные детальки и тыча пальцем в иллюстрации. «Утка! Корова! Паровозик — чу-чу! Видишь, какой смешной тигр, видишь?» Он устраивает безумный кукольный спектакль. Пластиковая шимпанзе поет первый куплет песни «Крутятся колесики», повторяя его снова и снова; затем Тинки-Винки исполняет народную песенку «Старый Макдоналд», а плюшевый поросенок ни с того ни с сего заводит песню Мадонны. Они вместе протискиваются сквозь прутья детского спортивного комплекса и устраивают тренировку. Он запихивает в руки дочери свой мобильник, разрешает ей понажимать на кнопки, пустить слюни на клавиатуру, послушать говорящие часы, пока наконец — о счастье! — Жасмин не затихает, и ее крик не переходит во всхлипывание. Она по-прежнему не спит, но хотя бы и не плачет.

В комнате дочери стоит проигрыватель компакт-дисков — большой разноцветный детский плеер в виде паровоза. Отшвырнув ногами разбросанные по полу книги и игрушки, Декстер нажимает клавишу «Play». «Расслабляющая классика для младенцев» — часть проекта Сильви по тотальному контролю над детским сознанием. Из крошечных динамиков слышится «Танец феи Драже». ^[52] «Зажигай!!!» — кричит он, делает звук громче, подкручивая паровозную трубу, и начинает пьяно вальсировать по комнате, прижав Жасмин к груди. Та уже потягивается; пухлые пальчики сжимаются в кулаки, а затем расслабляются, и впервые за вечер она смотрит на отца, не хмуря лоб. На мгновение ему кажется, что ему улыбается его собственное лицо. Он чмокает дочь в губы, широко раскрыв глаза. Она смеется.

— Моя малышка, — говорит он, — моя красавица.

У него поднимается настроение и возникает идея.

Прижав Жасмин к плечу, он бежит, задевая дверные косяки, в кухню, где в трех картонных коробках временно хранятся все его диски, пока не готовы полки. В коробках тысячи дисков, в основном те, что достались ему бесплатно, — наследие тех дней, когда у него было кое-какое влияние в мире музыки. Один их вид вызывает в памяти те времена, когда он был диджеем-любителем и бродил по Сохо в своих дурацких наушниках. Встав на колени, он перебирает диски одной рукой. Весь фокус не в том, чтобы Жасмин уснула; наоборот, надо не дать ей уснуть, и с этой целью они устроят вечеринку только вдвоем, и это будет в сто раз круче, чем в любом ночном клубе! К черту Сьюки Медоуз — он устроит дискотеку для своей дочурки!

Декстер с возбуждением зарывается глубже в геологические пласты дисков, которые отражают десятилетнюю историю его меняющихся вкусов.

Отобрав кое-какие диски, он складывает их стопкой на полу, и его затея нравится ему все больше и больше. Эйсид-джаз и брейк-бит, фанк 1970-х и эйсид-хаус дополняются дип- и прогрессив-хаусом, электронной музыкой, биг-битом и балеарикой, компиляциями в стиле чил-аут и даже маленькой и малоубедительной подборкой драм-энд-бейса. Перебирать старую музыку должно быть приятно, но, к своему удивлению, он понимает, что даже при взгляде на лицевую сторону компакт-дисков ему становится тревожно и неуютно: слишком живо они напоминают о бессонных ночах в компании незнакомцев в его квартире, когда его мучила паранойя, об идиотских разговорах с друзьями, которых он больше не знает. Теперь танцевальная музыка заставляет его нервничать. Наверное, так и бывает, когда стареешь, думает он.

А потом он вдруг видит корешок футляра диска, подписанный рукой Эммы. Это сборник, который она записала на своем крутом новеньком компьютере в честь его, Декстера, тридцатипятилетия в прошлом году, в августе, как раз перед свадьбой. Сборник называется «Двенадцать лет»; внутри самодельной коробочки — фотография, плохого качества, потому что напечатана на дешевом домашнем принтере, но все же на ней можно различить их двоих. Они сидят на вершине Артурз-Сит, Трона Артура — потухшего вулкана, возвышающегося над Эдинбургом. Это же то утро после выпускного — сколько же лет прошло, тринадцать? На фото он в белой рубашке, с сигаретой, приклеенной к губе, прислонился спиной к большому камню. Эмма сидит невдалеке, подтянув колени к груди и уткнувшись в них подбородком. На ней джинсы «Левайс-501», туго затянутые поясом на талии; она чуть полнее, чем сейчас, нескладная, неуклюжая, с криво постриженной челкой, которая лезет в глаза, и крашенными хной волосами. У нее на всех фотографиях такое лицо: улыбка одним уголком губ с плотно сжатым ртом. Декстер всматривается в ее лицо и смеется. Показывает фото Жасмин:

— Смотри! Это твоя крестная, Эмма. Смотри, какой твой папа был худой! И двойного подбородка нет. Смотри, когда-то у папочки не было двойного подбородка!

Жасмин беззвучно смеется.

Вернувшись в детскую, он сажает Жасмин в угол и открывает коробочку с диском. Внутри лежит также исписанная мелким почерком открытка, которую Эмма подарила ему на день рождения в прошлом году.

1 сентября 1999-го. Вот он, подарок, сделанный своими руками. Не забудь повторять — главное, не подарок, о внимание,

главное, не подарок, а внимание. Перед тобой сделанная заботливыми руками копия кассеты, которую я записала для тебя много лет назад. На ней ты не найдешь своего дурацкого чил-аута — здесь только нормальные песни. Надеюсь, тебе понравится. С днем рождения, Декстер, и поздравляю со всеми потрясающими событиями в твоей жизни. Ну надо же, ты женишься! И будешь отцом! И то и другое у тебя прекрасно получится.

Рада, что мы помирились. Помни — я очень тебя люблю. Твоя старая подруга Эмма.

Он улыбается и вставляет диск в плеер-паровозик.

Первая песня — «Unfinished Sympathy» *Massive Attack*. Он сажает Жасмин на колени и, не вставая, качает ее и поет слова песни ей на ухо. Старая музыка, две бутылки вина, недосып — все это вскружило ему голову, заставило расчувствоваться; он включает полную громкость. «Душа без памяти, тело без сердца, скупаю каждой клеточкой...»

Затем следуют *The Smiths*, их композиция «There is a Light That Never Goes Out», и хотя эта группа ему никогда не нравилась, он продолжает подпрыгивать, трясая головой; ему снова двадцать, он пьян, он на студенческой дискотеке. «Умереть рядом с тобой — как это приятно, какая честь для меня...» Он поет довольно громко, и со стороны это выглядит глупо, конечно, но ему все равно. В маленькой спальне дома с террасой, танцуя с дочерью под музыку, несущуюся из игрушечного паровоза, он вдруг испытывает глубокое счастье. Даже не счастье — восторг. Он кружится, наступая на деревянную собаку на колесиках, шатается, как пьяный на улице, и опирается рукой на стену для равновесия. «Эй, парень, не падай», — говорит он вслух и смотрит на Жасмин — как она? Но с ней все в порядке, она смеется, его чудесная, прекрасная дочка... «Есть свет, и он никогда не погаснет; есть свет, и он никогда не погаснет...»

А теперь играет «Walk On By»^[53] — эту песню включала его мама, когда он был маленьким. Он помнит, как Элизабет танцевала под нее в гостиной с зажженной сигаретой в одной руке и бокалом в другой. Он прижимает Жасмин к груди, чувствуя ее дыхание на шее, берет ручку дочери в свою руку и танцует с ней медленный танец, расшвыривая игрушки под ногами. Одурманенный усталостью и вином, он вдруг испытывает острое желание поговорить с Эммой, сказать, что он слушает ее музыку, — и точно по команде песня кончается и звонит телефон. Он переступает через разбросанные книги и игрушки — может, это Эмма, может, она решила ему перезвонить? Но на дисплее высвечивается надпись

«Сильви», и он чертыхается: надо подойти. Ты не пьян, ты не пьян, ты не пьян, твердит он про себя. Облокотившись на детскую кроватку, усаживает Жасмин на колени и отвечает на звонок:

— Алло, Сильви?

В этот момент раздаются первые аккорды «Fight The Power», песни в исполнении *Public Enemy*, и он ползет к паровозу, жмет на толстые клавиши...

— Что это было?

— Да так... музыку слушаю. Мы с Жасмин тут устроили небольшую вечеринку, верно, Жас? То есть Жасмин.

— Она не спит??!!

— Увы!

Сильви вздыхает:

— А ты что делал?

Курил сигареты, напился, накачал нашего ребенка снотворным, звонил старым подружкам, разгромил весь дом, танцевал и разговаривал сам с собой. Упал, как алкаш на улице.

— О, да ничего особенного, телевизор смотрел. А ты? Вы там развлекаетесь?

— Все нормально. Разумеется, все напились...

— Кроме тебя, конечно же.

— Я слишком устала, чтобы пить.

— Что-то там у вас тихо. Ты где?

— В своем номере. Решила прилечь немного, потом вернуться к остальным. — Слушая ее голос, Декстер оглядывает простыни, залитые молоком, раскиданные повсюду игрушки и книги, пустую бутылку от вина и жирный стакан. — Как Жасмин?

— Улыбается. Правда, дорогая? Мамочка звонит. — Он прижимает трубку к уху Жасмин, но дочка молчит. Никому не весело, поэтому он убирает трубку. — Это опять я.

— Но ты с ней справляешься?

— Конечно. А ты во мне хоть на минуту сомневалась? — Молчание. — Возвращайся к подругам.

— Пожалуй, так и сделаю. Завтра увидимся. Буду к обеду. Даже не знаю, когда точно, часов в одиннадцать, может...

— Хорошо. Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Декстер.

— Я люблю тебя, — говорит он.

— И я тебя.

Она уже собирается завершить разговор, но он чувствует, что должен сказать ей еще кое-что.

— Сильви? Сильви? Ты слушаешь?

Она подносит телефон к уху:

— Да?

Он сглатывает слюну, проводит языком по губам.

— Я просто хотел сказать... хотел сказать... я знаю, что пока у меня не очень хорошо все это получается — быть отцом, семьянином. Но я работаю над этим, стараюсь, как могу. Я исправлюсь, Сильви. Обещаю.

Его слова, кажется, заставили Сильви задуматься, потому что она отвечает не сразу и голос ее слегка напряжен.

— Декс, — говорит она после паузы, и он слышит, что голос ее слегка напряжен, — у тебя все хорошо получается. Мы просто еще только учимся быть родителями, только и всего.

Он вздыхает. Почему-то он надеялся на большее.

— Ты возвращайся на вечеринку.

— До завтра.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Сильви прерывает соединение.

В доме вдруг становится очень тихо. Жасмин уснула на его коленях, и он целую минуту сидит неподвижно, слушая, как в голове шумит кровь и вино. Подступают страх и одиночество, но он отгоняет их, встает и подносит к лицу спящую дочь — та обмякла, как котенок. Он вдыхает ее запах — молочный, почти сладкий. Его плоть и кровь. Плоть и кровь. Эта фраза так банальна, но бывает, что, глядя в лицо Жасмин, он вдруг видит в ней себя и понимает, что это правда, и не может поверить. В ней теперь навсегда есть его частичка. Он осторожно кладет ее в кровать.

Направляясь к выходу, он наступает на пластикового поросенка, который больно врезается ему в ногу, острый, как осколок, и, выругавшись себе под нос, выключает свет в комнате.

* * *

В десяти милях к востоку по берегу Темзы, в Вестминстере, в номере отеля его полностью обнаженная жена сидит на краю кровати, держа телефон в обмякшей ладони, и начинает тихо плакать. Из ванной доносится звук льющейся воды. Сильви не нравится ее собственное лицо, когда она

плачет, поэтому, когда звук прекращается, она торопливо вытирает глаза тыльной частью руки и бросает телефон на ворох скомканной одежды на полу.

— Все в порядке?

— Ну... вообще-то не очень. Кажется, он был пьян.

— Уверен, с ним все в порядке.

— Да нет, он был совсем пьяный. И говорил как-то странно. Наверное, мне стоит вернуться домой.

Кэллум завязывает халат, подходит к Сильви, наклоняется и целует ее обнаженное плечо.

— Говорю тебе — уверен, с ним все нормально. — Она молчит. Он садится и снова ее целует. — Попробуй о нем забыть. Расслабься, Хочешь еще выпить?

— Нет.

— А прилечь?

— Нет, Кэллум! — Она сбрасывает его руку. — Ради бога, отстань от меня!

Он борется с желанием сказать грубость, потом поворачивается и снова идет в ванную, чтобы почистить зубы, — надежда весело провести вечер испарилась. У него возникает ужасное предчувствие, что ей захочется высказаться: «Это несправедливо, больше нельзя так продолжать, думаю, я должна ему все рассказать» — и так далее. Какого черта, возмущенно думает он, я и так уже взял парня на работу. Неужели этого мало?

Кэллум полощет рот, сплевывает, возвращается в комнату и плюхается на кровать. Потянувшись за пультом, принимается сердито переключать кабельные каналы, а миссис Сильви Мэйхью так и сидит на кровати, смотрит в окно на огни вдоль берега Темзы и думает, как ей поступить с мужем.

Глава 15

Джин Сиберг

Воскресенье, 15 июля 2001 года

Бельвилль, Париж

Его поезд, отправлявшийся с вокзала Ватерлоо, прибывал в Париж 15 июля в 15.55.

Эмма Морли приехала к выходу из Северного вокзала заранее и присоединилась к толпе встречающих — взволнованных влюбленных с букетами в руках, скучающих шоферов в жарких костюмах с табличками, написанными от руки. А правда, было бы смешно, если бы и она сделала табличку с именем Декстера? Еще и написав его с ошибкой? Наверняка это рассмешило бы его, но стоит ли стараться? Да и поезд уже подъезжает. Толпа встречающих нетерпеливо устремила к выходу. Долгая пауза, и вот двери наконец с шипением открылись; пассажиры высыпали на платформу, и друзья и родные, влюбленные и таксисты понесли Эмму вперед; все вытягивали шею, разглядывая лица прибывших.

Она изобразила на лице подобающую случаю улыбку. Когда они виделись в прошлый раз, немало было сказано. Когда они виделись в прошлый раз, случилось что-то важное.

* * *

Декстер сидел на своем месте в последнем вагоне остановившегося поезда и ждал, пока выйдут другие. У него не было чемодана — только маленькая спортивная сумка на соседнем сиденье. Перед ним на столике лежала книжка в яркой бумажной обложке; на ней была фигурка маленькой девочки, словно нарисованная ребенком, и название: «Большая Джули Крисколл против всего остального мира».

Он дочитал книгу, когда поезд подъехал к парижским окраинам. Это была первая книга, которую он прочел за многие месяцы; впрочем, чувство гордости собственным интеллектуальным достижением несколько умаляло

то, что книга была рассчитана на детей от одиннадцати до четырнадцати лет и в ней были картинки. Ожидая, пока вагон освободится, он снова перевернул книгу и внимательно посмотрел на черно-белый снимок автора на задней стороне обложки, точно пытаюсь запечатлеть его в памяти. На ней была недорогая на вид отглаженная белая блузка, она застенчиво сидела на самом краю деревянного стула, зажав рукой рот, — фотограф уловил тот самый момент, когда она рассмеялась. Выражение ее лица и жест были ему знакомы; он улыбнулся, положил книгу в сумку, повесил ее на плечо и вместе с оставшимися пассажирами встал в очередь на выход.

Когда они виделись в прошлый раз, немало было сказано. Случилось что-то важное. Что он ей скажет? А она? Да или нет?

* * *

Пока Эмма ждала, она теребила волосы, умоляя их отрасти быстрее. Вскоре после приезда в Париж, со словарем в руке, она набралась храбрости и пошла в парикмахерскую — *un coiffeur*, — чтобы сделать короткую стрижку. Хотя ей было стыдно признаться об этом вслух, она хотела быть похожей на Джин Сиберг в фильме «На последнем дыхании» — раз уж она собралась быть писательницей в Париже, надо, чтобы все было по правилам. Прошло три недели, и ей уже не хотелось плакать каждый раз, когда она видела свое отражение в зеркале, но руки все равно сами поднимались к голове, будто хотели поправить парик. Сознательным усилием воли она заставила себя сосредоточиться на новенькой серо-голубой блузке, купленной сегодня утром в магазине — нет, в *бутике* на Рю де Гренель. Если расстегнуть две пуговицы, благопристойность не пострадает; если расстегнуть три, будет слишком вызывающе. Она все же расстегнула третью пуговицу, щелкнула языком и вновь оглядела пассажиров. Толпа тем временем заметно поредела, и она уже начала думать, что это не тот поезд, когда наконец увидела его.

Он выглядел разбитым. Ввалившиеся щеки, усталый вид; лицо покрывала неопрятная щетина, которая ему не шла, делала его похожим на уголовника; это напомнило ей о потенциальных неприятностях, которыми чреват его приезд. Но, увидев ее, он просиял, ускорил шаг, и она тоже улыбнулась, а потом вдруг засмушалась, стоя на платформе и гадая, куда деть руки, куда деть глаза. Расстояние между ними казалось огромным — что же, так и улыбаться и смотреть, улыбаться и смотреть целых пятьдесят метров? Сорок пять. Она потупилась, потом принялась разглядывать

потолочные балки. Сорок метров. Вновь взглянула на Декстера, потом опять в пол... Тридцать пять метров...

Преодолевая огромное пространство между ними, он с удивлением заметил, как она изменилась за восемь недель, прошедших с их последней встречи, за два месяца с тех пор, как это произошло. Она очень коротко постриглась; лоб теперь закрывала челка, и лицо слегка загорело; такое лицо у нее всегда было летом, он помнил. Она стала лучше одеваться: высокие каблуки, стильная темная юбка, бледно-серая блузка, расстегнутая чуть больше, чем надо; в вырезе виднеется загорелая кожа и треугольник темных веснушек на груди. Она по-прежнему не знала, куда деть руки и куда смотреть, да и он сам чувствовал себя неуверенно. Десять метров. Что он ей скажет и как это сказать? Да или нет?

Он ускорил шаг, и наконец они обнялись.

— Не надо было меня встречать.

— Ну, как же. Турист.

— А мне нравится быть туристом. — Он потрогал ее короткую челку кончиком большого пальца. — Эта стрижка как-то называется?

— Лесбийская?

— Мальчишеская. Ты похожа на мальчишку.

— Не на лесбиянку?

— Ничуть.

— Видел бы ты меня пару недель назад. Я была скинхедом! — Его лицо не изменилось. — Сходила в парижскую парикмахерскую, называется. Кошмар! Сидела в кресле и все думала: зря я это, зря! А самое странное, в Париже тоже все говорят об отпусках. Я-то думала, они тут целыми днями обсуждают современный балет или путь к истинной внутренней свободе человека, но нет! *Vous allez quelque part de gentil pour les vacances? Vous sortez en ville ce soir?*^[54] — Его лицо по-прежнему оставалось неподвижным. Она слишком много болтает, слишком старается произвести впечатление. Надо успокоиться. Не тараторь. Хватит.

Он коснулся коротеньких волос на ее затылке:

— А мне кажется, тебе идет.

— У меня лицо неподходящее.

— Да нет, что надо. — Он взял ее за плечи, оглядывая с головы до ног. — Как будто сегодня маскарад и ты нарядилась элегантной парижанкой.

— Или проституткой.

— Элегантной проституткой.

— Что ж, так даже лучше. — Она провела рукой по его заросшему

подбородку. — А ты кем нарядился?

— Разведенным мужиком на грани суицида. — Его ответ прозвучал по-дурацки, и он тут же о нем пожалел. Едва ступил на платформу, а уже успел все испортить.

— Ну хоть на людей не бросаешься, — произнесла она первое, что пришло в голову.

— Хочешь, уеду обратно?

— Так просто ты от меня не отделаешься. — Она взяла его за руку. — Пойдем?

Они вышли с вокзала на душный, пропитанный выхлопными газами воздух: типичный летний день в Париже, сырой и теплый; небо затянуто густыми серыми тучами, предвещающими дождь.

— Я решила, что неплохо бы сначала выпить кофе на берегу канала. Тут пятнадцать минут пешком, ничего? А потом еще минут пятнадцать — и мы у меня дома. Правда, должна предупредить, квартира не представляет ничего особенного. Так что если ты навоображал себе паркетные полы и окна от потолка до пола с развевающимися шторами... Там всего две комнаты с окнами во двор.

— Мансарда?

— Именно. Мансарда.

— Писательский чердачок.

Когда Эмма впервые приехала в Париж, полная ожиданий, этот путь запомнился ей как живописная прогулка, ну, или настолько живописная, насколько это возможно в пыли и пробках Северо-Восточного Парижа. «Я переезжаю в Париж на лето, буду писать книгу». В апреле эта идея казалась экстравагантной и сибаритской почти до неприличия. Но ей так надоели женатые парочки, постоянно твердившие, как ей повезло, что она может в любое время взять и уехать в Париж, что она решила: а вот возьму и уеду. Всё равно Лондон превратился в какой-то детский сад — так почему на время не сбежать от чужих детей, не устроить себе приключение? Ведь это город Сартра и Симоны де Бовуар, Беккета и Пруста; а теперь она тоже здесь и пишет продолжение книги для подростков, имеющей даже коммерческий успех. Был только один способ сделать эту затею менее барской — поселиться как можно дальше от «туристического» Парижа, в пролетарском 19-м округе, на границе Бельвилля и Менильмонтана. Никаких туристических ловушек, почти нет достопримечательностей...

— Зато район очень живой, и здесь дешево, и куча эмигрантов, и... — Боже, она чуть было не сказала: «Это *другой* Париж».

— И высокий уровень преступности?

— Нет, просто... ну не знаю, это другой Париж. Я говорю, как студентка, да? Тридцать пять лет, а живу в крошечной двухкомнатной квартирке, как студентка в европейские каникулы.

— А мне кажется, Париж — твой город.

— Мне тоже.

— Выглядишь потрясающе.

— Правда?

— Ты изменилась.

— Да нет. Не очень.

— Нет, серьезно. Ты просто красавица.

Эмма нахмурилась и стала смотреть прямо перед собой. Они прошли еще немного, спустились по каменным ступенькам к каналу Сен-Мартен, к низким перилам у кромки воды.

— Похоже на Амстердам, — со знанием дела проговорил он, пододвигая стул.

— Вообще-то, это старый индустриальный приток Сены. — Боже, и вот она уже изображает из себя гида! — Канал протекает под площадью Республики и Бастилией, а дальше впадает в реку. — Успокойся. Он всего лишь старый друг, забыла? Старый друг.

Они посидели немного, глядя на воду, и Эмма вскоре пожалела, что выбрала столь романтическое место. Она чувствовала себя ужасно — как на свидании вслепую. С трудом подобрав слова, она проговорила:

— Может, выпьем вина или...

— Лучше не надо. Я вроде как завязал.

— О... Серьезно? И надолго?

— На месяц или около того. «Анонимные алкоголики» тут ни при чем... Просто пытаюсь не пить. — Он пожал плечами. — К тому же это еще ни разу ни к чему хорошему не привело. Так что не страшно.

— О... Ну ладно. Тогда кофе?

— Просто кофе будет отлично.

Подошла официантка — красивая длинноногая брюнетка, — но Декстер даже не поднял головы. Да, дела действительно плохи, раз он даже на официантку не пялится, подумала Эмма. Распираемая гордостью за саму себя, она сделала заказ на разговорном французском и смущенно улыбнулась, увидев, что Декстер вопросительно поднял бровь.

— Я занимаюсь с репетитором.

— Я уже понял.

— Но, разумеется, она ни слова не поняла. Сейчас как принесет нам жареную курицу!

В ответ молчание. Он сидел, передвигая крупинки сахара по металлическому столику кончиком большого пальца. Эмма снова попыталась вовлечь Декстера в разговор, выбрав, как ей казалось, совершенно безобидную тему.

— Когда ты был в Париже в прошлый раз? — спросила она.

— Года три назад. Мы с... *женой* приезжали сюда в один из наших знаменитых «долгих уик-эндов». Четыре ночи в «Георге Пятом». — Он бросил в канал кусочек сахара. — И надо же было спустить столько денег непонятно на что.

Эмма раскрыла рот и снова его закрыла. Сказать было нечего. Она и так уже один раз отшутилась, когда заявила: «Хоть на людей не бросаешься».

Но Декстер заморгал, тряхнул головой, а потом слегка ткнул ее локтем:

— Знаешь, какое занятие для нас на пару ближайших дней я придумал? Ты будешь показывать мне достопримечательности, а я просто буду хвостом ходить за тобой и задавать глупые вопросы.

Она улыбнулась и тоже толкнула его:

— Неудивительно, что ты себя так чувствуешь, учитывая, что тебе пришлось пережить, что сейчас приходится переживать. — Она накрыла его руку ладонью. Через пару секунд он положил сверху свою ладонь, затем она снова накрыла его руку, и они продолжили повторять движения все быстрее и быстрее. Это была детская игра, но с помощью этого ребячества они пытались избавиться от натянутости и смущения. Ей было так неловко, что она решила притвориться, будто ей нужно в туалет.

В маленькой зловонной комнате она недовольно осмотрела себя в зеркале и подергала челку, точно пытаясь вытянуть ее из головы. Вздохнув, приказала себе успокоиться. То, что тогда случилось, было всего лишь раз, и ничего в этом особенного нет — он всего лишь ее старый, очень старый друг. Она спустила воду для достоверности и вышла на улицу, где было тепло и пасмурно. На столике перед Декстером лежала ее книга. Эмма насторожилась, села и кивнула на книгу:

— Откуда это у тебя?

— Купил на вокзале. Там целая стопка таких была. Они везде, куда ни посмотри, Эм.

— А прочитал?

— Дошел до третьей страницы, а дальше никак.

— Не смешно, Декс.

— Эмма, твоя книга просто чудо.

— Всего лишь глупая детская книжка.

— Нет, серьезно. Я так тобой горжусь. Я, конечно, не тринадцатилетняя девочка, но ты не представляешь, как я смеялся. Прочел в один присест от корки до корки. А ведь ты имеешь дело с человеком, который уже пятнадцать лет не может дочитать «Говардс-Уэй».

— Ты хотел сказать «Говардс-Энд». «Говардс-Уэй» — это совсем другое.^[55]

— Неважно. Я раньше ни одну книгу не прочитывал за один раз.

— Ну, шрифт там довольно крупный.

— И это мне больше всего понравилось, кстати. И картинки. Эти картинки просто умора, Эм. Я и не знал, что ты умеешь рисовать.

— Что ж, спасибо...

— И книга очень интересная и смешная. Я так горжусь тобой, Эм. Вообще-то... — он достал ручку из кармана, — я хочу, чтобы ты ее для меня подписала.

— Не говори глупости.

— Нет, правда. Ты же... — Он перевернул книгу и зачитал фрагмент текста с задней сторонки обложки: — «Самый увлекательный детский автор со времен Роальда Даля».

— Так сказала девятилетняя племянница издателя, — заметила Эмма. Он ткнул ее ручкой. — Не буду я подписывать, Декс.

— Брось. Я настаиваю. — Он встал и сделал вид, что ему нужно в туалет. — Я тут книжку оставляю, а ты пока что-нибудь напиши. Что-нибудь от себя, и поставь сегодняшнюю дату — вдруг ты круто прославишься, а мне будут нужны деньги.

Декстер стоял в маленькой зловонной комнате и думал, как долго еще сможет притворяться. Рано или поздно настанет момент, когда они должны будут поговорить; нельзя же вечно ходить вокруг да около, когда дело такое важное. Он спустил воду для достоверности, вымыл руки и взъерошил мокрыми руками волосы, а затем вышел на улицу. Эмма как раз закрывала книгу. Он хотел было прочесть, что она написала, но Эмма накрыла ладонью обложку:

— Без меня, пожалуйста.

Он сел и убрал книгу в сумку, а Эмма облокотилась на стол, всем своим видом показывая, что пора вернуться к делу.

— Не могу не спросить. Как ты?

— О, потрясающе. Бракоразводный процесс закончится к сентябрю, как раз к годовщине свадьбы. Целых два года в женатом раю.

— Вы разговариваете?

— Только при необходимости. То есть мы уже прекратили орать друг на друга и швыряться предметами — теперь только «да, нет, здравствуйте, до свидания». Впрочем, когда мы были женаты, общение тоже, в общем-то, этим и ограничивалось. Ты слышала, что они переехали к Кэллуму? В этот его идиотский особняк в Поттерс-Бар, куда мы в свое время ходили на званые ужины...

— Да, слышала.

Он резко поднял глаза:

— От кого? От Кэллума?

— Нет, конечно. Просто... от знакомых.

— От знакомых, которым меня жалко.

— Не жалко. Они просто за тебя волнуются. — Декстер с отвращением поморщил нос. — В этом нет ничего плохого, Декс, что люди волнуются о тебе. А ты говорил с Кэллумом?

— Нет. Но он не сдаётся. Все время звонит мне, оставляет сообщения на автоответчике, как ни в чем ни бывало. «Ну ладно, приятель! Звякни нам как-нибудь!» Предлагает сходить выпить по пиву и *все обсудить*. А что, может, я и схожу. Фактически он должен мне зарплату за три недели.

— А ты пока не нашел работу?

— Да нет. Мы сдаем этот чертов дом в Ричмонде и мою квартиру — этим и живу. — Он допил остатки кофе и устремил взор на канал. — Не знаю, Эм. Полтора года назад у меня была семья, карьера — ну, не то чтобы карьера, но перспективы. Мне до сих пор работу предлагают. Микроавтобус, чудесный маленький домик в Суррее...

— Ты же его ненавидел.

— Не ненавидел.

— И микроавтобус тоже.

— Ну да, ненавидел, но это же было мое! А тут вдруг очутился в конуре в Килберне с половиной свадебных подарков, и... ничего у меня не осталось. Лишь я и хренова туча кастрюль. Жизнь кончена.

— Знаешь, что тебе надо сделать?

— Что?

— Может... — Она сделала глубокий вздох и взяла его за руку. — Может, тебе попросить Кэллума снова взять тебя на работу? — Он округлил глаза и отдернул руку. — Да шучу я! Шучу! — Эмма рассмеялась.

— Что ж, я рад, что крушение моей семейной жизни тебя так забавляет, Эм.

— Меня это вовсе не забавляет. Просто мне кажется, что не стоит так драматизировать.

— Я не драматизирую, а просто говорю тебе как есть.

— *Жизнь кончена?*

— Я имею в виду... Не знаю. Просто... — Он снова посмотрел на воду и театрально вздохнул. — Когда я был моложе, мне казалось, что нет ничего невозможного. А теперь кажется, что я уже ничего не могу.

Эмма, в жизни которой все было наоборот, просто ответила:

— Не так все плохо, как тебе кажется.

— По-твоему, есть в этом и что-то хорошее? Когда твоя жена уходит к лучшему другу?

— На самом деле Кэллум не был твоим *лучшим другом*. Вы же несколько лет не общались. Я просто хочу сказать... Ну, прежде всего, ты живешь вовсе не в *конуре в Килберне*, а в совершенно нормальной двухкомнатной квартире в Вест-Хэмпстеде. Да я бы убила за такую квартиру. И все равно это временно, пока твоя старая квартира не освободится.

— Но через две недели мне исполнится тридцать семь! Обо мне уже почти можно сказать — он в возрасте!

— Про тридцатисемилетних говорят, что им за тридцать! Тебе же еще не сорок. И пусть в данный момент ты безработный, ты же не живешь на пособие, в самом деле! Между прочим, тебе очень повезло, что у тебя есть доход от аренды квартиры. К тому же многие решают поменять карьеру в уже зрелом возрасте. Ну, приуныл немножко, с кем не бывает; но ведь ты не был счастлив в браке, Декс. Мне ли не знать — мне постоянно приходилось это выслушивать! «Мы никогда не разговариваем по душам, не смеемся, все время сидим дома...» Я понимаю, тебе тяжело, но пройдет время, и ты будешь воспринимать все это как возможность начать все с начала! Начать с нуля. Ты можешь заняться чем угодно, надо только принять решение...

— Чем, например?

— Даже не знаю... вернуться на телевидение? Снова попробовать себя в качестве ведущего? — Декстер застонал. — Или освоить одну из закадровых профессий. Продюсер, к примеру, или режиссер. — Декстер поморщился. — Или... или фотограф! Ты же раньше только и твердил о том, что хочешь стать фотографом. Или что-нибудь связанное с едой — ты мог бы... я не знаю... ну, в общем, делать что-нибудь, связанное с едой. А если ничего не сработает, у тебя всегда есть твой троечный диплом по антропологии! — Она ободряюще похлопала его по ладони. — Антропологи всегда нужны. — Он улыбнулся, но потом вспомнил, что не должен улыбаться. — Ты здоровый, способный, финансово независимый,

умеренно привлекательный молодой отец, которому чуть больше, чем *немного за тридцать*, и чуть меньше, чем сорок. Ты... в порядке, Декс. Тебе просто нужно вернуть уверенность в своих силах.

Он вздохнул и снова посмотрел на канал:

— Так это была твоя воодушевляющая речь?

— Именно. Подействовало?

— Мне по-прежнему хочется утопиться в канале.

— Может, тогда пойдем? — Она оставила деньги на столике. — До моего дома еще минут двадцать в ту сторону. Можем пойти пешком или взять такси. — Она начала вставать, но Декстер не двинулся с места.

— Хуже всего то, как мне не хватает Жасмин. — Эмма снова села. — Я просто с ума схожу, стоит мне подумать о том, что я даже не смог стать хорошим отцом.

— Брось...

— А так и есть, Эм... отец из меня совсем никчемный. Мне не нравилось им быть и не хотелось им быть. Всё время, пока я и Сильви изображали идеальную семью, я только и думал: это ошибка, это не для меня. Я думал: боже, как я хочу снова нормально высыпаться, иметь возможность уехать на выходные или просто уйти из дому допоздна, развлечься! Я хотел быть свободным, сбросить с себя обязательства. И вот теперь моя мечта сбылась, и всё, что я делаю, — сижу среди неразобранных картонных коробок и скучаю по дочке.

— Но вы же видите.

— Один паршивый денек с ночевкой раз в две недели?

— Но ты мог бы видеться с ней чаще, попроси ее мать, чтобы оставляла ее на дольше...

— Я так и хочу! Но ты бы видела ужас в ее глазах уже сейчас, когда ее мать уезжает, словно она хочет сказать: «Не оставляй меня здесь, с этим странным унылым дядькой». Я покупаю ей столько подарков, на это уже грустно смотреть — целые горы, каждый раз, когда она приезжает, точно каждый раз Рождество. Потому что, когда мы не открываем подарки, я попросту не знаю, что с ней делать. Когда мы не открываем подарки, она просто начинает плакать и звать мамочку, подразумевая мамочку и этого придурка Кэллума. И я даже не знаю, что ей покупать, потому что каждый раз, когда вижу ее, она уже совсем другая. Казалось бы, прошла всего неделя, десять дней, а она так изменилась! Она уже ходит, а я даже не видел, как она сделала первый шаг. Разве это правильно? Разве мог я такое пропустить? Ведь это моя забота, моя. А ведь я даже ничего плохого не сделал, и вот вдруг... — Голос Декстера дрогнул, и он умолк. Но тут же

сердито продолжил: — А этот ублюдок Кэллум может проводить с ними сколько угодно времени в своем прекрасном особняке в этом долбаном Поттерс-Бар...

Но прилив гнева не мог скрыть дрожь в его голосе. Декстер резко замолчал, закрыл ладонями нос и широко раскрыл глаза, словно пытаясь не чихнуть.

— Ты в порядке? — спросила она, положив руку ему на колено.

Он кивнул.

— Я не все выходные буду таким, обещаю.

— Я не против.

— Я против. Это унижительно. — Он резко поднялся и взял сумку. — Прощу тебя, Эм. Давай о чем-нибудь другом поговорим. Расскажи что-нибудь. О себе.

Они зашагали по берегу канала, обогнули площадь Республики и свернули к востоку, на Рю Фабур-сен-Дени. Эмма рассказывала о работе:

— Вторая книжка — это продолжение. Вот какое у меня богатое воображение! Уже три четверти книги готовы. Джули Крисколл едет в школьный экскурсионный тур в Париж, влюбляется во французского мальчика, и ее опять ждет куча приключений — сюрприз, сюрприз! Это мое объяснение, почему я в Париже. Исследую местность.

— А первая часть продается хорошо?

— Судя по всему. По крайней мере, мне уже заплатили за две книги вперед.

— Правда? Два продолжения?

— Боюсь, что так. Говорят, что «Джули Крисколл» — это *бренд*. Видимо, поэтому и деньги. Хорошо иметь свой бренд! И еще мы ведем переговоры с телеканалами. Они хотят сделать программу. Мультипликационное шоу для детей на основе моих иллюстраций.

— Серьезно?

— Самой с трудом верится. Абсурд, правда? Я работаю на телевидении! Я — *ассистент продюсера*!

— И что это значит?

— Да ничего. Ну да я не возражаю. Мне так нравится! Но я хотела бы однажды написать книгу и для взрослых. Собственно, именно об этом я всегда мечтала — написать великий серьезный роман о положении вещей в нашей стране. Смелое и вечное произведение, раскрывающее глубины человеческой души, а не кучу глупостей про поцелуи с французскими мальчиками на дискотеке.

— Но ведь твоя книга не только об этом.

— Возможно. Может, так всегда и бывает: хочешь изменить мир посредством литературы, а в конце концов думаешь: достаточно и пары веселых хохм. Нет, вы только меня послушайте — тоже мне, деятель искусства!

Он по-дружески толкнул ее локтем.

— Что?

— Я просто рад за тебя. — Он обнял ее, сжал ее плечо. — Ну надо же, писательница. Настоящая писательница. Наконец-то ты делаешь то, о чем всегда мечтала.

Так они продолжили путь, смущенно и неловко; сумка била его по ноге. Наконец ему стало слишком неудобно, и он убрал руку.

Они шли и шли, и постепенно их настроение улучшилось. Завеса туч развеялась, и с началом вечера Фабур-сен-Дени обрела новый облик. Неряшливая, яркая, шумная, эта улица местами напоминала восточный базар; жизнь здесь бурлила, и Эмма украдкой поглядывала на Декстера, точно экскурсовод, с интересом проверяющий, всем ли довольны туристы. Они пересекли широкий и шумный Бельвилльский бульвар и продолжили свой путь на восток, между 19-м и 20-м округами. Поднимаясь по улице, Эмма показывала ему свои любимые бары, рассказывала об истории района, Пиаф и Парижской коммуне 1871 года, местной китайской и североафриканской диаспоре, а Декстер слушал одним ухом и думал о том, что случится, когда они наконец окажутся в ее квартире. *«Послушай, Эмма, насчет того случая...»*

— В общем, это как наш Хэрни, ^[56] только в Париже, — заключила она.

Декстер улыбнулся той своей улыбочкой, которая особенно раздражала Эмму. Она толкнула его в бок:

— Что смешного?!

— Только ты могла приехать в Париж и поселиться в районе, похожем на Хэрни.

— А мне кажется, тут интересно.

Наконец они свернули в тихий переулок и подошли к двери, напоминающей дверь гаража. Эмма набрала код и толкнула тяжелую створку, надавив на нее плечом. Они вошли во внутренний двор — невзрачный и грязный, куда выходили окна всех квартир. На ржавеющих балконах висело белье; цветы в пыльных горшках медленно увядали под вечерним солнцем. По двору разносилось эхо телевизоров, настроенных на разные каналы, дети играли в футбол теннисным мячом, и Декстер почувствовал легкое раздражение. Репетируя этот момент, он представлял

себе тенистую площадь, окна со ставнями и видом, к примеру, на Нотр-Дам. Конечно, и этот двор был неплох, в нем даже был некий урбанистический шик, но было бы проще, если бы обстановка была чуть более романтической.

— Как я и сказала, ничего особенного... Боюсь, придется подняться на пятый этаж.

Свет включился автоматически, и они начали подниматься по крутой чугунной лестнице, которая закручивалась тугой спиралью и местами отходила от стены. Эмма вдруг со смущением осознала, что глаза Декстера находятся как раз на уровне ее зада, и судорожно принялась разглаживать складки на юбке, которых там не было. Когда они дошли до третьего этажа, свет погас, и они на мгновение оказались в темноте. Эмма нащупала позади руку Декстера и повела его дальше по лестнице, пока они не очутились у двери. В тусклом свете, пробивающемся из-за двери, они улыбнулись друг другу.

— Пришли. Вуаля!

Достав из сумочки тяжелую связку ключей, она принялась в сложной последовательности открывать замки. Спустя некоторое время дверь отворилась, и они очутились в маленькой, но приятной гостиной с поцарапанным деревянным полом, большим мягким диваном и маленьким аккуратным письменным столом; из окна был виден двор. Все стены занимали полки, уставленные серьезного вида томами на французском языке — все корешки были одинаковые, бледно-желтые. В соседнем помещении, служившем кухней, на столе стояли свежие розы и фрукты, а через проем другой двери виднелся кусочек спальни. Эмма и Декстер так и не обсудили, где ему предстоит спать, но он видел, что в квартире всего одна кровать — большая, кованая, старомодная и громоздкая, как в деревенском доме. Одна спальня, одна кровать. В окна светило вечернее солнце, словно привлекая внимание к этому факту. Декстер посмотрел на диван, проверяя, не раскладывается ли он. Нет. Одна кровать. Сердцебиение участилось, хотя, возможно, от долгого подъема.

Эмма закрыла дверь, и наступила тишина.

— Ну, вот мы и дома!

— Здесь просто здорово.

— Жить можно. Кухня там.

От подъема и волнения у Эммы пересохло в горле; она подошла к холодильнику, открыла его и достала бутылку газированной воды. Эмма начала пить большими глотками, когда Декстер вдруг положил руку ей на плечо, а потом каким-то образом оказался к ней лицом, и вот они уже

целуются. Ее рот был полон газированной воды, и она сжала губы, чтобы вода не брызнула ему в лицо, как из сифона. Отклонившись, она указала на свои щеки, глупо раздув их, как рыба-шар, помахала руками и издала звук, который, по ее мнению, должен был означать: «Погоди минутку».

Как истинный джентльмен, Декстер сделал шаг назад, дав Эмме возможность сделать глоток:

— Извини.

— Ничего. Просто это было так неожиданно. — Она вытерла рот тыльной частью руки.

— Но теперь-то все нормально?

— Да, но, Декстер, я должна сказать тебе кое-что...

Но он уже снова ее целовал, неуклюже, навалившись слишком сильно; она оперлась на кухонный стол, и тот с громким скрипом сдвинулся, так что ей пришлось развернуться, чтобы поймать вазу с розами, которая чуть не упала на пол.

— Ой!

— Дело в том, Декс...

— Извини, я просто...

— Дело в том...

— Мне немного неловко...

— Дело в том, что я здесь познакомилась с одним человеком.

Он отступил на шаг:

— Познакомилась с одним человеком, значит.

— С мужчиной. То есть с парнем. Я встречаюсь с одним парнем.

— С парнем. Хм... Понятно. Ну и кто он?

— Его зовут Жан-Пьер. Жан-Пьер Дюсолье.

— Он *француз*?

— Нет, Декс, он из Уэльса!

— Да нет, я просто удивлен, только и всего.

— Удивлен, что он француз, или удивлен, что у меня кто-то есть?

— Нет, просто... все произошло так быстро, верно? Ты буквально пару недель назад приехала. Ты хоть успела распаковать вещи или сразу?..

— Два месяца, Декс! Я здесь уже два месяца, а с Жан-Пьером познакомилась месяц назад!

— И где?

— В маленьком бистро, здесь неподалеку.

— Ах, в маленьком бистро. Ясно. И как?

— Что *как*?

— Как ты с ним познакомилась?

— Ну, я ужинала одна, читала книжку, а он был с друзьями и спросил, что я читаю... — Декстер простонал и покачал головой, словно мастер, презрительно оглядывающий работу любителя. Не обращая на это внимания, Эмма направилась в гостиную, на ходу прибавив: — Короче, мы разговорились...

— Что, по-французски? — Декстер последовал за ней.

— Да, по-французски, и прекрасно нашли общий язык, а теперь... встречаемся! — Она села на диван. — Ну вот. Теперь ты в курсе!

— Ясно. Я понял. — Он вскинул и снова опустил брови, пытаясь хмуриться и улыбаться одновременно; черты лица его при этом исказились. — Ну что ж. Рад за тебя, Эм, это очень хорошая новость.

— Не надо меня опекать, Декстер. Можно подумать, я какая-то одинокая старая дева...

— Я не опекаю! — Он притворился безразличным, подошел к окну и посмотрел во двор. — Ну и какой он, твой Жан?

— Жан-Пьер. Ну, он очень милый. Очень красивый, обаятельный. Потрясающе готовит, все знает о кухне, вине, искусстве, архитектуре. Такой, знаешь... настоящий француз.

— Ты имеешь в виду, хам?

— Нет...

— Извращенец?

— Декстер!

— Везде носит с собой длинный батон и ездит на велосипеде?

— О боже, иногда ты бываешь просто невыносим...

— А что, по-твоему, значит выражение «настоящий француз»?

— Ну, даже не знаю — такой стильный, спокойный и...

— Сексуальный?

— Я ничего такого не говорила.

— Да, но у тебя на лице было написано: *сексуальный* — затеребила волосы, расстегнула рубашечку...

— Глупое это слово — «сексуальный».

— Но вы же небось только и делаете, что занимаетесь сексом, да?

— Декстер, почему ты ведешь себя как полный...

— Да ты только взгляни на себя — вся сияешь, даже вспотела немножко.

— Вовсе необязательно быть таким... зачем ты себя так ведешь?

— Как?

— Так... зло, точно я сделала что-то не так!

— Я вовсе не злой, я просто думал... — Он замолчал и снова

посмотрел в окно, прижавшись лбом к стеклу. — Жаль, что я только сейчас об этом узнал. А то поселился бы в гостинице.

— Но ты все равно можешь у меня остаться! А я сегодня посплю с Жан-Пьером. — Хотя он стоял к ней спиной, она все равно видела, как его передернуло. — То есть... переночую у Жан-Пьера. — Сидя на диване, она наклонилась вперед, подперев подбородок ладонями. — А ты на что рассчитывал, Декстер?

— Не знаю, — проговорил он в оконное стекло. — Уж точно не на это.

— Ну извини.

— Эм, как думаешь, зачем я к тебе приехал?

— Чтобы отдохнуть. Отвлечься от всего. Повидаться со старой подругой.

— Я приехал поговорить о том, что случилось. О нас, о том, что мы наконец можем быть вместе, — сказал он, ковыряя ногтем оконную замазку. — Мне просто казалось, что для тебя это столь же серьезно. Вот и всё.

— Мы спали вместе всего один раз, Декстер.

— Три раза!

— Я не имею в виду секс как количество половых актов, Декс, я имею в виду секс как событие, как одну ночь. Мы были вместе всего одну ночь.

— И мне казалось, что эта ночь чего-то да стоит! А ты сразу же сбегаешь в Париж и бросаешься под первого попавшегося француза...

— Я не *сбежала в Париж*, билет был давно забронирован! Ну почему ты всегда считаешь себя причиной всех жизненных событий?

— А ты не могла мне позвонить, прежде чем...

— Что, спросить у тебя разрешения?

— Нет, спросить, что я чувствую по этому поводу!

— Погоди-ка... ты сердишься из-за того, что мы не поговорили о наших *чувствах*? Из-за того, что тебе кажется, будто я должна была тебя дожидаться?

— Не знаю, — пробурчал он, — может, и так!

— О боже, Декстер, неужели ты... ты ревнуешь, что ли?

— Что за ерунда!

— Тогда почему обиделся?

— Ничего я не обиделся.

— Ну так посмотри на меня!

Он с обиженным видом повернулся, скрестив руки высоко на груди, и Эмма не смогла удержаться от смеха.

— Что такое? Что? — спросил он с возмущением.

— Ты конечно же понимаешь, как это забавно, Декс.

— И что же в этом забавного?

— Ну, ты вдруг стал таким традиционалистом и сторонником моногамии, ни с того ни с сего.

Он ничего не сказал на это и снова отвернулся к окну.

Она попыталась его успокоить:

— Послушай, мы оба тогда были немного пьяны...

— Не так уж я был и пьян.

— Ты снял штаны, не снимая ботинок, Декс! — Он по-прежнему стоял к ней спиной. — Да не стой ты у этого окна. Иди сюда, сядь.

Она забралась на диван с голыми ногами. Декстер коснулся лбом оконного стекла один раз, другой, затем повернулся и, не глядя на Эмму, прошагал через комнату и сел с ней рядом — точь-в-точь ребенок, которого выгнали с уроков и отослали домой. Она коснулась стопой его бедра:

— Так значит, ты хочешь об этом поговорить? Давай поговорим.

Он ничего не ответил. Она слегка толкнула его ногой и, когда он наконец взглянул на нее, сказала:

— Ладно. Я первая. — Она сделала глубокий вдох. — Я думаю, что ты тогда был очень расстроен и немного пьян, пришел повидаться со мной, и все просто... закрутилось. Ты чувствовал себя таким несчастным из-за расставания с Сильви, переезда и из-за того, что не можешь видеться с Жасмин, что тебе стало одиноко и нужно было просто выговориться у кого-нибудь на плече. Или с кем-нибудь переспать. И я оказалась под рукой. Я оказалась плечом, с которым можно еще и переспать.

— Значит, по-твоему, так все было?

— По-моему, да.

— И ты переспала со мной только для того, чтобы мне стало лучше?

— А тебе стало лучше?

— О да, намного.

— Ну вот, и мне тоже. Как видишь, сработало.

— Но дело не в этом.

— Есть причины и похуже, почему люди оказываются в одной постели. Тебе ли не знать.

— Но секс из жалости?..

— Не из жалости — из сочувствия.

— Эм, не издевайся.

— Я не издеваюсь, просто... жалость тут ни при чем, и ты прекрасно это знаешь. Но... это слишком сложно. Наши отношения. Иди сюда.

Эмма снова толкнула Декстера ногой, и спустя некоторое время он

повалился, как срубленное дерево, и склонил голову ей на плечо.

— Мы так давно знакомы, Декс, — произнесла она со вздохом.

— Знаю. Я просто подумал, что это не такая уж плохая идея. Декс и Эм, Эм и Декс — только мы двое, и больше никого. Просто попробовать, посмотреть, что получится. Мне казалось, что и ты этого хочешь.

— Я хочу. То есть хотела. В конце восьмидесятых.

— Но почему не сейчас?

— Потому что. Уже поздно. Слишком поздно для нас. Я слишком устала.

— Тебе всего тридцать пять!

— Мне просто кажется, наше время прошло, — сказала она.

— Откуда ты знаешь, раз мы даже никогда не пробовали?

— Декстер, у меня есть парень!

Некоторое время они сидели в тишине, слушая детские крики, доносившиеся со двора, и звук включенного где-то телевизора.

— А он тебе нравится? Этот твой парень.

— О да. Очень, очень нравится.

Он опустил руку и зажал в ладони ее левую стопу, все еще пыльную после ходьбы по улице.

— Я просто не вовремя, да?

— Да, немного.

Он посмотрел на ее ногу в своей руке. Ногти были накрашены красным лаком, но он кое-где облупился, а ноготь на мизинце был искривленный — можно даже сказать, его почти не было.

— Твои пальцы просто отвратительны.

— А я знаю.

— Мизинец похож на маленькое кукурузное зернышко.

— Хватит мучить мои пальцы.

— А той ночью, — он надавил большим пальцем на ее пятку, — правда было так ужасно?

Она больно пнула его в бок второй ногой:

— Не напрашивайся на комплименты, Декстер.

— Нет, серьезно. Скажи.

— Нет, Декстер, все не было так ужасно — мало того, это была одна из наиболее примечательных ночей в моей жизни. Но я по-прежнему считаю, что лучше ей и ограничиться. — Она опустила ноги на пол и подвинулась, пока их бедра не соприкоснулись. Взяла Декстера за руку и склонила голову ему на плечо. Оба смотрели прямо перед собой, на книжные полки. Наконец Эмма вздохнула и спросила: — Почему ты не сказал мне все это,

ну скажем, лет восемь назад?

— Сам не знаю. Был слишком занят, развлекаясь, наверное.

Она подняла голову и посмотрела на него сбоку:

— А теперь развлечения кончились, и ты подумал — о, старушка Эм, почему бы и нет?

— Я вовсе не это хотел сказать...

— Я не утешительный приз, Декс. Не хочу быть тем, что осталось, когда больше ничего не осталось. Мне кажется, я стою большего.

— Я тоже считаю, что ты стоишь большего. Поэтому и приехал сюда. Ты просто чудо, Эм.

Она замерла на мгновение, потом резко вскочила, взяла подушку и огрела его по голове со словами:

— Заткнись, Декс.

Он схватил ее за руку, но Эмма вырвалась и направилась в спальню.

— Что ты собралась делать? — крикнул он ей вслед.

— Приму душ, переоденусь. Нельзя же сидеть тут весь вечер! — ответила она из соседней комнаты, сердито вытаскивая одежду из шкафа и бросая ее на кровать. — Тем более что он придет уже через двадцать минут!

— Кто придет?

— А как ты думаешь? Мой новый парень!

— Жан-Пьер придет сюда?

— Ну да. В восемь. — Она принялась расстегивать крошечные пуговички на блузке, затем прекратила, раздраженно стянула блузку через голову и швырнула на пол. — Мы пойдем ужинать! Втроем!

Декстер откинулся на спинку дивана и, издав протяжный низкий стон, сказал:

— О боже. Это обязательно?

— Увы. Мы обо всем договорились заранее. — Эмма стояла обнаженной, сердясь на саму себя за то, что попала в такую ситуацию. — Мы поведем тебя в тот самый ресторан, где познакомились! В то знаменитое бистро! Сядем за тот же столик, будем держаться за руки и расскажем тебе все в подробностях! Это будет очень, очень романтично. — Она с треском захлопнула дверь ванной и прокричала оттуда: — И никто не будет смущаться!

Услышав звук льющейся воды, Декстер улегся на диван, глядя в потолок и чувствуя неловкость в преддверии этого абсурдного ужина. Он думал, что у него есть ответ, что они смогут стать друг для друга спасением, — а оказалось, что у Эммы уже давно все хорошо. И если кого

и нужно спасать, так это его.

И может, Эмма действительно была права и он в самом деле чувствовал себя одиноким. В старых трубах забулькала вода, когда Эмма выключила душ. Снова это ужасное, унижительное состояние — одиночество. И хуже всего, что он знает: это правда. Он в жизни бы не подумал, что когда-нибудь ему будет одиноко. На свой тридцатый день рождения он снял целый ночной клуб на Риджент-стрит; люди стояли в очереди на тротуаре, чтобы их пустили! Телефонный справочник его мобильного, что прямо сейчас лежал в кармане, был заполнен номерами сотен людей, с которыми он познакомился в течение десяти лет, а оказалось, что лишь находящаяся сейчас в соседней комнате Эмма — та единственная, с кем он хотел говорить всё это время.

Неужели это правда? Он снова и снова обдумал свое заключение и, убедившись, что оно истинно, резко поднялся с намерением во всем ей признаться. Подошел к двери в спальню и вдруг остановился.

Он видел Эмму через щелочку. С мокрыми после душа волосами она сидела за маленьким туалетным столиком 1950-х годов. На ней было старомодное черное шелковое платье до колен, расстегнутое сзади до поясницы; спинка расходилась достаточно широко, чтобы увидеть тень под лопатками. Поза Эммы была не изящной, а неподвижной, скованной, словно она ждала, пока кто-нибудь подойдет и застегнет ей платье, и ему вдруг захотелось это сделать, а этот простой жест, такой знакомый и новый, вдруг показался ему столь интимным и приятным, что он чуть было не зашел в комнату. Сейчас он застегнет на ней платье, потом коснется губами углубления в том месте, где линия шеи переходит в линию плеча, и во всем ей признается.

Но он лишь молча смотрел, как она берет с туалетного столика книгу — большой и зачитанный французско-английский словарь. Она начала пролистывать книгу, а потом вдруг резко остановилась, наклонила голову и отбросила челку, проведя обеими руками по лбу и сердито выдохнув. Декстер засмеялся, как ему показалось, тихо; однако Эмма посмотрела на дверь, и он торопливо отступил. Доски пола под его ногами закрипели, и он, как дурак, на цыпочках побежал в кухню, отвернул оба крана и принялся намеренно греметь чашками под струей воды, создавая себе алиби. Спустя некоторое время он услышал, как в спальне с характерным звуком Эмма сняла трубку старого телефона. Декстер завернул краны, надеясь подслушать разговор с этим Жан-Пьером. Эмма говорила приглушенным голосом, проникновенно мурлыча по-французски. Он напряг слух, но так и не понял ни единого слова.

Потом он снова услышал «дзинь»: она повесила трубку. Прошло некоторое время; он обернулся и увидел Эмму в дверном проеме за своей спиной.

— С кем разговаривала? — спросил он через плечо безразличным тоном.

— С Жан-Пьером.

— И как у него дела?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Отлично. Ну что ж. Я пошел переодеваться. Напомни, когда он придет?

— Он не придет.

Декстер обернулся:

— Что?

— Я сказала ему, чтобы не приходил.

— Серьезно? Так и сказала?

Декстеру хотелось засмеяться.

— Сказала, что у меня тонзиллит.

Ему очень хотелось смеяться, но разве можно... не сейчас, потом. Он вытер руки:

— И как это будет? По-французски. Тонзиллит.

Она сжала рукой горло и жалобно прохрипела:

— Je suis tres desole, mais mes glandes sont gonflee. Je pense que je peux avoir l'amygdalite. ^[57]

— L'amy?..

— L'amygdalite.

— Я поражен твоим словарным запасом.

Она скромно пожала плечами:

— Ну, вообще-то я в словаре посмотрела.

Они улыбнулись друг другу. И вдруг, точно по наитию, Эмма, сделав три быстрых длинных шага, пересекла кухню, прижала ладони к лицу Декстера и поцеловала его. Он обнял ее, обнаружив, что платье еще расстегнуто, а кожа под ним прохладная и еще влажная после душа. Так они целовались еще некоторое время. После чего, по-прежнему сжимая его лицо ладонями, она пристально на него посмотрела:

— Только попробуй душить мне голову, Декстер...

— Не буду...

— Если ты меня обманываешь, или подведешь, или будешь водить интрижки за моей спиной, клянусь, я тебя убью. Клянусь Богом, я вырву у тебя сердце и съем его.

— Я ничего такого не сделаю.

— Не сделаешь?

— Клянусь.

И тут она нахмурилась, потрянула головой и снова обняла его, уткнувшись лицом ему в плечо и издав звук, напоминающий яростное рычание.

— Что с тобой? — спросил Декстер.

— Ничего. Ничего. Просто... — Эмма подняла голову и посмотрела на него. — Я-то думала, что наконец от тебя избавилась.

— Это вряд ли, — проговорил он.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

2002–2005

35–40

«О чувствах они говорили мало: красивые фразы и нежные знаки внимания ни к чему таким давним друзьям».

Томас Гарди, «Вдали от обезумевшей толпы»

Глава 16

Утром в понедельник

Понедельник, 15 июля 2002 года

Белсайз-Парк, Лондон

Радиобудильник звонит, как всегда, в 7.05. На улице уже солнечно и ясно, но ни он, ни она не спешат вставать. Он лежит, обняв ее за талию; их ноги сплелись. Они лежат на двуспальной кровати Декстера в квартире в Белсайз-Парк, которая когда-то, много лет назад, была его холостяцким логовом.

Он не спит уже некоторое время, репетируя мысленно тон голоса и слова, которые казались бы одновременно торжественными и спонтанными, а когда чувствует, что она пошевелилась, говорит:

— Могу я кое-что сказать? — Он прижимается губами к ее затылку, глаза его закрыты.

— Скажи, — отвечает она немного настороженно.

— По-моему, это просто бред, что у тебя своя квартира.

Лежа к нему спиной, она почти незаметно улыбается:

— Та-ак...

— Ты же всё равно всё время ночуешь у меня.

Она открывает глаза:

— Могу и не ночевать.

— Нет. Я хочу, чтобы ты ночевала.

Она поворачивается на кровати к нему лицом и видит, что глаза его по-прежнему закрыты.

— Декс, неужели...

— Что?

— Неужели ты просишь меня к тебе переехать?

Он улыбается и, не открывая глаз, берет ее руку под простыней и сжимает в ладони:

— Эмма, не согласитесь ли вы ко мне переехать?

— Ну наконец-то! — восклицает она. — Декс, ради этого момента я и жила.

— Это значит «да»?

— Мне надо подумать.

— Тогда сообщи мне о своем решении, ладно? Потому что, если тебя мое предложение не заинтересует, найду кого-нибудь еще.

— Я же сказала: мне надо подумать.

Он открывает глаза. Вообще-то он рассчитывал услышать «да».

— А о чем тут думать-то?

— Ну, даже не знаю. Совместная жизнь...

— Мы жили вместе в Париже.

— Знаю, но то было в Париже.

— Да и сейчас, можно сказать, тоже вместе живем.

— Знаю, но...

— И снимать квартиру просто глупо, все равно что деньги на ветер выбрасывать, учитывая нынешнюю ситуацию на рынке недвижимости...

— Ты говоришь, прямо как мой независимый финансовый консультант. Очень романтично. — Она вытягивает губы немного вперед и целует его: осторожный утренний поцелуй. — Дело ведь не только в финансовом планировании, верно?

— Ну, главная причина в том, что, как мне кажется, это будет... здорово.

— Здорово, значит.

— Если ты поселишься у меня.

— А как же Жасмин?

— Ничего, привыкнет. А потом, ей всего два года, не ей решать, верно? И уж тем более не ее матери.

— А нам не будет немного...

— Что?

— Тесновато. Втроем по выходным.

— Придумаем что-нибудь.

— И где я буду работать?

— Здесь, пока меня нет дома.

— А куда же ты будешь приводить своих любовниц?

Он вздыхает; после года почти маниакальной верности шулки на эту тему представляются ему неуместными.

— Будем снимать номер в гостинице после обеда.

Они некоторое время молчат под звук бубнящего радио, и Эмма опять закрывает глаза и пытается представить, как разбирает картонные коробки, освобождает место в шкафу, чтобы положить одежду, книги... По правде говоря, она предпочитает обстановку своей нынешней квартиры —

уютную, можно даже сказать, богемную мансарду на Хорнси-роуд. Белсайз-Парк слишком шикарен и моден; к тому же, несмотря на все ее усилия и постепенное переселение к Декстеру ее книг и вещей, из квартиры его никуда не делись атрибуты холостяцких лет: игровая приставка, невероятных размеров телевизор, огромная кровать. Эмма даже в шутку призналась: «Боюсь, что если открою шкаф, то на меня посыплются женские трусики или что похуже». Но Декстер высказал предложение, и она чувствует, что должна предложить что-то взамен.

— Может, нам вместе купить квартиру? — говорит она. — Побольше, чем эта. — И снова она затронула важную тему, о которой раньше они не говорили, хотя и думали постоянно. Ответа нет довольно долго, и она уже решает, что Декстер уснул, но вдруг слышит:

— Хорошо. Давай вечером поговорим.

И вот начинается новый будничный день, такой же, как предыдущий, такой же, как следующий. Они встают и одеваются; Эмме приходится выбирать из того ограниченного набора одежды, что она держит в отведенном ей шкафу. Сначала душ принимает Декстер, потом она; он тем временем идет в магазин и покупает газету и, если нужно, молоко. Он читает спортивную рубрику, она — новости; затем, после завтрака — завтракают они обычно в уютной тишине, — она берет велосипед, что стоит в коридоре, и катит его, идя рядом с Декстером до метро. Каждый день они целуются на прощание примерно в восемь двадцать пять.

— Сильви привезет Жасмин к четверем, — говорит он. — Я вернусь в шесть. Ты точно не против?

— Нет, конечно.

— И справишься с Жасмин?

— Разумеется. Сходим в зоопарк или что-нибудь еще придумаем.

Они снова целуются; она уезжает на работу, он уезжает на работу; так и проходят дни, летят, как никогда раньше.

* * *

Работа. Он снова работает, и на этот раз у него собственный бизнес, хотя маленькое кафе и магазинчик деликатесов на жилой улице между Хайгейт и Арчвей пока язык не поворачивается назвать таким громким словом.

Идея родилась в Париже, тем долгим и странным летом, когда они вместе разобрали его жизнь по камушку, а затем собрали заново. Вообще-

то, идея возникла у Эммы, когда они сидели за столиком уличного кафе недалеко от парка Бют-Шамон на северо-востоке Парижа. «Ты любишь вкусно поесть, — сказала она тогда, — разбираешься в винах. Мог бы торговать хорошим кофе по фунту, импортными сырами — всякими деликатесами, на которых все в последнее время помешались. Только пусть это будет не претенциозный и не снобистский гастрономический бутик, а просто милая маленькая лавка. А летом можно выставлять столики на улицу». Сначала слово «магазин» его пугало — он никак не видел себя владельцем магазина или, того хуже, лавочником. А вот «специалист по импортным продуктам» — это звучало уже лучше. Он предпочитал думать о своем заведении как о кафе или ресторане, где, помимо всего прочего, продавались и продукты. А о себе — как о предпринимателе.

И вот в конце сентября, когда Париж наконец — наконец! — начал терять свое очарование, они сели на поезд и вместе вернулись домой. Они привезли с собой легкий загар и новую одежду и шли рука об руку по платформе, словно впервые приехали в Лондон, полные планов и проектов, решимости и амбиций. Их друзья кивали с таким видом, будто давно знали, что так всё и будет. Декстер снова познакомил Эмму с отцом — «Конечно, я вас помню. Это вы называли меня фашистом» — и вместе с ней объяснил ему затею с новым бизнесом в надежде, что он поможет финансами. Когда Элизабет умерла, было решено, что определенная сумма отойдет Декстеру, когда наступит время; и, кажется, оно наступило. В глубине души Стивен Мэйхью не сомневался, что его сын спустит все до последнего пенни, но был готов заплатить любую цену, лишь бы тот никогда больше не появлялся на телеэкране. Да и присутствие Эммы помогло, потому что Эмма нравилась отцу Декстера, и впервые за многие годы он поймал себя на мысли, что собственный сын ему тоже нравится — благодаря ей.

Они вместе подыскивали помещение. Владельцы видеопроката с полками запылившихся видеокассет — живой аномалии — в конце концов признали, что их предприятие изжило себя, и, вновь вдохновленный Эммой, Декстер принял решение и взял помещение в аренду на год. Весь долгий дождливый январь они ломали металлические полки и раздавали оставшиеся фильмы с участием Стивена Сигала местным секонд-хендам. Декстер и Эмма ошкурили стены и окрасили их в сливочно-белый цвет, установили панели из темного дерева, обошли все обанкротившиеся рестораны и кафе в поисках приличной кофе-машины, витрин и холодильников с передней стеклянной дверцей. И в каждом прогоревшем ресторане он вспоминал о том, что поставлено на карту и как высоки шансы на неудачу.

Но Эмма все время была рядом, подталкивала его, не давала разувериться в том, что он все делает правильно. По словам агентов по недвижимости, район был перспективным: здесь постепенно селилось все больше молодых профессионалов, которые знали цену «высокой гастрономии» и жаждали баночек с утиным конфи, и увеличивалось число покупателей, готовых заплатить два фунта за маленькую булочку или кусочек козьего сыра размером с мяч для игры в сквош.

В первый день весны они сели на солнце на тротуаре у входа в почти отремонтированный магазин и составили список возможных названий, забавно сочетая слова «магазин», «вино», «хлеб», «Париж», а в итоге остановились на «Кафе Бельвилль» — эхе парижского 19-го округа в Южном Лондоне. Декстер основал компанию, уже вторую после «Мэйхем ТВ», назначив Эмму генеральным директором и, что немаловажно, инвестором. Первые две книги про Джули Крисколл начали приносить доход; мультсериал по их мотивам продлили на второй сезон, и шли разговоры о производстве пеналов и поздравительных открыток с изображением Джули Крисколл и даже издании одноименного ежемесячного журнала. Преодолев первоначальное смущение, Эмма оказалась в довольно странном, немного пугавшем ее положении — теперь у нее была возможность предложить Декстеру финансовую поддержку. В свою очередь немного посмущавшись, тот согласился.

Они открылись в апреле, и первые шесть недель он провел, стоя за прилавком из темного дерева и наблюдая, как люди заходят, оглядываются, хмыкают и хлопают дверью. Однако потом слухи поползли, народу стало больше, и он даже смог нанять подручных. Появились постоянные посетители, и работа даже стала приносить удовольствие.

А теперь его заведение стало модным — пусть и в более спокойном, домашнем смысле этого слова, а не в том, к которому он привык. Если он и стал знаменитостью, то лишь местного масштаба и лишь за счет того, что у него хороший выбор травяного чая. Но Декстер по-прежнему остается объектом женского интереса, хоть и в меньшей степени: теперь о нем вздыхают краснеющие молодые мамочки, которые заходят поест пирожных после фитнеса, и в некоторой степени он снова почти — почти — знаменит. Он отмыкает тяжелый замок на подъемной металлической двери, которая уже нагрелась теплым летним утром. Поднимает ее, отпирает входную дверь и чувствует себя... довольным жизнью? Почти счастливым? Нет, по-настоящему счастливым. Впервые за многие годы он в глубине души гордится собой.

Конечно, иногда, в долгие скучные дождливые вторники, ему хочется

опустить ставни и методично выпить все красное вино, но не сегодня. Сегодня теплый день, он увидится с дочерью и проведет с ней почти восемь дней, так как Сильви и этот ублюдок Кэллум едут в очередной отпуск, а отпусков их не счесть. Он не успел понять, а Жасмин уже каким-то таинственным и странным образом исполнилось два с половиной года; она сдержанна и красива, как мать, и, когда приезжает к нему, играет в магазин и спокойно занимается другими делами; да и Эмма сегодня будет дома, когда он вернется. Впервые за много лет он чувствует, что доволен тем, как складывается его жизнь. У него есть подруга, которую он любит и обожает и которая к тому же его лучший друг. У него прекрасная и умная дочь. Он все делает правильно. И все будет хорошо — лишь бы ничего не изменилось.

* * *

В двух милях, недалеко от Хорнси-роуд, Эмма поднимается по лестнице, отпирает входную дверь и вдыхает прохладный и спертый воздух квартиры, где никто не был уже четыре дня. Она заваривает чай, садится за рабочий стол, включает компьютер и почти целый час смотрит на экран монитора. У нее много работы — надо написать, перечитать и переправить сценарий для второго сезона мультсериала «Джули Крисколл», написать пятьсот слов для третьей книги из серии, поработать над иллюстрациями. Ее ждут письма и электронная почта от юных читателей — искренние и нередко трогательно личные послания, которым тоже надо уделить внимание. Ей пишут об одиночестве, издевательствах сверстников в школе и «одном мальчике, который мне очень, очень нравится».

Но мысли все время возвращаются к предложению Декстера. В прошлом году, тем долгим и странным летом в Париже, они кое-что обговорили насчет совместного будущего — на случай, если оно у них будет, это совместное будущее. И главной договоренностью было то, что они не станут жить вместе: отдельная жизнь, отдельные квартиры, отдельные друзья. Они будут стараться поддерживать отношения и, разумеется, хранить друг другу верность, но не станут все делать, «как принято». Не будет утомительных поисков квартиры по выходным, званных ужинов с ее и его знакомыми, букетов в День святого Валентина — никаких примет совместной или семейной жизни. Ведь оба уже через это прошли, и результат был неутешительным.

Ей казалось, что это соглашение делает их модной и современной

парой, практикующей новый взгляд на жизнь. Но им стоило таких усилий делать вид, что они не хотят быть парой, что рано или поздно кто-то неизбежно должен был сломаться. Просто она не ожидала, что это будет Декстер. Правда, один вопрос они не обсуждали, хотя теперь, похоже, его никак не замолчать. Дети. Нет, не *дети* — лучше его не пугать и использовать единственное число. Эмма хотела ребенка.

Она и раньше заводила этот разговор, правда, походя и в шутку, и он в ответ бормотал: «Возможно, потом, когда все устроится». Но в ее жизни все и так было устроено. Ей было тридцать шесть, и она хотела именно этого, а если он не хочет, тогда, может, им лучше...

Что? Расстаться? Подобный ультиматум был бы слишком мелодраматичным и повредил им обоим, но она чувствует, что другого выхода нет. Вопрос повис в воздухе, и им постоянно приходится его обходить. Каждый раз, когда звонят ее родители; каждый раз, когда она с Декстером занимается любовью (пусть сейчас это происходит реже, чем во времена парижского разврата, но все же довольно часто). Из-за этого вопроса она не спит по ночам. Иногда ей кажется, что всю ее жизнь можно проследить по тому, из-за чего она не может заснуть в три утра. Сначала это были мальчики; потом, долгое время, деньги, работа; потом отношения, измены. А вот теперь это. Она решает поговорить об этом сегодня же. Нет, не сегодня — сегодня у них Жасмин, — но в ближайшее время. Как можно скорее.

Не сумев сосредоточиться и проведя все утро без дела, перед обедом Эмма идет в бассейн, долго плавает, пересекая бассейн из одного конца в другой, но голова светлее так и не становится. Затем, даже как следует не высушив волосы, возвращается в квартиру Декстера на велосипеде и обнаруживает у входа в дом гигантский и злобный черный джип. Он похож на гангстерскую машину; за ветровым стеклом просматриваются два силуэта, один толстый и короткий, другой тонкий и вытянутый: Сильви и Кэллум; они бурно жестикулируют. Очередная ссора. Эмма слышит их ругань даже с противоположной стороны улицы, а когда подъезжает ближе, видит искаженное злобой лицо Кэллума и Жасмин на заднем сиденье — девочка неподвижно уткнулась в книжку с картинками и пытается игнорировать шум. Эмма стучит в стекло с ее стороны; Жасмин поднимает голову и широко улыбается, обнажая крохотные белые зубки. Она оттягивает ремень безопасности, чтобы выбраться из машины.

Эмма и Кэллум кивают друг другу через стекло. У неверности, расставаний и разводов свой этикет, унижительный и абсурдный, но стороны заняты, клятвы в вечной вражде принесены, и теперь, несмотря на

то что они знакомы почти двадцать лет, Эмма больше не должна говорить с Кэллумом. Что касается Сильви, бывшей жены Декстера, у Эммы установился подчеркнуто жизнерадостный и дружелюбный тон в общении с ней, но, несмотря на притворство, неприязнь повисла между ними дымовой завесой.

— Не обращай внимания! — щебечет Сильви и ставит на тротуар свои длинные ноги. — Повздорили немного насчет того, сколько багажа брать с собой!

— Отпуск — это такой стресс, — машинально произносит Эмма.

Жасмин достают из автомобильного сиденья, и она забирается к Эмме на руки, утыкается лицом ей в шею, обхватив тоненькими ножками ее талию. Эмма в смущении улыбается, словно говоря: «Ну что я могу сделать?», а на лице Сильви застывает такая неестественная улыбка, будто ей пришлось растягивать губы пальцами.

— Где папочка? — спрашивает Жасмин, по-прежнему уткнувшись Эмме в шею.

— На работе, но очень скоро вернется.

Эмма и Сильви снова улыбаются.

— Ну и как там дела? — наконец выдавливает из себя Сильви. — В магазине?

— Очень хорошо, просто замечательно.

— Что ж, жаль, что мы с ним не повидались. Передавай привет.

Снова молчание. Кэллум заводит мотор, давая понять, что пора ехать.

— Не хочешь зайти? — спрашивает Эмма у Сильви, заранее зная ответ.

— Нет, нам пора.

— Куда на этот раз?

— В Мексику.

— Мексика. Замечательно.

— Ты там не была?

— Нет, но когда-то работала в мексиканском ресторане.

Сильви прищелкивает языком, а Кэллум ревет с водительского сиденья:

— Поехали! Или хочешь в пробке торчать?

Жасмин снова сажают в машину, чтобы попрощаться, — «Будь хорошей девочкой, не смотри телевизор», — Эмма же тем временем относит в дом ее вещи: светло-розовый виниловый чемоданчик на колесиках и рюкзак в виде панды. Когда Эмма возвращается, Жасмин ждет ее на тротуаре, выпрямившись, как школьница, и прижав к груди стопку

книг с картинками. Красивая, модненькая, безупречная, немного печальная, она каждой клеточкой напоминает свою мать и ничем не напоминает Эмму.

— Нам пора. Не представляешь, что там творится на регистрации. — Сильви забрасывает свои длинные ноги обратно в машину, точно лезвие складного ножа. Кэллум смотрит прямо перед собой.

— Что ж. Приятно вам отдохнуть в Мексике. Поплывать с маской...

— Не с маской, с аквалангом. Маски для детей малых, — неожиданно огрызается Сильви.

Эмма вздрагивает:

— Извините. Значит, с аквалангом. Ну, не утоните там!

Сильви вскидывает брови, губы складываются в букву «о» — но что Эмма может сказать? «Я серьезно, Сильви, не утоните. Я действительно не хочу, чтобы вы утонули!» К тому же слишком поздно: слов назад не взять, иллюзия дружбы рассыпалась в прах. Сильви, подозревая Жасмин, отпечатывает на лбу дочери поцелуй, с треском захлопывает дверь, и черный джип уезжает.

Эмма и Жасмин стоят на тротуаре; Жасмин машет вслед машине ручкой.

— Ну что, Мин, твой папа только в шесть вернется. Чем хочешь заняться?

— Не знаю.

— У нас много времени. Можем сходить в зоопарк.

Жасмин обрадованно кивает. У них семейный абонемент, и Эмма идет в дом, готовясь к очередному вечеру с чужой дочерью.

* * *

В большой черной машине бывшая миссис Мэйхью сидит, сложив руки на коленях, поджав ноги и прислонив голову к тонированному стеклу. Кэллум переругивается с другими водителями на Юстон-роуд. В последнее время он и она нормально почти не разговаривают, только кричат и шипят друг на друга, и, как и все остальные отпуска, этот отпуск — очередная попытка все наладить.

Последний год в ее жизни был неудачным. При ближайшем рассмотрении Кэллум оказался грубым увальнем. То, что она поначалу приняла за амбициозность и жизненную силу, превратилось в нежелание приходить домой по вечерам. Она подозревает, что у него есть любовница, и не одна. Ему словно ненавистно само присутствие Сильви в его доме, не

говоря уж о Жасмин; он кричит на нее лишь за то, что та ведет себя как обычный ребенок, и намеренно избегает ее общества. Рывкает на нее, выкрикивая абсурдные выражения: «Quid pro quo, Жасмин, quid pro quo».

[58] Ей два с половиной года, черт возьми! Декстер, несмотря на всю свою никчемность и безответственность, хоть любит малышку, пожалуй даже слишком. А Кэллум относится к Жасмин как к какому-то нерадивому сотруднику своей компании! А ее родные, настороженно отнесшиеся к Декстеру, Кэллума открыто презирают.

К тому же каждый раз, когда она теперь видит своего бывшего мужа, тот улыбается во весь рот, так и лучась счастьем, как... как участник какой-то секты! Он подбрасывает Жасмин в воздух, катает ее на спине, при каждой возможности демонстрируя, каким хорошим стал отцом. И эта его Эмма... Жасмин только и говорит, что об Эмме: Эмма то, Эмма сё, Эмма самая ее лучшая подружка. Она приносит домой какие-то макароны, наклеенные на цветной картон, а когда Сильви спрашивает, что это, отвечает, что это Эмма, а потом захлеб принимается рассказывать о том, как они ходили в зоопарк. Оказывается, у них имеется *семейный абонемент*! Боже, как невыносимо смотреть на эту самодовольную парочку — Декс и Эм, Эм и Декс — и их убогий маленький магазинчик на углу, — у Кэллума, между прочим, уже сорок восемь ресторанов! Эмма с ее дурацким велосипедом и толстым животом, повадками студенточки и нестереотипными взглядами! Сильви считает, что превращение Эммы из крестной матери в мачеху — зловещий продуманный ход; Эмма всегда подкарауливала момент, ходила вокруг них кругами и ждала случая, чтобы нанести удар. «Не утоните!» Наглая корова.

Кэллум перекрикивается с водителями на Марлибуун-роуд, и при мысли о чужом счастье Сильви охватывает отчаянное негодование. Она чувствует себя несчастной оттого, что впервые в жизни оказалась в команде проигравших. И еще ей грустно оттого, как отвратительны, некрасивы и злы ее мысли. Ведь как-никак, это она бросила Декстера и разбила ему сердце.

Кэллум нецензурно ругает водителей на Вествей. Сильви хочется завести второго ребенка, но как? Впереди их ждет целая неделя дайвинга, роскошный мексиканский отель, но ей почему-то кажется, что этого будет мало.

Глава 17

Праздничная_речь. Дос

Вторник, 15 июля 2003 года

Северный Йоркшир

Летний коттедж был маленьким, темным и совсем не похожим на себя на фотографиях. И пахло там освежителем воздуха и пустыми кухонными шкафами — как обычно пахнет в летних коттеджах, а толстые каменные стены так промерзли с зимы, что даже в жаркий июльский день внутри было прохладно и сыро.

Но им было все равно. В коттедже имелось все необходимое, он стоял в стороне от других домов, и вид на вересковые поля открывался просто потрясающий, даже через крошечные оконца. Обычно они гуляли или катались по побережью, заезжая в застывшие во времени курортные городки, которые Эмма помнила еще с детства. Сегодня, в четвертый день отпуска, они приехали в Файли и решили пройти по широкому променаду с видом на бескрайний пляж, где во вторник было еще немного народу, так как школьные каникулы еще не начались.

— Видишь вон то место? Там мою сестру укусила собака.

— Любопытно. А что за собака?

— Извини, я, наверное, тебе уже надоела?

— Немного.

— Не повезло тебе. Еще целых четыре дня.

После обеда была запланирована весьма претенциозная прогулка к водопаду: Эмма наметила ее еще вчера. Однако час спустя они все еще стояли посреди верескового поля, растерянно разглядывая карту, а вскоре попросту сдались, легли на сухой вереск и уснули на солнце. Эмма взяла с собой книжку про птиц и огромный армейский бинокль размером и весом с дизельный двигатель, и вот теперь она не без усилий поднесла бинокль к глазам:

— Смотри, там наверху. Кажется, это лунь.

— Угу.

— Да посмотри же! Он прямо над нами.

— Неинтересно. Я сплю.
— Как тебе может быть неинтересно? Лунь — такая красивая птица.
— Я слишком молод, чтобы наблюдать за птицами.
Эмма рассмеялась:
— Ты просто дурак.
— Мало мне прогулок по полям. В следующий раз заставишь меня слушать классику?
— *Я слишком крутой, чтобы наблюдать за птицами...*
— Настроишь все приемники на «Классик-Эф-Эм». Потом займешься садоводством, начнешь покупать джинсы в «Маркс энд Спенсер», захочешь переехать за город. Мы будем называть друг друга «дорогой» и «дорогая». Я знаю, как это бывает, Эм. Стоит только начать, и дальше по наклонной.
Она оперлась на локоть, наклонилась и поцеловала Декстера:
— Напомни, почему я выхожу за тебя?
— Еще не поздно все отменить.
— А деньги вернут?
— Сомневаюсь.
— Ну, тогда ладно. — Она снова поцеловала его. — Но я еще подумаю.

* * *

Свадьба была назначена на ноябрь — скромная и тихая церемония в мэрии, а потом небольшое скромное празднование для самых близких друзей и родственников в их любимом ресторане недалеко от дома. Они говорили, что это будет даже не свадьба, а просто повод собраться. Никаких церковных обетов и сентиментальностей; клятвы в верности им предстояло написать самим, и они испытывали неловкость при мысли, что придется сесть напротив друг друга и сочинить эти обещания.

— А можно просто использовать твои обеты с прошлой свадьбы?
— Да, но ты все равно должна пообещать слушаться меня во всем.
— Только если ты поклянешься, что никогда, никогда не займешься гольфом.
— И ты возьмешь мою фамилию?
— Эмма Мэйхью. Пожалуй, могло быть и хуже.
— А можно двойную.
— Морли-Мэйхью. Звучит как название деревни в Котсуолдсе. «Мы сняли чудесный маленький коттедж неподалеку от Морли-Мэйхью».

Так они и ждали свадьбы — притворялись, что ничего особенного не будет, но в глубине души, втайне ото всех, конечно, волновались.

Эта неделя в Йоркшире была их последним отпуском перед скромным и незатейливым праздником. У Эммы близился срок сдачи в издательство рукописи романа, Декстер боялся оставить кафе на целую неделю, зато у них появилась возможность заехать к родителям Эммы, что для ее матери было равноценно визиту королевской четы. Сью Морли накрыла стол льняными салфетками, а не кухонными полотенцами из рулона, как делала обычно, приготовила пудинг и даже приберегла в холодильнике бутылку «Перье». После того как Эмма рассталась с Иэном, Сью, казалось, утратила всякую надежду обрести новую любовь, поэтому на Декстера она накинулась с удвоенным пылом, флиртуя с ним странным голосом, подчеркнуто отчетливо выговаривая слова, что делало ее похожей на кокетливые говорящие часы. Декстер послушно флиртовал в ответ, а остальные члены семейства Морли молча разглядывали керамическую плитку на полу и усиленно старались не смеяться. А Сью было все равно, потому что сбылась самая заветная ее мечта — ее дочь наконец выходила замуж за принца Эндрю.

Глядя на Декстера глазами своих родных, Эмма гордилась им; он подмигивал Сью, по-мальчишески шутил с ее двоюродными сестрами, казалось, искренне интересовался папиными японскими карпами и шансами «Манчестер Юнайтед» на победу в Кубке лиги. Лишь младшая сестра Эммы скептически восприняла его обаяние и искренность. Разведенной матери двух мальчиков, озлобленной на весь мир и постоянно усталой, Марианне только еще одной свадьбы не хватало. Тем вечером Эмма и Марианна разговорились за мытьем посуды.

— Объясни мне, почему мама вдруг начала говорить таким идиотским голосом? — спросила Марианна.

— Он ей понравился. — Эмма толкнула сестру в бок. — И тебе тоже, верно?

— Он милый. Он мне нравится. Он вроде из тех, кто спит со знаменитостями, или я неправа?

— Это было много лет назад. Сейчас все иначе.

Марианна фыркнула и с трудом сдержалась, чтобы не произнести известную поговорку про горбатого и могилу.

Они оставили попытки отыскать водопад и поехали в местный паб, где наелись жареной картошки, а потом до самого вечера играли в бильярд, поочередно выигрывая другу друга.

— Кажется, я не нравлюсь твоей сестре, — сказал Декстер, устанавливая шары для финальной игры.

— Нравишься.

— Она мне почти ни слова не сказала.

— Она просто застенчивая и ворчунья. Такая она, моя сестренка.

Декстер улыбнулся:

— Твой акцент.

— А что?

— С тех пор как мы сюда приехали, ты стала говорить как северянка.

— Правда?

— Стоило свернуть с шоссе M1...

— Но тебя же это не раздражает?

— Ни капельки. Чья очередь разбивать?

Эмма выиграла, и они вышли из паба и направились к коттеджу в свете закатного солнца. От пива они слегка захмелели и расчувствовались. Вообще-то, это был «рабочий отпуск»: они планировали весь день проводить вместе, но по вечерам Эмма должна была работать, хотя до сих пор ей удалось написать очень мало. Поездка совпадала с теми днями цикла, когда вероятность зачать была особенно высока, и они не могли не воспользоваться этой возможностью.

— Что, опять? — пробормотал Декстер, когда Эмма закрыла дверь и поцеловала его.

— Если хочешь, конечно.

— Хочу. Я просто чувствую себя... племенным жеребцом. Или кем-то вроде того.

— О, ты и есть жеребец. Ты и есть.

* * *

В девять Эмма уже уснула в большой неудобной кровати. На улице было еще светло, и некоторое время Декстер лежал и слушал дыхание Эммы, глядя в окно спальни, где виднелся маленький кусочек сиреневого поля. Не в состоянии уснуть, он тихо встал с кровати, надел первую попавшуюся одежду и бесшумно спустился в кухню, где налил себе бокал вина, не имея представления, чем себя занять. Уединение тяготило

Декстера, привыкшего к шумному Оксфордширу. На Интернет в такой глуши не стоило даже надеяться, однако в брошюре с описанием коттеджа с гордостью говорилось и об отсутствии телевизора, а тишина заставляла его нервничать. Он взял айпод, выбрал из списка Телониуса Монка^[59] — в последнее время ему все больше нравился джаз, — плюхнулся на диван, подняв клубы пыли, и посмотрел на лежащую рядом книгу. Эмма в шутку купила ему «Грозовой перевал»^[60] в качестве отпускного чтения, но ему казалось, что читать эту книгу совершенно невозможно. Поэтому он взял свой лэптоп, открыл его и устремил взор на дисплей.

В папке под названием «Личные документы» была другая папка, «Разное», а в ней — файл объемом 40 Кб под названием «Праздничная_речь.doc» — текст его свадебной речи. Кошмар его тупого, бессвязного, наполовину импровизированного выступления на прошлой свадьбе был все еще свеж в памяти, поэтому он решил, что на этот раз все сделает как надо, и начал работать над речью заранее.

До сих пор ему удалось написать следующий текст.

Речь жениха.

После головокружительного романтического отпуска в... и т. д.

Как мы познакомились. Вместе учились в университете, но я не знал ее. Видел пару раз. Все время ходила такая сердитая, с ужасной прической. Показать фото? Считала меня идиотом. Носила рейтузы — или мне показалось? Наконец мы познакомились. Она назвала папу фашистом.

Подружились. Я был идиотом. Не замечал, что счастье у меня под носом (банальность).

Далее описать Эм. Ее многочисленные достоинства. Чувство юмора. Ум. Хорошо танцует, но ужасно готовит. Хороший вкус в музыке. Мы часто ссоримся. Но с ней всегда можно поговорить и посмеяться. Красивая, хоть и не всегда понимала это, и т. д. и т. п. Отлично ладит с Жас и даже с моей бывшей женой! Хо-хо-ха. Ее все обожают.

Рассказать, как мы долго не общались. Потом про Париж.

И вот наконец мы вместе, головокружительный роман после почти 20 лет знакомства, все встало на свои места. Друзья говорят: знали, что так всё и будет. Счастлив, как никогда.

Сделать паузу, чтобы дать всем гостям проблеваться.

Вспомнить о том, что это мой второй брак. На этот раз не допущу ошибок и т. д. Поблагодарить рестораторов за вкусную еду. Поблагодарить Сью и Джима за то, что приняли меня в семью. Я теперь почетный йоркширец (опять все блюют). Зачитать телеграммы? От друзей, которые не пришли. Жаль, что мама не с нами. Она бы мной гордилась. В кои-то веки.

Так выпьем же за мою прекрасную жену, бла-бла-бла-бла-бла-бла-бла.

Это было только начало, он всего лишь набросал план. А теперь взялся за дело всерьез; для начала поменял шрифт с Courier на Arial, потом на Times New Roman и обратно; выделил все курсивом, сосчитал количество слов, сделал больше промежутки между абзацами и увеличил поля, чтобы текст выглядел более значительно.

Наконец он принялся зачитывать речь вслух, сверяясь с текстом, как с заметками, и пытаясь говорить непринужденно, как в бытность телеведущим:

— Хочу поблагодарить вас всех, что пришли сегодня сюда...

Вдруг он услышал скрип половиц наверху, поспешно закрыл ноутбук, сунул его под диван и сделал вид, что читает «Грозовой перевал».

Обнаженная и заспанная Эмма прошла вниз, остановилась внизу лестницы и села на ступеньку, обняв руками колени.

— Сколько времени? — зевнув, спросила она.

— Без четверти десять. Что-то мы загулялись допоздна, Эм!

Она снова зевнула.

— Ты меня утомил, жеребец, — сказала она со смехом.

— Ты бы оделась.

— А ты чем занимаешься?

Он поднял книжку.

— «Не могу жить без любви! Не могу жить без души!» Или там было «любить без души»? Или «душить без любви»? Забыла.

— Я до этого места еще не дочитал. Пока все про какую-то Нелли.

— Дальше будет интереснее, обещаю.

— Напомни еще раз, почему тут нет телевизора?

— Мы должны сами себя развлекать. — Она взялась за перила. —

Возвращайся в кровать, поговорим.

Он встал, подошел к лестнице, перегнулся через перила и поцеловал ее:

— Только пообещай, что больше не будешь заставлять меня заниматься с тобой сексом.

— Но чем мы тогда будем заниматься?

— Знаю, это прозвучит странно, — немного смущенно ответил он, — но я бы с удовольствием сыграл с тобой в «Скрэббл».

Глава 18

Середина

Вторник, 15 июля 2004 года

Белсайз-Парк, Лондон

С лицом Декстера творилось что-то странное.

На щеках его, у самых уголков глаз, стали появляться грубые черные волосы, а в бровях — одинокие седые волоски. Вдобавок тонкий бледный пушок разросся у него на ушах — вокруг слухового прохода и над мочками; казалось, эти волоски выросли за одну ночь, как водяной кресс, и не имели никакого практического назначения, кроме как напоминать всем о его возрасте. Теперь он официально был «в возрасте».

А еще у него появилась маленькая залысина, что особенно бросалось в глаза после душа: две параллельные дорожки, постепенно расширяющиеся и подбирающиеся к макушке головы; в один прекрасный день они встретятся там, и все будет кончено. Он высушил волосы полотенцем и зачесал их кончиками пальцев в одну, потом в другую сторону, пока дорожки не скрылись.

С его шеей тоже творилось что-то непонятное. Подбородок провис, а под ним образовался маленький мясистый мешочек — его «позорный мешок». Он особенно бросался в глаза, когда Декстер разглядывал собственные фотографии — еще одно любимое занятие, больше не приносившее удовольствия. Если на фото он смеялся, то казалось, что на нем бежевая водолазка. Стоя голым перед зеркалом в ванной, он сжал шею одной рукой, точно пытаясь вернуть ей прежнюю форму. Он словно жил в разваливающемся доме: каждое утро ему приходилось просыпаться и обследовать себя на предмет свежих трещин и повреждений, успевших появиться за ночь. Ему казалось, будто его плоть начала отделяться от костей; он стал обладателем характерного телосложения тех, кто давно не переступал порог спортзала. Появилось брюшко, а что самое позорное, что-то стало происходить с его сосками. Из-за них он уже не мог позволить себе надеть кое-что из прежней одежды, в частности обтягивающие кофты и шерстяные водолазки, потому что соски просвечивали сквозь ткань, как

блюдца, что делало его похожим на девчонку, отвратительным. Кроме того, он в одночасье стал выглядеть по-идиотски во всех кофтах с капюшоном и буквально на прошлой неделе поймал себя на том, что стоит как в трансе и слушает программу для огородников. Через две недели ему должно было исполниться сорок лет.

Он тряхнул головой, убеждая себя в том, что в этом нет ничего ужасного. Если обернуться и внезапно посмотреть на себя, держа голову под определенным углом и втянув живот, ему по-прежнему можно дать... ну, тридцать семь. Его самолюбие еще не испарилось окончательно, и он понимал, что по-прежнему необычайно хорош собой, но никто уже не называл его красавчиком, хотя ему всегда казалось, что с возрастом он будет выглядеть привлекательнее. Он надеялся состариться, как кинозвезды, — представлял себя еще более худым, элегантным, с орлиными чертами и посеребренными сединой висками. Вместо этого он старился, как *телезвезда*. Бывшая телезвезда. Дважды женатая бывшая телезвезда, которая слишком налегала на сыр.

Вошла Эмма, обнаженная, только что из спальни, и он принялся чистить зубы — еще одна одержимость. Ему казалось, что у него рот старика, что он уже никогда не будет чистым.

— Я растолстел, — пробурчал он с полным ртом зубной пасты.

— Неправда, — неубедительно произнесла она.

— Правда... взгляни.

— Так не ешь столько сыра, — проговорила Эмма.

— Ты же вроде сказала, что я не растолстел.

— Ну, если тебе кажется, значит, так и есть.

— Не так уж много я ем. Просто у меня обмен веществ замедлился, вот в чем проблема.

— Так занимайся спортом. Начни опять ходить в спортзал. Или со мной в бассейн.

— У меня времени нет. — Она быстро чмокнула его, пока он снова не засунул в рот щетку. — Нет, ты только посмотри — я выгляжу просто ужасно, — пробормотал он.

— Дорогой, я уже сто раз тебе говорила: у тебя прекрасная грудь. — Она расхохоталась, ткнула его в пятую точку и пошла в душ. Он сел на табуретку и стал смотреть, как она моется.

— Надо вечером пойти еще посмотреть тот дом.

На фоне льющейся воды он услышал, как Эмма простонала:

— Это обязательно?

— Ну, я не знаю, как еще мы найдем...

— Ладно. Ладно! Пойдем и посмотрим тот дом.

Она повернулась к нему спиной, а он встал и поплелся в спальню одеваться. Они снова стали раздражительными, начали ссориться, и он убеждал себя, что все это происходит из-за проблем с жильем. Они продали квартиру и отдали большую часть вещей на хранение, чтобы не было тесно вдвоем. Если в скором времени новое место не найдется, придется снимать жилье, а значит, снова волнения, снова нервотрепка.

Но он знал, что проблема не только в этом. И верно, поставив чайник на плиту и взяв газету, Эмма вдруг проговорила:

— У меня месячные начались.

— Когда? — спросил он.

— Только что, — с привычным спокойствием ответила она. — Я чувствовала, что вот-вот начнутся.

— Что ж, — вздохнул он.

Эмма отвернулась и принялась заваривать кофе.

Он встал, обнял ее за талию и поцеловал в шею, все еще влажную после душа. Она не оторвалась от газеты.

— Не расстраивайся. Мы снова попробуем, — сказал он, положив подбородок ей на плечо. Так они стояли некоторое время, но поза была слишком неудобной и притворно-ласковой, и когда Эмма перевернула страницу, он воспринял это как сигнал и вернулся за стол.

Они сидели и читали: Эмма — новости, Декстер — спортивную рубрику, — и внутри обоих закипало раздражение. Наконец Эмма щелкнула языком и тряхнула головой, как было ей свойственно, — этот жест его страшно раздражал. В заголовках мелькало имя Батлера и упоминалось о работе спецслужб перед войной в Ираке,^[61] и Декстер знал, что вскоре последует актуальный политический комментарий. Попытался сосредоточиться на последних результатах Уимблдона, но...

— Странно, правда? В мире война, а никто даже не протестует. А как же демонстрации?

Этот ее тон тоже выводил из себя Декстера. Он помнил его еще по разговорам двадцатилетней давности: тон праведного негодования и морального превосходства. Декстер неодобрительно хмыкнул, не противореча ей, но и не соглашаясь, в надежде, что этого будет достаточно. Прошло несколько минут; он и она перелистнули страницы.

— Нет, ну ты сам подумай: должно же быть что-то вроде движения против войны во Вьетнаме — но ничего подобного! Всего одна демонстрация, а потом все пожали плечами и разошлись по домам. Даже студенты не протестуют!

— А при чем тут студенты? — спросил он, надеясь, что его раздражение не слишком бросилось в глаза.

— Так положено, разве нет? Студенты принимают активное участие в политической жизни. Если бы мы сейчас были студентами, то вышли бы на улицы! — Она снова уткнулась в газету. — По крайней мере, я уж точно вышла бы.

Она его провоцировала. Ну ладно, раз она этого хочет...

— Так возьми и выйди.

Эмма резко подняла голову:

— Что?

— Устрой протест. Если тебя так это возмущает.

— Я о чем и говорю. Может, и стоит устроить! Я именно об этом и говорила! Если бы было организованное движение...

Он устремил взгляд в свою газету, решив отныне молчать, но не смог:

— А может, это потому, что всем всё равно.

— Что ты такое говоришь? — Она смотрела на него, прищурившись.

— Всем плевать на войну. Я хочу сказать, если бы люди действительно были против, были бы и протесты. Но, может, кто-то даже рад, что его не стало. Может, ты не заметила, Эм, но, вообще-то, он был не очень хорошим человеком...

— Но можно радоваться, что Саддам умер, и одновременно быть против этой войны!

— Я это тебе и пытаюсь объяснить. Это противоречивый вопрос, понимаешь?

— То есть ты считаешь, что это справедливая война во благо?

— Не я. Люди так думают.

— А ты-то что думаешь? — Она сложила газету, и он вдруг почувствовал себя очень неудобно. — Что ты думаешь?

— Я?

— Да, ты!

Он вздохнул. Слишком поздно, назад пути нет.

— Тебе не кажется странным, что именно демократы выступали против войны, ведь Саддам убивал именно тех, кого они поддерживают?

— К примеру?

— Профсоюзных лидеров, феминисток... геев. — Может, упомянуть еще и курдов? Кажется, это правильное название. Он решил рискнуть, прибавив: — И курдов!

Эмма с возмущением спросила:

— О, так ты считаешь, что смысл этой войны в том, чтобы защитить

профсоюзных лидеров? Что Буш вторгся в Ирак, потому что его заботило бедственное положение иракских женщин? Или геев?

— Я просто хочу сказать, что антивоенный протест выглядел бы куда убедительнее, если бы те же самые люди выступали против свержения существующего режима в Ираке! Они же осуждали апартеид — так почему не осудить иракский режим?

— А также иранский? И то, что происходит в Китае, России, Северной Корее и Саудовской Аравии? Нельзя устроить протест против всех!

— Почему? Ты так и делала.

— Сейчас мы не об этом говорим?

— Правда? Когда мы познакомились, ты только и делала, что бойкотировала всех подряд. Не могла даже батончик «Марс» съесть, не прочитав мне лекции про личную ответственность. Не моя вина в том, что ты успокоилась.

С легкой самодовольной ухмылкой он снова принялся за свои дурацкие спортивные новости. Эмма почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Я не... не надо менять тему! Я вот что хочу сказать: глупо утверждать, что эту войну можно оправдать борьбой за гражданские права или тем, что у Ирака есть оружие массового уничтожения. Причина в одном, и только в одном...

Он простонал. Нет, это неизбежно — сейчас она снова затянет свою старую песню о нефти. Пожалуйста, только не про нефть!

— Гражданские права тут ни при чем. Вся эта война из-за нефти!

— Что ж, причина довольно веская, — сказал он и встал, нарочно скрипнув стулом. — Ты разве не пользуешься нефтью в повседневной жизни, Эм?

Ему показалось, что в качестве последнего слова этот вопрос прозвучал довольно эффектно; однако в однокомнатной квартире, которая вдруг показалась ему слишком маленькой, тесной и невзрачной, было трудно уйти от выяснения отношений. Он знал, что Эмма ни за что не оставит его дурацкое замечание без ответа. И верно, она выбежала за ним в коридор, но он уже ждал ее там, напустившись на нее с яростью, испугавшей их обоих:

— Я тебе объясню, в чем проблема на самом деле. Проблема в том, что у тебя начались месячные и ты сердишься и вымещаешь на мне всю злость! А мне не нравится, когда меня пилят во время завтрака...

— Я тебя не пилила.

— Ну, значит, не нравится ругань.

— Мы не ругались, мы обсуждали...

— Неужели? Я лично ругался.

— Успокойся, Декс.

— Не я затеял эту войну, Эм! Не я вторгся в Ирак, и меня... извини, конечно, но меня все это не волнует так сильно, как тебя. Может, это и неправильно, может, это и должно меня волновать, но мне все равно. Не знаю почему — может, я слишком глуп... или еще что...

Эмма взглянула на него удивленно:

— Почему ты так решил? Я не говорила, что ты...

— Зато относишься ко мне как к идиоту! Или как к тупому консерватору, потому что не говорю банальностей о том, что война — это плохо. Клянусь, если мне придется высидеть еще одну из этих вечеринок и услышать, как кто-нибудь говорит: «Это все из-за нефти», — я... Ну из-за нефти, и что с того? Или организуйте протест, или прекратите использовать нефть, или примите все как есть и заткните наконец свои долбаные глотки!

— А ну не смей приказывать мне... — Глаза Эммы наполнились горячими слезами.

— Я не приказывал тебе! Я вообще не про тебя говорю... ладно, забудь.

Он протиснулся мимо ее дурацкого велосипеда, который занял весь его коридор, и пошел в спальню. Шторы были опущены, кровать не убрана, на полу валялись сырые полотенца, в воздухе стоял запах их тел. В полумраке Декстер принялся искать ключи. Эмма, стоя в дверном проеме, наблюдала за ним с присущим ей обеспокоенным видом, который так его раздражал; он старался на нее не смотреть.

— Почему разговоры о политике вызывают у тебя такую неприязнь? — спокойно спросила она, словно он был ребенком, устроившим истерику.

— Не неприязнь... мне просто неинтересно. — Он рылся в корзине с грязным бельем, вытаскивая смятую одежду, искал ключи в карманах брюк. — Мне неинтересна политика — вот, я наконец сказал. Неинтересна ни капли!

— Seriously?

— Да, серьезно.

— И даже в университете была неинтересна?

— Особенно в университете! Я просто притворялся, что это не так, потому что вынужден был это делать. Помню, сидел там с вами в два часа ночи, слушал Джони Митчелл,^[62] а какой-то клоун тем временем все бубнил и бубнил что-то про апартеид и ядерное разоружение или про то,

что из женщин делают сексуальные объекты... а я сидел и думал: блин, ну как же скучно, неужели нельзя поговорить... не знаю... о семье, музыке, сексе, о чем угодно... о людях, например...

— Но политика — это и есть люди!

— Эм, ты хоть понимаешь, что значит эта фраза? Какая-то бессмыслица, просто красивые слова...

— Это значит, что мы тогда много чего обсуждали!

— Неужели? А я помню только то, что в те золотые деньки многим очень нравилось выпендриваться — особенно парням, конечно, которые разглагольствовали о феминизме, чтобы поскорее забраться какой-нибудь девчонке в трусы. Они лишь твердили очевидное: Мандела — хорошо, ядерная война — плохо. Как ужасно, что кто-то там голодает...

— Всё было не так!

— И сейчас всё то же самое, только темы другие. Теперь все долдонят про глобальное потепление и про то, что Блэр продался!

— А ты не согласен, что это так?

— Согласен! Да! Мне просто хотелось бы для разнообразия услышать, чтобы кто-нибудь из моих знакомых, хоть один человек, вдруг сказал: «А знаете, Буш не такой уж дурак», или «Слава богу, что хоть кто-то нашел в себе силы противостоять этому фашистскому диктатору», или «А кстати, я просто обожаю свою новую большую машину». Потому что, даже если они окажутся неправы, нам хотя бы будет о чем поговорить! И это хоть как-то умерит самодовольство остальных, и будет хоть какое-то разнообразие среди сплошных разговоров об оружии массового уничтожения, школах и чертовых ценах на недвижимость!

— Эй, ты и сам обсуждаешь цены на недвижимость!

— Знаю! И я сам себе уже надоел! — Его крик эхом разнесся по квартире. Он швырнул в стену вчерашнюю одежду, и они замерли в темной спальне с опущенными шторами и неприбранной кроватью.

— А я тебе тоже надоела? — тихо проговорила Эмма.

— Не говори глупости! Я не то имел в виду. — Внезапно почувствовав усталость, Декстер сел на кровать.

— Но это правда?

— Нет. Ты мне не надоела. Давай сменим тему, ладно?

— А о чем ты хочешь поговорить? — спросила она.

Ссутулившись на краю матраса, он закрыл лицо ладонями и выдохнул сквозь пальцы:

— Мы пробуем всего полтора года, Эм.

— Два.

— Ну два. Не знаю. Я просто... не выношу, когда ты на меня так смотришь.

— Как?

— Когда ничего не получается. Как будто я во всем виноват.

— Неправда!

— Но я себя именно так чувствую.

— Извини. Прости меня. Я просто... разочарована. Я очень хочу этого — вот в чем дело.

— Я тоже!

— Правда?

Он взглянул на нее обиженно:

— Конечно!

— Потому что сначала-то не хотел.

— А теперь хочу. Я люблю тебя. Ты же знаешь.

Эмма подошла к кровати и села рядом с Декстером. Некоторое время они сидели, опустив плечи и взявшись за руки.

— Иди ко мне, — ложась спиной на матрас, сказала она, и он последовал ее примеру, свесив ноги с кровати. Сквозь шторы просочился луч бледного света.

— Извини, что я сорвалась, — проговорила она.

— И ты меня извини... не знаю за что.

Она взяла его руку и прижала к своим губам:

— Знаешь, я думаю, нам стоит провериться. Сходить к специалисту по планированию семьи или кому-то вроде него. Нам обоим.

— У нас все в полном порядке.

— Я знаю. Это просто чтобы удостовериться.

— Два года — не так уж долго. Может, подождем еще шесть месяцев?

— Мне почему-то кажется, что у меня нет этих шести месяцев.

— Ты сошла с ума.

— В апреле мне будет тридцать девять, Декс.

— А мне сорок через две недели!

— О чем и речь.

Он сделал медленный выдох; перед глазами проплыла череда картин. Пробырки. Унылые кабинки, медсестры, натягивающие резиновые перчатки. Журналы.

— Ладно. Давай сдадим анализы. — Он повернулся и посмотрел на нее. — А как же лист ожидания?^[63]

Она вздохнула:

— Не знаю, возможно, придется... пойти в частную клинику.

Спустя минуту он проговорил:

— Черт, никогда не думал, что услышу это от тебя.

— Я тоже. — Она снова вздохнула. — Я тоже не думала, что скажу это.

* * *

Установив хрупкое перемирие, он начал собираться на работу. Из-за их глупой ссоры он теперь опоздает, но в «Кафе Бельвилль» теперь и без него отлично справлялись. Он нанял сообразительную и ответственную управляющую, Мэдди, с которой у него установились отличные деловые отношения с намеком на легкий флирт, и ему уже не приходилось открывать кафе по утрам. Вместе с Эммой он спустился по лестнице и вышел на улицу, где стоял обычный серый день.

— И где этот дом?

— В Килберне. Я пришлю тебе адрес. Вроде симпатичный. На фото.

— На фото все симпатичные, — пробурчала она и словно услышала свой голос со стороны, угрюмый и усталый. Декстер промолчал; прошло мгновение, прежде чем она почувствовала возможным обнять его за талию и прильнуть к нему. — Что-то у нас сегодня не ладится. Или у меня. Прости.

— Ничего. Вечером никуда не пойдем, побудем вдвоем. Я ужин приготовлю. Впрочем, можем и сходить куда-нибудь. В кино, например. — Он поцеловал ее в щеку. — Я люблю тебя, и у нас все получится, верно?

Эмма молча застыла на пороге. Ей бы ответить, что она тоже его любит, но ей по-прежнему хотелось чего-то большего. Она решила подуться на него до обеда, а вечером все ему возместить. Если погода наладится, они могли бы подняться на Примроуз-Хилл^[64] и посидеть там, как раньше. Главное, что Декстер никуда не денется, — и все будет в порядке.

— Тебе пора, — пробормотала она, уткнувшись в его плечо. — Опоздаешь к своей Мэдди.

— Опять за свое.

Она улыбнулась и подняла голову:

— К вечеру повеселею.

— Тогда повеселимся вместе.

— Повеселимся.

— Ведь мы все еще умеем веселиться, да?

— Конечно, умеем, — ответила она и поцеловала его на прощание.

* * *

И им действительно было весело вместе, хоть теперь это и выглядело несколько иначе. Всепоглощающее желание, страсть и восторг уступили место чередовавшимся в ровном ритме удовольствию, спокойной удовлетворенности и редким минутам раздражения. Эмма была довольна этими переменами; было время, когда она была счастливее, но никогда еще в ее жизни не было столько постоянства.

Иногда ей казалось, что их отношениям не хватает пыла, и не столько романтического, сколько того, что был свойственен первым годам их дружбы. Она помнила, как писала ему письма на десяти страницах до поздней ночи — безумные, страстные письма, полные глупой сентиментальности и непрозрачных намеков, восклицательных знаков и подчеркнутых слов. Одно время она даже каждый день посылала ему открытки, и были еще часовые разговоры по телефону перед сном. А те дни, проведенные в квартире в Долстоне, когда они ночами не спали, разговаривали и слушали пластинки, умолкая лишь с рассветом? А каникулы в доме его родителей, когда они купались в речке на Новый год? А тот вечер, когда они напились абсента в «секретном» баре в Чайна-таун? Все эти мгновения, и еще тысячи таких же, были зафиксированы в хранившихся у нее тетрадях, письмах, стопках фотографий — бесконечных фотографий. Было время, кажется в начале 1990-х, когда они не пропускали ни одного фотоавтомата — им непременно нужно было зайти внутрь, потому что тогда они еще не воспринимали как должное то, что они вместе.

Но чтобы просто смотреть на кого-то, сидеть и смотреть, и разговаривать до самого утра?.. Да у кого нынче найдется время, желание и силы, чтобы проболтать всю ночь? И о чем они будут разговаривать? О ценах на недвижимость? Когда-то она с трепетом ждала его ночных звонков, а теперь звонок посреди ночи означал, что что-то стряслось. Да и нужно ли теперь так много фотографироваться? Ведь они прекрасно изучили лица друг друга, и уже целая куча коробок из-под обуви набита этим хламом — целый архив набрался почти за двадцать лет. И кто в наше время пишет длинные письма? И почему это должно кого-то заботить?

Иногда она задавалась вопросом, что подумала бы двадцатидвухлетняя Эмма Морли о нынешней Эмме Мэйхью. Посчитала бы ее слишком заиклившей на себе? Слишком среднестатистической? Расчетливой

мещанкой, которой теперь подавай собственный дом, отдых за границей, тряпки из Парижа и дорогие стрижки? Не показалась бы она самой себе слишком обычной — сменила фамилию, мечтает завести семью? С другой стороны, и претенциозную, обиженную на весь мир, ленивую, склонную к напыщенным тирадам, осуждающую всех и вся двадцатидвухлетнюю Эмму Морли вряд ли можно было назвать образцом совершенства. Уверенную в собственной правоте и важности, но совершенно не уверенную в себе — ведь именно этого качества ей всегда не хватало.

Нет, это и есть реальная жизнь, казалось Эмме, и пусть она утратила свой прежний пыл и любопытство — разве это не естественно? В тридцать восемь лет просто неприлично и неподобающе дружить и любить с тем же пылом и горячностью, как в двадцать два. Влюбляться, как в двадцать два. Писать стихи, плакать, слушая глупые поп-песенки. Затаскивать людей в фотоавтоматы и тратить целый день на составление музыкальных сборников; просить кого-то переночевать у тебя, просто чтобы не было скучно. Если сегодня придет в голову процитировать Боба Дилана, Томаса Элиота или, не дай бог, Брехта, ее собеседник лишь вежливо улыбнется и тихо попятится — и можно ли будет его винить? В тридцать восемь лет глупо думать, что какая-то там песня или фильм способны изменить всю жизнь. Нет, теперь все стало ровным, все успокоилось, и жизнь проходит на знакомом фоне удобства, удовлетворенности, привычки. Никаких больше судорожных метаний из одной крайности в другую. Нынче в друзьях остались лишь те, кого они знают уже пять, десять или двадцать лет. Они уже не разбогатеют и не обеднеют; еще некоторое время их не будут мучить проблемы со здоровьем. Они застряли в самой середине: средний класс, средний возраст; не прыгают от счастья, но этому и рады.

Наконец-то она полюбила кого-то и уверена во взаимности. Если кто-нибудь спрашивал ее, как часто бывало на вечеринках, как она встретилась с мужем, она отвечала: «Мы вместе росли».

* * *

И вот они отправились на работу, как обычно. Эмма сидела за компьютером у окна, из которого открывался вид на зеленую аллею: она писала пятую и последнюю книгу про Джули Крисколл. В этой книге выдуманная героиня, по иронии, забеременела, и ей пришлось выбирать между материнством и учебой в университете. Работа не шла; тон книги был слишком серьезным и интроспективным, шутки не удавались. Эмме не

терпелось закончить роман, но она не знала, что будет делать дальше, что ей по плечу — книга для взрослых, серьезное, требующее солидной подготовительной работы произведение, например о Гражданской войне в Испании, или фантастический роман о недалеком будущем, что-нибудь в стиле Маргарет Этвуд, что понравилось бы ей самой в молодости и вызвало бы уважение к автору. По крайней мере, задумки были такие. А пока она прибралась в квартире, заварила чай, оплатила счета, загрузила стираться цветное белье, разложила диски по коробочкам, снова заварила чай и наконец включила компьютер и принялась гипнотизировать экран монитора.

Тем временем в кафе Декстер немного пофлиртовал с Мэдди, а затем сел в маленькой кладовой, где витал тяготивший его запах сыра, и попытался заполнить ежегодную налоговую декларацию. Но дурное настроение и чувство вины после утренней ссоры отказывались его покидать, и, не в силах сосредоточиться, он потянулся к телефону. Раньше Эмма всегда звонила первой, чтобы помириться и восстановить мир, но за восемь месяцев после свадьбы они словно поменялись местами, и теперь уже у него все валялось из рук, если он знал, что она чувствует себя несчастной. Он набрал ее номер, представляя, как она сидит за столом, смотрит на дисплей мобильного телефона, видит его имя и сбрасывает соединение. А он предпочитал общаться с ней именно так, посредством голосовых сообщений — намного проще быть сентиментальным, когда никто не отвечает.

— Сижу, подсчитываю налоги и все думаю о тебе. Я просто хочу сказать: не переживай. Я договорился, что мы пойдем посмотреть дом в пять часов. Пришлю тебе сообщение с адресом, так что... кто знает? Посмотрим. Дом старый, комнаты большие. Есть даже барная стойка. Знаю, ты всегда о такой мечтала. Вот и все, пожалуй. Я люблю тебя, и не переживай. Какие бы плохие мысли ни вертелись у тебя в голове, забудь. Вот теперь все. Увидимся в пять. Люблю тебя. Пока.

Согласно собственному распорядку, Эмма проработала до двух, пообедала и пошла в бассейн. В июле она любила посещать открытый бассейн в Хэмпстед-Хит, но небо потемнело и затянулось тучами, предвещая дождь, поэтому она отважилась составить компанию подросткам в закрытом бассейне. Те прыгали «бомбочками», ныряли и флиртовали друг с другом, опьянев от свободы в связи с концом учебного года, а она двадцать минут уныло пыталась от них увертываться. Зато потом, сидя на деревянной скамейке в раздевалке и слушая сообщение Декстера, наконец улыбнулась. Запомнила адрес дома и тоже оставила

сообщение.

— Привет. Это я. Уже выхожу. Жду не дождусь, когда увижу ту барную стойку. Возможно, опоздаю минут на пять. Спасибо за сообщение, я просто хотела сказать... извини, что так разозлилась на тебя сегодня... и за эту глупую ссору. К тебе она не имеет никакого отношения. Просто у меня в последнее время что-то с головой. Самое главное, что я тебя очень люблю. Ну вот. Пожалуй, все. Тебе очень повезло! Кажется, все. Пока, милый. Пока.

Когда она вышла из бассейна, совсем потемневшие тучи разразились теплым дождем, и на землю посыпались тяжелые серые капли. Кляня погоду и промокшее велосипедное сиденье, Эмма ехала в Килберн через Северный Лондон, выбрав импровизированный маршрут по лабиринту жилых улочек в направлении Лексингтон-роуд.

Тем временем дождь усилился, и по улицам потекли маслянистые потоки грязно-бурой воды. Эмма приподнялась на педалях, втянув голову в плечи, и лишь краем глаза уловила движущееся пятно слева, в боковом переулке. Это чувство не было похоже на полет — скорее на то, будто кто-то схватил ее и швырнул, как мяч; упав на тротуар, ощущая лицом мокрый асфальт, она прежде всего пытается понять, где велосипед, который каким-то образом исчез из-под нее. Она пытается двинуть головой, но не может. Хочет снять шлем, потому что на нее смотрят люди, вытягивая шею, а в велосипедном шлеме у нее такой дурацкий вид. Но люди, опустившиеся вокруг нее на корточки, выглядят испуганными и снова и снова спрашивают: вы в порядке? Вы в порядке? Кто-то начинает плакать, и тут она впервые понимает: она не в порядке. Она моргает, смахивая капли, попавшие в глаза. Теперь она точно опоздает. Декстер будет ждать.

Перед ее глазами возникают две отчетливые картины.

Сначала — ее собственная фотография: ей девять лет, она на пляже в красном купальнике, то ли в Файли, то ли в Скарборо, точно и не припомнить. Мама и папа раскачивают ее на руках, как на качелях, перед объективом фотоаппарата; их обгоревшие лица сморщились от смеха. Потом она видит Декстера — он укрылся от дождя на крыльце их нового дома, нетерпеливо смотрит на часы; он будет гадать, куда я подевалась, думает она. Он будет волноваться.

После этого Эмма Мэйхью умирает, и все, о чем она думала, все, что она чувствовала, исчезает и уходит навсегда.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ТРИ ГОДОВЩИНЫ

Она философски отмечала даты, проходившие в круговороте дней: ее собственный день рождения и все другие дни, отмеченные происшествиями, к которым она тем или иным образом была причастна. Как-то раз, глядя на себя в зеркало и дивясь собственной красоте, она подумала, что есть еще одна дата, более важная для нее, чем все остальные: дата ее смерти, когда вся эта красота исчезнет; этот день притаился незамеченным среди других дней в году, не подавая ни вида, ни звука, когда ежегодно она проживала его; но сомнений быть не могло — он есть. Что же это за день?

Томас Гарди, «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»

Глава 19

На следующее утро

Суббота, 15 июля 1988 года

Рэнкеллор-стрит, Эдинбург

Когда она открыла глаза, худощавый парень был все еще в комнате; он сидел к ней спиной, неудобно пристроившись на краю старого деревянного стула, и натягивал штаны, стараясь не произвести ни звука. Она посмотрела на часы на радиобудильнике: полдесятого. Они проспали от силы три часа, и вот теперь он собрался улизнуть. Он прижал ладонью карман, чтобы мелочь не звенела, встал и стал надевать вчерашнюю белую рубашку. В последний раз она взглянула на его длинную загорелую спину. Красивый. Он был красив до абсурда. Ей очень хотелось, чтобы он остался, видимо, так же сильно, как ему хотелось уйти. Она решила подать голос:

— Даже не попрощаешься?

Он виновато обернулся:

— Не хотел тебя будить.

— Почему?

— Ты так сладко спала.

Хорошее объяснение.

— Ясно. Понятно... понятно. — Она услышала свой голос со стороны: отчаявшийся и раздраженный. Парень не должен решить, что тебе не все равно, Эм. Будь спокойной. Будь... невозмутимой.

— Хотел оставить тебе записку, но... — Он жестами изобразил, что искал ручку, не замечая, что на столе стояла целая банка с ручками.

Она оторвала голову от подушки и оперлась на локоть:

— Да ничего. Можешь уйти, если хочешь. Уплывают корабли и все такое. Оставишь о себе... как это называется?.. Горько-сладкий привкус.

Он сел на стул, продолжая застегивать рубашку:

— Эмма?

— Что, Декстер?

— Мне было очень хорошо с тобой.

— Я вижу это по тому, как ты спешишь найти ботинки.

— Нет, серьезно. — Декстер наклонился вперед, сидя на стуле. — Я правда рад, что мы наконец разговорились. И прочее. Спустия все эти годы. — Он наморщил лоб, подбирая нужные слова. — Ты очень, очень милая, Эм.

— Да, да, да.

— Нет, серьезно, ты...

— Ты тоже милый и можешь идти. — Она натянуто улыбнулась краем губ.

Он вдруг прошагал через всю комнату к кровати, и Эмма в предвкушении повернула к нему лицо, но он лишь искал носок под кроватью. Но ее движение не осталось незамеченным.

— Носок под кроватью, — пояснил он.

— Точно.

Он смущенно присел на краю кровати и произнес неестественно-веселым тоном, надевая носки:

— Важный день сегодня. Поеду домой!

— Куда, в Лондон?

— В Оксфордшир. Там предки живут. По большей части.

— Оксфордшир. Мило, — заметила она, мысленно ужаснувшись тому, как быстро улетучивается близость, сменяясь бестолковой болтовней о том о сем. Вчера вечером они столько всего сказали друг другу, столько сделали, а сегодня утром снова стали никем, незнакомцами на остановке автобусов. Заснув и разрушив заклятие, она сделала ошибку. Если бы они не уснули, то сейчас бы целовались, но нет, теперь все кончено. Она услышала собственный голос:

— И долго туда ехать? В Оксфордшир?

— Часов семь-восемь. Отец отлично водит.

— Ага.

— А ты не поедешь в свой?..

— Лидс. Нет, остаюсь здесь на лето. Помнишь, я тебе говорила?

— Извини, я вчера напился.

— *И это оправдывает подзащитного в наших глазах...*

— Это не оправдание, просто... — Он повернулся и взглянул на нее: — Эм, ты что, сердишься?

— Эм? Что еще за Эм?

— Эмма.

— Я не сержусь, просто... мне бы хотелось, чтобы ты меня разбудил, вместо того чтобы сбежать украдкой...

— Я собирался оставить записку!

— И что бы ты написал в своей драгоценной записке?

— «Твой кошелек у меня».

Она рассмеялась хриплым утренним смехом, закашлялась, и отчего-то ему было очень приятно смотреть, как она улыбается, видеть две глубокие скобки в уголках ее губ, которые она держала крепко сжатыми, точно хранила секрет. При взгляде на эту улыбку он почти пожалел, что соврал. Он вовсе не собирался уезжать после обеда. Его родители должны были переночевать в Эдинбурге, вечером сводить его поужинать, а утром следующего дня они все вместе отправятся домой. Но ложь соскользнула с языка инстинктивно, это был способ обеспечить себе быстрый и безболезненный путь к отступлению. Однако теперь, потянувшись, чтобы поцеловать ее, он прокручивал в голове различные способы нейтрализовать эту ложь. У Эммы были мягкие губы, и она легла на спину; кровать все еще пахла ее теплым телом, вином и кондиционером для белья. Он решил, что в будущем надо стараться быть честнее.

Эмма отстранилась.

— Мне надо в ванную, — сказала она, подняв его руку и проскользнув под ней. Она встала, поддела резинки трусов двумя пальцами и расправила ткань на ягодицах.

— У тебя есть телефон? — спросил он, глядя, как она, шлепая босыми ногами, идет через комнату.

— В коридоре. И это непростой телефон. Телефон с приколом. Тилли при взгляде на него всегда покатывается со смеху. Пользуйся. Но не забудь оставить десять пенсов. — Она вышла в коридор и направилась в ванную.

В ванной текла вода: соседка Эммы как раз готовила одну из своих бесконечных летних горячих ванн, которые могла принимать хоть целый день. Тилли Киллик ждала ее в халате, округлив глаза под запотевшими стеклами больших очков в красной оправе и сложив губы возмущенным ноликом.

— Эмма Морли, а ты темная лошадка!

— Что?

— У тебя в комнате кто-то есть?

— Возможно!

— Это не тот, кто я думаю?

— Всего лишь Декстер Мэйхью! — беззаботно прощепетала Эмма, и обе девушки начали смеяться и долго не могли успокоиться.

Декстер обнаружил телефон в коридоре: это был аппарат в виде удивительно реалистичного гамбургера. С присыпанной кунжутом булочкой в руке он стоял и прислушивался к шепоту в ванной, как всегда, испытывая удовлетворение от того, что люди его обсуждают. Сквозь фанерные стены доносились обрывки фраз и отдельные слова: «Так вы с ним...? Не может быть! И что было? Просто поговорили и все такое. Все такое? Что это значит? Да ничего! А он останется на завтрак? Не знаю. Пусть останется на завтрак».

Декстер терпеливо смотрел на дверь и ждал. Наконец дверь открылась, и Эмма вышла из ванной. Он набрал 123 — службу «говорящих часов», — приложил к уху трубку-булочку и услышал:

— ...точное время девять... часов тридцать две... минуты... двадцать... секунд...

После «секунд» он начал свой спектакль:

— Привет, мам, это я... ну да, вчера погулял, так погулял! — Он взъерошил волосы — этот жест казался ему трогательным. — Нет, я ночевал у приятеля... — Сказав это, он взглянул на Эмму, которая бродила по комнате в футболке и трусах, притворяясь, что разбирает почту.

— ...точное время девять... часов тридцать три... минуты... ноль... секунд...

— Так вот, у меня тут одно дело возникло, как думаешь, можем поехать домой завтра утром, а не сегодня? Я просто подумал, что папе так будет легче... Если вы не против, то и я... А папа там? Ну спроси его.

Ориентируясь на «говорящие часы», он выждал тридцать секунд, улыбаясь Эмме своей самой обаятельной улыбкой. Она улыбнулась в ответ и подумала: вот ведь хороший парень, ради нее согласился поменять планы. Возможно, она и неправа на его счет. Нет, конечно, он идиот, но может быть и милым. Иногда.

— Извини! — прошептал он.

— Не надо менять планы ради меня, — извиняющимся тоном произнесла она.

— Нет, я хотел...

— Нет, правда, если тебе нужно домой...

— Да нет, так будет лучше.

Точное время... девять... часов... тридцать четыре... минуты... ноль... секунд.

— Ничего, я не обижусь, не думай...

Он поднял руку, давая понять, что должен ответить.

— Алло, мам? — Пауза для создания напряжения: главное — не

передержать. — Серьезно? Отлично, это же здорово! Ну ладно, тогда дома увидимся! Хорошо, до скорого. Пока. — Он вернул трубку-булочку на место; при этом раздался звук, похожий на щелчок кастаньет. Он улыбнулся Эмме, и она улыбнулась в ответ.

— Классный у вас телефон, — заметил Декстер.

— У меня от него депрессия. Каждый раз, когда звоню куда-нибудь, хочется плакать.

— Десять пенсов оставить?

— Не надо. Все в порядке. Я угощаю.

— Ну так что? — сказал он.

— Ну так что? — повторила Эмма. — Чем займемся?

Глава 20

Первая годовщина Праздник

Пятница, 15 июля 2005 года

Лондон и Оксфордшир

Не унывать, не унывать, не унывать — вот решение. Все время что-нибудь делать и не останавливаться ни на секунду, не оглядываться, не думать, потому что главное — не допустить мрачных мыслей, не впасть в уныние, а воспринимать этот день, эту первую годовщину как... как праздник! Праздник в честь ее жизни и былых славных деньков, хороших воспоминаний. Смешных моментов их жизни — сколько же их было!

С таким настроем он взял двести фунтов из кассы кафе, не обращая внимания на протесты Мэдди, и пригласил троих своих сотрудников — Мэдди, Джорджа и работавшего по субботам Пита — отправиться куда-нибудь и с размахом отпраздновать этот особенный день в его жизни. Ведь она именно этого бы и хотела.

Так и случилось, что первые секунды Дня святого Свитина застали его в полуподвальном баре в Кэмдене, с пятым по счету мартини в одной руке и сигаретой в другой — а почему бы и нет? Почему бы не повеселиться и не устроить праздник в честь ее *жизни*? Он говорит это друзьям, уже путая слова, а те не очень убедительно улыбаются в ответ и пьют свои напитки так медленно, что он уже начинает жалеть о своем приглашении. Они такие скучные и унылые и ходят за ним из бара в бар не как славные приятели, а, скорее, как больничные санитары, подыгрывая ему и следя, чтобы он не врезался в кого-нибудь и не разбил голову, выпав из такси. Но с него хватит. Ему хочется оторваться от всего, выпустить пар — он заслужил это после всего, что ему пришлось пережить за последний год. Поэтому он решает, что им всем следует отправиться в клуб, где он когда-то праздновал мальчишник. В стрип-клуб.

— По-моему, это не очень хорошая идея, Декс, — говорит Мэдди, мысленно ужаснувшись.

— Да брось, Мэдди! Почему нет? — Он обнимает ее за плечи. — Она

бы этого хотела! — Он смеется и снова поднимает бокал, тянется к нему ртом, но наклоняет чуть раньше, чем следовало, и джин проливается на ботинки.

Мэдди берет свое пальто.

— Слабачка! — кричит он ей вслед.

— Мне кажется, тебе пора домой, Декстер, — замечает Пит.

— Но уже за полночь!

— Спокойной ночи, Декс. Увидимся... когда увидимся.

Но он идет за Мэдди к выходу. Ему хочется, чтобы она веселилась, но она расстроена и, кажется, вот-вот заплачет.

— Останься, выпей еще, — требует он, ухватив ее за локоть.

— Обещай вести себя хорошо, ладно? Пожалуйста.

— Ты же не бросишь нас одних!

— Придется. Мне утром кафе открывать, забыл? — Она поворачивается и берет в руки обе его ладони. Как же его раздражает этот ее заботливый, сочувствующий вид! — Просто будь осторожен, ладно?

Но ему не нужно сочувствие; ему нужно еще выпить, поэтому он резко выдергивает руки и бежит к бару, не оборачиваясь. Ему наливают без вопросов. Всего неделю назад террористы взорвали бомбы в автобусах и лондонском метро. Погибли совершенно случайные люди, и, хотя жители Лондона и пытаются храбриться и быть мужественными, в городе царит мрачная атмосфера. Люди боятся выходить на улицы, и Декстер без проблем находит таксиста, согласного отвезти их на Фаррингдон-роуд. Прислонившись лицом к оконному стеклу, он слышит, как Пит с Джорджем пытаются увильнуть, повторяя обычные оправдания: уже слишком поздно, утром надо работать. «У меня жена и дети, между прочим!» — в шутку говорит Пит. Но они ведут себя как заложники, умоляющие захватчиков их отпустить. Декстер чувствует, что вечеринка не удалась, но у него нет сил, чтобы им противоречить; он останавливает такси у вокзала Кингс-Кросс и отпускает своих друзей.

— Поехали с нами, Декс, приятель! Давай! — говорит Джордж, склонившись к окну с идиотским заботливым выражением на лице.

— Да нет, со мной всё в порядке.

— Можешь остаться у меня, — подает голос Пит. — Поспишь на диване. Но Декстер понимает, что Пит лукавит. Как он только что сам сказал, у него жена и дети — так зачем ему в доме чудовище, которое будет дышать перегаром, развалившись на диване в отключке, пока его дети собираются в школу? Несчастье снова превратило Декстера Мэйхью в идиота, и надо ли делать своих друзей такими же несчастными? Лучше уж

найти кого-нибудь, кого он не знает. Он машет Питу и Джорджу на прощание и просит таксиста отвезти его в темный глухой переулок недалеко от Фаррингдон-роуд, в стрип-клуб «Неро».

По обе стороны от входа в клуб высятся черные мраморные колонны, как в похоронном бюро. Вывалившись из такси, Декстер беспокоится, что вышибалы его не пропустят, но на деле он — идеальный клиент: прилично одет и совершенно пьян. Благодарно улыбнувшись здоровяку с обритой головой и козлиной бородкой, Декстер вручает ему наличные, и тот впускает его в зал. Декстер шагает в темноту.

Было время, не так давно, когда поход в стрип-клуб воспринимался как нечто вроде постмодернистского китча — поступок, полный самоиронии и одновременно приятно щекочущий нервы. Но сегодня все иначе. Сегодня клуб «Неро» напоминает зал бизнес-класса в региональном аэропорту 1980-х. Серебристый хромированный металл, низкие диваны, обтянутые черной кожей, и пластиковые пальмы в горшках — так представляют декадентскую роскошь провинциалы. Стену в глубине зала украшает неумело выполненная фреска, напоминающая иллюстрацию из школьного учебника: рабыни, несущие блюда с виноградом. Повсюду пластиковые римские колонны, и по всему залу в невыгодном оранжевом свете на возвышениях, похожих на низкие кофейные столики, стоят стриптизерши, танцующие каждая по-своему под оглушительный хип-хоп. Одна медленно извивается, вторая выглядит так, словно вот-вот заснет, третья на удивление высоко поднимает ноги, как на занятиях аэробикой, и все девушки голые или почти голые. Рядом с возвышениями сидят мужчины, в основном в костюмах, с развязанными галстуками; они развалились на скользких кожаных скамейках, откинув голову так, будто им перерезали шею; они такие же, как и он. Декстер оглядывается, фокусируя взгляд, и глупо улыбается, ощущая возбуждение и стыд, которые разливаются по венам как наркотик. Споткнувшись на ступеньках, он хватается за хромированные перила, кажушиеся жирными на ощупь, выпрямляется, встряхивает рукавами и, огибая подиум, идет к бару. Женщина с жестким лицом сообщает, что напитки они не разливают, можно купить только бутылку водки или шампанского; и то, и другое по сто фунтов. Подобное наглое вымогательство заставляет Декстера расхохотаться; он лихо выхватывает кредитку, точно бросая вызов: делайте с ней что хотите.

Взяв шампанское — какое-то польское игристое вино, в ведре с чуть теплой водой, — и два пластиковых стаканчика, он несет их в обитую черным бархатом кабинку, закуривает и начинает напиваться. «Шампанское», сладкое, как расплавленная конфета, имеет яблочный вкус

и почти не пузырится, но его это не волнует. Его друзья ушли, и теперь некому отнять у него выпивку или отвлечь разговором. Но после третьего стакана время вдруг обретает странную эластичность — оно то ускоряется, то замедляется; секунды куда-то исчезают, перед глазами Декстера повисает чернота, а потом зрение снова обретает четкость. Еще немного, и он погрузится в сон или в забытие, но вдруг кто-то кладет руку ему на плечо, и он видит перед собой худую девушку в очень коротком и прозрачном красном платье. У нее длинные светлые волосы, черные на два сантиметра от корней.

— Можно мне шампанского? — спрашивает она и заходит в кабинку. У девушки очень плохая кожа, замазанная толстым слоем тонального крема, и говорит незнакомка с южноафриканским акцентом.

— Мне нравится ваш акцент! — произносит он, пытаюсь перекричать музыку. Девушка шмыгает носом, морщится и называется Барбарой, но ему кажется, что Барбара — просто первое имя, которое пришло ей в голову. Она худая, у нее костлявые руки и маленькая грудь, которую он откровенно разглядывает, однако девушка ничего против этого не имеет. У нее фигура балерины.

— Вы балерина? — спрашивает он. Она снова шмыгает носом и пожимает плечами. Декстер решает, что Барбара ему очень, очень нравится.

— Что за повод? — безразлично спрашивает она.

— У меня годовщина! — отвечает он.

— Поздравляю! — Она наливает себе шампанского и поднимает пластиковый стаканчик.

— А вы даже не спросили, что за годовщина, — говорит он. Должно быть, язык у него уже сильно заплетается, потому что она три раза просит его повторить, что он сказал. Он решает не ходить вокруг да около и прямо сообщает: — Ровно год назад моя жена попала в аварию.

Барбара нервно улыбается и начинает оглядываться по сторонам, точно жалеет, что вообще к нему под села. Общаться с пьяными — ее работа, но этот посетитель какой-то совсем странный — кому взбредет в голову праздновать аварию и неразборчиво бормотать что-то про какого-то водителя, который не смотрел, куда ехать, и какой-то судебный процесс? Она ничего не понимает и не хочет понимать.

— Давайте я вам станцую, — предлагает она, чтобы сменить тему.

— Что? — Он наклоняется к ней. — Что вы сказали? — От него разит перегаром, и он брызгает слюной ей на щеку.

— Я говорю, давайте я вам станцую, может, вас это немного приободрит? Вам бы не мешало немного взбодриться.

— Не сейчас. Может, потом, — отвечает он и кладет руку ей на колено — твердое и неподвижное, как перила. Он снова начинает говорить, но это уже не нормальная речь, а какая-то бессвязная тарабарщина, набор горьких фраз, которые он повторяет снова и снова: ей было всего тридцать восемь... мы хотели ребенка... а водитель так и остался безнаказанным... интересно, что этот ублюдок делает сейчас... отнял у меня лучшего друга... он за все ответит... всего тридцать восемь лет... где справедливость... а как же я?... что мне теперь делать? Барбара, скажи, что мне теперь делать?

Он вдруг замолкает.

Барбара, опустив голову, смотрит на свои ладони, аккуратно сложенные на коленях, будто перед молитвой, и на мгновение ему кажется, что его рассказ ее тронул, что ему удалось как-то затронуть душу этой прекрасной незнакомки. Может, она молится за него или даже плачет? Неужели он довел бедную девушку до слез? Его переполняет глубокая нежность к этой Барбаре. Он накрывает ее ладонь своей, и вдруг понимает, что девушка пишет сообщение. Всё это время, пока он рассказывал ей об Эмме, у нее в руках мобильник, и она писала сообщение! Декстера вдруг охватывает ярость и отвращение.

— Что ты делаешь? — дрогнувшим голосом спрашивает он.

— Что?

— Что ты делаешь, чертова дура? — кричит он, размахивается и ударяет ее по рукам. Телефон летит через весь зал. — Я с тобой разговариваю!

Барбара кричит на него в ответ, обзывает психом, спятившим придурком, а потом зовет вышибалу. Это тот же здоровяк с бородкой, что был с ним так любезен у входа, только теперь он без слов кладет свою огромную руку ему на плечи, другой подхватывает за талию, поднимает, как ребенка, и тащит через весь зал. Присутствующие удивленно оборачиваются, а Декстер кричит через плечо: «Ты тупая, тупая корова, тебе никогда не понять!» Он бросает на Барбару последний взгляд — та стоит, показывая ему оба выпрямленных средних пальца, и смеется над ним. Вышибала толкает ногой дверь пожарного выхода, и Декстер оказывается на улице.

— Моя кредитка! Там моя кредитка! — говорит он, но, как и все остальные, вышибала лишь смеется ему вслед и захлопывает дверь.

Декстер в ярости выбегает на дорогу и машет руками, пытаясь остановить одну из многочисленных черных машин, но все они проносятся мимо: водители не желают подвозить психа, выскочившего на проезжую

часть. Он делает глубокий вдох и возвращается на тротуар; прислоняется к стене, ощупывает карманы. Они пусты; пропал бумажник, ключи — и от машины, и от квартиры. А тот, кто украл его бумажник, теперь узнает также, где он живет — его адрес значится на водительском удостоверении. Теперь придется менять замки, а к обеду придет Сильви и приведет Жасмин. Он ударяет стену ногой, прислоняется головой к кирпичам, снова роется в карманах и находит в кармане брюк скомканную двадцатифунтовую купюру, влажную от мочи. Двадцати фунтов хватит, чтобы добраться до дома. Он разбудит соседей, возьмет запасной ключ и проспит, как следует.

Но двадцати фунтов хватит и на то, чтобы добраться до города, а сдачи хватит еще на стаканчик чего-нибудь, или даже на два. Поехать домой или забыться? С усилием выпрямившись и пытаясь выглядеть трезвым, он останавливает такси и едет в Сохо.

Гладкая красная дверь в переулке рядом с Бервик-стрит приводит его в подвальный притон; десять, а может, пятнадцать лет назад это место было для него последним пристанищем. Помещение неопрятное, без окон; здесь темно, клубится табачный дым и полно людей, пьющих из пластиковых стаканчиков или прямо из банок. Опираясь на соседей, он подходит к пластиковому столу, служащему по совместительству стойкой бара, но вдруг осознает, что у него кончились деньги: он всё отдал таксисту, проморгал сдачу. Придется сделать то же, что и раньше, когда у него кончались деньги, — умыкнуть первый же стакан, оставленный без присмотра. Он возвращается в зал, натываясь на людей; те осыпают его бранью, но он не обращает внимания. Взяв банку пива, которую кто-то забыл, осушает ее до дна, затем смело хватается вторую и забивается в самый угол. Декстер вспотел, он находится возле колонки, из которой несется музыка, глаза его закрыты, пиво стекает по подбородку на рубашку, и вдруг кто-то толкает его в грудь, отталкивает к стене; кто-то спрашивает, какого черта он делает, какого черта крадет чужую выпивку. Он открывает глаза и видит старика, приземистого, как жаба, с красным лицом.

— Вообще-то, это мое, — отвечает Декстер и сам смеется над тем, насколько неубедительны его слова.

Жаба скалится, обнажив желтые зубы, и показывает кулак, и Декстер вдруг понимает, что хочет именно этого — он хочет, чтобы старик его ударил.

— Убери руки, старый урод, — бормочет он, а потом все кружится перед глазами, и он слышит странный звук, похожий на разряд статического электричества. И вот он уже лежит на полу, закрыв лицо

руками, а старик бьет его в живот, ударяет каблуком в спину. Декстер вдыхает зловонный запах коврового покрытия, а потом вдруг плывет лицом вниз: шестеро мужчин подхватывают его за руки и ноги, как в школе в его день рождения, когда его бросили в бассейн, и он смеется и визжит, а они несут его по коридору через кухню и выбрасывают в переулок. Он падает на груды пластиковых ведер. По-прежнему смеясь, скатывается на жесткую грязную землю, чувствует вкус крови во рту, горячий, металлический, и думает: что ж, именно этого она бы хотела. Именно этого она бы хотела.

* * *

15 июля 2005 года

Привет, Декстер!

Надеюсь, ты не против, что я тебе пишу. Правда, как-то странно все это — обычное письмо на бумаге в наш-то век интернет-технологий! Но мне кажется, это больше подходит случаю. Захотелось сесть и сделать что-нибудь, чтобы отметить этот день, а лучшего способа, кажется, и не придумаешь.

Как ты там? Держишься? Мы перекинулись парой слов на поминках, но мне не хотелось тебе надоедать, так как было совершенно очевидно, что для тебя это очень тяжелый день. Ужасный был день, верно? Уверен, что ты, как и я, сегодня весь день думал об Эмме. Вообще-то, я постоянно о ней думаю, но сегодня мне особенно тяжело, и, я знаю, тебе тоже. Поэтому и решил прислать весточку, так сказать, излить свои мысли как они есть (а стоят они немного). Ну вот.

Когда Эмма ушла от меня много лет назад, я думал, что моя жизнь развалится, и так оно и было, по крайней мере, пару следующих лет. Если честно, мне кажется, я тогда немножко спятил. Но потом познакомился с одной девчонкой в баре, где тогда работал, и на первом свидании повел ее на свое выступление. А после она сказала, чтобы я не обижался, но комик из меня просто ужасный и лучше мне все это дело бросить и просто быть самим собой. В тот самый момент я влюбился в нее, и вот мы женаты уже четыре года, и у нас трое замечательных ребятшек — по одному каждого пола. Ха! Живем мы в оживленном мегаполисе под названием Тонтон, чтобы быть поближе к моим родителям (ведь они бесплатно сидят с детьми!). Я работаю в крупной страховой компании в отделе по обслуживанию клиентов. Наверняка тебе моя жизнь

покажется скучноватой, но у меня все получается, и в моей семье много радости. Можно даже сказать, что я действительно счастлив. У нас с женой мальчик и две девочки. Слышал, у тебя тоже ребенок — здорово, да?

Но зачем я все это тебе рассказываю? Мы никогда не были закадычными друзьями, да и тебе наверняка плевать, что со мной стало. Но я все равно пишу все это, и вот по какой причине.

Когда Эмма ушла от меня, я думал, что жизнь кончена, но оказалось, это не так. Я встретил мою жену Джеки. Теперь ты тоже потерял Эмму, и она уже не вернется — ни к тебе, ни ко мне. Но я умоляю тебя не сдаваться. Эмма всегда тебя очень любила. Долгие годы это причиняло мне боль, и я очень тебе завидовал. Подслушивал ваши телефонные разговоры, следил за вами на вечеринках и видел, как в твоём присутствии у нее всегда загораются глаза, как она сияет — со мной никогда не было ничего подобного. К стыду своему, признаюсь, что прочел ее дневник, когда ее не было дома, и там было столько всего о тебе и вашей дружбе, что читать это было совершенно невыносимо. По правде говоря, приятель, мне казалось, что ты ее не заслуживаешь, но, с другой стороны, я тоже был ее недостойн, что уж говорить. Она всегда будет самой умной, доброй, смешной и верной из всех, кого мы знали, и то, что ее больше нет... так просто не должно быть.

Ну вот, как я уже сказал, мне казалось, что ты ее не заслуживал, но по коротким с ней разговорам я знаю, что потом все изменилось. Ты был полным дерьмом, но потом перестал им быть, и в те годы, когда вы наконец сошлись, благодаря тебе она была очень, очень счастлива. Она вся сияла, да? Она сияла благодаря тебе, и я хочу сказать тебе за это спасибо. Я больше не обижаюсь на тебя, друг, и желаю тебе самого хорошего в жизни.

Извини, если я тут малость расчувствовался. В такие дни нам всем тяжело, особенно ее родным и тебе, но и я ненавижу этот день и отныне буду всегда его ненавидеть, каждый год. Знай, что я сегодня с тобой. У тебя замечательная дочка, и я надеюсь, что она послужит тебе радостью и утешением.

Ну вот, пожалуй, пора заканчивать. Будь счастлив, будь молодцом и живи дальше. Проживай каждый день, как последний, и вся такая ерунда. Эмма хотела бы именно этого.

Всего тебе хорошего.

Ну ладно, так уж и быть: с любовью,

Иэн Уайтхед.

* * *

— Декстер, ты меня слышишь? О господи, что ты наделал? Ты слышишь меня, Декстер? Открой глаза, открой!

Он просыпается и видит Сильви. Он лежит на полу в своей квартире, между диваном и столом, а она склонилась над ним и пытается вытащить из узкого пространства и заставить сесть. Одежда на нем мокрая и липкая; он понимает, что его стошнило во сне. Он напуган, ему стыдно, но он не может пошевелиться. Сильви ворчит и тащит его, запыхавшись, подхватив под мышки.

— Ох, Сильви, — он старается ей помочь, — прости. Я опять облажался.

— Да ничего, и с тобой все будет в порядке, только сядь, ладно?

— Мне так плохо, Сильви. Так плохо...

— Все будет хорошо, тебе только надо выспаться. Ох, Декстер, ну не плачь. Послушай меня, ладно? — Она опускается на колени, прижимает к его лицу ладони и смотрит на него с такой нежностью, которую он редко видел, даже когда они были женаты. — Сейчас ты вымоешься, ляжешь спать и поспишь хорошенько. Договорились?

Он смотрит ей за спину и видит фигурку, неловко переминающуюся в дверях, — свою дочь. Он стонет; ему кажется, что сейчас его опять стошнит, так вдруг ему становится стыдно.

Вслед за его взглядом Сильви поворачивает голову:

— Жасмин, лапочка, подожди в другой комнате, ладно? — Жасмин не двигается с места. — Говорю тебе, иди в другую комнату! — В голосе Сильви слышится паника.

Декстеру очень хочется сказать что-нибудь, чтобы Жасмин поняла: с ним все в порядке, — но слова не выговариваются, и, отчаявшись, он снова ложится на пол.

— Не двигайся, — говорит Сильви, — лежи, где лежишь.

Она выходит из комнаты, взяв за руку дочь. Он закрывает глаза и ждет — и молит Бога, чтобы все это как можно скорее кончилось. Из коридора доносятся голоса. Кто-то звонит по телефону.

* * *

Следующее, что он помнит: он на заднем сиденье машины, лежит в

неудобной позе, сжавшись под пледом из шотландки. Он натягивает плед выше — хотя день теплый, он почему-то все время дрожит — и вдруг понимает, что это старый домашний плед для пикников; это напоминает ему о семейных вылазках за город, как и запах сидений этой машины, обтянутых поцарапанной темно-красной кожей. Не без труда он поднимает голову и смотрит в окно. Машина едет по шоссе. По радио передают Моцарта. Декстер видит затылок отца — тонкие, аккуратно подстриженные седые волосы и пучки волос, торчащие из ушей.

— Куда мы едем?

— Везу тебя домой. Спи.

Его отец его похитил. Поначалу Декстеру хочется ему возразить: нет, отвези меня в Лондон, со мной все в порядке, я не ребенок. Но кожаное сиденье такое теплое, и у него совсем нет сил на то, чтобы шевелиться, не говоря уж о том, чтобы спорить. Он снова поеживается, натягивает плед до подбородка и засыпает.

Его будит звук, с каким колеса катятся по гравийной дорожке перед большим, величественным особняком 1920-х годов.

— Пойдем, — говорит отец, открывая ему дверь, как личный шофер. — Будет суп вместо чая!

И идет к дому, весело подбрасывая в воздух ключи от машины. Очевидно, он решил делать вид, что ничего из ряда вон выходящего не случилось, и Декстер благодарен ему за это. Сгорбившись, он выбирается из машины, сбрасывает клетчатый плед и на нетвердых ногах идет в дом вслед за отцом.

В тесной ванной на первом этаже он оглядывает свое лицо в зеркале. Нижняя губа рассечена и распухла, а одна сторона лица вся превратилась в сплошной желто-бурый кровоподтек. Декстер пытается расправить плечи, но ушибленную спину пронзает боль. Он морщится, затем осматривает свой язык; тот покрыт язвами, искусан и весь в сероватом налете. Он проводит кончиком языка по зубам. В последнее время Декстеру кажется, что они все время грязные; он чувствует запах собственного дыхания, от которого запотевают зеркала. Из его рта несет дерьмом, словно что-то внутри него гниет. На носу и щеках видны лопнувшие сосуды. В последнее время он пьет с крайним усердием, каждый вечер, а нередко и днем; он сильно растолстел, лицо распухло, кожа обвисла, глаза всегда красные и слезятся.

Он упирается в зеркало лбом и вздыхает. В те годы, когда он жил с Эммой, ему иногда приходила в голову мысль: а что будет, если ее не окажется рядом? Это были не мрачные размышления, а просто

практическое предположение — ведь все иногда так думают. Что с ним будет без нее? Теперь ответ на этот вопрос смотрит на него из зеркала. Горе сделало из него не трагического героя, а глупое клише. Без Эммы в его жизни нет ничего хорошего, никакой ценности, никакого смысла; он всего лишь неряшливый, одинокий старый пьяница, разъедаемый стыдом и сожалениями о прошлом. В голове всплывает тягостное воспоминание: его отец и бывшая жена раздевают его и укладывают в ванну. Через две недели ему исполнится сорок один год, а его собственный отец помогает ему принять ванну. Почему они просто не отвезли его в больницу, где ему промыли бы желудок? Даже тогда ему не было бы так стыдно.

Отец в коридоре говорит с его сестрой по телефону; он кричит. Декстер садится на край ванны. Не подслушивать сложно. Вообще говоря, даже при всем желании не слышать крик отца невозможно.

— Он разбудил соседей — пытался выломать собственную дверь. Они его и впустили... Сильви нашла его на полу... Видимо, просто напился... да так, синяки, порезы... Без понятия. Мы его вымыли. Утром придет в норму. Не хочешь приехать, повидаться с ним? — Декстер в ванной мысленно произносит: нет, только не это! Но к счастью, его сестра тоже не рада такой перспективе. — Ну, как хочешь, Кэсси. Тогда, может, позвонишь ему утром?

Убедившись, что отец ушел, Декстер выходит в коридор и ковыляет в кухню. Пьет теплую водопроводную воду, наполнив из крана пыльную пивную кружку; выглядывает в сад, залитый вечерним солнцем. Воду из бассейна спустили и накрыли его голубым брезентом, который провис; теннисный корт зарос травой. На кухне тоже стоит затхлый запах, точно что-то где-то маринуется. В большом семейном доме отец постепенно закрыл комнату за комнатой и теперь обитает в кухне, гостиной и своей спальне, но даже эти три комнаты для него слишком велики. Сестра говорит, что иногда он спит на диване. Раньше, тревожась за него, они пытались уговорить его переехать, купить жилье, которое не будет требовать таких забот — к примеру, маленькую квартиру в Оксфорде или Лондоне. Но отец и слышать ничего не хотел. «Я хочу умереть в своем собственном доме, если не возражаете», — ответил он, и в его словах было столько боли, что с ним трудно было поспорить.

— Тебе уже лучше?

Отец стоит у него за спиной.

— Немного.

— А это что? — Он кивает на кружку в руках Декстера. — Джин?

— Просто вода.

— Рад слышать. Вот, решил приготовить суп, раз сегодня у нас такой случай. Тарелку супа осилишь?

— Пожалуй.

Отец демонстрирует ему две банки:

— Индийский рисовый или куриный суп-пюре?

И вот в кухне, пропитавшейся запахом плесени, двое вдовцов подогревают две банки супа, испачкав при этом намного больше посуды, чем требуется. С тех пор как отец живет один, он питается наподобие амбициозного бойскаута: фасоль из банки, сосиски, рыбные палочки; однажды он даже наварил целую кастрюлю желе.

В коридоре звонит телефон.

— Подойдешь? — спрашивает отец, неумело намазывая масло на хлеб. Декстер мнетя на месте. — Он не кусается, Декстер.

Он идет в коридор и снимает трубку. Звонит Сильви. Декстер садится на лестницу. Его бывшая жена теперь живет одна; ее отношения с Кэллумом закончились полным крахом незадолго до Рождества. Теперь и Декстер, и Сильви несчастливы и оба пытаются скрыть это от Жасмин; как ни странно, это сблизило их, и впервые со дня их свадьбы они стали почти друзьями.

— Как ты себя чувствуешь?

— О, ну, ты знаешь. Стыдно мне. Извини.

— Ничего.

— Кажется, я помню, как ты и отец меня купали.

Сильви смеется:

— Его это ничуть не смутило. *Можно подумать, я что-то там раньше не видел!..*

Декстер улыбается и морщится одновременно.

— Жасмин в порядке?

— Кажется. Да всё нормально. Всё у нее будет хорошо. Я ей сказала, что ты отравился.

— Я ей всё возмещу. Еще раз прости.

— Бывает. Только не надо никогда больше так делать, ладно?

Декстер хмыкает, точно хочет сказать: не знаю, посмотрим... Следует пауза.

— Мне пора, Сильви. А то суп подгорит.

— Тогда увидимся в субботу вечером?

— Конечно. Скажи Жасмин, что папа ее любит. И еще раз извини.

Он слышит, как она перекладывает трубку в другую руку.

— Мы любим тебя, Декстер.

— Было бы за что, — смущенно бормочет он.

— Может, и не за что. Но мы все равно тебя любим.

Спустя некоторое время он кладет трубку и идет к отцу, который сидит перед телевизором и пьет лимонад, разбавленный водой в гомеопатической пропорции. Тарелки с супом стоят на подставках с мягким низом, чтобы удобно было есть, сидя в кресле. Это новое изобретение отца, которое нагоняет на Декстера легкую тоску, прежде всего потому, что его мать никогда бы не допустила ничего подобного в доме. Суп горячий, как солнце; он обжигает его рассеченную губу. Нарезанный белый хлеб, который всегда покупает его отец, намазан маслом неумело, он раскрошился и превратился в бледно-желтое месиво. Но, как ни странно, это вкусно — толстый слой масла, тающий на языке вместе с липким супом, — и они едят и смотрят «Истендерз»^[65] — еще одно недавнее папино увлечение. После титров отец кладет поднос на пол, выключает звук, поворачивается и смотрит на Декстера:

— Значит, ты намерен сделать это ежегодной традицией?

— Пока не решил.

Проходит несколько секунд; отец поворачивается к нему телеэкрану.

— Извини, — прибавляет Декстер.

— За что?

— За то, что вам пришлось меня вымыть, и...

— Да уж, не хотелось бы делать это снова. — Не включая звук, он начинает переключать каналы. — К тому же и тебе скоро придется делать то же самое для меня.

— О боже, надеюсь, не придется, — говорит Декстер. — А Кэсси не сможет?

Отец улыбается и снова поворачивается к нему:

— Что-то не хочется затевать разговор по душам. А тебе?

— И мне.

— Тогда не будем. Я просто хочу сказать, что тебе лучше попытаться жить так, как будто она по-прежнему рядом. Тебе не кажется, что так было бы лучше?

— Не знаю, получится ли у меня.

— Что ж, надо стараться. — Отец направляет пульт на телевизор. — А как, по-твоему, я живу последние десять лет? — Он наконец находит ту программу, которую искал, и устраивается в кресле удобнее. — Ага, «Билл».^[66] Так-то лучше.

Они сидят и смотрят телевизор в летних сумерках, в комнате,

установленной семейными фотографиями, и, к своему смущению, Декстер понимает, что снова плачет, правда очень тихо. Он незаметно вытирает глаза, но отец слышит его беззвучный всхлип и поворачивает голову:

— Все нормально?

— Извини, — бормочет Декстер.

— Неужели ужин такой невкусный?

Декстер смеется и шмыгает носом:

— Кажется, я еще не протрезвел до конца.

— Это ничего, — говорит его отец и снова поворачивается к телевизору. — А в девять начнется «Безмолвный свидетель».

Глава 21

Какой прекрасный вид

Суббота, 15 июля 1988 года

Рэнкеллор-стрит, Эдинбург

Декстер принял душ в убогой ванной с плесенью на стенах и надел ту же рубашку, что была на нем вчера. Рубашка пропахла потом и табачным дымом, поэтому он надел сверху пиджак, чтобы запах не ощущался, выдавил зубную пасту на палец и намазал зубы.

Он вошел в кухню, где под гигантским засаленным плакатом фильма «Жюль и Джим» Трюффо сидели Эмма Морли и Тилли Киллик. И всё время, пока они смущенно жевали полусъедобный завтрак — тост с отрубями, соевый сыр, какие-то мюсли, — над ним нависала смеющаяся Жанна Моро. Ради особого случая Эмма вымыла кофеварку для приготовления кофе в европейском стиле — подобные кухонные агрегаты всегда кажутся заплесневелыми изнутри, — и после первой чашки маслянистой черной жидкости ему стало чуть лучше. Он сидел тихо, слушая, как соседки болтают с показной жизнерадостностью. Они носили свои гигантские очки, как какой-то знак почета, и у него возникло смутное ощущение, будто его взяла в заложники труппа актеров альтернативного театра. Может, не стоило все-таки оставаться? Выходить из спальни точно не стоило. Как, спрашивается, ему ее поцеловать, если напротив сидит Тилли Киллик и бубнит и бубнит о своем?

Эмму тоже все больше раздражало присутствие Тилли. Неужели у нее совсем нет чувства такта? Сидит тут, подперев подбородок рукой, вертит пальцами локоны и обсасывает ложку. Эмма совершила ошибку, приняв душ с новым клубничным гелем, и теперь пахла, как открытая баночка с ягодным йогуртом. Ей страшно хотелось встать и смыть этот запах, но она боялась оставить Декстера наедине с Тилли, чей халат уже распахнулся, и стало видно «выходное» белье — красный в клеточку комплект. Как же она любит напрашиваться.

Эмме хотелось вернуться в постель, снова быть полуодетой, но уже слишком поздно; она и он слишком протрезвели для этого. Желая

отделаться от Тилли, она вслух поинтересовалась, какие у них на сегодня планы — ведь это первый день взрослой свободной жизни.

— Можно пойти в паб, — вяло предложил Декстер. Эмма застонала, почувствовав тошноту.

— В «Пьер Виктор» пообедать? — прощепетала Тилли.

— У тебя деньги есть?

— Тогда в кино, — сказал Декстер. — За мой счет.

— Только не сегодня. Смотрите, какая погода хорошая. Надо идти гулять.

— Тогда отправимся на пляж! В Норт-Бервик.

Эмма вся съежилась при одной только мысли об этом. Ведь это значит, что надо будет стоять рядом с ним в купальнике, а она не готова к такому унижению.

— Я плохо плаваю.

— Тогда куда?

— Можно подняться на Артурз-Сит, — предложила Тилли.

— Я никогда там не был, — беспечно произнес Декстер.

Девчонки уставились на него открыв рот.

— Ты ни разу не поднимался на гору?

— Нет.

— Живешь в Эдинбурге уже четыре года — и ни разу?..

— У меня другие дела были, знаете ли!

— Какие же? — полюбопытствовала Тилли.

— Он изучал антропологию, — пояснила Эмма и вместе с Тилли издевательски захихикала.

— Тогда точно надо взобраться! — заявила Тилли.

Последовала короткая пауза — Эмма оглядела подругу уничтожающим взглядом.

— У меня обувь неподходящая, — заметил Декстер.

— Это же не Джомолунгма, а всего лишь небольшой холм!

— Но не лезть же на него в праздничных ботинках!

— Ничего страшного — это не сложно.

— И в костюме!

— Придумала! — воскликнула Эмма. — Устроим пикник!

Но тут же увидела, что глаза Декстера не горят энтузиазмом.

Вдруг Тилли сказала:

— Знаете что, идите лучше без меня. У меня... дела.

Эмма взглянула на нее, и ей показалось, что Тилли ей подмигнула. Эмма была готова ее расцеловать.

— Ну ладно. Пойдем! — Декстер заметно повеселел.

Через пятнадцать минут они вышли на улицу, в туманное летнее утро; в конце улицы виднелась гряда Солсбери-Крэгс.

— Мы действительно туда полезем?

— Это даже ребенку под силу. Поверь.

Они зашли в супермаркет на Николсон-стрит и закупили провизии для пикника. Обоих немного смущало, что они складывают продукты в одну корзинку, как муж и жена, — и оба стеснялись своего выбора. Оливки — не подумает ли она, что я слишком выпендриваюсь? «Айрн-брю»^[67] — оценит ли он юмор? Шампанское — не слишком ли торжественно? Они загрузили армейский рюкзак Эммы припасами, которые Эмма выбирала с юмором, а Декстер — как будущий гурман, зашагали в направлении Холируд-парка и начали подниматься вдоль подножия гряды.

Декстер тащился сзади, вспотев в костюме, в неудобных скользких ботинках, зажав в зубах сигарету. От красного вина и утреннего кофе у него началась мигрень. Он почти не замечал потрясающих видов вокруг; вместо этого его взгляд приклеился к пятой точке Эммы в выцветших голубых джинсах, туго стянутых ремнем на талии, и ее черным высоким кроссовкам.

— Ты очень ловко лазаешь по горам.

— Как горная коза. Дома я много гуляла по горам — после того, как прочла «Грозовой перевал» и воображала себя Кэти. По диким и обдуваемых ветром вересковым пустошам. Так сильно впечатлилась. «Не могу жить без любви! Не могу жить без души!»

Он слушал ее вполуха и решил, что это, наверное, какая-то цитата; его больше занимало темное продолговатое пятно от пота, расплывавшееся между ее лопатками, и бретелька лифчика, которую было видно из-под съехавшего набок ворота футболки. Перед глазами снова возникла картина вчерашней ночи, но Эмма обернулась и взглянула на него, точно предупреждая, чтобы не вздумал об этом вспоминать.

— Ну, как там мой отважный скалолаз?

— Нормально. Вот только ботинки скользят.

Она рассмеялась.

— Что смешного?

— Никогда не видела, чтобы кто-то курил, поднимаясь на гору.

— А чем мне еще себя занять?

— Любоваться видами!

— Ну, вид и вид.

— Это цитата из Шелли или из Вордсворта?

Он вздохнул, остановился, уперся руками в колени:

— Ладно. Ладно. Буду любоваться видами.

Он поднял голову и увидел бедные кварталы, шпили и зубчатые стены старого города под серой громадиной Эдинбургского замка и залив Ферт-оф-Форт в дымке теплого дня. Обычно Декстер не любил показывать, что его что-то впечатлило, но этот вид действительно был прекрасен — он помнил его по открыткам.

— Очень мило, — пробормотал он, и они пошли дальше, гадая, что же случится, когда они доберутся до вершины.

Глава 22

Вторая годовщина

Разбирая вещи

Суббота, 15 июля 2006 года

Северный Лондон

Вечером, в пятнадцать минут седьмого, он опускает защитный ролет на входе в «Кафе Бельвилль» и щелкает тяжелым замком. Мэдди ждет его рядом; он берет ее за руку, и они вместе идут к метро.

Наконец — наконец-то! — он переехал, недавно купив симпатичную, но скромную трехкомнатную двухэтажную квартиру в Госпел-Оак. Мэдди живет рядом со станцией «Стоквелл», довольно далеко, на другом конце Северной линии метро, поэтому иногда ночует у него. Но только не сегодня — они не устраивали ни драм, ни чего-либо показного по этому поводу, просто сегодня ему хочется побыть в одиночестве. Сегодня у него есть дело, и в этом деле ему не нужны помощники.

Они прощаются у станции «Тафнелл». Мэдди немного выше Декстера, у нее длинные черные волосы, и ей приходится чуть наклоняться, чтобы поцеловать его на прощание.

— Позвони потом, если захочешь.

— Может, и позвоню.

— И если передумаешь, если захочешь, чтобы я приехала...

— Со мной все будет в порядке.

— Тогда ладно. Увидимся завтра... или нет?

— Я позвоню.

Они снова целуются, коротко, но нежно, и он идет дальше по спускающейся постепенно улице к своему новому дому.

Он встречается с Мэдди — менеджером из кафе — уже два месяца. Они еще не сообщили об этом официально другим сотрудникам, но, похоже, те уже догадались. У Декстера и Мэдди не было страстного романа — скорее, они просто смирились с неизбежным ходом вещей за последний год. А для Декстера всё и вовсе имело практический, слишком деловой характер, и в глубине души его немного смущает, как Мэдди сменила свою

роль, из доверенного лица превратившись в любовницу; то, что их отношения зародились в такой мрачный момент, заставляет сомневаться в их искренности.

Но одного нельзя отрицать — они очень друг другу подходят. Это все говорят; Мэдди добрая и умная, да и красивая, высокая, стройная, хоть и немного неуклюжая. Она мечтала стать художницей, и Декстеру нравятся ее картины; ее небольшие полотна висят в кафе и иногда продаются. Еще она на десять лет моложе Эммы — он представляет, как бы Эмма закатила глаза, узнав об этом, — но она умна, проницательна и сама успела хлебнуть в жизни горя: ранний развод и множество неудачных романов. Она тихоня — сдержанная, задумчивая, меланхоличная; в данный момент ему это подходит. А еще у нее добрая душа, и она очень преданна: именно Мэдди спасла его бизнес, когда он пропивал всю выручку, не появлялся на работе, и он за это очень ей благодарен. Она нравится Жасмин. Они хорошо ладят, по крайней мере пока.

Стоит приятный субботний вечер, Декстер идет домой по жилым улицам и наконец подходит к своему дому. Его квартира занимает подвальный и первый этаж дома из красного кирпича совсем недалеко от Хэмпстед-Хит. В квартире все еще пахнет, как при пожилой паре, что раньше там жила, а на стенах старые обои; он распаковал всего несколько коробок — телевизор, DVD, стерео. Вообще-то, пока квартира выглядит по-стариковски: панели на стенах, ванная в ужасном состоянии, какие-то чуланы. Но Сильви говорит, что у нее большой потенциал — надо лишь снести кое-какие стены и отциклевать полы. В квартире есть отличная комната для Жасмин, а еще у него теперь есть собственный сад. Сад. Сначала Декстер шутил, что заасфальтирует его, но теперь решил научиться выращивать растения и даже купил книгу по садоводству. Иногда он подумывает о том, что неплохо бы построить сарайчик. Еще немного, и он начнет играть в гольф и надевать пижаму на ночь.

Войдя в квартиру, он перешагивает через коробки, стоящие в коридоре; приняв душ, он идет в кухню и заказывает на дом еду из тайского ресторана. Ложится на диван в гостиной и мысленно повторяет, что надо сделать, прежде чем приступить к своему основному занятию, намеченному на сегодня.

Для маленького круга самых разных людей 15 июля с недавних пор — грустный день, и Декстеру надо кое-кому позвонить. Сначала — Джиму и Сью, родителям Эммы, которые живут в Лидсе. Их разговор прям и приятен: он рассказывает о бизнесе, о том, что Жасмин скоро пойдет в школу, повторяя одно и то же дважды — сначала матери Эммы, потом ее

отцу.

— Вот и все новости, — говорит он Сью. — Я просто вспомнил о вас сегодня. Надеюсь, у вас все в порядке.

— Мы тоже про тебя вспоминали, Декстер. Будь умницей, ладно? — произносит она чуть дрогнувшим голосом и кладет трубку.

Декстер обзванивает всех дальше по списку: говорит с сестрой, отцом, бывшей женой, дочерью. Эти разговоры коротки и нарочито жизнерадостны; никто не говорит о том, какой сегодня день, но подтекст всегда один: с ним все в порядке. Он звонит Тилли Киллик, но та слишком слезлива и слишком сентиментальна: «Дорогой, ну как ты, скажи честно? Нет, ты честно скажи? Ты один дома? Тебе не одиноко там одному? Хочешь, мы приедем?» Он раздраженно успокаивает ее и заканчивает разговор как можно скорее, насколько позволяет вежливость. Звонит Иэну Уайтхеду в Тонтон, но тот укладывает детей, «этих маленьких ублюдков», и время не самое подходящее. Иэн обещает, что перезвонит на неделе и, может, даже заедет к нему как-нибудь, и Декстер отвечает, что идея замечательная, прекрасно осознавая, что этого не произойдет никогда. Все эти звонки объединяет то, что собеседники понимают: худшее уже позади. Вероятно, Декстер никогда больше не позвонит Иэну Уайтхеду, и это, конечно, не расстроит ни одного, ни другого.

Он ужинает перед телевизором, переключая каналы и ограничившись одним пивом: бесплатный бонус из тайского ресторана. Но есть что-то очень грустное в том, чтобы ужинать одному, ссутулившись на диване в пока еще чужой квартире, и впервые за весь день его одолевают отчаяние и одиночество. В последнее время боль утраты превратилась для него в хождение по замерзшей реке: по большей части он чувствует себя в безопасности, но всегда есть опасность провалиться под лед. И вот сейчас он чувствует, как лед трескается под ногами, и это чувство захватывает его так сильно и внушает такой страх, что Декстер вынужден встать, закрыть лицо руками и перевести дыхание. Он медленно выдыхает сквозь пальцы, быстро проходит в кухню, бросает грязную посуду в раковину и ищет телефон.

— Все в порядке? — обеспокоенно спрашивает Мэдди.

— Просто легкий приступ паники.

— Ты точно не хочешь, чтобы я приехала?

— Теперь все в порядке.

— Могу взять такси. Буду уже через...

— Нет, не надо. Я хочу побыть один. — Он понимает, что один лишь звук голоса Мэдди способен его успокоить, снова говорит, что все в

порядке, и желает ей спокойной ночи. Убедившись, что сегодня ему уже никто не позвонит, выключает телефон, опускает жалюзи, идет наверх и готовится начать.

Комната для гостей пуста, не считая матраса, открытого чемодана и семи или восьми картонных коробок, на двух из которых толстым черным маркером собственной рукой Эммы сделаны надписи «Эмма 1» и «Эмма 2». Это последние вещи Эммы из его квартиры — ее тетрадки, письма и конверты с фотографиями. Он несет коробки в гостиную и проводит остаток вечера, разбирая их, отделяя ненужные бумаги — старые банковские выписки, чеки, меню из ресторанов, отправляющиеся в мусор, — от вещей, которые нужно отослать родителям Эммы и которые он хотел бы оставить себе.

Это занятие занимает время, но он действует совершенно спокойно, прагматично, прерываясь лишь иногда — когда находит что-то, вызывающее воспоминания. Он не читает ее дневники и тетради с детскими стишками и пьесами. Это кажется ему неправильным — он так и видит Эмму, которая морщится, стоя у него за спиной, и пытается выхватить дневники у него из рук. Его внимание привлекают лишь письма и фотографии.

Они уложены таким образом, что он разбирает их в обратном хронологическом порядке, снимая слой за слоем; все начинается с тех лет, когда они уже жили вместе, затем фотографии возвращают его в 1990-е, и, наконец, добравшись до дна второй коробки, он оказывается в 1980-х. Сначала идут наброски обложек для серии книг о Джули Крисколл, переписка Эммы с ее редактором, Маршей, вырезки из газет. Дальше он обнаруживает открытки и фотографии из Парижа, в том числе портрет знаменитого Жана-Пьера Дюсолле — смуглого и весьма привлекательного парня, которому так не повезло. И вдруг в конверте с билетиками на метро, меню доставки и контрактом аренды на французском языке он находит фотографию, которую считал уничтоженной, и это настолько неожиданно и вызывает у него такой прилив чувств, что он едва не роняет ее на пол.

Это поляроидный снимок, сделанный в Париже тем летом. Эмма лежит обнаженной на кровати, скрестив щиколотки и вальяжно вытянув руки над головой. Он сделал эту фотографию после того, как однажды вечером они напились, занимались любовью и смотрели «Титаник» на французском по ее черно-белому телевизору. И хотя он считал этот снимок очень красивым, она отняла его и настояла на том, что он должен быть уничтожен. Декстеру приятно сознавать, что Эмма сохранила этот снимок втайне от него — значит, ей действительно нравилась эта фотография, хоть

Эмма и не подавала виду. Но при взгляде на нее реальность ее смерти снова бьет в лицо, и он замирает, чтобы перевести дыхание. Кладет снимок обратно в конверт и минуту сидит молча, собираясь с силами, — лед снова трещит под ногами.

Декстер продолжает. Конец 1990-х знаменуют собой многочисленные открытки с сообщениями о рождении детей, свадебные приглашения и расписания, гигантская прощальная открытка от сотрудников и учеников средней школы Кромвелл-роу. В том же конверте лежит пачка писем от какого-то Фила, в которых столько отчаяния и сексуальных подробностей, что Декстер поспешно складывает их и засовывает обратно в конверт. Дальше идут флайеры с комических спектаклей Иэна и скучные документы от ее адвокатов по поводу покупки квартиры. Декстер находит стопку открыток с глупыми надписями: «В Амстердаме круто», «Дублин рулит»; эти открытки он присылал ей из путешествий в начале 1990-х. Он вспоминает ее письма, которые получал в ответ: чудесные пухлые конверты из голубой бумаги; иногда он перечитывает эти письма, и ему становится стыдно за двадцатилетнего себя, который мог написать: «Похоже, в Венеции было наводнение!!!» Еще ниже лежат: копия программки спектакля с надписью: «„Жестокий груз“ — пьеса для молодежи, Эмма Морли и Гари Чидл»; ее старые сочинения, курсовые на тему «Женщины в творчестве Джона Данна» и «Элиот и фашизм»; целая стопка репродукций картин разных художников с крошечными дырочками от кнопок — когда-то эти репродукции висели на стенах студенческих общежитий. В картонном футляре цилиндрической формы Декстер находит плотно свернутый в трубку диплом Эммы об окончании университета — никто не доставал его уже двадцать лет. Он смотрит на дату: 14 июля 1988 года. Вчера исполнилось девятнадцать.

В рваном бумажном конверте с логотипом эдинбургской фотостудии лежат фотографии с выпускного вечера; он просматривает их, не чувствуя особой тоски по прошлому. Поскольку фотографировала Эмма, ее почти нет на снимках, а другие лица он уже забыл: в то время она общалась с незнакомыми ему людьми. Он смотрит на Тилли Киллик и понимает, что та раздражает его даже на фото, сделанном девятнадцать лет назад, а фото тощего и самодовольного Кэллума О'Нила рвет на две части и запихивает на самое дно мусорного пакета.

Но в какой-то момент она, видимо, все же передала камеру Тилли, потому что среди снимков есть и несколько фотографий самой Эммы: она в мантии и академической шапочке, делает притворно-героическое лицо, сдвинув очки на кончик носа, как библиотекарь. Декстер улыбается, потом

видит собственное старое фото и стонет: ему и стыдно, и смешно.

На фото у него абсурдное выражение лица, как у мужчины-модели: он втянул щеки и надул губы, — а Эмма обнимает его одной рукой за шею, приблизив его лицо к своему лицу; она округлила глаза и прижала ладонь к щеке — будто увидела знаменитость. После того как был сделан этот снимок, они пошли на выпускное чаепитие, потом в паб и на вечеринку к кому-то домой. Он уже не помнит к кому именно; помнит лишь, что дом был полон людей и они практически его уничтожили; потом толпа празднующих высыпала на улицу и в сад. А они нашли местечко на диване в гостиной и просидели там весь вечер. Там он и поцеловал ее впервые. Он снова разглядывает фото с выпускной церемонии: Эмма в очках в толстой черной оправе, у нее плохо покрашенные рыжие волосы, плохая стрижка, лицо чуть полнее, чем в последние годы. Она широко улыбается, прижавшись к нему щекой. Он откладывает фотографию в сторону и берет другую.

Она сделана на следующее утро. Они сидят на вершине горы: Эмма в джинсах «Левайс-501», стянутых ремнем на талии, и черных кроссовках; а он чуть поодаль, в той же белой рубашке и том же черном костюме, в котором был на выпускном.

* * *

К их разочарованию, на вершине Трона Артура было полно туристов и других выпускников, бледных и дрожащих после вчерашнего празднования. Декс и Эм смущенно помахали несколько знакомым, но старались держаться в стороне, чтобы не поползли слухи, хоть теперь было и слишком поздно.

Они бесцельно побродили по ступенчатому плато цвета ржавчины, обозревая окрестности с разных углов. Встав у каменной колонны на самой вершине, сказали то, что и полагается в данной ситуации: ну надо же, как высоко мы забрались; смотри-ка, отсюда видно мой дом. Колонна была вся покрыта надписями: «Здесь был Д. Г.», «Шотландия навсегда», «Тэтчер, вон!»

— Давай вырежем наши инициалы, — машинально предложил Декстер.

— «Декс и Эм»?

— «Навеки».

Эмма с сомнением шмыгнула носом и оглядела самый впечатляющий

рисунок — гигантский пенис, начертанный несмываемыми зелеными чернилами.

— Представь только: люди поднялись на такую высоту с единственной целью — нарисовать *это*. Как думаешь, он взял маркер с собой? Вид тут, конечно, красивый, но чего действительно не хватало этому месту — так это гигантского члена!

Декстер принужденно рассмеялся, но его снова охватило сомнение; теперь, когда они оказались здесь, им обоим казалось, что они сделали ошибку. Может, ну его, этот пикник, и лучше спуститься и разойтись по домам? Но никто из двоих не осмелился высказать эти соображения вслух, поэтому они нашли небольшое углубление рядом с вершиной, где можно было устроиться на камнях, сели и разобрали рюкзак.

Декстер открыл шампанское; оно нагрелось, и тоскливая пена полилась ему на руку и на вереск. Они по очереди пили из горлышка, но праздничное настроение улетучилось, и, помолчав немного, Эмма снова решила похвалить вид.

— Как тут красиво, — проговорила она.

— Угу.

— И никакого дождя!

— Что?

— Ну помнишь, что ты рассказывал про День святого Свитина? «Как на Свитина дожди...»

— Точно. Никакого дождя.

Погода — о боже, она говорит о погоде! Устыдившись произнесенной банальности, Эмма решила говорить откровенно:

— Что ты чувствуешь, Декс?

— Голова болит.

— Нет, насчет прошлой ночи? Меня и тебя.

Он взглянул на нее и попытался предположить, что она хочет услышать. Декстер не любил вступать в конфликты, не имея путей к отступлению — не спрыгнет же он с горы, в самом деле.

— Да все отлично! А ты? Что ты думаешь о прошлой ночи?

— Да все в порядке. Правда, мне немного неловко из-за того, что так накинута на тебя. *Хочу изменить мир* и все такое. При ярком свете дня все это звучит довольно банально. Да и вчера наверняка казалось банальным, особенно для человека, у которого нет принципов и устремлений...

— Эй! У меня есть устремления!

— Переспать с двумя женщинами одновременно — не устремление.

— Эй, не говори так!

Она щелкнула языком:

— Ты в курсе, что иногда ведешь себя, как полный идиот?

— Ничего не могу с собой поделать.

— Что ж, а ты попробуй. — Она сорвала пучок вереска и кинула в него. — С тобой будет гораздо приятнее общаться. Короче. Смысл в том, что я не хотела быть такой занудой.

— Ты и не была. Это был очень интересный разговор. И как я уже сказал, мне было здорово. Жалко только, время неподходящее.

Он улыбнулся мерзкой утешительной улыбочкой, и Эмма раздраженно наморщила нос:

— Хочешь сказать, иначе мы начали бы встречаться?

— Возможно. Как знать?

Декстер протянул руку, и секунду Эмма смотрела на нее с отвращением, потом вздохнула и протянула свою руку, точно у нее не было другого выбора. Так они и сидели, бессмысленно переплетя пальцы и чувствуя себя по-идиотски, пока руки не устали и они не расцепили их. Он подумал, что лучшим решением будет притвориться спящим, пока не придет время уходить; с этими мыслями он снял пиджак, свернул его как подушку и закрыл глаза, повернув лицо к солнцу. Все тело его болело, с похмелья разболелась голова, и он уже чувствовал, как соскальзывает в сон, как вдруг Эмма заговорила:

— Можно я скажу кое-что? Чтобы ты не переживал.

Он открыл сонные глаза. Она сидела, подтянув ноги к груди, обняв их руками и опустив подбородок на колени.

— Валяй.

Она вздохнула, словно собираясь с мыслями, и сказала:

— Не хочу, чтобы ты думал, будто меня заботит то, что произошло прошлой ночью. Все это случилось лишь потому, что я была пьяна...

— Эмма...

— Дай мне закончить, ладно? Но я отлично провела время. Я не слишком часто... так себя веду, в отличие от тебя, у меня не было возможности научиться, но мне понравилось. Мне кажется, Декс, ты можешь быть очень милым, если захочешь. И может, все дело в том, что время неподходящее, или в чем-то другом, но я думаю, ты должен поехать в свой Китай, или в Индию, или куда ты там собираешься и найти себя, а я тем временем буду спокойно заниматься своими делами. Я не хочу ехать с тобой, не хочу получать еженедельные открытки — мне не нужен даже номер твоего телефона. И я не хочу за тебя замуж и не хочу рожать от тебя

детей или даже еще раз пытаться завязать роман. У нас уже была эта замечательная ночь, и хватит. Я никогда ее не забуду. И если мы случайно встретимся в будущем, на вечеринке или еще где-нибудь, тоже ничего страшного. Просто поболтаем как друзья. Мы не будем смущаться из-за того, что однажды ты залез мне под кофточку, не будем испытывать неловкость, а будем вести себя... как это... невозмутимо? Я и ты. Мы просто будем... друзьями. Согласен?

— Ладно. Согласен.

— Ну, вот и решили. А теперь... — Она порылась в рюкзаке и достала выдавший виды фотоаппарат «пентакс».

— Что это ты делаешь?

— А на что это похоже? Хочу сфотографировать тебя. На память.

— Я ужасно выгляжу, — сказал он и тут же принялся ерошить волосы.

— Прекрати, это будет здорово...

Он зажег сигарету, чтобы выглядеть круче.

— И зачем тебе моя фотография?

— Если ты когда-нибудь прославишься...

Она поставила на камень фотоаппарат и нацелила его, глядя в видоискатель.

— ...я смогу сказать своим детям: смотрите, этот парень однажды залез маме под платье на вечеринке.

— Ты первая начала!

— Нет, ты, друг мой!

Она установила таймер, взъерошила волосы кончиками пальцев, а Декстер тем временем сдвинул сигарету сначала в один уголок рта, потом в другой.

— Тридцать секунд! — объявила Эмма.

Декстер приосанился:

— И что надо говорить? «Сыр»?

— Не сыр. Давай скажем «секс»! — Она нажала кнопку, и фотоаппарат зажужжал. — Или «безнравственные связи». — Она вскарабкалась по камням.

— Или «воры проплывают в ночи».

— Не воры. Корабли проплывают в ночи.

— А воры что делают?

— Воры воруют в ночи.

— А почему нельзя просто сказать «сыр»?

— Давай вообще ничего не будем говорить. Давай просто улыбаться, выглядеть естественно. Молодыми, полными высоких идеалов, надежд и

так далее. Ну что, готов?

— Готов.

— О'кей, тогда улыбнись и...

Глава 23

Третья годовщина

Прошлым летом

Воскресенье, 15 июля 2007 года

Эдинбург

— Бззз. Бззз.

Он просыпается оттого, что дочка жмет ему на нос указательным пальчиком, как будто звонит в звонок.

— Бззз. Бззз. Кто звонит? Жасмин!

— Что ты делаешь, Жас?

— Бужу тебя. Бзз-бзз. — Она приподнимает ему веко. — Вставай, лентяй!

— Сколько времени?

— Да день уже!

Мэдди, которая лежит рядом с ним на кровати в номере гостиницы, смотрит на часы.

— Полшестого, — бормочет она в подушку, и Жасмин смеется, как мультипликационный злодей. Декстер открывает глаза и видит на своей подушке лицо дочери; нос ее всего в паре дюймов.

— Тебе разве нечем заняться? Книжки читать, играть в куклы, еще что-нибудь?

— Не-а.

— Иди пораскрашивай что-нибудь, ладно?

— Я есть хочу. Можно заказать в номер? А со скольких работает бассейн?

Отель «Эдинбург» роскошен, традиционен и великолепен: дубовые панели, фарфоровые ванны. Однажды здесь останавливались его родители, и Декстер считает отель старомодным и дорогим, но он подумал, что, раз уж он, Мэдди и Жасмин выбрали в Эдинбург, размах не помешает. Они планируют провести в отеле две ночи, а потом взять машину напрокат и отправиться через всю страну в летний коттедж близ озера Лох-Ломонд. Глазго ближе, конечно, но Декстер не был в Эдинбурге уже пятнадцать лет

— с того самого пьяного уик-энда, когда он вел телерепортаж с Эдинбургского рок-фестиваля. Теперь ему кажется, что это было очень, очень давно, в другой жизни. Сегодня он, как полагается отцу, собирается показать дочке город, Мэдди помнит, какая сегодня дата, и решает оставить их вдвоем.

— Ты точно не против? — спрашивает ее Декстер, когда они остаются наедине в ванной.

— Конечно нет. Пойду в галерею, посмотрю ту выставку.

— Я просто хочу показать Жас кое-какие места. С которыми у меня связано много воспоминаний. Не хочу, чтобы ты мучилась от скуки.

— Я уже сказала: я не возражаю.

Он внимательно на нее смотрит:

— И ты не думаешь, что я сошел с ума?

Она улыбается уголками губ:

— Нет, я не думаю, что ты сошел с ума.

— И не считаешь, что это жутковато или странно?

— Вовсе нет.

Если у нее и есть какие-то возражения, она никак этого не показывает. Он слегка касается ее шеи губами.

— Делай, что должен, — говорит Мэдди.

Предсказание о том, что дождь будет идти сорок дней подряд, когда-то казалось маловероятным, но только не в этом году. По всей стране дождь не прекращался уже несколько недель; наводнение поглотило целые города; такого лета у них еще не было, это словно совершенно новое время года. Сезон муссонов.

Они выходят на улицу; день еще ясный, тучи высоко, и пока дождя нет. Они договариваются встретиться за обедом и расходятся в разные стороны. Отель находится в Старом городе, совсем рядом с Королевской милей, [\[68\]](#) и Декстер ведет Жасмин стандартным историческим маршрутом по переулкам и потайным лестницам, пока они не оказываются на Николсон-стрит, ведущей к югу от центра. Он помнит эту улицу шумной, подернутой дымкой из выхлопных газов автобусов; но в воскресенье утром здесь тихо и немного грустно. Жасмин раскапризничалась; ей скучно вдали от туристического пути. Чувствуя, как она повисла у него на руке, Декстер продолжает идти. Он нашел старый адрес в письме и вскоре видит указатель. Рэнкеллор-стрит. Они сворачивают на тихую жилую улицу.

— Куда мы идем?

— Я ищу один дом. Номер семнадцать.

Они подходят к дому. Декстер вглядывается в окно третьего этажа:

шторы опущены; обычное, ничем не примечательное окно.

— Видишь ту квартиру? Там жила Эмма, когда мы вместе учились в университете. Вообще-то, можно сказать, мы здесь и познакомились.

Жасмин послушно поднимает голову, но обыкновенный дом с террасой ничем не отличается от таких же домов рядом и напротив, и у Декстера возникает мысль, что не стоило отправляться в этот поход. Это жутковато, сентиментально и понятно лишь ему одному. Да и что он рассчитывал увидеть? Он ничего не помнит об этом месте, а сладость тоски по прошлому бледна и преходяща. Он даже думает, не оставить ли эту затею, позвонить Мэдди и договориться встретиться немного раньше, но Жасмин вдруг показывает в конец улицы, где гранитные скалы нависают над крошечным по сравнению с ними домом.

— Что это?

— Солсбери-Крэгз. А наверху — гора Артурз-Сит.

— Там люди!

— Туда можно подняться. Это совсем не сложно. Может, попробуем, как думаешь? Сможешь?

Они идут в направлении Холируд-парка. Как это ни удручающе, его дочь, которой всего семь с половиной лет, поднимается по горной тропе гораздо проворнее, чем он, лишь иногда останавливаясь, чтобы обернуться и посмеяться над задыхающимся и вспотевшим отцом.

— Ботинки скользкие, — говорит он, и они продолжают подъем, покинув главную тропу и карабкаясь по скалам. Наконец они оказываются на ступенчатом ржаво-красном плато на самой вершине Артурз-Сит. Они находят каменную колонну, установленную в самом высоком месте, и он рассматривает надписи и рисунки, почти не надеясь увидеть среди них свои инициалы. «Долой фашизм»; «Алекс М. 5/5/07»; «Фиона навсегда».

Чтобы отвлечь дочь от непристойных рисунков, он поднимает ее, усаживает на колонну и придерживает за талию. Жасмин болтает ножками, а он рассказывает ей о достопримечательностях:

— Вон там Эдинбургский замок, а вон вокзал. Это залив Ферт-оф-Форт, он ведет в Северное море. Где-то там Норвегия. А вон Лейт, Новый город, где я раньше жил. Двадцать лет назад, Жас. Еще в прошлом веке. Видишь тот холм с башенкой? Это Карлтон-хилл. Туда тоже можем забраться, если хочешь, попозже.

— Ты разве не устал? — спрашивает она с сарказмом.

— Я? Шутишь? Я прирожденный атлет.

Прижав кулачок к груди, Жасмин хрипит, изображая, как он поднимался в гору.

— Ах ты, проказница! — Он подхватывает ее под мышками, снимает с колонны и делает вид, что собирается бросить вниз с горы, а потом кружит. Жасмин визжит и смеется.

Они спускаются вниз и находят естественное углубление в скалах с видом на город. Декстер лежит, подложив руки под голову, а Жасмин сидит рядом, ест чипсы с солью и уксусом и с огромным сосредоточением пьет через соломинку сок из маленького пакета. Солнце греет лицо Декстера, но ранний подъем берет свое, и по прошествии нескольких минут он чувствует, что вот-вот уснет.

— А Эмма тоже сюда приходила? — спрашивает Жасмин.

Декстер открывает глаза и приподнимается на локтях:

— Да. Мы были здесь вместе. Дома есть фотография. Я тебе покажу. Тогда папа еще был худым.

Жасмин надувает щеки и начинает тщательно облизывать соленые пальцы.

— Скучаешь по ней?

— Ты имеешь в виду Эмму? Конечно. Каждый день. Она была моим лучшим другом. — Он слегка толкает дочку в бок. — А почему ты спрашиваешь? Тоже скучаешь?

Жасмин сосредоточенно хмурится:

— Наверное. Мне было всего четыре года, я не так уж хорошо ее помню, только когда вижу фотографии. Помню свадьбу. Но Эмма ведь была милая, правда?

— Очень милая.

— А кто теперь твой лучший друг?

Он кладет руку ей на шею, нащупывая маленькую ямочку:

— Ты, конечно. А кто твой лучший друг?

Жасмин морщит лобик, серьезно задумавшись.

— Наверное, Фиби, — отвечает она и хочет втянуть сок через соломинку, но пакет пустой и издает неприличные звуки.

— Хватит народ пугать, — говорит Декстер, и она смеется, зажав соломинку маленькими белыми зубами. — Иди ко мне, — рычит он и притягивает дочь к себе.

Она лежит на его руке, склонив голову ему на плечо. На мгновение она замирает, и Декстер снова закрывает глаза и чувствует тепло полуденных лучей закрытыми веками.

— Чудесный день, — бормочет он. — Никакого дождя. По крайней мере, пока. — И снова его клонит в сон. Волосы Жасмин пахнут гостиничным шампунем; он чувствует шеей ее дыхание — мерное и

медленное, соль и уксус — и постепенно засыпает.

Он спит примерно две минуты, а потом Жасмин толкает его в грудь своими острыми локтями:

— Пап, мне скучно. Пойдем?

* * *

Эмма и Декстер провели остаток дня на склоне холма. Они смеялись, болтали и рассказывали друг другу о себе: чем занимаются их родители, есть ли у них братья и сестры. Делились забавными случаями из жизни. Часа в три, точно сговорившись, заснули одновременно, невинно вытянувшись рядом. В пять Декстер вдруг проснулся, и они собрали пустые бутылки и то, что осталось после пикника, и, чувствуя тяжесть в голове, принялись спускаться вниз, где их ждал город и дом.

Когда они подошли к выходу из парка, Эмма поняла, что скоро настанет время прощания и, возможно, они больше никогда не увидятся. Да, будут еще какие-то вечеринки, однако он и она все равно возвращаются в разных кругах, да и он скоро уедет. Даже если они еще когда-нибудь увидят друг друга, эта встреча наверняка будет мимолетной и формальной, и скоро он забудет обо всем, что случилось в той маленькой съемной комнате поздней ночью. Они спускались с холма, и Эмма чувствовала, как ее охватывает сожаление: ей не хотелось, чтобы Декстер уходил. Ей хотелось провести с ним еще одну ночь. Хотя бы одну, чтобы они могли закончить то, что начали. Но как ей об этом ему сказать? Разумеется, она не могла этого сделать. Струсив, как обычно, она оставила все на самый последний момент. В будущем я стану смелее, пообещала она себе. В будущем я всегда буду говорить то, что думаю, красноречиво и страстно. Они подошли к воротам парка — ей бы с ним здесь и попрощаться...

Она попинала ногой камушки, почесала затылок:

— Ну что ж, я, наверное, пойду...

Декстер взял ее за руку:

— Послушай. Может, зайдешь ко мне?

Она обрадовалась, но изо всех сил пыталась не показать виду:

— Что, сейчас?

— Или хотя бы прогуляйся со мной до дома.

— А разве твои мама и папой не должны к тебе зайти?

— Это только вечером. А сейчас еще полпятого.

Он потирал костяшку указательного пальца большим пальцем. Эмма

сделала вид, что раздумывает.

— Ну пошли, — ответила она, безразлично пожав плечами. Он отпустил ее руку и зашагал вперед.

Они шли мимо железной дороги по Северному мосту в направлении Нового города с его георгианскими особняками, а в голове Декстера тем временем зарождался план: он придет домой к шести, сразу же позвонит родителям в отель и договорится встретиться в ресторане в восемь, а не в половине седьмого. В его с Эммой распоряжении будет почти два часа, так как Кэллум уйдет к своей подружке. Целых два часа они будут в квартире одни, и он снова сможет поцеловать Эмму. Квартира с белыми стенами и высокими потолками была почти пуста, не считая его чемоданов и кое-какой мебели, матраса в спальне и старого шезлонга. Стоит лишь накинуть пару простыней на мебель, и она будет выглядеть как декорации к русской пьесе. Он знал Эмму достаточно хорошо, чтобы понимать, что она это оценит, и у него наверняка появится возможность поцеловать ее снова, хоть она уже и не пьяна. Что бы ни случилось между ними в будущем, каких бы катастрофических последствий не имели его действия, он знал лишь одно — что сейчас ему очень хочется ее поцеловать. До его дома идти еще пятнадцать минут. Декстер запыхался. Эх, взять бы такси.

Наверное, она думала о том же, потому что они вдруг зашагали очень быстро, спускаясь по круто идущей под уклон Дандас-стрит. Вдалеке виднелся подернутый дымкой залив; их локти изредка соприкасались. Она не первый год в Эдинбурге, а ее все еще приводит в восторг один взгляд на стальные воды реки, виднеющиеся между крыш величавых георгианских особняков.

— Могла бы догадаться, что ты где-то здесь живешь, — пробормотала она с неодобрением, но и с завистью, и, вымолвив эти слова, поняла, что немного устала. Вот она идет в его квартиру, наверняка роскошно обставленную; они собираются заняться этим, и она, к стыду своему, почувствовала, как от предвкушения шея стала розовой. Эмма провела языком по губам, тщетно пытаясь придать им соблазнительный вид. Может, почистить зубы? От шампанского у нее всегда пахнет изо рта. Не зайти ли в магазин за жвачкой? Или за презервативами? Есть ли у Декстера презервативы? Да есть, конечно; спрашивать об этом — все равно что интересоваться, есть ли у него обувь. Но надо ли сначала почистить зубы или броситься на него сразу, как только закроется дверь? Она попыталась вспомнить, какое на ней белье; потом вспомнила, что надела специальное дышащее белье для лазанья по горам. Но слишком поздно об этом волноваться — они свернули на Феттес-роу.

— Уже рядом, — сказал он и улыбнулся. Она тоже улыбнулась и засмеялась, взяв его за руку и тем самым признавая, что скоро должно случиться. Они почти бежали. Он сказал, что живет в тридцать пятом доме, и она поймала себя на мысли, что считает в уме. Семьдесят пять, семьдесят три, семьдесят один... Они почти пришли. Грудь ее сдавило; ей стало совсем нечем дышать. Сорок семь... сорок пять... сорок три. У нее закололо в боку, пальцы точно пронзило электрическим током; Декстер тянул ее за руку, и они бежали по улице и смеялись. Где-то рядом прогудел автомобильный сигнал. Не обращай внимания; беги; что бы ни случилось, не останавливайся.

Но она вдруг услышала женский голос:

— Декстер! Декстер!

Все надежды тут же улетучились. Она словно врезалась в стену.

Напротив дома номер тридцать пять стоял «ягуар», принадлежавший отцу Декстера; его мама вышла из машины и ждала его на противоположной стороне улицы. С растущим раздражением Эмма заметила, что миссис Мэйхью ослепительно красива и стильно одета; отец Декстера производил менее эффектное впечатление — высокий, серьезный и слегка растрепанный, он явно был недоволен, что его заставляют ждать. Миссис Мэйхью встретила взглядом с Эммой, стоявшей за спиной Декстера, и снисходительно улыбнулась, словно утешая ее — как будто обо всем догадалась. Это был взгляд герцогини, заставшей своего сына целующимся с горничной.

После этого все произошло намного быстрее, чем Декстеру хотелось бы. Вспомнив свой липовый звонок, он понял, что его непременно уличат во лжи, если только он не проведет родителей в дом как можно скорее; но его отец уже спрашивал, можно ли здесь парковаться, а мать интересовалась, где он весь день пропадал, почему не позвонил. Все это время Эмма стояла чуть в стороне, по-прежнему изображая горничную, почтительную и незаметную, и думала, как скоро можно будет признать свое поражение и уйти домой.

— Мы вроде договорились, что заедем в шесть... — проговорила миссис Мэйхью.

— Вообще-то, в полседьмого.

— Я сегодня утром оставила тебе сообщение на автоответчике.

— Мам, пап, это моя подруга Эмма!

— Ты уверен, что здесь можно припарковаться? — спросил его отец.

— Очень приятно, Эмма. Элизабет. Вы обгорели. Где вас носило весь день?

— Если меня оштрафуют, Декстер...

Декстер повернулся и виновато взглянул на Эмму:

— Хочешь зайти, выпить чего-нибудь?

— Или поужинаем вместе? — предложила Элизабет. — Не хотите пойти с нами?

Эмма взглянула на Декстера — тот округлил глаза, и ей показалось, что он шокирован этим предложением. Или он хочет, чтобы она пошла с ними? В любом случае, она должна отказаться. Они, кажется, приятные люди, но она вовсе не рассчитывала становиться незванным гостем на чужом семейном торжестве. Наверняка они отправятся в шикарный ресторан, а она одета, как дровосек. Да и потом, какой во всем этом смысл? Ну, будет она сидеть там и смотреть на Декстера влюбленными глазами, а они тем временем станут расспрашивать ее, чем занимаются ее родители и в какой школе она училась. Ей и так уже хочется провалиться сквозь землю при виде того, как неприкрыто самоуверенны члены этой семьи, как откровенно они демонстрируют нежные чувства друг к другу, какие они богатые, модные, элегантные. Она будет стесняться или, чего хуже, напьется, и ни то, ни другое не возвысит ее в его глазах. Лучше просто уйти. Она изобразила на лице улыбку, хотя это далось ей с трудом.

— Вообще-то, я лучше пойду.

— Уверена? — нахмурившись, спросил Декстер.

— Да, у меня дела. А ты иди. Увидимся как-нибудь.

— О... Ну ладно, — разочарованно проговорил он. Если бы она хотела зайти, то зашла бы, но... *увидимся как-нибудь!..* Может, он не так уж ей и нужен. Повисло молчание. Его отец снова принялся изучать парковочный билетный автомат.

Эмма помахала Декстеру рукой:

— Ну, пока.

— До скорого.

Она повернулась к Элизабет:

— Рада была познакомиться.

— И я с вами, Эмили.

— Эмма.

— Разумеется. Эмма. До свидания, Эмма.

— Ну... — Она повернулась к Декстеру, чувствуя взгляд его матери. — Желаю, чтобы жизнь твоя удачно сложилась, что ли.

— И тебе того же. Удачи.

Она повернулась и зашагала прочь, Декстер, его отец и мать смотрели ей вслед.

— Извини, Декстер. Мы вам помешали?

— Нет. Что вы! Я и Эмма — мы просто друзья.

Мысленно улыбнувшись, Элизабет Мэйхью пристально посмотрела на своего красивого сына, затем потянулась и, взявшись за лацканы, одернула на нем пиджак, чтобы тот сидел идеально.

— Декстер, ты не в этом костюме был вчера?

* * *

И вот Эмма Морли зашагала домой в свете закатного солнца, а разочарование шлейфом тянулось за ней. Похолодало, и, поевшись, она ощутила какую-то странную тревожную дрожь, пробежавшую по спине; эта дрожь была столь сильна, что Эмма даже остановилась на минуту. Это страх перед будущим, подумала она. Она стояла на шумном перекрестке Джордж-стрит и Гановер-стрит; люди вокруг торопливо возвращались домой с работы и спешили на встречи с друзьями или любимыми, и у всех была цель, все знали, куда идут. А ей двадцать два года, и она не имеет ни малейшего представления, какая у нее цель; она тащится в свою жалкую квартирку, снова потерпев поражение.

«Что ты будешь делать в жизни?» Ей казалось, что люди всю жизнь спрашивают ее об этом: учителя, родители, друзья в три часа ночи; но никогда еще этот вопрос не казался ей таким насущным, и она по-прежнему даже на шаг не приблизилась к ответу на него. Будущее маячило впереди и виделось ей чередой пустых дней; каждый такой день таил в себе страх и неизвестность. Как она сможет их чем-то заполнить?

Она снова зашагала, на этот раз в сторону Маунд,^[69] на юг. На ходу вспомнила избитое выражение: «Проживай каждый день так, словно он последний». Но в реальности у кого есть на это силы? Что, если на улице дождь или горло разболелось? Совершенно непрактичный совет. Гораздо лучше просто пытаться быть доброй, смелой и отважной и делать хоть что-нибудь, чтобы изменить мир. Не весь мир, конечно, а ту его часть, что существует непосредственно вокруг тебя. Начать самостоятельную жизнь и, вооружившись вдохновением и электрической печатной машинкой, с усердием взяться... за что-нибудь. Менять жизни людей посредством искусства. Любить своих друзей, быть верной принципам, жить вдохновенно, на полную катушку, жить хорошо. Любить и быть любимой, если такое возможно.

Такова была ее теория, пусть даже пока у нее не очень-то получалось

применять ее на практике. Вот, к примеру, только что она спокойно попрощалась с парнем, который ей действительно нравился, с первым человеком, к которому она действительно была равнодушна, и теперь ей придется смириться с тем фактом, что они, скорее всего, никогда не увидятся. У нее нет ни его телефона, ни адреса — а даже если бы и был, какой смысл? Ведь он тоже не спросил номер ее телефона, а она слишком горда и не превратится в очередную влюбленную дурачку, что оставляет на его автоответчике никому не нужные сообщения. «Желаю, чтобы твоя жизнь сложилась удачно» — вот последнее, что она ему сказала. Неужели нельзя было придумать ничего получше?

Она шагала дальше. Но, уже завидев Эдинбургский замок, услышала шаги — каблук модных ботинок стучали по тротуару за ее спиной, — и она улыбнулась, прежде чем Декстер ее окликнул, потому что поняла, что это он.

— А я уж думал, что потерял тебя! — выдохнул он, замедляя шаг. Он покраснел, запыхался и теперь пытался напустить на себя невозмутимость.

— Да нет. Я здесь.

— Извини, что так вышло.

— Да нет... ничего.

Он наклонился и оперся ладонями на колени, чтобы отдышаться.

— Я думал, родители позже приедут, а потом они появились откуда ни возьмись, я отвлекся и вдруг понял... сейчас, дай отдышаться... понял, что у меня даже твоего телефона нет.

— О... Понятно.

— Да... только у меня нет ручки. У тебя есть ручка? Наверняка же должна быть.

Она села на корточки и порылась в рюкзаке среди мусора, оставшегося после пикника. *Ну, найди же эту чертову ручку, должна же там быть ручка, должна...*

— Ура! Ручка!

«Ура»? Ты прокричала «ура»? Вот идиотка. Спокойствие. А то еще всё испортишь.

Она поискала в бумажнике и нашла чек из супермаркета, протянула ему и продиктовала свой номер, номер родителей в Лидсе, их адрес и ее адрес в Эдинбурге, проследив, чтобы он правильно записал индекс. В ответ он записал свой телефон и адрес.

— Ну вот. — Он протянул ей драгоценный клочок бумаги. — Позвони мне... или я тебе, но надо обязательно созвониться, ладно? Я хочу сказать,

это же не соревнование. Никто не проиграет, если позвонит первым.

— Я знаю.

— До августа я во Франции, а потом вернусь... не хочешь приехать и погостить у нас?

— Погостить у *тебя*?

— Я же не предлагаю тебе переселиться! Только на выходные. Погостишь у меня дома. То есть у родителей дома. Но только если хочешь.

— О... Хорошо. То есть да. Ладно. Да. Да. Я согласна. Да!

— Ну ладно, пора мне идти. Ты точно не хочешь зайти, выпить чего-нибудь? Или поужинать с нами?

— Думаю, не стоит, — ответила она.

— Мне тоже так кажется.

Он вздохнул с облегчением, а ее это уязвило. Почему он так сказал? Неужели стыдится ее?

— Хм... Интересно, почему это?

— Потому что, если бы ты пошла с нами, я, наверное, сошел бы с ума. От досады. Ты будешь сидеть напротив меня, а я даже не смогу сделать то, чего мне хочется.

— Почему? Чего тебе хочется? — спросила она, хоть и знала ответ. Он обнял ее одной рукой за шею, едва касаясь, а она одновременно коснулась ладонью его бедра, и они поцеловались, а люди вокруг спешили домой в свете закатного солнца, и это был самый сладкий поцелуй, который когда-либо был и будет в их жизни.

Так вот как всё начинается. Всё начинается здесь, сегодня.

А потом они перестали целоваться.

— Значит, скоро увидимся, — сказал он и стал медленно уходить.

— Надеюсь, — произнесла она с улыбкой.

— И я надеюсь. Пока, Эм.

— Пока, Декс.

— До свидания.

— Пока. Пока.

Примечания

Нина Симон (1933–2003) — американская певица, пианистка, автор песен.

Трейси Чэпмен (р. 1964) — американская певица, которая сама пишет для себя песни, зачастую на острые социальные темы. Активно выступает за гражданское и тендерное равенство, соблюдение прав человека во всем мире. Оказала огромное влияние на студенчество конца 1980-х годов.

В книге «Человек ли это?» (1947) отражен опыт узника нацистского концлагеря.

4

Временная форма в английском языке, означающая действие, происходящее в данный момент.

Десмонд Туту (р. 1931) — южноафриканский религиозный деятель, активный борец с апартеидом, лауреат Нобелевской премии мира 1984 года.

Имеется в виду значок поцелуя ХХХ.

Палатин — один из семи холмов, на которых возник Рим.

Лафборо — университет в Восточной Англии.

Стэн Лорел (1890–1965) — американский актер.

Бэкпекер (англ. *Backpacker*, от англ. *backpack* — «рюкзак») — термин, обозначающий путешественника, который совершает самостоятельные путешествия за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров.

«Говардс-Энд» (1910) — роман английского писателя Эдварда Форстера (1879–1970) о классовой борьбе в Англии начала двадцатого века.

Гуакамоле — соус из авокадо.

«Николас Никлби» (полное название «Жизнь и приключения Николаса Никлби»; 1838–1839) — роман Чарлза Диккенса.

Темазепам — лекарство от бессонницы, печально известное в 1980-х как самый распространенный препарат, применяемый не по назначению (с целью достижения эффекта наркотического опьянения).

«Очень голодная гусеница» — иллюстрированная книга для детей Эрика Карла (р. 1929), американского детского художника и писателя.

Файли — небольшой рыбацкий городок в Йоркшире, на берегу Северного моря.

Кернгормские горы — популярное место отдыха горных туристов и альпинистов в Шотландии.

«Девушка с Ипанемы» — одна из самых известных композиций в ритме босанова.

Рецина — греческое смоляное белое вино.

Джон Смит — лидер британских лейбористов в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Договор об образовании Евросоюза.

Билл Хикс (1961–1994) — американский комик, популярный в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Лейтонстоун — район Восточного Лондона. Айл-оф-Догс — район в лондонском Ист-Энде.

«Убить пересмешника» (1960) — единственный роман американской писательницы Харпер Ли (р. 1926).

В британских пабах в определенный день недели часто проводят викторины с целью привлечь посетителей; это очень популярный вид досуга. Призом обычно является бесплатная выпивка.

«Плетеный человек» (1973) — фильм ужасов режиссера Робина Харди.

Имеются в виду Джинджер Роджерс и Фред Астер.

Имеются в виду Ричард Бартон и Элизабет Тейлор.

«Тропикана» — знаменитое кабаре в Гаване.

В 1940-х годах распространилась традиция украшать нос бомбардировщика пинапом — изображением красивой, часто полуобнаженной, девушки в определенном стиле.

Хью Хефнер (р. 1926) — американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала Playboy, а также основатель компании Playboy Enterprises.

«Студия 54» был одним из самых известных ночных клубов в мире. Легендарные вечеринки в клубе были отмечены в первую очередь жестким фейсконтролем, диким сексом и непомерным употреблением наркотиков.

«Сидр с Роузи» (1959) — автобиографическая книга английского писателя Лори Ли (1914–1997), полная грустно-ностальгических воспоминаний о деревенском детстве.

«Бриолиновой молнией» герой фильма «Бриолин», экранизации бродвейского мюзикла, назвал свою машину; он собирал ее в гараже, где проводил целые дни с друзьями.

«Багси Мэлоун» (1976; режиссер Алан Паркер) — английский мюзикл-пародия на тему гангстерского Чикаго 1930-х годов, примечательный тем, что все роли в нем исполняют дети, в том числе гангстеров и их подружек, а убийства совершаются из крем-автоматов кремом для тортов.

Стэн Лорэл (1890–1965) — американский киноактер, комик.

День святого Георгия — национальный праздник Англии, отмечается 23 апреля.

Duke Nukem 3D — культовая компьютерная игра в жанре шутера от первого лица, созданная в 1996 году компанией 3D Realms.

Ламбетский дворец — лондонская резиденция архиепископа Кентерберийского.

Садитесь, пожалуйста, здесь (*нем.*).

Спасибо (нем.).

По-английски *loser*.

Имеется в виду любовное стихотворение американского поэта Эдварда Каммингса (1894–1962).

116-й сонет Уильяма Шекспира.

Песня группы «Битлз»; оригинальное название «All You Need Is Love».

Метание ствола — шотландский национальный вид спорта.

Морден — район Юго-Западного Лондона.

Песня североирландского автора-исполнителя Вана Моррисона; оригинальное название «Brown-Eyed Girl». Эта песня остается одним из гимнов «лета любви», обозначившего пик движения хиппи.

«Дождь из мужчин» (англ.).

Привет! Как дела? (*польск.*).

До свидания! (польск.).

Танец из балета П. И. Чайковского «Щелкунчик».

Песня «Walk On By» была визитной карточкой самой коммерчески успешной американской поп-певицы Дайон Уорвик (р. 1940). Записанная в 1963 году, «Walk On By» стала одной из самых перепеваемых песен десятилетия.

Собираетесь в какое-нибудь приятное местечко в выходные? Поедете сегодня за город? (*фр.*).

«Говардс-Уэй» — британский телесериал.

Хэрни — район в Восточном Лондоне с довольно пестрым этническим составом населения.

Мне очень жаль, у меня распухло горло. Думаю, это воспаление миндалин (*фр.*).

Услуга за услугу (*лат.*).

Телониус Монк (1917–1982) — джазовый пианист, композитор, один из пионеров бибоба, выдающийся новатор в области гармонии, формы и фразировки.

«Грозовой перевал» (1847) — роман Эмили Бронте (1818–1848).

В начале февраля 2004 года в Британии была создана специальная комиссия для проведения объявленного Тони Блэром расследования методов работы британской разведки, представившей руководству страны сведения о наличии оружия массового уничтожения в Ираке, которого там потом найдено не было. Возглавил расследование член лейбористской партии, бывший министр британского кабинета лорд Батлер.

Джони Митчелл (р. 1943) — канадская певица и автор песен.

Британские клиники по лечению бесплодия печально известны своей долгой очередью на прием. В среднем пациентам приходится ждать по два года, чтобы попасть к специалисту.

Примроуз-Хилл — холм в Северном Лондоне, откуда открывается панорамный вид на центр Лондона, Белсайз-Парк и Хэмпстед.

«Истендерз» — знаменитый английский сериал.

«Билл» — полицейский сериал.

«Айрн-Брю» — популярный в Шотландии безалкогольный напиток.

Королевская миля — главная улица Эдинбурга; ведет от Эдинбургского замка к королевской резиденции Холирудхаус.

Маунд — искусственный холм между Старым городом и Новым городом, двумя районами Эдинбурга.